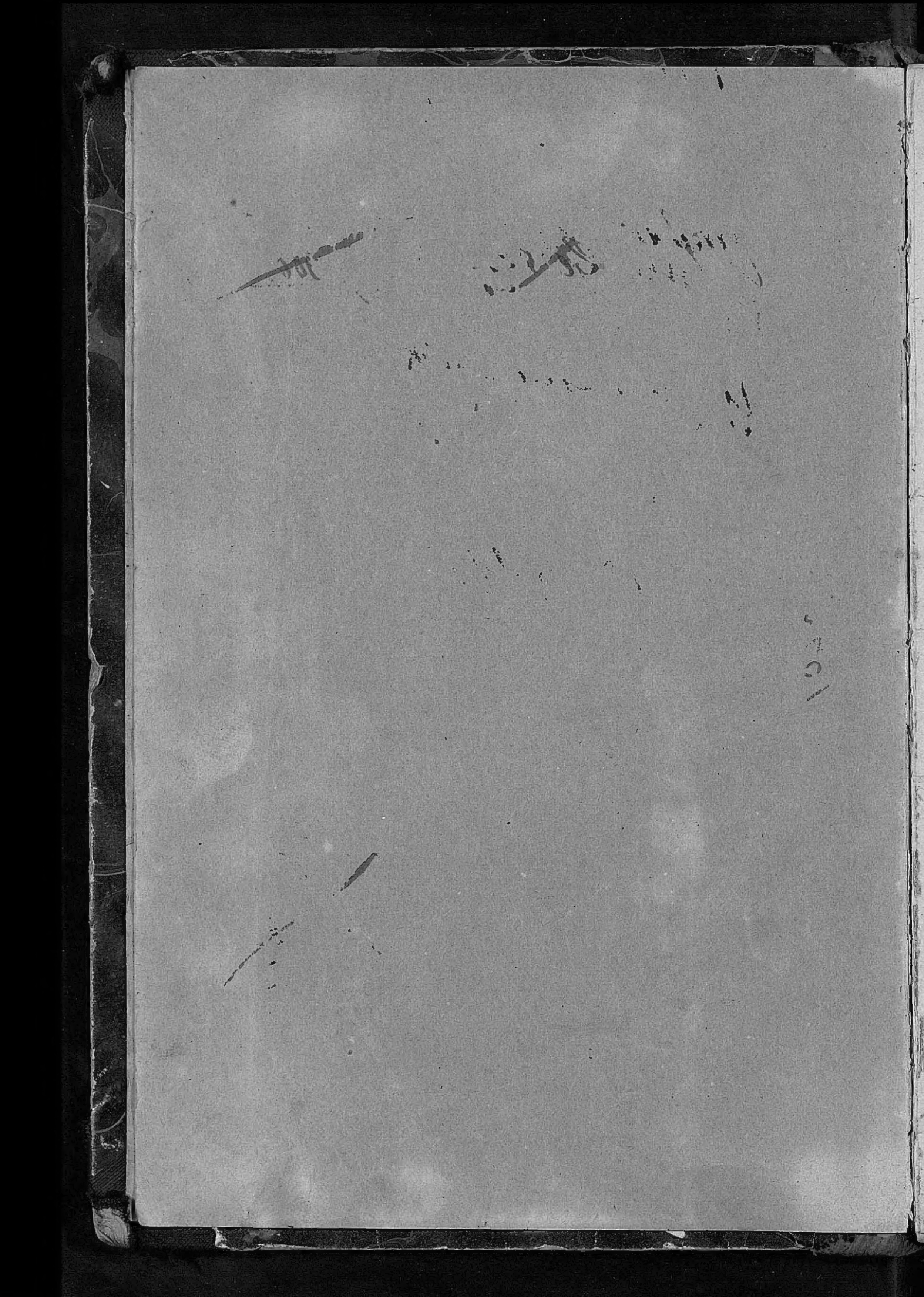

947
Т462

Библіотека для семьи и школы.

ДЕРЖАВНЫЙ ВОЖДЬ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ
ИМПЕРАТОРЪ
Петръ Великій.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДЛЯ СЕМЬИ и ШКОЛЫ.

Съ картинками въ текстѣ.

Составилъ по Устрялову, Соловьеву, Брикнеру, Ключевскому и друг.

Д. И. Тихомировъ.

Цѣна 60 к.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛОВЪ:
„Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ".
Москва, Б. Молчановка, д. № 24—Д. И. Тихомирова.

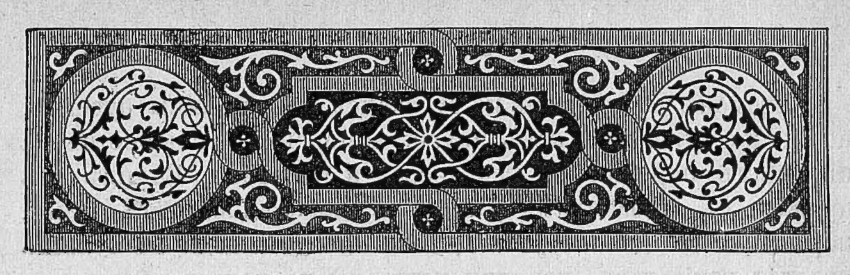
МОСКВА.

1905.

Дозволено цензурою. Москва, 20 октября 1904 г.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА, 1905 г.

КОНЕЦЪ СТАРОЙ РУСИ.

---

1. Рожденіе царевича Петра.

Близкимъ другомъ „тишайшаго" царя Алексѣя Михайловича былъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Не знатенъ былъ Артемонъ Сергѣевичъ родомъ и не высокую должность занималъ въ приказахъ на царской службѣ: отъ дѣла онъ не отказывался, на дѣло не напрашивался, работалъ не за страхъ, а за совѣсть, и въ жизнь свою не искалъ для себя ни первыхъ мѣстъ при царѣ, ни почестей, ни славы, ни богатства. А богатъ былъ Артемонъ Сергѣевичъ свѣтлымъ умомъ и просвѣщеніемъ, добротою душевною, совѣстью чистою, неподкупною, мягкимъ и ровнымъ характеромъ. Кто зналъ Артемона Сергѣевича, всѣ и любили его, и уважали.

Долговременною службою не стяжалъ себѣ Артемонъ Сергѣевичъ большихъ богатствъ, но все-же къ старости сберегъ годами достаточное состояніе. Въ Москвѣ у него хорошій домъ, и устроенъ онъ не по-старинному, а по-новому. Въ домѣ диковинки рѣдкія, заморскія,—картины живописныя, зеркала дорогія, стѣнные часы съ боемъ чудеснымъ. Для развлеченія и поученія устраивались у него въ домѣ зрѣлища театральныя, по образцу иноземному, для чего обучены были люди дворовые.

Артемонъ Сергѣевичъ не отрекался отъ старины русской, но и не чуждался, какъ другіе, заморскихъ новшествъ, а съ умомъ перенималъ все доброе и полезное. Водилъ онъ дружбу съ иноземцами и любилъ побесѣдовать съ ними, поразспросить да послушать, какъ живутъ люди въ чужихъ краяхъ, какіе тамъ порядки устроены на пользу общую.

Большую охоту имѣлъ Артемонъ Сергѣевичъ и къ книжному ученію, и не церковному только, какъ всѣ держались тогда, но и къ свѣтскому. Зналъ онъ языки иностранные, старательно изучилъ науку—естествознаніе — и самъ составлялъ историческія сочиненія. У Артемона Сергѣевича былъ особоизлюбленный покой въ домѣ, гдѣ собраны были книжныя сокровища.

И своего сына Артемонъ Сергѣевичъ заботливо обучилъ языкамъ иностраннымъ и наукамъ свѣтскимъ,—чужеземнымъ.

Не одобряли тогда у насъ старые люди обычаевъ чужеземныхъ и наукъ свѣтскихъ и осуждали всякія такія новшества. Царь Алексѣй Михайловичъ издалъ даже строгій указъ, чтобъ никто не перенималъ иноземныхъ обычаевъ ни въ одеждѣ, ни въ прическѣ, ни въ обиходѣ жизни домашней, а ослушникамъ грозилъ строгимъ наказаніемъ. Но тогдашняя жизнь ужъ явно поворачивала на новый путь, запреты и угрозы были безсильны противъ народившагося жизненнаго движенія. Почитатели заморскихъ новшествъ все умножались; объявлялись они и при царскомъ дворѣ, и даже среди родни государевой. Дядя царя, бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ, одѣвалъ своихъ слугъ и открыто самъ одѣвался по-иноземному, выписывалъ изъ чужихъ земель разныя диковинки, а въ ихъ числѣ былъ у него и чудесный ботъ, который могъ ходить на водѣ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра.

Передовые люди и чувствовали, и видѣли, что въ иноземныхъ обычаяхъ и наукахъ не только нѣтъ ничего дурного и вреднаго, но много пріятностей и удобствъ для жизни, много разумнаго и полезнаго.

Самъ государь Алексѣй Михайловичъ держался еще старины, но въ то же время не чуждался и новшествъ. Онъ почасту запросто, ради отдыха, бывалъ у своего любимца

„Сергѣича", проводилъ съ нимъ время въ душевной бесѣдѣ, потѣшался комедiйнымъ зрѣлищемъ, забавлялся заморскою музыкой.

Но вотъ нежданно-негаданно стряслась лихая бѣда надъ

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Царемъ-Государемъ: скончалась у него (1669 г.) отъ несчастныхъ родовъ супруга, крѣпко имъ любимая, и въ сорокъ лѣтъ остался царь вдовцомъ одинокимъ. Бѣда не приходитъ одна: черезъ три мѣсяца похоронилъ Государь четырехлѣт-

няго сына Симеона, а черезъ полгода—и старшаго своего сына (16 лѣтъ), царевича Алексѣя, который былъ уже объявленъ наслѣдникомъ престола. Затосковалъ, закручинился Государь. Съ тайной грустью сердечною смотритъ онъ на оставшихся въ живыхъ сыновей своихъ, Θеодора и Ивана, и думаетъ тяжелую думу: оба царевича здоровья слабаго, оба они болѣзненные отъ самой колыбели,—на кого же покинетъ онъ престолъ царскій?

Чаще да чаще навѣщаетъ Государь своего друга Сергѣича, чтобъ въ тихой бесѣдѣ дружеской размыкать горе лютое, развѣять думы печальныя. Прошло два года послѣ смерти царицы, и надумалъ Государь избрать себѣ другую подругу жизни,—вступить во второй бракъ.

Засидѣлся какъ-то Государь до поздняго вечера у Артемона Сергѣевича, пожелалъ остаться у него и отужинать запросто, по-семейному.

Не въ обычаѣ тогда было, чтобы женщины показывались при гостяхъ, въ мужской компаніи; таились онѣ въ своихъ теремахъ, какъ птица въ клѣткѣ темной; да не держался Артемонъ Сергѣевичъ и этого стариннаго—татарскаго обычая и не скрывалъ онъ жены своей отъ постороннихъ глазъ. Да и жена у Матвѣева была хоть и православная, но чужеземнаго (изъ Шотландіи) роду и племени, женщина хорошо воспитанная и образованная. Жила еще въ домѣ у Матвѣевыхъ бѣдная дѣвушка Наталья Кирилловна, дочь небогатаго помѣщика Кирилла Полуектовича Нарышкина. Обѣ онѣ и пришли къ ужину и представились на очи царскія.

А Наталья Кирилловна была истинная красавица,—стройная станомъ, черноокая, съ высокимъ челомъ, съ привѣтливой улыбкой на устахъ. Заговорилъ съ нею Государь и услышалъ звонкій голосъ—серебряный, пріятную рѣчь разумную. Веселъ былъ Алексѣй Михайловичъ, все время за ужиномъ шутилъ въ бесѣдѣ съ Натальей Кирилловной, а при прощаньи пообѣщалъ высватать въ скоромъ времени хорошаго жениха красавицѣ.

Проходитъ два—три дня времени, и опять пожаловалъ Государь къ Матвѣеву и говоритъ ему, что сдержалъ свое обѣ-

щаніе,—нашелъ жениха Натальѣ Кирилловнѣ, а женихъ этотъ—самъ онъ Государь.

Изумился Артемонъ Сергѣевичъ, испугался такой высокой чести, упалъ на колѣни передъ царемъ и молитъ милости—не губить его, не наводить на него злобы высокородныхъ

Наталья Кирилловна Нарышкина.

завистниковъ. Въ обычаѣ тогда было тайными доносами очернять передъ государемъ изъ-за враждебной зависти и невѣсту царскую, и всѣхъ ея родственниковъ, взводить на нихъ вины небывалыя. Но обласкалъ и успокоилъ Государь своего друга Сергѣича, далъ ему царское слово ни теперь, ни

впредь не давать вѣры никакимъ злымъ навѣтамъ завистливымъ.

Въ скоромъ времени, по старому обычаю, собрано было въ терема царскіе до ста дѣвицъ изъ родовъ благородныхъ, чтобы выбралъ изъ нихъ Государь невѣсту по сердцу. Дѣло было рѣшено заранѣе, и невѣстой царскою объявлена Наталья Кирилловна. Зашипѣли завистники, да не послушалъ Государь навѣтовъ злобныхъ.

Такъ, нежданно-негаданно, и выпала скромной дѣвушкѣ завидная и для родовитыхъ боярышенъ доля счастливая. Осчастливитъ этотъ бракъ, какъ всѣмъ думалось, и всю родню молодой царицы,—приблизитъ ихъ къ престолу царскому, возвыситъ передъ всѣми княжескими и боярскими семьями, откроетъ путь къ власти, почестямъ и богатству. И много теперь злыхъ завистниковъ и недруговъ и у молодой царицы, и у Нарышкиныхъ, и у Матвѣева. А больше всѣхъ другихъ злобились на новую родню царскую царевны, дочери Государя отъ перваго брака, со своими теремными боярынями и мамушками, да Милославскіе, родственники царевенъ по матери: царевнамъ-дочерямъ далъ Государь мачеху, а Матвѣевъ съ Нарышкиными займутъ при царѣ мѣсто Милославскихъ и будутъ самыми близкими ему людьми и совѣтниками. Но пока живъ царь-государь Алексѣй Михайловичъ, не дастъ онъ никому въ обиду ни молодой царицы, ни своего друга Сергѣича.

А царица молодая таитъ въ себѣ для Государя радость великую. Черезъ шестнадцать мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія, въ день преподобнаго Исаакія Далматскаго (30 мая 1672 г.), въ первомъ часу пополуночи, обрадовала она Государя рожденіемъ сына, какъ весеннее майское утро прекраснаго,—Петра царевича.

Рано утромъ торжественный колокольный звонъ въ Кремлѣ возвѣстилъ Москвѣ о царской радости. Въ пять часовъ утра радостный царь-отецъ принимаетъ поздравленія отъ духовенства, отъ бояръ и людей ближнихъ, идетъ потомъ въ Архангельскій соборъ поклониться праху родителей. Помолился Государь и въ Чудовомъ монастырѣ надъ мощами Алексѣя

Святителя, приложился къ святымъ иконамъ въ соборѣ Благовѣщенскомъ, воротился во дворецъ и тутъ же пожаловалъ высокимъ чиномъ и тестя своего Кирилла Полуектовича и друга близкаго Артемона Сергѣевича.

Собрались въ столовую палату государеву бояре и думные люди, полковники и головы стрѣлецкіе, и царь жаловалъ ихъ водкою и винами заморскими, яблоками, дулями и другими плодами разными. А на третій день былъ столъ въ Золотой палатѣ царицыной для бояръ и ближнихъ людей. Передъ обѣдомъ Государь жаловалъ всѣхъ водкою, а спальники царскіе подносили закуски, коврижки, яблоки, дули, инбирь. При столѣ служили царицыны стольники.

Для воспитанія царевича избрана была молодая кормилица добраго нрава и поведенія. Жить она будетъ при царицѣ, въ верхнихъ покояхъ, а отпустятъ ее черезъ годъ съ добрымъ награжденіемъ. Для присмотра за царевичемъ приставлена мамка, боярыня старая, вдова честная, и еще нянька съ прислужницами.

Святое крещеніе новорожденный принялъ въ Чудовомъ монастырѣ въ день своего ангела, въ Петровъ день, передъ обѣднею. Воспріемниками его были старшій братъ его, царевичъ Ѳедоръ, и тетка-царевна Ирина Михайловна.

На другой день послѣ крещенія въ Грановитой палатѣ былъ родильный столъ, а черезъ три дня—крестильный. Въ оба раза званныхъ къ столу было по 400 человѣкъ знатныхъ сановниковъ, духовнаго и свѣтскаго чина и выборныхъ людей изъ черныхъ сотенъ и слободъ дворцовыхъ.

2. Младенчество и отрочество царевича Петра.

Радостно и весело встрѣтилъ жизнь царевичъ Петръ. Заботливо и нѣжно любилъ его отецъ-государь, а царица-мать и души въ немъ не чаяла, и съ очей своихъ не спускала. Съ колыбели полюбилъ царевича всею душою и Артемонъ Сергѣевичъ и почасту дарилъ ребенку затѣйливыя игрушки иноземныя, а однажды подарилъ настоящую повозочку съ настоящими маленькими лошадками.

Здоровымъ и крѣпкимъ ребенкомъ отъ рожденія росъ царевичъ Петръ и отличался необыкновенною живостью и рѣзвостью. Однажды государь торжественно принималъ во дворцѣ иноземное посольство. А царица тайно смотрѣла изъ сосѣдняго покоя, и царевичъ Петръ съ нею. Сгорая отъ желанія поближе и получше все увидѣть, Петръ настежь распахнулъ двери въ пріемную палату, и тутъ всѣ—и наши, и чужеземцы—увидѣли царицу.

Въ первые годы младенчества Петра царская семья больше всего проживала въ подмосковныхъ селахъ Преображенскомъ и Измайловѣ, за рѣкой за Яузой. Любилъ свое Преображенское царь Алексѣй Михайловичъ: здѣсь онъ тѣшился „комедійными представленіями“ и музыкой, а всего больше—соколиною охотою, до страсти имъ любимою. Занимался здѣсь онъ и полевымъ хозяйствомъ. Такъ, на чистомъ деревенскомъ воздухѣ, на свободномъ просторѣ и возрасталъ нашъ царевичъ. Здѣсь зародились въ его душѣ первыя дѣтскія впечатлѣнія, и Преображенское навсегда осталось любезнымъ его сердцу.

Но недолго наслаждалась царская семья свѣтлыми радостями и тихимъ счастьемъ. На четвертомъ году жизни царевичъ осиротѣлъ: царь Алексѣй Михайловичъ преждевременно скончался (1676 г.), благословивъ на царство старшаго сына Θеодора, которому не исполнилось въ то время и пятнадцати лѣтъ.

Доброй души человѣкъ былъ Θеодоръ Алексѣевичъ, но юнъ еще годами для управленія царствомъ и здоровьемъ слабъ. Съ первыхъ же дней, какъ стѣной, окружили юнаго царя его родственники по матери Милославскіе, злые недруги царицы-вдовы Натальи Кирилловны. Завистливы и жадны они были къ власти, къ почестямъ и корысти, а даровитыхъ людей межъ ними не было. И чего такъ боялся Артемонъ Сергѣевичъ, то на дѣлѣ теперь и исполнилось. Начались тайные наговоры, нашептыванія, клевета злая, ядовитая. А Θеодоръ Алексѣевичъ вмѣстѣ со своими сестрами-царевнами и безъ того не любилъ царицы-мачехи и всей ея родни. Черезъ полгода послѣ воцаренія именемъ Θеодора

изгнали безвиннаго Матвѣева въ позорную ссылку, какъ государственнаго преступника, заслали его въ Пустозерскій острогъ, къ Ледовитому морю. Положена была злая опала и на близкихъ родственниковъ вдовы-царицы, на отца ея и на братьевъ. И сама она ото всѣхъ видѣла нелюбовь, и вражду, и гоненіе.

Многолюдны кремлевскія палаты царскія, а Наталья Кирилловна была въ нихъ одинока съ царевичемъ, и тяжело ей тамъ жить посреди своихъ явныхъ недруговъ. Удаляется она въ Преображенское. Горюетъ вдова-царица, печалуется

Игры царевича Петра.

передъ близкими людьми на свою судьбу, на несправедливость злыхъ недруговъ. Одно только и есть для нея утѣшеніе въ горестяхъ—сынъ-царевичъ, ея крѣпкая надежда въ будущемъ.

А царевичу привольно и весело расти вдали отъ кремлевскихъ палатъ, на полномъ просторѣ деревенскомъ, вмѣсто темнаго и тѣснаго терема. Подрастаетъ царевичъ; игры и забавы начинаютъ понемногу чередоваться съ книжнымъ ученіемъ.

Когда царевичу пошелъ пятый годъ, избрали къ нему въ дядьки для береженья боярина, честью великаго, разумнаго и правдиваго, а въ товарищи къ боярину поставили думнаго дворянина, человѣка безкорыстнаго и прямодушнаго. Въ слуги и въ стольники къ царевичу и въ товарищи дѣтскихъ забавъ взяли дѣтей боярскихъ одного съ нимъ возраста. Для потѣхи и веселья приставлены карлики и карлицы, какъ водилось тогда у всѣхъ знатныхъ людей. И въ игрушкахъ разныхъ недостатка не было: мать-царица дарила царевичу луки и стрѣлы, сабли и пищали, пушки-самопалы.

Пора царевичу садиться за букварь да за указку. Настоящихъ учителей тогда не было, и всякій грамотей почитался годнымъ даже и въ наставники къ царскимъ дѣтямъ, только бы онъ былъ нрава тихаго и поведенія трезваго. И выбрали учителемъ къ царевичу приказнаго подьячаго Никиту Моисеевича Зотова: твердо зналъ учитель церковныя книги богослужебныя и писать умѣлъ искусно и правильно. Только и всего. А послѣ еще открылось, что и поведенія онъ былъ не совсѣмъ трезваго.

Трудно давалась дѣтямъ наука въ старое время, горекъ былъ тогда корень ученія; но даровитъ былъ царевичъ, учился охотно и съ большимъ прилежаніемъ и на диво всѣмъ легко одолѣвалъ книжную мудрость. Скорехонько затвердилъ онъ азбуку и склады, научился разбирать титла, выучилъ Часословъ, Псалтырь, Апостолъ и Евангеліе. А черезъ три года по началѣ ученія и письму сталъ учиться, и хуже всего давалась царевичу эта наука писанія.

Другихъ наукъ не зналъ учитель. А любознательному ученику мало этого,—обо всемъ онъ спрашиваетъ и разспрашиваетъ. И надумали тогда составить для царевича, по образчикамъ иноземнымъ, листы съ картинками въ краскахъ. Изображены были на этихъ листахъ города и крѣпости, корабли и разныя зданія, портреты государей и сраженія. Развѣсили картины по стѣнамъ въ покояхъ у царевича. По этимъ-то картинамъ и училъ Зотовъ царевича, какъ умѣлъ, вперемежку съ книжнымъ ученіемъ. Разсказывалъ Зотовъ, что́ зналъ, про дѣла родителя и дѣда царевича и другихъ вели-

кихъ государей, какъ они тяготу всякую на себя принимали ради благополучія царства русскаго. Показывалъ Зотовъ на картинахъ и чужеземныя диковинки и внушалъ царевичу, что державному царю невозможно безъ науки быть.

А у пылкаго отрока и безъ того душа разгоралась къ наученію и хотѣлось ему не только все видѣть и знать по картинамъ, но и въ самой натурѣ, и все самому испытать и на дѣлѣ исполнить. Но некому было утолить этой жажды къ знаніямъ. Даже и ариѳметикѣ научился царевичъ много спустя, и писалъ онъ и неразборчиво, и неправильно.

Мало было науки, зато много простора и воли. Возрасталъ даровитый и пламенный отрокъ, какъ богатырь сказочный, не по днямъ, а по часамъ. Въ десять лѣтъ онъ казался пятнадцатилѣтнимъ юношею; на щекахъ игралъ румянецъ, какъ у красной дѣвицы; большія черныя очи огнемъ горятъ, сверкаютъ молніей; темнорусыя кудри сами хмелемъ вьются-завиваются; всѣ движенія у него быстры, смѣлы,—онъ не ходитъ, а соколомъ летаетъ.

3. Избраніе Петра на царство.

Всего только шесть лѣтъ процарствовалъ больной и хилый Ѳедоръ Алексѣевичъ и скончался бездѣтнымъ.

Не было тогда у насъ законовъ о престолонаслѣдіи, и каждый государь всенародно объявлялъ себѣ наслѣдника при жизни своей, назначая, по обычаю, старшаго сына. Бездѣтный Ѳедоръ Алексѣевичъ наслѣдника себѣ не избралъ, и государство осталось на время безъ государя.

Старшій царевичъ Иванъ страдалъ тяжкими недугами, былъ почти слѣпъ и совсѣмъ не могъ заниматься дѣломъ государственнымъ. Младшій царевичъ Петръ отличался и крѣпкимъ здоровьемъ, и богатыми дарованіями, но ему было всего только десять лѣтъ. Кому же изъ нихъ государемъ быть?

Близкіе къ царскому двору люди раздѣлились: одни стояли за Ивана, другіе—за Петра. За Петра былъ и народъ. За

Петра стоялъ и патріархъ Іоакимъ. Послѣ царя патріархъ былъ первымъ человѣкомъ въ государствѣ,—онъ и уладилъ это важное дѣло.

Какъ только закрылъ глаза царь Ѳедоръ, печальный звонъ большого кремлевскаго колокола возвѣстилъ Москвѣ о смерти государя. Народъ толпами повалилъ въ царскія палаты проститься съ покойнымъ царемъ, посмотрѣть на новаго. А во дворцѣ ужъ собрались всѣ высшіе чины государства,—духовные и свѣтскіе. Окончился печальный обрядъ прощанія, и царевичи Иванъ и Петръ жаловали всѣхъ чиновъ къ рукѣ.

Тогда патріархъ со всѣмъ духовенствомъ и съ боярами отступилъ въ особую палату, собралъ всѣхъ вокругъ себя и спрашиваетъ: кому изъ двухъ царевичей государемъ быть?

Духовенство и бояре не пришли къ соглашенію и, посовѣщавшись межъ собою, опредѣлили: быть избранію съ общаго согласія всѣхъ чиновъ государства.

Всѣхъ чиновъ государства собирать и спрашивать, однако, не стали. Патріархъ со всѣми властями выходитъ къ народу на Красное крыльцо и говоритъ: „Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ волею Божіею скончался, но преемника на царство не назначилъ: кому же изъ двухъ царевичей быть царемъ-государемъ?“

Народная толпа закричала: „Быть государемъ царевичу Петру!“ Послышались голоса и за царевича Ивана, но они потонули въ общемъ гулѣ.

Съ тѣмъ же вопросомъ патріархъ обратился и къ властямъ—духовнымъ и свѣтскимъ. Они отвѣчали то же: „Да будетъ царемъ-государемъ царевичъ Петръ Алексѣевичъ!“

Возвратился патріархъ въ царскія палаты и благословилъ на царство десятилѣтняго Петра.

Вся Москва въ тотъ же день присягнула Петру, а за Москвою присягнула ему и вся Россія. Радовались всѣ избранію Петра, недовольны только были царевны да Милославскіе; но скрываютъ они пока ото всѣхъ свои злые помыслы.

Великое дѣло избранія царя безъ помѣхи сдѣлано, не подумалъ только патріархъ объ его завершеніи. Новоизбранный царь, по малолѣтству своему, не можетъ до поры до

времени самъ управлять государствомъ, и нужно было бы, какъ это и прежде водилось, избрать ему опекуна-правителя. Кому же и быть такимъ опекуномъ, какъ не царицѣ-матери?

Десятилѣтній царь Петръ.

И она сама, и всѣ къ ней близкіе такъ и полагали. Но это не было объявлено, и Наталья Кирилловна скоро увидѣла, что не крѣпка власть въ ея рукахъ. Враги злые не дремали.

Видитъ царица опасность для себя и для сына и спѣшно посылаетъ гонца, чтобы вызвать изъ ссылки Артемона Сергѣича Матвѣева—на помощь себѣ.

А въ Москвѣ собралась уже туча грозная: царевна Софья заодно съ Милославскими возмущаетъ стрѣльцовъ, чтобы вырвать власть изъ рукъ Натальи Кирилловны.

4. Стрѣльцы.

До царя Ивана Грознаго не было у насъ настоящаго войска постояннаго. На случай войны собирали со всей земли *земскую рать*. По приказу государеву, каждый помѣщикъ снаряжалъ своихъ людей и являлся съ ними на указанное для сбора мѣсто. Снаряжали ратниковъ и отъ помѣстій церковныхъ, монастырскихъ и государевыхъ. Государь назначалъ главныхъ воеводъ, а они избирали младшихъ начальниковъ. Кончилась война, и ратниковъ распускали по домамъ. Нестройное было это войско, необученное и къ ратному дѣлу непривычное.

Ивану Грозному пришлось много воевать съ сосѣдями, и онъ кромѣ земской рати завелъ постоянное войско, чтобъ оно и на войну всегда готово было, и охраняло бы порядокъ внутри земли. Въ Москвѣ и въ другихъ большихъ городахъ заведена безсмѣнная стража на царскомъ жалованьи: то было стрѣлецкое войско.

Вооружены были стрѣльцы пищалями, бердышами, саблями. У каждаго полка было свое знамя и свой боевой снарядъ. Одѣвались стрѣльцы въ цвѣтные кафтаны—алые, синіе, голубые, малиновые, зеленые, съ красивыми, иногда золотыми, перевязями. Сапоги носили также цвѣтные, чаще всего—желтые, шапки—бархатныя, съ мѣховой опушкою. У каждаго полка свой особый цвѣтъ.

Стрѣльцы жили въ своихъ слободахъ по-семейному, и званіе стрѣльца переходило отъ отца къ сыновьямъ. Принимали стрѣльцы въ свой кругъ и стороннихъ, вольныхъ людей,—„рѣзвыхъ и стрѣлять гораздыхъ“. Стрѣльцамъ выдавалось отъ казны жалованье, оружіе и одежда. Они вла-

дѣли землею и могли заниматься торговлею и разными промыслами, но отъ всякихъ повинностей и пошлинъ были освобождены. Служилъ каждый, пока силы хватало. Раненые, увѣчные и престарѣлые опредѣлялись въ монастыри „на кормленіе".

Вооруженное лучше земской рати, обученное военному дѣлу, стрѣлецкое войско оказало немало услугъ московскимъ государямъ. Но въ послѣднее время, а особенно при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, стрѣлецкое войско стало скопищемъ людей недовольныхъ и мятежныхъ.

Занимаясь промыслами и торговлей, стрѣльцы отвыкали отъ военнаго дѣла, были нерадивы къ службѣ и думали больше о своей корысти и наживѣ. Служба имъ казалась тяжелою, справедлвыя строгости начальниковъ вызывали открытый ропотъ. Стрѣльцы хотѣли бы и казенное содержаніе получать, и разныя льготы имѣть, а жить по-своему, на полной своей волѣ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ стрѣлецкомъ войскѣ появилось немало закоренѣлыхъ мятежниковъ изъ казаковъ, привычныхъ къ грабежу и буйству. Между ними много было и раскольниковъ. Казаковъ этихъ разослали по стрѣлецкимъ полкамъ послѣ того, какъ усмирили бунтъ Стеньки Разина. Съ тѣхъ поръ и завелись въ московскихъ стрѣлецкихъ слободахъ вольные казацкіе порядки, самоуправство и открытое буйство. По казацкому обычаю, стрѣльцы собирались въ кругъ для совѣщаній, судили и рядили своихъ товарищей и начальниковъ, и кто имъ былъ нелюбъ, тѣхъ самосудомъ приговаривали къ смерти: буйная толпа взводила такихъ на высокую каланчу и бросала оттуда на копья товарищей.

Были у стрѣльцовъ и настоящія причины къ неудовольствіямъ и ропоту. Послѣ Смутнаго времени все въ государствѣ расшаталось, и трудно было царямъ установить въ землѣ правые порядки, утвердить законы. Мало было правды, много своеволія и лихоимства. Народъ постоянно роопталъ на обиды и притѣсненія сильныхъ и властныхъ людей, на свою безъзащитность и безсудность. Самые близкіе къ царямъ люди не избѣгали нареканій и обвиненій. И стрѣльцамъ жилось

не лучше другихъ. Въ царствованіе Өедора Алексѣевича всеобщія жалобы особенно усилились. Стрѣльцы роптали громче всѣхъ. Они жаловались, но ихъ не слушали и дѣлъ по жалобамъ не разбирали. И стали грозить стрѣльцы самосудомъ расправиться со своимъ начальствомъ.

Такъ и сдѣлалось, что войско, устроенное для охраны порядка, само стало очагомъ безпорядка и своеволія. Много накопилось злобы въ стрѣльцахъ и противъ своихъ начальниковъ, и противъ бояръ именитыхъ.

Въ такое-то тревожное время и скончался царь Өедоръ Алексѣевичъ. Стрѣльцы безпрекословно присягнули юному Петру, но волненіе межъ ними не прекратилось. Въ третій день по воцареніи Петра огромная толпа стрѣльцовъ шумно явилась передъ царскимъ дворцомъ,—принесли стрѣльцы челобитныя жалобы отъ шестнадцати полковъ. А въ тѣхъ челобитныхъ было написано:

„На нашихъ земляхъ, на сборныя наши деньги, полковники выстроили для себя загородные домы: посылаютъ полковники нашихъ женъ и дѣтей въ свои деревни пруды копать, дрова рубить и насъ самихъ назначаютъ во всякія свои работы; принуждаютъ насъ побоями и батогами на собственный нашъ счетъ покупать цвѣтные кафтаны, бархатныя шапки и сапоги желтые, а изъ государева жалованья удерживаютъ себѣ многія деньги и хлѣбные запасы“.

Вмѣстѣ съ челобитными представили стрѣльцы и счетъ, сколько имъ недоплачено жалованья и заработанныхъ денегъ. Сумма выходила огромная.

Стрѣльцы требовали, чтобы всѣ деньги эти немедленно имъ уплатили, а виноватыхъ выдали бы имъ для расправы, а то они сами расправятся съ ними и домà ихъ разграбятъ.— „Доберемся мы и до другихъ измѣнниковъ, что обманываютъ государя“,—кричала буйная и разнузданная толпа.

И некому было образумить и усмирить мятежниковъ. Безъ всякаго разслѣдованія дѣла приказано было обвиняемыхъ полковниковъ отрѣшить отъ должности, взыскать съ нихъ всѣ деньги и наказать за обиды и притѣсненія.

Стрѣльцы.

На слѣдующій же день началась возмутительная дикая расправа и продолжалась недѣлю цѣлую. Стрѣльцы были и судьями, и палачами. И много тутъ погибло такихъ людей, которые виноваты были только тѣмъ, что стрѣльцамъ нелюбы.

Престарѣлый и слабый князь Долгорукій, главный начальникъ стрѣлецкій, не въ силахъ былъ укротить буйное самовольство: стрѣльцы его не любили и приказаній не слушались. Стрѣлецкія слободы кишѣли вооруженными толпами,— безобразно пьяными, разнузданными, свирѣпыми. Еще одна искра — и готовъ былъ разгорѣться страшный кровавый пожаръ.

Эту послѣднюю искру и не устрашилась бросить въ разнузданную толпу мятежниковъ властолюбивая царевна Софья Алексѣевна вмѣстѣ съ родственниками своими Милославскими.

5. Царевна Софья Алексѣевна.

Русскія царевны жили въ своихъ теремахъ, какъ монахини въ монастыряхъ. Изо дня въ день проводили онѣ время въ молитвѣ, въ занятіяхъ рукодѣліемъ да въ забавахъ съ сѣнными дѣвушками.

Никогда посторонній мужской взглядъ не проникалъ въ ихъ покои. Только патріархъ да близкіе родственники царицы имѣли доступъ къ царевнамъ. Даже врача приглашали только въ случаѣ тяжкой болѣзни; но и врачъ не могъ видѣть лица больной царевны.

Въ церковь царевны выходили скрытыми переходами и становились въ сторонѣ съ закрытыми лицами. А выѣзжали изъ дворца развѣ только въ монастыри на богомолье въ закрытыхъ колымагахъ, съ завѣшанными тафтою стеклами.

Ни на какихъ придворныхъ торжествахъ царевны не показывались. Лишь во время похоронъ отца или матери онѣ шли за гробомъ въ непроницаемыхъ для глаза покрывалахъ.

Не только народъ, но даже и самые близкіе къ царю люди знали царевенъ лишь по именамъ, которыя провозглашались въ церквахъ на многолѣтіи, да по щедрымъ милостынямъ, что̀ раздавались нищимъ по приказу царевенъ.

Такъ съ колыбели до могилы и проводили царевны всю свою жизнь, какъ затворницы, и только по сказкамъ нянюшекъ и мамушекъ знали, какъ другіе люди на свѣтѣ живутъ. Мечтать о лучшей долѣ царевны не смѣли и покорялись своей судьбѣ горестной. Выходить замужъ за подданныхъ запрещалъ обычай, а выдавать своихъ дочерей за иновѣрныхъ королевичей наши цари не хотѣли, почитая это за тяжкій грѣхъ.

Такъ жили царевны при первыхъ царяхъ; но при Алексѣѣ Михайловичѣ царевнамъ жилось ужъ посвободнѣе: чужеземныя новшества стали понемногу проникать и въ терема дѣвичьи. Еще свободнѣе жилось царевнамъ при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Мачехи-царицы онѣ не боялись и не слушались, открыто показывались во дворцѣ, стали заводить себѣ моды польскія.

Конецъ затворнической теремной жизни положила царевна Софья Алексѣевна. Ей душно было жить въ тѣсномъ теремѣ, тяжко проводить время въ теремномъ заключеніи; она искала свободы и простора; въ ея головѣ роились отважные замыслы. Не царевной бы ей на свѣтъ родиться!

Некрасивая лицомъ, нестройная станомъ, не въ мѣру полная, со взглядомъ суровымъ и властнымъ, царевна въ 25 лѣтъ казалась пожилой женщиной. Но въ душѣ ея жили молодыя и сильныя страсти.

Бойкая и даровитая отъ природы, царевна Софья развила свой умъ чтеніемъ. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ѳеодоромъ она получила въ юности такое образованіе, какого не давали до этого не только царевнамъ, но и царевичамъ. Наставникомъ ея былъ ученый монахъ Симеонъ Полоцкій, извѣстный въ то время проповѣдникъ, писатель и стихотворецъ, ревностный сторонникъ европейскаго просвѣщенія.

Многое сказали царевнѣ книги и зародили въ ней небывалыя желанія. Софью плѣняла завидная участь иноземныхъ принцессъ, жившихъ на полной свободѣ. Она увлекалась примѣромъ греческой царевны Пульхеріи, которая приняла въ свои руки императорскую власть и правила царствомъ вмѣсто слабаго брата своего (Ѳеодосія II), а по смерти его

сама сдѣлалась самодержавной императрицей и вышла замужъ за избранника своего сердца. Но на примѣрѣ Пульхеріи не научилась властолюбивая русская царевна добродѣтели; не хотѣла она понять, что великое и славное въ жизни достигается лишь чистыми, правдивыми путями, что царская власть налагаетъ тяжелую обязанность жить не для себя, не для почестей и власти, а для устроенія правыхъ порядковъ въ землѣ, ради всенароднаго благополучія. Подневольная теремная жизнь пріучила царевну къ лицемѣрію и лжи, къ хитрости и коварству и совсѣмъ не приготовила къ обязанностямъ царственнымъ.

Вкрадчивая и лицемѣрно-благочестивая, царевна Софья сумѣла заслужить любовь и довѣріе царя Θеодора. Каждый день приходила она къ нему и оставалась при немъ и во время его занятій; ни на минуту не отходила, когда онъ страдалъ недугами, сама подавала больному лѣкарство, успокоивала и утѣшала рѣчами сладкими.

Проводя время въ государевыхъ покояхъ, царевна сблизилась съ царскими совѣтниками—съ княземъ Василіемъ Голицынымъ, съ княземъ Хованскимъ, съ бояриномъ Милославскимъ,—близкимъ родственникомъ своимъ по матери. Они и были первыми наставниками царевны въ дѣлахъ государственныхъ. И не разъ удивляла царевна этихъ царедворцевъ своимъ природнымъ умомъ, смѣлостью и неженской твердостью характера.

Тутъ-то и укрѣпилась окончательно въ царевнѣ мысль сдѣлаться правительницей послѣ смерти недолговѣчнаго царя-брата,—будутъ ли отъ него дѣти, или нѣтъ. Если дѣти будутъ,—царевна за нихъ станетъ править государствомъ. Если послѣ Θеодора дѣтей не останется, царевна станетъ правительницей за брата Ивана, старшаго изъ двухъ царевичей. Ненавистную ей мачеху вмѣстѣ съ царевичемъ Петромъ она совсѣмъ отдалитъ отъ царскаго двора, а можетъ-быть, приготовитъ для нихъ и еще горшую долю. Царевна хорошо знала объ участи Дмитрія царевича въ Угличѣ...

Велика же была досада и злоба царевны вмѣстѣ съ Милославскими, когда Государемъ избрали Петра, а про царе-

вича Ивана будто и совсѣмъ забыли. Теперь не она, а мачеха со своими близкими людьми станетъ править государствомъ. И видитъ царевна впереди для себя тѣсный и скучный теремъ, и кажется онъ ей теперь еще тягостнѣе прежняго...

Царевна Софья Алексѣевна.

„Но царевича Ивана обошли незаконно,—думаетъ царевна,—онъ старшій братъ; ему, а не Петру, подобаетъ быть царемъ“. И нужно теперь же, пока еще не поздно, вырвать власть изъ чужихъ рукъ.

Въ день погребенія царя Ѳеодора Софья открыто шла изъ дворца за гробомъ брата, хоть ее и уговаривали не нарушать старыхъ обычаевъ. Открыто явилась она и въ Архангельскій соборъ. Въ церкви не было ни одной изъ ея сестеръ, ей не приготовили и мѣста въ торжественной церемоніи: Софья явилась безъ зову,—она знала, что̀ надо ей дѣлать.

Царевна на глазахъ у всѣхъ стоитъ въ соборѣ до самаго конца отпѣванія. Она громко плачетъ и рыдаетъ. Выходя изъ церкви, она жалуется на свою горькую судьбу: „Нѣтъ у насъ, горемычныхъ, ни родимаго батюшки съ матушкой; покинулъ насъ, горькихъ сиротъ, и братецъ любезный, а братца Ивана злые люди обидѣли“... Всѣ видятъ ея неутѣшное горе; простой народъ жалостливо на нее смотритъ, какъ убивается она, горемычная.

А юный Петръ не выстоялъ всей долгой службы, и царица Наталья, простившись съ покойникомъ, вышла раньше изъ собора. И это всѣ замѣтили, а царевны выговаривали ей въ теремѣ, что покойнаго царя-государя ей, видно, нежалко и что она его не любила.

Похоронили царя Ѳеодора, и царевна Софья ужъ обдумала свое дѣло. Нужно сначала избрать себѣ надежныхъ и усердныхъ помощниковъ. И царевна открываетъ свои замыслы близкому ей по родству и чувствамъ человѣку—боярину Милославскому: онъ давно ужъ опытенъ въ дѣлахъ крамольныхъ.

Вдвоемъ они рѣшаютъ, что надобно поднять стрѣльцовъ, чтобы они поголовно перебили Нарышкиныхъ и всѣхъ преданныхъ и близкихъ царицѣ людей. Написали списокъ обреченныхъ на избіеніе. Избрали себѣ вѣрныхъ приспѣшниковъ. Рѣшили разгласить въ стрѣлецкихъ слободахъ, что царь Ѳеодоръ умеръ отъ яда, что царевича Ивана обошли престоломъ незаконно и что ему грозитъ неминучая погибель, а во всемъ этомъ повинны измѣнники Нарышкины и близкіе къ нимъ люди,—они замыслили извести весь царскій родъ, чтобы самимъ править государствомъ. И стрѣльцамъ, вѣрнымъ слугамъ царскимъ, не сдобровать тогда,—изведутъ ихъ и вырубятъ всѣхъ Нарышкины. Такъ надо постоять за царскій

родъ. А царевна Софья Алексѣевна за службу вѣрную ихъ щедро наградитъ и деньгами, и почетомъ, и всякими льготами.

Быстро разнеслись межъ стрѣльцами эти злыя вѣсти. Вѣрили всему на слово стрѣльцы, потому что рады были вѣрить: вмѣсто наказанія за буйное своевольство имъ сулятъ награды, призываютъ къ новымъ насиліямъ.

А сама царевна затворилась у себя въ теремѣ, будто ничего не вѣдаетъ и не помышляетъ. Притворился больнымъ и Милославскій и не выѣзжаетъ изъ дома, чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе. Тѣмъ усерднѣе стараются ихъ приспѣшники. По ночамъ собираются у Милославскаго,—ночью и днемъ разжигаютъ заговоръ.

У стрѣльцовъ только и рѣчей, что о гибели царскаго рода да объ измѣнникахъ Нарышкиныхъ. По рукамъ у нихъ ходятъ списки на смерть обреченныхъ. Стрѣльцы открыто собираются въ круги, бьютъ тревогу, мутятъ чернь. По первому зову они готовы взяться за оружіе и начать кровавую расправу. Всѣ полки, кромѣ Сухарева, возмутились. Но коноводы мятежа медлятъ началомъ,—поджидаютъ они, когда Матвѣевъ въ Москву возвратится: его именемъ начинался кровавый списокъ на смерть обреченныхъ.

Матвѣевъ наспѣхъ ѣдетъ въ Москву по зову царицы. На дорогѣ встрѣча: преданные люди прискакали сказать, что́ творится въ столицѣ и что̀ его самого тамъ ожидаетъ. Но бояринъ о себѣ не думаетъ и еще больше поспѣшаетъ на помощь къ юному царю и къ царицѣ.

Артемонъ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ Москву 12-го мая. Наталья Кирилловна встрѣчаетъ его, какъ избавителя отъ грозныхъ несчастій, и щедро его награждаетъ. И не одна царица пріѣзду Матвѣева рада. Всѣ царедворцы, кромѣ Милославскаго, толпятся у него въ палатахъ, чтобы поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ. Явились и стрѣльцы къ боярину съ хлѣбомъ-солью.

Теперь приспѣшники царевны, по ея приказу, еще усерднѣе дѣлаютъ свое дѣло: надо спѣшить,—Матвѣевъ соперникъ опасный. Слухи, одни другихъ зловѣщѣе, ходятъ между стрѣльцами. Говорятъ, что Нарышкины ужъ рѣшили произ-

вести розыскъ и жестоко наказать стрѣльцовъ. Говорятъ, что Иванъ Нарышкинъ ужъ примѣривалъ царскія одежды и на тронъ садился, и примолвилъ, что ни къ кому другому такъ не пристанетъ царская корона. Говорятъ, что онъ же, Нарышкинъ, чуть не задушилъ своими руками церевича Ивана. Кто вѣрилъ, а кто и не вѣрилъ этимъ нелѣпымъ слухамъ, но всѣ волновались. Имя Нарышкиныхъ часъ отъ часу становилось ненавистнѣе. Кровавая гроза въ одинъ мигъ готова разразиться.

6. Стрѣлецкій бунтъ (1682 г.).

Матвѣевъ пріѣхалъ въ Москву 12-го мая, а утромъ 15-го двое изъ приспѣшниковъ царевны поскакали въ стрѣлецкія слободы и объявили:

— Нарышкины задушили царевича Ивана!

Ударили въ набатъ. Стрѣльцы схватили ружья, бердыши, копья, взяли пушки и съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ къ Кремлю повалили.

— Идемъ выводить измѣнниковъ и губителей царскаго дома!—неистово кричали они по дорогѣ.

А въ Кремлѣ о томъ ничего и не вѣдали. Былъ полдень. Бояре и приказные, покончивъ свои дѣла, спокойно собирались домой обѣдать. Матвѣевъ сходитъ съ крыльца. Тутъ онъ и слышитъ страшную вѣсть, что стрѣльцы взбунтовались и на Кремль ополчились.

Матвѣевъ спѣшитъ къ царицѣ. Послали за патріархомъ. Спѣшно приказали запереть въ Кремлѣ всѣ ворота.

Но было уже поздно. Стрѣльцы—въ Кремлѣ. Неистовые крики раздаются подъ окнами дворца. Заняты всѣ входы и выходы и въ Кремлѣ, и во дворцѣ. Подъ Краснымъ крыльцомъ собралась огромная толпа и грозно требуетъ выдачи Нарышкиныхъ, погубившихъ царевича Ивана.

Трепещетъ Наталья Кирилловна за участь отца и братьевъ. Патріархъ и Матвѣевъ совѣтуютъ ей выйти къ стрѣльцамъ, чтобы обличить неправду. Съ великимъ страхомъ выходитъ царица на Красное крыльцо и за руку выводитъ и

царя Петра, и царевича Ивана. За нею—патріархъ и царедворцы. И Матвѣевъ съ ними. Подходитъ царица къ рѣшеткѣ, поставила предъ лицомъ толпы царя Петра и царевича Ивана и говоритъ:

— Вотъ государь царь Петръ Алексѣевичъ, вотъ государь царевичъ Иванъ Алексѣевичъ. По милости Божіей они здравствуютъ и нѣтъ у насъ въ дому измѣнниковъ.

Не вѣрятъ мятежники словамъ царицы, не вѣрятъ и глазамъ своимъ. Приставили лѣстницу, лѣзутъ на крыльцо, спрашиваютъ самого царевича Ивана:

— Прямой ли ты царевичъ Иванъ Алексѣевичъ? Кто тебя изводитъ?

— Я царевичъ Иванъ, и никто меня не изводитъ, и жаловаться мнѣ не на кого,—отвѣчаетъ царевичъ.

Опѣшила толпа. Видятъ, что ихъ обманули. Стрѣльцы стихаютъ понемногу. А зачинщики смуты не дремлютъ. Раздаются опять голоса, чтобы выдали Ивана Нарышкина: какъ онъ смѣлъ надѣвать на себя царское платье и корону!

Тогда Матвѣевъ съ патріархомъ сходятъ съ крыльца за рѣшетку, становятся лицомъ къ лицу со стрѣльцами. Вразумительно и спокойно говоритъ стрѣльцамъ Матвѣевъ про ихъ прежнюю вѣрную службу, стыдитъ ихъ, что вѣрятъ они такимъ глупымъ слухамъ. Матвѣева стрѣльцы любили, и разумное его слово мятежниковъ усмиряетъ. Они просятъ Матвѣева передъ царемъ за нихъ заступиться. За Матвѣевымъ и патріархъ сталъ уговаривать стрѣльцовъ. Видитъ Матвѣевъ, что дѣло приняло добрый оборотъ, и спѣшитъ онъ на крыльцо—успокоить царицу.

Въ такую-то рѣшительную минуту вздумалъ показать свою строгость начальникъ стрѣлецкаго приказа престарѣлый князь Долгорукій. Человѣкъ онъ былъ слабый, въ дѣла толкомъ не входилъ, и стрѣльцы его и не слушались, и не любили. А онъ теперь вдругъ съ бранью и угрозами крикнулъ на стрѣльцовъ и приказываетъ имъ немедля по домамъ разойтись.

Въ мгновеніе ока толпа загорѣлась, разсвирѣпѣла. Чуть не смяли стрѣльцы патріарха, ринулись вверхъ, на откры-

тое крыльцо, схватили Долгорукаго и свергли старика внизъ—на копья товарищей...

Помутилось у мятежниковъ въ глазахъ отъ первой пролитой крови.

А въ это время главные приспѣшники царевны провели на Красное крыльцо черезъ внутреннія сѣни новую толпу мятежниковъ, и они съ яростью кинулись на старика Матвѣева. Царица обвила его руками. Князь Черкасскій заслонилъ его своею грудью. Стрѣльцы грубо оттолкнули князя, вырвали Матвѣева изъ объятій царицы, схватили и бросили его на площадь—на копья.

Царица въ ужасѣ поспѣшно удалилась во внутренніе покои. Бояре и царедворцы въ страхѣ разбѣжались.

Все это видѣлъ юный Петръ; всѣ эти ужасы онъ пережилъ, память о нихъ на всю жизнь сохранится въ его впечатлительномъ сердцѣ.

— Пора разобрать, кто намъ не угоденъ!—вопила разъяренная толпа.

Склонивъ свои копья, стрѣльцы во дворецъ вломились, обыскивали царскіе покои, терема царицы и царевенъ, опочивальни, заглядывали подъ кровати, разбрасывали перины, рылись въ темныхъ чуланахъ, вторгались въ дворцовыя церкви, ощупывали жертвенники и престолы, тыкали подъ нихъ копьями: вездѣ искали разъяренные звѣри Нарышкиныхъ и другихъ обреченныхъ на смерть людей неповинныхъ. Несчастныхъ яростно хватали, не слушали ни мольбы, ни оправданій, волокли изувѣченныхъ на Красное крыльцо, бросали внизъ, злобно радуясь своему лютому звѣрству...

— Любо ли?—кричали сверху.

— Любо, любо!—ревѣла разъяренная толпа снизу.

Трупы убитыхъ тащили черезъ кремлевскія ворота на Красную площадь, и передніе кричали толпившемуся народу, жадному до кровавыхъ зрѣлищъ:

— Ѣдетъ бояринъ! Ѣдетъ думный! Давайте дорогу!

И все время гудитъ набатъ зловѣщій. Оглушительно грохотали барабаны. Неумолчно ревѣла озвѣрѣвшая толпа. Не-

было тутъ пощады ни старцамъ, ни юношамъ, и много погибло людей, честно послужившихъ на пользу государства.

Только ночь прекратила звѣрства. Мятежники поставили вездѣ крѣпкіе караулы, чтобъ не было ни входу въ Кремль, ни выходу, и разошлись по домамъ.

Въ лютомъ горѣ и въ страхѣ провели эту ночь и во дворцѣ царскомъ, и въ палатахъ боярскихъ: оплакивали смерть близкихъ, съ трепетомъ думали о завтрашнемъ днѣ. Одна царевна Софья была довольна такимъ началомъ...

На разсвѣтѣ 16-го мая по-вчерашнему загудѣлъ набатъ зловѣщій, загремѣли барабаны, и стрѣльцы толпами ринулись въ Кремль довершать злодѣйства. И вновь повторились всѣ кровавые ужасы вчерашняго дня.

Тутъ открыто выступила и царевна Софья. Стрѣльцы слушались царевны, она могла бы остановить и прекратить буйства. Но ей нужно было довести до конца свое дѣло,—не всѣ еще намѣченныя жертвы погибли, и царевна сама уговариваетъ несчастныхъ отдать себя на смерть злодѣямъ...

Цѣлыхъ три дня совершались кровавыя звѣрства. Когда всѣ ненавистные церевнѣ люди погибли, стрѣльцы собрались у Краснаго крыльца, какъ наемники, исполнившіе поденную работу и ожидающіе за усердіе платы.

— Дай Богъ здоровья царю-государю! Пусть онъ самъ управится съ остальными, а мы и впредь служить ему рады, и государынѣ царицѣ, и царевичу, и царевнамъ!

Въ звѣрскомъ невѣжествѣ своемъ стрѣльцы полагали, что сдѣлали угодное царской семьѣ дѣло и сослужили добрую службу. Таковы были тогда люди, такіе жестокіе нравы въ нихъ жили!

Убійства прекратились; но разгулявшееся буйство долго еще приводило въ трепетъ и Кремль, и всю Москву. Стрѣльцы съ наглостью приходили ко дворцу и требовали награды за вѣрную службу. Они грабили дома убитыхъ бояръ, грубо и дерзко живыхъ оскорбляли, вмѣстѣ съ женами своими пьянствовали въ кабакахъ и съ пѣснями разгуливали по городу.

И некому было унять злодѣевъ. Царица боялась и на глаза имъ показаться, опасаясь, чтобъ не увели въ мона-

стырь и не разлучили бы съ любимымъ сыномъ. Бояре притаились въ своихъ домахъ, накрѣпко заперли ворота, наглухо закрыли оконныя ставни. Люди приказные разбѣжались. Въ Москвѣ царило безначаліе; стрѣльцы безъ помѣхи хозяйничали и у себя въ слободахъ, и во всемъ городѣ

Одна только царевна Софья смѣло являлась передъ буйными толпами и старалась ихъ поуспокоить и еще больше привязать къ себѣ. По ея приказу были розданы стрѣльцамъ огромныя суммы денегъ, какія только собрать было возможно. Стрѣлецкое войско получило почетное названіе Надворной пѣхоты. Въ начальники стрѣльцамъ царевна назначила своего сообщника князя Хованскаго, котораго стрѣльцы любили.

Эти щедрыя милости царевны, вмѣсто наказаній, служили и расплатой за услуги, и поощреніемъ къ новой службѣ.

Дѣло властолюбивой царевны не доведено еще до конца. Юный Петръ все еще остается единодержавнымъ государемъ, а сама царевна хоть и распоряжается дѣлами, но ее никто не уполномочилъ на это. Приближенные къ царевнѣ люди учатъ стрѣльцовъ, что они должны дальше дѣлать.

23-го мая стрѣльцы требуютъ, чтобы Иванъ царевичъ царствовалъ вмѣстѣ съ братомъ и по своему первородству почитался первымъ государемъ. Попытался-было патріархъ объяснить, что двоевластіе пагубно для государства, но его никто не послушалъ, и всѣ присягнули Ивану, какъ старшему изъ двухъ государей.

Черезъ недѣлю стрѣльцы объявляютъ, что царь Иванъ болѣзнуетъ, а царь Петръ малолѣтенъ, такъ чтобы правила за нихъ государствомъ царевна Софья. И всѣ молятъ царевну, чтобъ приняла она на себя это бремя. Только послѣ долгихъ моленій, какъ-будто черезъ великую неволю, царевна согласилась—для спасенія всего царства. Дозволила царевна боярамъ и думнымъ людямъ по государевымъ дѣламъ являться передъ ея пресвѣтлыя очи, обо всемъ ей докладывать, на все спрашивать ея указа. Во всѣхъ бумагахъ царскихъ повелѣла царевна писать свое имя рядомъ съ именами царей-государей.

Не забыли стрѣльцы и самихъ себя: требуютъ они себѣ новыхъ милостей за вѣрную службу, просятъ обѣлить передъ всѣми ихъ темныя дѣла, чтобъ не слыли они въ народѣ измѣнниками и бунтовщиками, какъ ихъ всѣ называли.

Отъ имени обоихъ царей и царевны дана стрѣльцамъ жалованная грамота за большой красной печатью. А въ той грамотѣ всѣ злодѣйства стрѣльцовъ названы побіеніемъ измѣнниковъ за домъ Пресвятыя Богородицы. За эти заслуги важныя приказано въ честь войска стрѣлецкаго поставить на Красной площади столбъ и на томъ столбѣ прописать всѣ преступленія убіенныхъ стрѣльцами измѣнниковъ. И всѣмъ людямъ русскимъ строго-настрого заказано попрекать стрѣльцовъ измѣною и бунтомъ.

Думала этимъ царевна и стрѣльцовъ обѣлить, и себя оправдать передъ всѣмъ русскимъ народомъ.

Стрѣльцамъ объявлены и щедрыя награжденія: прибавили жалованья, облегчили службу, простили разные долги казнѣ, а полковникамъ запретили посылать стрѣльцовъ на работы, запрещено и наказывать ихъ безъ царскаго разрѣшенія.

Щедро наградила царевна и своихъ именитыхъ приспѣшниковъ, приблизила ихъ къ себѣ, раздѣлила съ ними власть государственную.

Теперь царевна Софья — самодержавная правительница. По кровавому пути достигла она давно желанной ей власти, и скоро на своемъ же опытѣ она узнала, какъ опасно разжигать преступныя страсти невѣжественной толпы и потакать дикому своеволію, какъ ненадежны союзники въ дѣлѣ преступномъ.

7. Раскольники.

Въ Западной Европѣ гораздо раньше нашего стали печатать церковныя и гражданскія книги и книгъ было много въ обращеніи, потому что тамъ много было и образованныхъ людей, и ученыхъ. А у насъ и церковныхъ книгъ было мало, а гражданскихъ книгъ почти и совсѣмъ не было. И гражданской азбуки у насъ еще нѣтъ, а только одна церковная.

Очень мало было у насъ не только образованныхъ людей, но и грамотныхъ. Даже и среди духовенства образованныхъ было немного, да и тѣ знали однѣ церковныя книги. Очень мало было тогда школъ, и негдѣ было учиться, да и охоты къ ученью не было.

Со временъ Владиміра Святого и Ярослава Мудраго и вплоть до Ивана Грознаго книги отъ руки переписывались малосвѣдущими, а то и вовсе невѣжественными грамотеями, и въ книгахъ накопилось вѣками много всякихъ ошибокъ, прибавокъ и опущеній. А слѣпые грамотеи въ простотѣ своей крѣпко вѣрили: что написано, то свято.

Изъ рукописныхъ книгъ ошибки перешли и въ печатныя и еще умножились, потому что и наборщики, и правщики были люди несвѣдущіе и некому было разумно присмотрѣть за печатаніемъ. И къ этимъ ошибкамъ въ печатныхъ книгахъ всѣ привыкли, и нельзя было растолковать неучамъ, что это—ошибки, а не святая истина.

Кромѣ книгъ, много непорядковъ накопилось у насъ и въ церковныхъ обрядахъ, и къ непорядкамъ этимъ слѣпые люди тоже привыкли и почитали ихъ святымъ наслѣдіемъ святоотеческой старины.

Слѣпые ревнители этой старины самымъ важнымъ дѣломъ для спасенія своей души считали: какъ надобно складывать пальцы при молитвѣ и бить поклоны и сколько когда поклоновъ; сколько разъ произносить слово „аллилуія"—два или три раза; по солнцу или противъ солнца ходить при совершеніи таинствъ и обрядовъ церковныхъ; четырехконечнымъ или восьмиконечнымъ слѣдуетъ изображать крестъ Христовъ, на пяти или на семи просвирахъ обѣдню служить; Исусъ или Іисусъ, во вѣки вѣкомъ или во вѣки вѣковъ печатать и говорить. Все это считалось догматами вѣры, и всякая перемѣна въ обрядахъ называлась гибельнымъ для души еретичествомъ. Кто не такъ складываетъ пальцы при молитвѣ, не такъ выговариваетъ молитвенныя слова, тотъ отступается отъ вѣры Христовой и пойдетъ въ адъ.

Опасаясь всего иноземнаго, русскіе люди крѣпко держались унаслѣдованной отъ дѣдовъ и прадѣдовъ старины не

только въ дѣлахъ вѣры, но и во всемъ обиходѣ домашней жизни, и всякое новшество считали за великій грѣхъ: грѣхъ стричь и брить бороду и усы, грѣхъ носить платье по нѣмецкой и польской модѣ, грѣхъ держать въ домахъ статуи, смотрѣть театральныя представленія, грѣхъ женщинамъ не покрывать голову платкомъ, показываться на глаза чужимъ мужчинамъ. Все грѣхъ, что идетъ противъ дѣдовскихъ обычаевъ и порядковъ,—грѣхъ и еретичество. А кто учитъ новшествамъ, кто попускаетъ имъ, тотъ противникъ Христа, антихристъ.

И чѣмъ больше укрѣплялись на Руси разныя „новшества", тѣмъ яростнѣе злобились на нихъ слѣпые защитники старины.

А любители всякихъ „новшествъ" все болѣе и болѣе умножались: объявлялись они среди бояръ и въ царской семьѣ. Царевна Софья съ братомъ Ѳеодоромъ учились и воспитывались во многомъ по-новому.

Патріархи наши давно заботились объ исправленіи церковныхъ книгъ, объ искорененіи въ церковной службѣ всякихъ безпорядковъ. Но трудное это было дѣло,—главная сила всѣхъ болѣзней коренилась въ застарѣломъ русскомъ недугѣ—въ вѣковомъ невѣжествѣ народномъ.

Старались исправить церковныя книги патріархи Іовъ и Гермогенъ и патріархъ Филаретъ, отецъ Михаила Ѳеодоровича. Но правщики книгъ, не зная греческаго языка, не разумѣя вполнѣ и смысла писанія, сдѣлали лишь немногія поправки, а при этомъ еще внесли и новую порчу книгъ.

Окончательно исправлены были церковныя книги и устроены порядки церковные при патріархѣ Никонѣ—съ одобренія вселенскихъ патріарховъ и царя Алексѣя Михайловича.

Патріархъ Никонъ былъ человѣкъ непреклонной воли, рѣшительный, строгій. Онъ задумалъ разомъ покончить со всѣми церковными непорядками. Собралъ отовсюду старинныя рукописныя и печатныя книги на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Призвалъ къ дѣлу мужей ученыхъ и искусныхъ. Книги наши тщательно во всемъ были испра-

влены и вновь отпечатаны, а прежнія неисправленныя книги приказано отбирать изъ церквей и монастырей,—ихъ жгли, по нимъ запрещали служить въ церквахъ и молиться. Неправильные обряды церковные объявили заблужденіемъ, а всѣхъ, кто противился новымъ распоряженіямъ, предали за ослушаніе анаѳемѣ. Прежніе правщики книгъ,—противники новшествъ,—были строго наказаны.

Тогда-то и поднялась между православными великая смута и раздѣленіе. Простодушные люди ужаснулись, что Никонъ предаетъ сожженію старыя книги, по которымъ молились и спасались всѣ святые угодники Божіи. Суевѣрные невѣжды-грамотеи вмѣстѣ съ врагами Никона открыто осуждали новшества, объявили Никона еретикомъ и антихристомъ и учили народъ до смерти стоять за правую вѣру старую, ради спасенія своей души. Соборъ греческихъ и русскихъ святителей и царскія грамоты тщетно оправдывали дѣло Никона, увѣщевали упорныхъ покориться распоряженіямъ пастырей церковныхъ. Часть православныхъ послушалась, а закоренѣлые приверженцы старины отпали отъ церкви. Такъ начался расколъ.

Духовныя и свѣтскія власти того стараго времени преслѣдовали раскольниковъ, строго наказывали ихъ за упорное неповиновеніе. Не знали тогда, что духовные недуги излѣчиваются духовными же и средствами. Гоненіе только разожгло страсти, озлобило гонимыхъ, и они радостно принимали наказанія и почитали себя мучениками за вѣру Христову

Явныхъ и тайныхъ противниковъ церковныхъ и всякихъ другихъ новшествъ повсюду было много—и при царскомъ дворѣ, и среди духовенства и бояръ, и между казаками и стрѣльцами. Въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ укрылось много казаковъ изъ шайки Разина, открылся бунтъ изъ-за новыхъ книгъ; пришлось усмирять мятежниковъ оружіемъ. И по другимъ мѣстамъ усилено было преслѣдованіе раскольниковъ. Отъ страха они до времени притихли и притаились.

Царевна Софья достигла власти, опираясь на стрѣлецкія копья; на эти же копья задумали опереться и раскольники. Успѣхъ стрѣльцовъ обнадеживалъ ихъ.

Царевна знала, что стрѣльцы держатся старины, и чтобъ угодить имъ, она назначила въ стрѣлецкіе начальники закоренѣлаго ненавистника всѣхъ новшествъ—князя Хованскаго. Раскольники еще больше обнадежились, еще выше подняли головы.

Князь Хованскій былъ человѣкъ небольшого ума. Въ народѣ прозвали его тараруемъ. Но самъ онъ былъ высокаго о себѣ мнѣнія, страшно честолюбивъ и желалъ надъ всѣми властвовать. Зная, что стрѣльцы теперь въ большой силѣ, Хованскій сталъ подстрекать ихъ постоять за старую вѣру. Начались тайныя совѣщанія. Отыскали начетчиковъ. Составили обличеніе на патріарха и на всѣ церковныя новшества. Подали царямъ челобитную, чтобы духовныя власти всенародно вступили съ ревнителями старины въ преніе о вѣрѣ.

Самымъ ярымъ расколоучителемъ былъ Никита, прозванный пустосвятомъ,—разстриженный за нераскаянное упорство священникъ. Это былъ грубый и дерзкій изувѣръ, многорѣчивый и лукавый начетчикъ. Онъ и явился первымъ коноводомъ въ этомъ дѣлѣ. Хованскій крѣпко вѣрилъ въ его книжную мудрость.

Никита настойчиво требовалъ черезъ Хованскаго, чтобы патріархъ съ духовенствомъ вышелъ спорить о вѣрѣ на Красную площадь,—передъ всѣмъ народомъ. Стоялъ за это и самъ Хованскій. На площади легче всего одержать побѣду грубой силѣ!

Какъ ни хотѣлось царевнѣ угодить стрѣльцамъ, но опасалась она дерзости изувѣровъ, буйства стрѣльцовъ и грубой черни, боялась за патріарха и рѣшила — быть преніямъ во дворцѣ, въ Грановитой палатѣ, въ присутствіи царской семьи.

Хованскій передалъ это рѣшеніе царевны стрѣльцамъ и „отцамъ-учителямъ“. Они, было, заупрямились, посылали опять Хованскаго къ царевнѣ, но она осталась непреклонной. Пришлось поневолѣ покориться.

Въ назначенный для пріема день Никита-Пустосвятъ собралъ своихъ единомышленниковъ, отслужилъ молебенъ по раскольничьему обряду и вмѣстѣ съ огромной толпою стрѣльцовъ и народа двинулся въ Кремль. Самъ онъ шелъ впереди съ восьмиконечнымъ крестомъ въ рукахъ. Другіе несли старинныя иконы, ветхія книги, аналои, оглашая воздухъ неистовымъ пѣніемъ. Народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ. Огромная толпа наполнила Кремль. Раскольники остановились на площади передъ дворцомъ, поставили аналои, покрытые пеленами, положили на нихъ свои иконы и книги и зажгли свѣчи. Никита влѣзъ на подмостки и поучалъ народъ старой вѣрѣ, произносилъ дерзкую хулу на вѣру новую, на православныя церкви и духовенство. Народъ съ полнымъ довѣріемъ слушалъ изувѣра.

Позвали раскольниковъ во дворецъ, и толпа двинулась туда съ крестомъ и Евангеліемъ, съ образами, аналоями и зажженными свѣчами. Хованскій приказалъ всѣхъ пускать, велѣлъ только отгонять православныхъ священниковъ.

Съ шумомъ и яростнымъ воплемъ, будто на площадь, вломилась толпа въ Грановитую палату. Спѣшно разставили аналои передъ царскимъ трономъ, положили на нихъ иконы и книги, зажгли свѣчи.

Яростные защитники старины пришли во дворецъ, чтобъ обличить всѣ новшества, а передъ ними открылось небывалое зрѣлище: на царскихъ мѣстахъ, открыто и передъ всѣми сидятъ женщины, а дѣвица-царевна превыше всѣхъ и заправляетъ всѣмъ дѣломъ. Царевна Софья и тетка ея, царевна Татьяна, сидѣли на царскихъ тронахъ. Пониже ихъ, — въ креслахъ,—царица Наталья Кирилловна и еще царевна и патріархъ. Направо отъ нихъ—архіереи, налѣво—свѣтскія власти и выборные стрѣльцы.

— Зачѣмъ такъ дерзко и нагло пришли въ царскія палаты, будто къ иновѣрнымъ и Бога незнающимъ?—сказала раскольникамъ царевна Софья.

— Мы пришли къ царямъ - государямъ,—отвѣтилъ Никита,—побить челомъ объ исправленіи Православной вѣры, чтобы дали намъ свое праведное разсмотрѣніе съ новыми законодавцами.

На патріарха Никита не обращалъ никакого вниманія.

— Не вамъ, простолюдинамъ, подобаетъ исправлять церковныя дѣла,—отвѣчалъ патріархъ. — Вы должны повиноваться матери-святой - Церкви и всѣмъ архіереямъ. Книги церковныя исправлены съ греческихъ и нашихъ старинныхъ хартейныхъ (рукописныхъ) книгъ по грамматикѣ, а вы грамматическаго разума не знаете.

— Мы пришли не про грамматику съ тобой толковать, а про церковные догматы, — дерзко закричалъ Никита въ отвѣтъ патріарху и тутъ же показалъ полное свое невѣжество:—зачѣмъ вы, архіереи, при осѣненіи крестомъ берете въ правую руку свѣчу, а крестъ въ лѣвую? Нешто свѣча важнѣе креста?

Темный изувѣръ и это почиталъ за нарушеніе догматовъ вѣры. Тутъ началъ онъ съ яростію великою осуждать новшества церковныя, стараясь крикомъ и дерзостію смутить престарѣлаго патріарха.

На помощь патріарху выступилъ архіепископъ Аѳанасій, святитель, бодрый силами, много начитанный и хорошо знающій всѣ ухищренія расколо-учителей. Увидѣвъ передъ собою опаснаго противника, Никита заскрежеталъ зубами.

— Что ты, нога, выше головы становишься? Я не съ тобой говорю, а съ патріархомъ!—въ неистовствѣ вскричалъ Никита и бросился на Аѳанасія съ кулаками.

Выборные стрѣльцы насилу оттащили яростнаго изувѣра отъ архіепископа.

— Видите ли, что̀ дѣлаетъ Никита?—воскликнула Софья, поднявшись съ трона.—Въ нашихъ глазахъ архіерея бьетъ, а безъ насъ и подавно бы убилъ! Не стать тебѣ, Никита, съ нами говорить и на глазахъ нашихъ быть!

— Онъ не билъ архіерея, а только рукой отвелъ,—оправдывали раскольники своего коновода.

Царевна приказала дьяку читать раскольничью челобитную. Святители возражали сначала на каждое обвиненіе; но изступленные люди не хотѣли и слушать, и съ неистовымъ крикомъ осыпали пастырей церкви дерзкими упреками.

Когда изъ челобитной прочитали, что еретикъ Никонъ поколебалъ душу царя Алексѣя Михайловича, и съ тѣхъ поръ погибло на Руси благочестіе,—тутъ царевна Софья опять не выдержала, слезы выступили у нея на глазахъ, она поднялась и гнѣвно сказала:

— Если патріархъ Никонъ еретикъ, то и отецъ нашъ, и братъ Ѳеодоръ такіе же еретики были! Выходитъ, что и нынѣшніе цари не цари, патріархи не патріархи, архіереи не архіереи! Мы такой хулы не можемъ больше терпѣть и пойдемъ всѣ изъ царства вонъ!

Съ этими словами царевна сошла съ трона и стала поодаль. А въ мятежной толпѣ раздались дерзкіе голоса:

— Пора тебѣ, государыня-царевна, давно пора въ монастырь,—полно царствомъ-то мутить! Намъ бы здравствовали цари-государи, а безъ васъ пусто не будетъ!

Тутъ всѣ бояре и выборные стрѣльцы окружили царевну, клялись ей положить свои головы за нее и за царскій домъ и уговорили возвратиться на прежнее мѣсто.

— А все это отъ васъ!—обратилась царевна къ стрѣльцамъ.—Въ надеждѣ на васъ эти раскольники-мужики такъ дерзко пришли сюда. Чего вы смотрите: хорошо ли такимъ мужикамъ-невѣжамъ къ намъ бунтомъ приходить, творить намъ такія досады и кричать? Если мы должны быть въ такомъ порабощеніи, то царямъ и намъ здѣсь больше жить нельзя: уйдемъ въ другіе города и возвѣстимъ всему народу о такомъ непослушаніи и нестроеніи.

Насколько буйны были стрѣльцы, настолько же и трусливы. И ничѣмъ нельзя было такъ устрашить ихъ, какъ угрозою, что цари оставятъ Москву и призовутъ земскую рать. Стрѣльцы знали, что всѣ считаютъ ихъ измѣнниками и бунтовщиками. Бояре ихъ ненавидятъ. На торговыхъ людей и на все мирное населеніе Москвы они наводятъ страхъ. Многочисленное земское войско во главѣ съ дворянствомъ и прежде ихъ не любило, и теперь не дастъ имъ никакой пощады по первому слову отъ имени царей-государей. Тѣмъ только и сильны они, что правительница Софья заодно съ ними и во всемъ имъ мирволитъ. Что же будетъ, если

царевна съ царями Москву покинетъ и призоветъ на нихъ земское войско?..

— Мы великимъ государямъ и вамъ, государынямъ, вѣрно служить рады,—сказали выборные стрѣльцы царевнѣ.—Мы за православную вѣру и за ваше царское величество готовы свои животы положить и по указу вашему все сдѣлать. А что великимъ государямъ и вамъ, государынямъ, идти изъ Москвы,—сохрани, Боже! зачѣмъ это!

Царевна успокоилась. Стали опять читать челобитную. По окончаніи чтенія, патріархъ взялъ въ одну руку св. Евангеліе, написанное св. Алексѣемъ, митрополитомъ московскимъ, а въ другую—соборное дѣяніе патріарха Іереміи; указалъ на старинныя греческія и славянскія рукописи и сказалъ раскольникамъ:

— Вотъ старыя книги, и мы имъ вѣримъ.

Но раскольники ничего не видѣли и слушать не хотѣли увѣщаній патріарха, и только кричали, такъ что ничего и разобрать было нельзя.

Тутъ всталъ одинъ ученый священникъ и выступилъ впередъ съ раскольническою книгою.

— Вотъ ваши любимыя книги,—сказалъ онъ,—посмотрите, что въ нихъ напечатано: разрѣшается на мясо въ великій четвертокъ и въ великую субботу!

Никита, замолчавшій послѣ гнѣвной рѣчи царевны Софьи, не вытерпѣлъ и съ дерзостью крикнулъ въ ярости своей:

— Такіе же плуты печатали!..

Царевна въ гнѣвѣ прекратила споръ. Раскольникамъ объявили, что за позднимъ временемъ отвѣтъ на челобитную сказанъ будетъ послѣ.

Царскія особы встали съ своихъ мѣстъ и вышли изъ Грановитой палаты. За ними послѣдовалъ и патріархъ.

Съ торжествомъ покинули палату раскольники и явились на площади передъ народомъ. Поднявъ высоко надъ головой два пальца, какъ по-старообрядски складывали для крестнаго знаменія, они кричали, что было мо̀чи, народу:

— Тако вѣруйте, тако творите! Всѣхъ архіереевъ переспорили и посрамили.

Народъ не зналъ, что произошло въ палатѣ, и въ недоумѣніи слѣдовалъ за ними. На Лобномъ мѣстѣ остановились, и Никита долго поучалъ народъ старой вѣрѣ. Отсюда они съ торжествомъ двинулись за Яузу, отслужили въ одной церкви молебенъ съ колокольнымъ звономъ и разбрелись потомъ по домамъ.

Въ скоромъ времени царевна собрала во дворцѣ выборныхъ отъ стрѣлецкихъ полковъ и вышла къ нимъ съ царицей и другими царевнами.

— Ужели вы промѣняете насъ на этихъ чернецовъ,—со слезами говорила царевна,—и предадите поруганію святѣйшаго патріарха со всѣмъ освященнымъ соборомъ?

Царевна стыдила стрѣльцовъ, ласково хвалила ихъ за прежнюю вѣрную службу, обѣщала новыя щедрыя награды.

— Мы за старую вѣру не стоимъ,—отвѣтили стрѣльцы царевнѣ,—и не наше это дѣло, а дѣло патріарха и освященнаго собора.

За такія умныя рѣчи стрѣльцовъ тутъ же щедро наградили и хорошо угостили. Рядовые стрѣльцы въ слободахъ побуянили, но и они не могли устоять передъ соблазномъ, когда выставили имъ по ушату вина на десятерыхъ.

Стрѣльцы обѣщали, что не будутъ впередъ вступаться за старую вѣру, а раскольниковъ послѣ этого начали бить, приговаривая:

— Вы бунтовщики и мутите всѣмъ царствомъ. Изъ-за васъ и мы хулу терпимъ.

Раскольники попрятались и разбѣжались, кто куда могъ, но главныхъ коноводовъ переловили. Никитѣ отрубили голову на Красной площади передъ всѣмъ народомъ. Другихъ разослали по дальнимъ мѣстамъ въ заточеніе, и то только по большой просьбѣ Хованскаго.

Остался до поры до времени цѣлымъ и невредимымъ самъ Хованскій. Стрѣльцы его любили,—тѣмъ онъ и страшенъ былъ для царевны. Но скоро и его часъ насталъ.

Между стрѣльцами распространился слухъ, что бояре хотятъ совсѣмъ уничтожить стрѣлецкое войско. Стрѣльцы опять зашумѣли и заволновались. Обращаются съ просьбою къ Хованскому, а онъ и радъ новой смутѣ. Давно не любилъ Хованскій бояръ и злоумышлялъ противъ нихъ,—онъ одинъ хотѣлъ властвовать надъ всѣми.

Волненіе между стрѣльцами со дня на день усиливалось.

Видитъ царевна Софья, что оставаться въ Москвѣ опасно, и переѣзжаетъ со всѣмъ царскимъ домомъ въ подмосковное село Коломенское. Бояре поѣхали съ нею, другіе разъѣхались по своимъ вотчинамъ. Москва опустѣла.

Въ Коломенскомъ царевна получаетъ подметное письмо,—доносъ на Хованскаго, будто онъ хочетъ убить обоихъ царей, царицу, правительницу Софью и многихъ бояръ; самъ онъ станетъ царемъ, а на патріаршее мѣсто посадитъ старовѣра.

Царевнѣ выгодно было повѣрить такому доносу, чтобъ развязаться и съ Хованскимъ, и со стрѣльцами. Вся царская семья поспѣшно удаляется изъ Коломенскаго и направляется въ Троицкую Лавру, какъ въ неприступную крѣпость. Въ то же время вызываютъ отовсюду ратныхъ людей для защиты царей и отечества отъ бунтовщиковъ—стрѣльцовъ и злодѣя Хованскаго.

Быстро собираются ратные люди,—всѣ ужъ и раньше знали, что̀ творится въ Москвѣ. Софья теперь не боится больше ни Хованскаго, ни стрѣльцовъ.

Хованскаго, будто для совѣта по важному дѣлу, зовутъ къ царевнѣ. Тотъ, ничего не вѣдая, ѣдетъ съ сыновьями къ Троицѣ безъ всякой охраны. На дорогѣ ихъ схватили, объявили Хованскому его вины, какъ написаны онѣ были въ письмѣ подметномъ, и тутъ же безъ слѣдствія и суда казнили. Предали казни и его старшаго сына, не объявивъ ему никакой вины.

Возмутились въ Москвѣ и забуянили сначала стрѣльцы, когда услышали о казни любимаго начальника, но скоро потомъ смирились, узнавъ, что вокругъ Троицы собралась большая рать. Своевольные убійцы и мятежники обратились въ

покорныхъ рабовъ: принесли царевнѣ повинную и униженно просили о помилованіи.

Нѣсколько человѣкъ казнили, всѣхъ другихъ простили, но съ тѣмъ, чтобы стрѣльцы во всемъ впередъ были послушны, не дѣлали бы смуты, не защищали раскольниковъ, не подстрекали на бунтъ крестьянъ. Стрѣльцы клялись въ вѣрной службѣ. Сами же они испросили разрѣшеніе уничтожить и памятникъ на Красной площади, поставленный въ честь стрѣльцовъ послѣ кровавыхъ майскихъ дней. Отнято было отъ стрѣлецкаго войска и почетное названіе—„надворной пѣхоты". Въ начальники стрѣльцамъ царевна Софья выбрала Шакловитаго, человѣка умнаго и вполнѣ ей преданнаго.

Царская семья, бояре и царедворцы возвратились въ Москву.

Усмирила правительница Софья раскольниковъ, яростныхъ враговъ всякихъ новшествъ; обуздала мятежныхъ стрѣльцовъ; но остались въ людяхъ безъ перемѣны и мрачное невѣжество, и закоснѣлая грубость нравовъ, и самоуправство, и недовольство. Одно только просвѣщеніе да устройство въ землѣ правыхъ порядковъ и могутъ смягчить грубые нравы, обуздать въ человѣкѣ звѣря, успокоить всеобщее недовольство.

Къ этой новой жизни возродитъ русскую землю царь-богатырь Петръ Алексѣевичъ.

8. Потѣхи Петра.

Много тягостныхъ и страшныхъ событій пережилъ десятилѣтній Петръ въ этотъ короткій срокъ своей жизни!

При царѣ Θеодорѣ царевичъ живетъ будто въ ссылкѣ и постоянно видитъ печаль и слезы матери, слышитъ ея жалобы на несправедливость и обиды. Впечатлительный ребенокъ жалѣетъ нѣжно любящую его мать, въ его сердцѣ уже растутъ недобрыя чувства ко всѣмъ ея недругамъ.

Царь Θеодоръ скончался, и царевича — десятилѣтняго ребенка избираютъ въ цари. Онъ на царскомъ тронѣ; пат-

ріархъ и царедворцы воздаютъ ему царскія почести. И прежняя изгнанница, а теперь радостная и счастливая мать раздѣляетъ съ нимъ эти почести, она—первое лицо въ цѣломъ государствѣ. Но эта радость лишь на короткое время, и черезъ нѣсколько дней смѣняется кровавою бѣдою, неутѣшнымъ горемъ и великимъ страхомъ за самую жизнь. Царь-ребенокъ слышитъ изъ дворца буйные вопли стрѣльцовъ, которыхъ никто унять не можетъ. Трепещущая отъ страха мать-царица за руку выводитъ сына на Красное крыльцо. Онъ—лицомъ къ лицу передъ разъяренной, свирѣпой толпой, видитъ эти звѣрскія лица, слышитъ вопли о выдачѣ близкихъ ему людей для кровавой расправы... Видитъ и слышитъ нѣсколько дней и ночей безъисходное отчаяніе матери, вмѣстѣ съ нею переживаетъ лютый страхъ смерти.

И опять изгнаніе. И опять слезы и жалобы матери и всѣхъ окружающихъ.

Все это пережилъ десятилѣтній ребенокъ съ пламеннымъ сердцемъ. Онъ выросъ за это время, въ нѣсколько дней онъ сталъ старше на много лѣтъ. Въ его омраченной душѣ живутъ уже не-дѣтскія чувства. Онъ ненавидитъ своихъ недруговъ-лиходѣевъ. Онъ хоть и ребенокъ, но ребенокъ-царь. Придетъ его время,—онъ всѣмъ и за все отплатитъ. Скоро въ дѣтской душѣ смѣняются мимолетныя мысли и чувства, но живучи сильныя впечатлѣнія дѣтства, и не скоро они забываются.

А недруги-лиходѣи волей-неволей принуждены напоминать ребенку о царскомъ его санѣ, о самодержавной его власти. Пріѣзжаютъ послы иноземные, и царю-ребенку нужно быть на ихъ пріемѣ, въ кремлевскомъ дворцѣ. Рядомъ съ братомъ возсѣдаетъ онъ на царскомъ тронѣ въ серебряномъ креслѣ, въ богатомъ царскомъ одѣяніи, сіяющемъ драгоцѣнными камнями. Вокругъ нихъ и бояре, и царедворцы, и стража, и всѣ воздаютъ имъ великія почести, раболѣпствуютъ передъ ними.

И не похожъ, во всемъ не похожъ младшій братъ на старшаго. Слабый и хилый Иванъ сидитъ неподвижно, на-

двинувъ на глаза царскую шапку, съ потупленнымъ, робкимъ взглядомъ, никого не видитъ, ничего не слышитъ. А юный Петръ открыто смотритъ на всѣхъ, внимательно слушаетъ рѣчи пословъ, и самъ бойко и смѣло, на удивленіе всѣмъ, держитъ заученную отвѣтную рѣчь. Всѣ любуются смѣлымъ и умнымъ ребенкомъ, всѣхъ онъ приводитъ въ восторгъ. Послы иноземные не хотятъ и вѣрить, что ему только одиннадцать лѣтъ. Петръ кажется имъ шестнадцатилѣтнимъ юношей. Такъ раньше времени развили пламеннаго отрока печальная доля въ младенчествѣ и раннія, бурныя грозы.

Печально и теперь проходятъ дни за днями въ Преображенскомъ дворцѣ, въ теремѣ царицы, — однообразно, скучно и грустно. Все тѣ же слезы и жалобы, все тѣ же горькія бесѣды о похищенной власти, о плохомъ правленіи и нестроеніи въ дѣлахъ государевыхъ.

Скучно пламенному отроку въ теремѣ матери-царицы. Нехитрыя книжныя занятія съ Зотовымъ окончились, и другого учителя Петру не дали, а пытливый умъ настойчиво требуетъ новой и новой пищи.

Много у него разныхъ инструментовъ, и до страсти любитъ онъ рубить и пилить, строгать и точить. Но игрушечные инструменты его ужъ не забавляютъ, да и не сидится ему долго на одномъ мѣстѣ, — пылкая душа просится на волю.

Мало забавляютъ теперь Петра и потѣшныя игры дѣтскія съ дѣтьми-сверстниками: переросъ ужъ онъ всѣхъ своихъ товарищей, хочется ему настоящаго дѣла военнаго.

Что же дѣлать юному богатырю, которому ужъ грузно становится отъ силушки, какъ отъ тяжкаго бремени?

И покидаетъ царь-отрокъ скучный дворецъ свой и тѣсные сады преображенскіе, которые оглашались до этого играми потѣшными, и бѣжитъ на улицу широкую, на вольный просторъ,—съ удалыми ребятами тѣшиться. Здѣсь онъ самъ найдетъ себѣ и новыхъ друзей-товарищей, и новыя потѣхи занятныя. Самоучкой самъ до всего дойдетъ.

Заѣзжаетъ какъ-то къ Петру князь Яковъ Долгорукій (въ 1687 г). проститься съ царемъ, передъ дорогою дальней откла-

няться: ѣдетъ князь во Францію по дѣламъ государевымъ. Въ разговорѣ съ Петромъ князь спрашиваетъ, какой гостинецъ укажетъ государь привезти ему изъ чужихъ земель? И тутъ же вспоминаетъ князь, что какъ-то нѣмецъ заѣзжій привезъ ему инструментъ чудной, занятный: можно, будто бы, инструментомъ этимъ измѣрять большія разстоянія, съ мѣста не сходя.

Такъ и загорѣлся Петръ отъ этихъ словъ. Какъ зовется этотъ чудесный инструментъ? подавай его сейчасъ! Надобно его на дѣлѣ испытать!

Но князь говоритъ, что инструментъ затерялся, не знамо гдѣ; запамятовалъ князь и то, какъ инструментъ чудной называется.

Досадно и горько Петру. И проситъ онъ князя непремѣнно разыскать въ чужихъ земляхъ такую вещь драгоцѣнную и привезти ему.

Черезъ годъ съ небольшимъ князь привезъ Петру гостинецъ желанный. Это были астролябія и готовальня съ циркулями и прочимъ чертежнымъ наборомъ. Теперь такой инструментъ всякій землемѣръ и чертежникъ знаютъ, и не только землемѣры, а и наши школьники. А тогда и царедворцы, и всѣ близкіе къ Петру люди никогда и простого циркуля въ глаза не видывали, и не слыхивали, чтó дѣлать съ диковинными вещами, и для чего онѣ?

Новое горе для Петра: инструменты на-лицо, а какъ примѣнить ихъ къ дѣлу, — невѣдомо! Непремѣнно надобно отыскать человѣка свѣдущаго. Всѣхъ разспрашиваетъ Петръ, и отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ: „не вѣдаемъ!“

— Спросить бы доктора иноземного! — кто-то посовѣтовалъ, — нѣмцы все на свѣтѣ знаютъ.

Привели доктора. Знать-то онъ знаетъ инструментъ, но показать его въ дѣлѣ не можетъ. Зато обѣщаетъ докторъ привести къ царю такого человѣка, который не только это дѣло, но и всякія науки хорошо знаетъ. — Откуда же взялся въ Москвѣ такой человѣкъ всезнающій?

На окраинѣ Москвы, на берегу Яузы, недалеко отъ Преображенскаго было нѣмецкое предмѣстье — „Нѣмецкая сло-

бода“. Жили тамъ только иностранцы—нѣмцы, голландцы, англичане, шотландцы. Были межъ ними пасторы и доктора, купцы и военные, техники и ремесленники. Не любили иностранцевъ старозавѣтные русскіе люди, чуждались ихъ, но обойтись безъ свѣдущихъ людей было невозможно, и приходилось терпѣть ихъ и на службѣ царской, и въ торговомъ дѣлѣ, прибѣгать къ ихъ помощи и въ обиходной жизни. Жили иностранцы по-своему, по-иноземному, во всемъ держались своихъ обычаевъ и церкви свои имѣли, богослуженіе по-своему отправляли. Потому-то и отвели имъ особое мѣсто на самомъ краю города, чтобы соблазна отъ нихъ для русскихъ людей не было.

Гдѣ же и найти для царя знающаго человѣка, кромѣ Нѣмецкой слободы? И докторъ сыскалъ такого человѣка и привелъ къ Петру. Это былъ голландецъ Францъ Тиммерманъ.

Показали Тиммерману инструменты, и онъ сказалъ про нихъ тѣ же слова, что и князь Долгорукій, и что употребить эти инструменты онъ умѣетъ. И показалъ все на дѣлѣ. Но чтобъ научиться измѣрять разстоянія, нужно науки знать.

— „Къ сему я гораздо присталъ, — разсказывалъ потомъ про себя Петръ, — съ охотою учиться геометріи и фортификаціи *). И тако сей Францъ, черезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами“.

Начались пристальныя занятія Петра съ Тиммерманомъ. Отъ этихъ занятій сохранились учебныя тетради Петра. Исписаны онѣ рукою нетвердою, непривычною, со многими ошибками противъ тогдашняго правописанія. Часто слово отъ слова и рѣчь отъ рѣчи вовсе не отдѣлялись; въ серединѣ словъ, безъ всякой нужды буква ъ поставлена (*въсякимъ, верхъній, съмотри, сътрелять*), множество описокъ и недописокъ, и всякихъ другихъ ошибокъ. О геометріи и фортификаціи на первое время нечего было и думать. Пятнадцатилѣтній Петръ не зналъ еще и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики.

---

*) Фортификація—наука о сооруженіи крѣпостей.

Но даровитый ученикъ горѣлъ желаніемъ все понять и усвоить и съ неслыханною быстротою переходилъ отъ одной науки къ другой. Прослушалъ онъ первыя четыре правила ариѳметики и сейчасъ же сообразилъ, въ чемъ тутъ вся сила: своею рукою правильно и отчетливо записалъ для себя въ тетрадь всѣ четыре дѣйствія, пояснивъ каждое примѣрами, привелъ способы повѣрки дѣйствій, разобрался во всѣхъ трудностяхъ *„съ онами"* (нолями). Прошелъ потомъ и числа именованныя и перешелъ къ высшимъ частямъ математики. Скоро постигъ Петръ и астролябію и въ нѣсколькихъ словахъ записалъ, „какъ ею можно собрать, или измѣрить поле". Изучилъ Петръ до подробностей, какъ сооружать крѣпости, и затвердилъ всѣ иностранныя названія, какія встрѣчаются въ фортификаціи, выучилъ размѣры орудій, и какъ ихъ надо уставлять и направлять, чтобы бомба въ цѣль попадала.

Всѣ эти трудности быстро одолѣлъ талантливый ученикъ, и тотчасъ же, не откладывая ни на одну минуту, сталъ примѣнять науки къ настоящему дѣлу.

Такъ-то Нѣмецкая слобода и сослужила Царю Петру великую службу: познакомила его съ науками, о которыхъ до этого въ Россіи и не слыхивали. Но это лишь малая служба, настоящее дѣло еще впереди.

Съ молодыхъ ногтей страстно любилъ Петръ военныя потѣхи, и тѣнистые сады и рощи Преображенскаго каждый день оглашались воинственными криками потѣшныхъ дѣтей, царскихъ сверстниковъ.

Подросъ мальчикъ, и тѣсно ужъ ему въ саду и въ рощѣ, не забавляютъ его больше дѣтскія игры съ товарищами, и кликнулъ онъ громкій кличъ, — зоветъ къ себѣ охотниковъ вольныхъ для службы ратной молодецкой. И собирается вокругъ Петра удалая дружинушка вольная. Кто они, эти новые товарищи, какого они рода и племени? Петръ объ этомъ не спрашиваетъ,—кто уменъ да удалъ, кто пригоденъ для дѣла, тому и рады. Въ потѣшную дружину принимаютъ людей разнаго возраста и званія.

Пришелъ двадцатипятилѣтній, здоровый и плечистый придворный конюхъ (Сергѣй Бухвистовъ), и Петръ принимаетъ его съ великою радостью. Приходятъ и еще конюхи и конюшія дѣти. Являются на новую службу и солдаты, и всякіе охочіе люди. Записываются на вольную службу и боярскія дѣти, и молодые люди изъ знатныхъ фамилій. Князя Михаила Голицына, по малолѣтству его, записали „въ барабанную науку“.

Здѣсь конюхъ и князь равны межъ собою. И самъ царь наравнѣ со всѣми: онъ служитъ вначалѣ барабанщикомъ. Чины и всякія отличія даются здѣсь только за умъ да за усердіе къ службѣ.

Ничего такого еще не было на Руси доселѣ: зародилось новое дѣло, сложилось новое вольное товарищество для службы государевой.

Позвали въ дружину знающихъ ратное дѣло людей изъ Нѣмецкой слободы: они укажутъ и покажутъ, какъ и что дѣлать не для игры только и забавы, а по-настоящему, какъ ведется это въ чужихъ земляхъ. И самъ Петръ ужъ не мало знаетъ изъ военныхъ наукъ, а что узнаетъ, то и къ дѣлу сейчасъ примѣняетъ.

Каждый день дружина учится военному строю. Сооружаютъ крѣпости, — одни ихъ защищаютъ, другіе штурмомъ берутъ. Устраиваются настоящіе военные походы.

Дружина разрастается все больше да больше. Петръ беретъ къ себѣ всѣхъ барабанщиковъ и флейтщиковъ изъ Бутырскаго полка, переводитъ къ себѣ стрѣльцовъ изъ Сухаревскаго полка, забираетъ изъ конюшеннаго приказа всю упряжь и лошадей подъ свою артиллерію. Составились настоящіе солдатскіе полки. Село Преображенское приняло видъ вооруженнаго и стройнаго военнаго стана, устроеннаго по-иноземному.

По замыслу и трудами Петра на берегу Яузы сооружена настоящая земляная крѣпость, которая названа по-иноземнему—*Пресбургъ*. Съ раскатовъ этой крѣпости грянулъ оглушительный громъ орудій и грозно раскатился надъ всею Москвой.

Въ кремлевскомъ дворцѣ встревожились такими не-дѣтскими забавами. Царевна Софья недовольна и самимъ Петромъ, и его товарищами. Съ досадою смотритъ она на удалую дружину брата презрительно называетъ всѣхъ — „конюхами“, „озорниками“.

Такъ, изъ дѣтской потѣхи и выросло большое и важное государственное дѣло: положено начало настоящей арміи, устроенной и вооруженной по-иноземному. И въ этомъ дѣлѣ „Нѣмецкая слобода“ и „нѣмецкая наука“ сослужили Петру и всей Россіи добрую службу.

Въ это же время зародилось и еще новое большое дѣло—водяная потѣха.

Не разстается Петръ съ своимъ учителемъ Тиммерманомъ и всюду таскаетъ его за собою. Все ему нужно знать и понять, и Тиммерманъ все долженъ объяснить.

Въ Измайловѣ *) забрался Петръ въ амбары, гдѣ сложены были негодныя вещи родича царскаго Никиты Ивановича Романова. И видитъ тамъ Петръ суденышко, по виду иноземное, и спрашиваетъ Тиммермана:

— Что это за судно?

— Это ботъ англійскій,—отвѣчаетъ Тиммерманъ.

— А гдѣ его употребляютъ?

— При морскихъ корабляхъ—для ѣзды и возки кладей.

— А чѣмъ онъ лучше нашихъ судовъ?

— Ботъ этотъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтра.

„И это слово,—разсказываетъ потомъ про себя Петръ,—въ великое удивленіе меня привело, и яко бы все то неимовѣрно“.

— А есть ли такой человѣкъ, который бы ботъ починилъ и ходъ мнѣ показалъ?

— Есть,—говоритъ Тиммерманъ.

Съ великою радостію услышавъ такой отвѣтъ, Петръ приказываетъ сыскать и къ нему привести того человѣка.

---

*) Измайлово — царское село въ семи верстахъ отъ Москвы по Владимірской дорогѣ.

Тиммерманъ привелъ къ Петру голландца Кирштенъ-Бранта. Это былъ корабельный плотникъ изъ Нѣмецкой слободы. Онъ, въ компаніи съ другими корабельными мастерами, пріѣхалъ изъ-за границы по зову царя Алексѣя Михайловича, чтобы строить морскія суда на Каспійскомъ морѣ. Тогда изъ этого дѣла ничего не вышло: построили одинъ корабль („Орелъ"), да и тотъ казаки сожгли. Но чего не удалось сдѣлать отцу, то удастся сыну: у него что задумано, то и сдѣлано.

Брантъ, по приказу Петра, живо починилъ ботъ, приладилъ мачту и паруса, спустилъ на Яузу. „При мнѣ лавировалъ,—разсказываетъ Петръ,— что мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало".

И часто началъ забавляться ботикомъ Петръ. Но ботъ не всегда хорошо ворочался на водѣ, часто упирался онъ въ берега Яузы.

— Почему такъ?—спрашиваетъ Петръ.

— Вода узка,—отвѣчаетъ Брантъ.

Перевезли ботъ на Просяной прудъ (въ Измайловѣ), но и тамъ не лучше Яузы. А охота часъ отъ часу разгорается. Искра попала въ порохъ.

Сталъ провѣдывать Петръ, гдѣ больше воды. Говорятъ,—на Переяславскомъ озерѣ,—оно самое большое.

Петръ выпросился у матери въ Троицкій монастырь, будто по обѣщанію, и въ одинъ мигъ очутился за Троицой—на пути къ Переяславскому озеру.

Дорога отъ Троицы къ Переяславлю пролегаетъ по живописнымъ мѣстамъ, по холмамъ и долинамъ, между зеленыхъ рощъ и роскошныхъ нивъ. Верстъ за пять до Переяславля, съ высокой горы, открывается очаровательная картина: горизонтъ неизмѣримый; направо, при самомъ озерѣ,—городъ со множествомъ древнихъ красивыхъ церквей; налѣво — Плещеево озеро, верстъ тридцать въ окружности, какъ море безбрежное *).

*) Плещеево озеро въ длину верстъ девять, въ ширину—восемь. При берегахъ оно мелко, а въ срединѣ глубоко,—по мѣстамъ до двадцати пяти саженъ.

Петръ очарованъ водянымъ просторомъ. Онъ спѣшитъ въ Москву и ужъ явно проситъ у матери дозволенія строить суда на Переяславскомъ озерѣ.

И до этого съ трепетомъ смотрѣла царица на огненныя потѣхи сына, а теперь новая затѣя приводитъ ее въ ужасъ: мало ли что можетъ на водѣ приключиться? Да и нельзя Петру часто и надолго изъ Москвы отлучаться: ходятъ недобрые слухи про замыслы царевны Софіи. Но не въ силахъ

Спускъ ботика на Яузу.

царица удержать при себѣ сына и даетъ ему свое разрѣшеніе.

Кирштенъ-Брантъ съ мастеромъ Кортомъ ѣдутъ спѣшно въ Переяславль суда закладывать и строить.

А царица межъ тѣмъ надумала про себя надежное, по ея мыслямъ, средство, чтобы привязать къ Москвѣ сына: нужно женить его поскорѣе. И тотчасъ сама нашла ему невѣсту, дѣвушку-красавицу Евдокію Ѳедоровну Лопухину. Къ невѣстѣ своей Петръ былъ равнодушенъ, но ослушаться

государыни-матери не захотѣлъ. Отпраздновали свадьбу. Петру не исполнилось тогда и семнадцати лѣтъ.

Затаенная надежда заботливой матери не оправдалась, и не сбылась надъ Петромъ пословица: „женится, перемѣнится“. Свадьбу отпраздновали въ концѣ января (въ 1689 г.), а какъ только начали вскрываться рѣки, Петръ сейчасъ же покинулъ молодую жену и ускакалъ въ Переяславль на озеро.

А тамъ ужъ Брантъ поспѣшаетъ съ своимъ дѣломъ. Два судна въ отдѣлкѣ, и третье наготовѣ. Въ самый день пріѣзда царя озеро вскрылось. Радостно смотритъ Петръ на необозримую поверхность водную, и страстно хочется ему прокатиться по озеру на собственномъ корабликѣ новомъ.

Привычный къ топору и рубанку, Петръ самъ принялся помогать Бранту, и удары царскаго топора огласили окрестности Переяславля.

Тотчасъ же по пріѣздѣ, державный плотникъ пишетъ матери-царицѣ и о своей радости, и о дѣлахъ своихъ неотложныхъ.

„Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ-царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка *), благословенія прошу, и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа (апрѣля), и суда всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобъ тѣ канаты, по семисотъ саженъ, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ, и житье наше продолжится. Посемъ паки благословенія прошу".

Петръ зналъ, чѣмъ заставить мать поспѣшить присылкой канатовъ,—„иначе житье мое здѣсь продолжится". Но на этотъ разъ онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Вмѣсто канатовъ царица-мать посылаетъ ему повелѣнье вернуться домой скорѣе: близокъ день поминанья царя Ѳеодора, и все царское семейство, по уставу церковному, непремѣнно должно быть на панихидѣ въ соборѣ Архангельскомъ.

Но Петру невозможно оторваться отъ захватившей его работы, и онъ пишетъ такой отвѣтъ:

„Возлюбленнѣйшей и дражайшей моей матушкѣ, государынѣ-царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, недостойный сынишка твой, Петрушка, о здравіи твоемъ присно слышати желаю. А что изволили ко мнѣ приказывать, чтобы мнѣ быть въ

*) Въ старину дѣти передъ родителями и низшіе передъ высшими называли себя уменьшительными именами.

Москвѣ, и я быть готовъ; только, гей, гей, дѣло есть... А мы молитвами твоими въ цѣлости пребываемъ. По семъ и наипокорственнѣ предаюся на волю вашу. Аминь".

Но царица вновь твердо настаиваетъ. Зоветъ Петра и молодая жена:

„Государю моему радости, царю Петру Алексѣевичу. Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ. Просимъ милости, пожалуй, государь, къ намъ, не замѣшкавъ. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челомъ бьетъ".

Дѣлать было нечего. Петръ ѣдетъ въ Москву и едва поспѣваетъ къ панихидѣ. Но черезъ мѣсяцъ опять летитъ на озеро.

Суда всѣ почти готовы; Петръ не можетъ до-сыта налюбоваться на нихъ, спѣшитъ поскорѣй окончить работу. А мать умоляетъ какъ можно чаще извѣщать ее о здоровьѣ. Петру некогда, онъ пишетъ наскоро, на лоскуткахъ грязной бумаги, дрожащею рукою послѣ дневной работы. У него только и думы, только и рѣчи, что о своихъ судахъ.

„Гей,—пишетъ онъ торопливо царицѣ,—о здравіи твоемъ слышать желаю и благословенія прошу; а о судахъ паки подтверждаю: зѣло хороши всѣ".

Но его опять настойчиво требуютъ въ Москву, чтобы ѣхалъ, не мѣшкавъ ни часу. Поѣхалъ Петръ, и пришлось ему остаться въ Прображенскомъ: дошли до него зловѣщіе слухи о коварныхъ замыслахъ царевны.

Въ то время, когда юный царь трудился, „яко Ной надъ ковчегомъ", властолюбивая царевна осмѣлилась опорочить брата передъ всѣмъ народомъ, огласила его неспособнымъ къ правленію государствомъ, чтобы снять съ него царскую корону и украсить ею себя.

9. Конецъ правленію Софьи.

Властолюбивая царевна все это время правила государствомъ безъ всякой помѣхи. Хилый царь Иванъ ни въ какія дѣла входить не можетъ. Юный Петръ съ пылкою страстію предается то книжному ученью, то военнымъ и воднымъ потѣхамъ. Царица Наталья живетъ въ Преображенскомъ,

будто въ ссылкѣ. Стрѣльцы покорны волѣ царевны. У нея одной въ рукахъ вся власть и сила. Только надолго ли все это?

Юный Петръ не по лѣтамъ мужаетъ, и на глазахъ у всѣхъ растетъ въ немъ богатырская сила. Вокругъ него выросло чуть не цѣлое войско. „Конюхами“ и „озорниками“ злобно зоветъ „потѣшныхъ“ царевна, но тѣмъ-то они и страшны, что ея не боятся, и сдѣлаютъ все, что Петръ укажетъ и прикажетъ. Еще годъ-другой, и вѣнчанный царь возьметъ власть въ свои руки, и всѣ ужъ хорошо видятъ и знаютъ, что неминуемо наступятъ тогда большія во всемъ перемѣны. Что же ожидаетъ впереди властную царевну? Опять ненавистный теремъ, — а пожалуй, и того еще хуже: запрутъ насильно въ монастырскихъ стѣнахъ, въ тѣсной кельѣ, сошлютъ въ позорную ссылку... Одна мысль объ этомъ приводитъ царевну въ трепетъ. Власть и сила теперь еще въ ея рукахъ, и она навсегда упрочитъ эту власть за собою, пока еще есть время. Не мало у царевны друзей и слугъ, преданныхъ и вѣрныхъ.

Три близкихъ сообщника у царевны, на которыхъ она смѣло можетъ во всемъ положиться,—участь ихъ неразрывно связана съ ея судьбою: князь Василій Голицынъ, стрѣлецкій начальникъ Шакловитый и монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ.

Князь Василій Голицынъ вмѣстѣ съ царевной правитъ царствомъ; онъ у нея не только первый совѣтникъ, но избранникъ ея сердца, она его горячо любитъ. Молва въ Москвѣ ходитъ, что князь Василій разведется скоро со своею женою и повѣнчается съ царевной. Родъ Голицыныхъ одинъ изъ первыхъ въ государствѣ и отъ Рюрика ведетъ свое начало. Уменъ князь и очень образованъ. Нерѣшителенъ только князь Василій, и не пойдетъ онъ открыто ни на какое преступное дѣло. Но это сдѣлаютъ за него другіе, а онъ воспользуется тогда готовыми плодами.

Не таковъ былъ Шакловитый,—человѣкъ рѣшительный, смѣлый и готовый на всякое дѣло, когда отъ него предвидится польза. А въ его рукахъ стрѣльцы — великая сила. Человѣкъ онъ худородный, и ни въ комъ, кромѣ царевны,

не найти ему поддержки, когда бѣда надъ всѣми стрясется. Пока царевна у власти, до тѣхъ поръ и онъ въ чести и въ силѣ. Съ княземъ Васильемъ Шакловитый въ тѣсной дружбѣ: они почасту, тайно и явно, совѣщаются межъ собою. Но хитеръ и коваренъ Шакловитый: въ мечтахъ сокровенныхъ онъ надѣется потомъ занять при царевнѣ князя Василія мѣсто.

Но умнѣе, хитрѣе и образованнѣе всѣхъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ. Онъ былъ близокъ къ Симеону Полоцкому, наставнику царя Ѳеодора и царевны Софьи, и оба они съ юности своей уважали его за умъ и ученость. Когда Софья взяла власть въ свои руки, Медвѣдевъ сдѣлался ея тайнымъ совѣтникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ дѣлахъ. Онъ сочинялъ стихи во славу царевны, съ великими похвалами описывалъ дѣла ея правленія. А писалъ и говорилъ онъ складно и бойко, и обладалъ большими знаніями и въ богословскихъ, и въ другихъ наукахъ. Медвѣдева и стрѣльцы уважали, какъ книжнаго мужа, а онъ умѣлъ и говорить съ ними, и угодить имъ своими хитрыми рѣчами. Въ этихъ бесѣдахъ умный монахъ осторожно и искусно внушалъ простодушнымъ людямъ, что патріархъ—человѣкъ неученый и богословскихъ рѣчей не знаетъ, а царевну прославлялъ за ея добродѣтели и мудрость, всѣхъ противниковъ ея очернялъ, наводя стрѣльцовъ на мысль, что надобно навсегда упрочить власть за одной Софьей. Въ глубинѣ души своей Медвѣдевъ надѣялся сдѣлаться потомъ патріархомъ. И близкій его другъ Шакловитый не разъ говаривалъ стрѣльцамъ, что надобно перемѣнить патріарха и выбрать другого, хоть бы и изъ простыхъ монаховъ, только бы онъ держалъ ихъ руку.

У правительницы Софьи и у ея сообщниковъ одна и та же дума, чтобъ навсегда закрѣпить власть за собою, пока есть еще время: упустишь время, проиграешь все дѣло, и не только власть, но и голову потеряешь. Время идетъ быстрою чередою, срокъ совершеннолѣтія Петра близокъ, нужно торопиться.

По совѣту друзей своихъ царевна стала именовать себя, наравнѣ съ братьями-царями, самодержицею всея Руси. Такъ и подписывается она на всѣхъ бумагахъ. Съ такою же подписью и со всѣми царскими знаками велѣла она и свой портретъ изготовить.

А царица Наталья ропщетъ на это и безъ боязни говоритъ другимъ царевнамъ:

— Для чего это Софья стала писаться съ великими государями вмѣстѣ? У насъ люди есть, и того дѣла не покинутъ.

Слова царицы тотчасъ же передали царевнѣ, и еще прибавили, что у мачехи въ покояхъ и всегда всѣ говорятъ нехорошее про царевну, а больше всѣхъ бранятъ царевну братъ царицы, Левъ Нарышкинъ да близкій другъ Петра, Борисъ Голицынъ (двоюродный братъ князя Василія).

Негодуетъ царевна на такія слова мачехи-царицы, жалуется на нее и на друзей Петра своимъ сообщникамъ. А Шакловитый на это отвѣчаетъ:

— Чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, такъ лучше извести царицу.

А князь Василій раздумчиво къ тому прибавляетъ:

— Для чего и прежде вмѣстѣ съ братьями не уходили и царицы. Ничего бы теперь и не было.

Стали зорко слѣдить за Петромъ и за его друзьями. Стали допрашивать и пытать за супротивныя о царевнѣ рѣчи. Стали супротивниковъ изъ Москвы высылать, грозить имъ смертной казнью, чтобъ не расходилась въ народѣ недобрая молва про царевну.

Такъ шли дѣла, пока Петръ собиралъ и устраивалъ въ Преображенскомъ полки „потѣшныхъ“. Когда же съ земляной крѣпости раздались настоящіе выстрѣлы изъ настоящихъ пушекъ, когда объявились настоящіе вооруженные полки солдатъ, одному Петру подвластныхъ, дрогнуло сердце царевны, призадумалась она и заволновалась. Надобно, какъ можно скорѣе, спѣшить принять рѣшительныя мѣры, чтобы закрѣпить царскую власть за собою.

Давно мечтаетъ царевна о царской коронѣ. Къ вѣнчанной главѣ никто ужъ не посмѣетъ прикоснуться. А стрѣльцы ей помогутъ. Патріархъ и бояре перечить не станутъ. Легко будетъ тогда и со всѣми супротивниками развязаться. Въ тайномъ дружескомъ совѣтѣ назначили и день торжественнаго коронованія (Новый годъ—1-е сентября 1687 г.). Нужно только, чтобы стрѣльцы этого захотѣли.

Собираетъ къ себѣ въ домъ выборныхъ стрѣльцовъ Шакловитый, будто безъ вѣдома царевны, говоритъ имъ лукавыя рѣчи и внушаетъ мысль, чтобъ просили они государей короновать царскимъ вѣнцомъ премудрую государыню Софью:

— Напишите челобитную, а я доложу ее царевнѣ, и подадимъ потомъ великимъ государямъ, когда они выйдутъ на обновленіе лѣта.

Но стрѣльцы теперь ужъ осторожны,— хорошо помнятъ они старую науку.

— Какъ изволишь, — уклончиво они отвѣчаютъ, — а мы челобитной писать не умѣемъ.

— За челобитною дѣло не станетъ,— возражаетъ Шакловитый,—челобитную написать можно!

— А послушаетъ ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ? — отговариваются стрѣльцы.

— Если не послушаетъ, — сказалъ Шакловитый, — и во дворецъ пойдетъ, вы задержите ближнихъ его людей,— боярина Льва Кирилыча да князя Бориса; тогда онъ остановится и челобитье ваше приметъ.

— Да согласится ли еще патріархъ съ боярами? — возражаютъ стрѣльцы.

— Что патріархъ!— вскричалъ Шакловитый,— не тотъ, такъ другой будетъ... можно изъ простыхъ старцевъ выбрать, тотъ же патріархъ будетъ. А о боярахъ не безпокойтесь: всѣ они—отпадшее, зяблое дерево. Развѣ постоитъ до поры до времени одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Отпуская стрѣльцовъ по домамъ, Шакловитый одарилъ ихъ по пяти рублей и наказываетъ:

— Какъ придете въ слободы, призовите тайно въ съѣзжія избы вѣдомыхъ вамъ полчанъ, немногихъ, правовѣрныхъ, старыхъ и разумныхъ, поговорите съ ними на-крѣпко и что скажутъ донесите мнѣ. А я ужъ самъ изготовлю челобитную.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Шакловитый написалъ челобитную отъ имени всѣхъ чиновъ Россійскаго государства о вѣнчаніи царевны вѣнцомъ царскимъ. А выборные стрѣльцы стали совѣщаться объ этомъ дѣлѣ съ товарищами.

На стрѣльцовъ напало раздумье. Объявилось разномысліе. Только немногіе изъявили полную готовность послужить царевнѣ, и самыми рьяными межъ ними оказались—Гладкій, Чермный, и Стрижевъ. Другіе колебались. А иные прямо наотрѣзъ отказались и за то пострадали.

— Дѣло это царственное, великое!—говорили послѣдніе.— Не челобитьемъ, а слезами намъ надо молить Бога, чтобы Господь сотворилъ не по нашей, а по Своей святой волѣ.

До самаго конца стараго года Софья съ Шакловитымъ не теряли надежды склонить стрѣльцовъ на подачу царямъ челобитной. Въ самый канунъ Новаго года Шакловитый Медвѣдеву подтвердилъ:—Завтра благовѣрная царевна будетъ короноваться.

Но сама Софья, видя разномысліе стрѣльцовъ, рѣшила отложить на время это дѣло, а стрѣльцовъ приказала благодарить за ихъ общее, будто бы, желаніе, — только короноваться она пока не согласна:—не было бы это братьямъ во гнѣвъ и безчестье.

Стрѣльцы были рады такому мудрому рѣшенію. Только тѣ, кто изъявилъ свою готовность, съ печалью говорили:

— Не было бы намъ какой бѣды: многіе люди про то вѣдаютъ,—дѣло это вездѣ ужъ огласилось.

И не могло не огласиться такое дѣло. Провѣдала о немъ царица Наталья и вознегодовала. Вступился за царскій вѣнецъ и патріархъ, узнавши, какую участь ему самому сулили.

Теперь царевнѣ Софьѣ надобно самой оправдаться, свалить все на людей ей ненавистныхъ и разжечь противъ

нихъ злобу. Черезъ нѣсколько дней послѣ совѣщанія Шакловитаго со стрѣльцами, призываетъ къ себѣ царевна ночью человѣкъ десять стрѣльцовъ, самыхъ надежныхъ, и говоритъ имъ:

— Зачинаетъ бунтъ царица Наталья съ братьями и съ княземъ Борисомъ, да и патріархъ на меня посягаетъ; чѣмъ бы ему уговаривать, а онъ только мутитъ всѣми.

— Для чего бы князя Бориса и Льва Нарышкина *не принять*?—промолвилъ Шакловитый.—Можно бы принять и царицу. Извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ, и какова въ Смоленскѣ была: въ лаптяхъ ходила!

— Жаль мнѣ ихъ! И безъ того ихъ Богъ убилъ, — съ притворной жалостью промолвила Софья.

— Воля твоя, государыня! — уклончиво отвѣтили стрѣльцы,—что изволишь, то и дѣлай!—Сказали такъ стрѣльцы и по домамъ разошлись.

Но Софья и не думаетъ покинуть своего дѣла. Не удалось короноваться, такъ надо умыслить другое. Какъ никакъ, а Петръ все еще молодъ, и во всемъ помѣха—царица Наталья, да братъ ея, да князь Борисъ. Не будь ихъ, — развяжутся руки. А съ потѣшными стрѣльцы совладаютъ, лишь бы умненько повести дѣло.

Съ разныхъ сторонъ приступаетъ къ стрѣльцамъ Шакловитый, мутитъ ихъ, подговариваетъ къ кровопролитію. Обѣщаютъ стрѣльцамъ милости и награды. Пугаютъ заговоромъ противъ нихъ въ Преображенскомъ. Измышляютъ разные навѣты противъ царицы и людей къ ней близкихъ. Цѣлыхъ два года ухищряется Софья съ друзьями противъ своихъ недруговъ, и Шакловитый твердитъ стрѣльцамъ одно и то же:

— Всѣхъ насъ хотятъ извести: меня думаютъ высадить изъ приказа, а васъ разослать по городамъ. Царевну Левъ Нарышкинъ и князь Борисъ позорятъ и хотятъ выгнать. А безъ нея мы всѣ пропадемъ. А всѣмъ мутитъ царица.

Но стрѣльцы были глухи ко всѣмъ навѣтамъ и обѣщаніямъ и на кровопролитье не склонялись. Только пять че-

ловѣкъ, какъ и раньше, готовы были сдѣлать все, что укажетъ и прикажетъ Шакловитый.

И все же Софья съ друзьями не помышляютъ отъ своихъ замысловъ отрекаться: можно привлечь стрѣльцовъ къ дѣлу и обманомъ. Чтобы обнадежиться въ успѣхѣ, и царевна Софія, и князь Голицынъ, и многоученый богословъ Медвѣдевъ прибѣгаютъ къ чародѣйству: спрашиваютъ юродивыхъ и колдуновъ, велятъ волхвамъ гадать по звѣздамъ и по солнцу. Что напророчили имъ чародѣи,— неизвѣстно; нужно думать, что сказали они желанное властнымъ людямъ.

Составилось, наконецъ, тайное совѣщанье, и порѣшили: собрать стрѣльцовъ ночью въ Кремль и въ Китай-городъ, не объясняя имъ доподлинно всего дѣла, а сказать только, что нужна царевнѣ охрана отъ потѣшныхъ. А тутъ по набату двинуться всѣмъ на Преображенское, поднять переполохъ, и тогда въ сумятицѣ все можно будетъ сдѣлать. Назначили точно и время для совершенія злодѣйства (7 августа въ 1689 г.).

Но по кривой дорогѣ впередъ не видать, и не все такъ дѣлается, какъ желается...

Среди самыхъ близкихъ къ Шакловитому стрѣльцовъ, на которыхъ полагалась и сама Софья, нашлись и вѣрные Петру люди. Ихъ было всего восемь человѣкъ, и въ томъ числѣ—Елизарьевъ, Мелновъ и Ладогинъ. Ужаснулись они страшнаго злодѣйства и межъ собою порѣшили отвратить кровавую бѣду отъ царскаго семейства и головы свои положить за государя. Въ томъ и клятву они дали надъ Евангеліемъ святымъ и крестомъ животворящимъ. Они-то и ускорили развязку всего дѣла.

Когда стрѣльцовъ собрали въ Кремлѣ ночью въ назначенное время, и когда, казалось, все ужъ было готово къ ночному походу,—посылаетъ Елизарьевъ двухъ своихъ товарищей (Ладогина и Мелнова) въ Преображенское сказать царю, что въ эту ночь умышляется на него и на царицу смертное убійство.

Около полуночи прискакали въ Преображенское Мелновъ и Ладогинъ. Тамъ все было тихо. Петръ послѣ дневныхъ

трудовъ спалъ глубокимъ сномъ. Его поспѣшно разбудили. Разсказали со страхомъ все, что въ Москвѣ творится. Петръ вскочилъ съ постели и, какъ былъ, босой и въ одной рубашкѣ, бросился въ конюшню, сѣлъ на коня и ускакалъ въ ближайшій лѣсъ. Туда принесли ему изъ покоевъ платье. Наскоро одѣвшись, онъ помчался по дорогѣ въ Троицкую Лавру. Только три человѣка ѣхали за государемъ: постельничій Головкинъ, одинъ изъ стрѣльцовъ, что изъ Москвы пріѣхалъ, да еще одинъ карликъ.

Въ шесть часовъ утра прискакалъ государь въ Троицкую Лавру, усталый и въ страшной тревогѣ. Со слезами разсказалъ онъ настоятелю Лавры о злодѣйскомъ умыслѣ на него и на мать-царицу.

Въ ту же ночь поднялись изъ Преображенскаго въ Лавру царица Наталья, царица Евдокія, бояре, царедворцы, потѣшные и стрѣльцы Сухарева полка. Капралъ „потѣшныхъ" Хабаровъ, скрытно, лѣсами, перевезъ въ Лавру пушки и боевые снаряды. Бросились изъ Москвы къ Троицѣ и тайные доброжелатели Петра изъ бояръ и полковъ стрѣлецкихъ. Твердыни монастыря превратились вдругъ въ людную и вооруженную крѣпость. Главнымъ распорядителемъ защиты сталъ князь Борисъ Голицынъ.

А въ Москвѣ до самаго утра ничего не знали, что творится въ Кремлѣ и въ Преображенскомъ. Стрѣльцы всю ночь простояли въ Кремлѣ безъ всякаго дѣла. Князь Василій заперся у себя въ домѣ. Коноводы въ Кремлѣ только кричали на стрѣльцовъ и бранились, потому что тѣ оставались покойны. Да и пришли стрѣльцы не въ томъ числѣ, сколько ожидалось. Потому Шакловитый съ царевной и рѣшили, что не быть въ эту ночь походу въ Преображенское.

Часа за два до разсвѣта приказываетъ царевна собрать стрѣльцовъ, въ Кремлѣ ночевавшихъ, чтобъ они провожали ее въ соборъ Казанскій—слушать акаѳистъ. Помолившись, выходитъ царевна изъ церкви и говоритъ стрѣльцамъ:

— Вотъ, если бъ я не поопасилась, такъ всѣхъ бы насъ передавили „потѣшные" конюхи.

Приказала царевна раздать стрѣльцамъ по рублю на человѣка и по домамъ всѣхъ распустить.

Когда разсвѣло, узнали, наконецъ, въ Москвѣ, что произошло ночью въ Преображенскомъ. Въ ужасъ пришли москвичи: всѣ съ трепетомъ ждали усобицы кровопролитной.

На другой день прискакалъ отъ Троицы гонецъ къ царю Ивану и къ правительницѣ царевнѣ: спрашиваетъ царь Петръ, зачѣмъ ночью было собрано въ Кремлѣ стрѣлецкое войско?

Велѣли отвѣтить, что собиралась царевна въ ночной походъ на богомолье, такъ стрѣльцовъ собрали для охраны.

Другой приказъ отъ царя Петра: отослать къ Троицѣ полковника Циклера съ пятьюдесятью стрѣльцами. А Циклеръ былъ ревностный приверженецъ Софьи и главный участникъ перваго стрѣлецкаго бунта.

Подумали, посовѣтовались и приказали Циклеру со стрѣльцами ѣхать въ Лавру. И только послѣ ужъ узнали, что Циклеръ самъ тайно просилъ Петра вызвать его къ себѣ, чтобъ раскрыть царю все дѣло.

Видитъ царевна Софья, что силой нельзя взять Петра изъ Лавры, пускается на переговоры, будто желая миромъ покончить все дѣло. Посылаетъ она къ Троицѣ боярина Троекурова, чтобъ уговорилъ царя въ Москву возвратиться.

А царю Петру извѣстны ужъ теперь стали во всѣхъ подробностяхъ замыслы царевны, составлены и списки ея помощниковъ и слугъ покорныхъ.

Не желаетъ Петръ входить въ переговоры съ царевной и сноситься съ начальникомъ стрѣлецкимъ Шакловитымъ и прямо во всѣ полки шлетъ свои грамоты, чтобъ всѣ полковники и урядники съ десятью рядовыми отъ каждаго полка явились въ монастырь не медля—для великаго государева дѣла.

Тогда Софья собираетъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ военныхъ, держитъ къ нимъ рѣчь, чтобъ не мѣшались они въ ихъ семейную распрю, а кто пойдетъ къ Троицѣ безъ ея позволенья,—тому голова съ плечъ за измѣну.

— Почнутъ ихъ тамъ пытать да разспрашивать, — говоритъ Софья, — наскажутъ и нивѣсть что, со страху оговорятъ людей ни въ чемъ неповинныхъ.

А сама въ тотъ же день отъ имени царя Ивана посылаетъ его дядьку (князя Прозоровскаго) къ царю Петру съ извиненьемъ, что никакъ нельзя послать къ нему войско, и что проситъ царь Иванъ своего брата въ Москву возвратиться и жить всѣмъ вкупѣ и влюбѣ. Вмѣстѣ съ Прозоровскимъ посланъ и духовникъ Петра, чтобъ склонялъ онъ гнѣвъ царя словами священнаго писанья.

Князь Прозоровскій и духовникъ Петра на другой же день въ Москву возвратились безъ всякаго успѣха.

Проситъ царевна самого патріарха съѣздить къ Троицѣ и молитъ его помирить ее съ братомъ.

Съ великою радостью склоняется патріархъ на просьбу царевны, спѣшно ѣдетъ въ Троицкую обитель и тамъ при царѣ остается.

А отъ Петра новая грамота во всѣ полки, чтобъ немедленно было исполнено его прежнее приказанье, а кто не исполнитъ, тому быть въ смертной казни.

Два правительства стало,—одно въ Москвѣ, другое въ Троицкой Лаврѣ, и оба требуютъ разное: кому же повиноваться? Но разномыслія и колебанія нѣтъ уже въ стрѣлецкомъ войскѣ: за царемъ Петромъ—и право, и сила.

Двинулись изъ Москвы стрѣлецкіе полковники, урядники и рядовые. У Троицы передъ дворцомъ самъ царь вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ царицей-матерью и съ патріархомъ и объявилъ о злодѣйскомъ умыслѣ Шакловитаго. А патріархъ увѣщевалъ стрѣльцовъ открыть передъ царемъ всю правду, какъ передъ Самимъ истиннымъ Богомъ.

Завопили стрѣльцы, что они Ѳедькина злого умысла не вѣдаютъ, что служатъ они великимъ государямъ вѣрой и правдой, и рады ловить всѣхъ воровъ и измѣнниковъ царскихъ и во всемъ исполнять государеву волю.

Стрѣлецкихъ полковниковъ, урядниковъ и рядовыхъ въ монастырѣ задержали, чтобы снять съ нихъ показанія о томъ, кто и что знаетъ.

Видитъ Софья, что всѣ ее покидаютъ, и рѣшается гордая и властная царевна на послѣднее средство, чтобы миромъ уладить опасную распрю: сама ѣдетъ въ монастырь къ царю-брату.

На дорогѣ, въ селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ семь лѣтъ тому назадъ церевна приказала безъ суда казнить князя Хованскаго,—встрѣчаетъ ее посланный отъ брата. Именемъ государя онъ объявляетъ царевнѣ, чтобъ она въ монастырь не ходила и въ Москву бы не медля воротилась.

— Непремѣнно къ Троицѣ пойду! Никто меня остановить не посмѣетъ!—гнѣвно отвѣчаетъ царевна.

За первымъ ѣдетъ второй посолъ-бояринъ и тѣ же слова подтверждаетъ и еще прибавляетъ:—„А ежели не послушаешься, то не честно поступлено будетъ съ тобою“.—А за бояриномъ отрядъ солдатъ ужъ въ село въѣзжаетъ.

Повернула назадъ царевна. Спѣшно ѣдетъ въ Москву въ яромъ гнѣвѣ. Собираетъ къ себѣ царевна стрѣльцовъ, старыхъ и вѣрныхъ, жалуется имъ на брата:

— Чуть меня въ Воздвиженскомъ не застрѣлили,—ушла насилу! — Плохо мнѣ отъ Петра, худо будетъ и царю Ивану, а вамъ всѣмъ и того хуже!

Напоминаетъ царевна стрѣльцамъ и свои заслуги, и заслуги князя Василья, говоритъ, что братъ совсѣмъ не способенъ заниматься царскими дѣлами, и проситъ, и молитъ царевна стрѣлецкое войско до конца за нее постоять, и въ томъ дать ей присягу.

Стрѣльцы присягнули, но дѣло отъ этого не стало лучше.

Наступило 1-е сентября. Нерадостно встрѣтила Новый годъ царевна со своими друзьями. Отъ Троицы пріѣхалъ посолъ съ грамотой: требуетъ царь Петръ къ себѣ для розыска Ѳедьку Шакловитаго и старца Медвѣдева и всѣхъ другихъ воровъ и измѣнниковъ царскихъ.

Въ ярость пришла царевна, хочетъ она отрубить послу голову,—какъ онъ смѣлъ явиться съ грамотой такою! Не выдастъ она своихъ вѣрныхъ слугъ, покорныхъ исполнителей ея воли.

Провѣдали стрѣльцы про царскіе указы и отозвались:

— Воля великихъ государей! А мы за воровъ стоять не станемъ и, буде сыщемъ ихъ,—исполнимъ по указу.

Опять царевна стрѣльцовъ собираетъ. Призываетъ къ себѣ торговыхъ и посадскихъ людей и простой народъ, уговариваетъ всѣхъ постоять за нее, не промѣнять ее на брата.

Въ смущеніи всѣ слушаютъ мятежныя рѣчи царевны, и на умѣ у всѣхъ одно и то же: избави Богъ отъ кровавой распри!

Волнуются умы и въ Лаврѣ, что царскіе приказы въ Москвѣ не исполняютъ. И совѣтуютъ близкіе къ Петру люди двинуть на Москву войско, чтобъ разомъ покончить крамолу. Но государь на это не согласенъ: не желаетъ онъ усобицы кровопролитной, — и безъ того устроится дѣло само собою. Шлетъ онъ новое строгое требованіе—прислать къ нему виноватыхъ.

Узнали про то стрѣльцы въ Москвѣ, зашумѣли, закричали:

— Зачѣмъ царевна медлитъ и зажигаетъ смуту? Мы же будемъ въ отвѣтѣ, и всѣмъ худо будетъ!—Требуютъ стрѣльцы отъ царевны, чтобъ скорѣй она виноватыхъ въ монастырь отослала. Грозятъ они въ набатъ ударить:—„Сами перехватаемъ измѣнниковъ царскихъ и государю ихъ представимъ“.

И всѣ близкіе люди уговариваютъ царевну покориться волѣ государя,—иначе многимъ невиннымъ придется поплатиться головой.

Семь лѣтъ только прошло послѣ перваго кроваваго бунта, зажженнаго рукою царевны, и какъ перемѣнились роли! Тогда, въ этихъ же самыхъ стѣнахъ, сама царевна уговаривала царицу Наталью, чтобъ та выдала на лютую смерть людей, ей близкихъ; а теперь ее, царевну, неволятъ къ тому же. Прежде, не имѣя еще въ рукахъ никакой власти, она уже властвовала надъ всесильною толпой; а теперь подвластная ей толпа властвуетъ надъ нею, государыней самодержавной!..

Пришлось покориться... Шакловитаго съ сообщниками выдала царевна. Старецъ Медвѣдевъ тайно сбѣжалъ къ польской границѣ. Князь Василій Голицынъ уѣхалъ въ свое подмосковное имѣніе.

Многіе бояре еще и раньше уѣхали изъ Москвы въ Троицкую лавру. Раньше перешли туда, по указу государя, и служилые иноземцы изъ слободы Нѣмецкой, а съ ними и генералъ Гордонъ, и всѣ полковники, и офицеры. Теперь потянули къ Троицѣ и всѣ, кто до этого въ Москвѣ задержался. И среди многолюдной Москвы самодержавная правительница одинокою осталась...

А въ Троицкомъ монастырѣ совершается розыскъ по великому государеву дѣлу.

Мы знаемъ уже, что юный государь не согласился двинуть войско въ Москву, чтобы избѣжать усобицы кровавой. Не желалъ онъ и послѣ розыска отдавать виновныхъ смертной казни; но близкіе къ нему люди не хотѣли отступить отъ старыхъ порядковъ и на своемъ настояли...

Послѣ лютыхъ пытокъ предали Шакловитаго, Чермнаго, Гладкаго и другихъ главныхъ злоумышленниковъ смертной казни; другихъ, менѣе тяжкихъ преступниковъ наказали кнутомъ, рѣзали языки, ссылали въ Сибирь.

Князя Василья Голицына со всей семьей сослали чуть не на край свѣта, въ безлюдный городокъ (Пустозерскъ). Не миновать бы и ему смертной казни, если бы за него не стоялъ князь Борисъ Голицынъ, чтобы позорною казнью не обезчестить древній родъ свой.

Старца Медвѣдева поймали на пути къ польской границѣ, привезли къ Троицѣ, подвергли его лютой пыткѣ огнемъ и желѣзомъ и топоромъ голову на плахѣ отрубили.

Что же будетъ съ главной виновницей всей этой смуты, съ самодержавной правительницей царевной?

Посылаетъ царь Петръ письмо къ своему старшему брату, царю Ивану.

„Братецъ, государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ, съ невѣстушкою, и со своею супругою, и съ рожденіемъ своимъ, въ милости Божіей, здравствуйте! Извѣстно тебѣ, государю,

чину и соизволенія твоего прошу о семъ: милостію Божіею врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія прародительскаго нашего Россійскаго царствованія... А сестра наша царевна Софія Алексѣевна государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи явила нашимъ особамъ противное и народу тягости. А нынѣ злодѣи наши Ѳедька Шакловитый съ товарищами умышляли съ иными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперь, государь братецъ, настанетъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на то бъ и твоя, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титлахъ писаться безъ нашего изволенія, къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ для конечной нашей обиды хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ. Позволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ для лучшія пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобы тѣмъ государство наше успокоить и образовать вскорѣ. А я тебя, государя брата, яко отца, почитать готовъ.—Писавый въ печалѣхъ братъ вашъ царь Петръ здравія вашего желаю и челомъ бью".

Царь Иванъ и теперь, какъ и прежде, ни въ чемъ не прекословилъ брату, и правительница Софья лишилась власти. А черезъ нѣсколько дней, по приказу Петра, заставили царевну въ монастырь уйти (Новодѣвичій монастырь въ Москвѣ). Ей дана многочисленная прислуга, отведено нѣсколько покоевъ, и ни въ чемъ она не нуждалась. Не смѣла только царевна монастыря покинуть, и близкимъ родственницамъ дозволялось бывать у нея лишь по большимъ праздникамъ.

Царевна Софія въ монастырской кельѣ.

Царевна Софья въ монастырскомъ заключенiи; царь Иванъ ни въ какiя дѣла не входитъ, и вся власть теперь въ рукахъ одного Петра. Но семнадцатилѣтнiй юноша еще не въ силахъ самъ управлять государствомъ, — у него все еще потѣхи на умѣ, хотя въ потѣхахъ этихъ—и дѣловой трудъ, и сѣмена великихъ начинанiй, и новая славная жизнь всего государства.

Именемъ царя управляютъ старые и новые сановники; Петра окружаютъ новые люди, угодные ему друзья-товарищи.—Кто же эти первые сотрудники Петра, его совѣтники и товарищи въ трудахъ и потѣхахъ?

II. НАЧАЛО НОВОЙ РОССІИ.

1. Первые сотрудники Петра и близкіе люди.

Воспитаніемъ Петра мало занимались не только въ юности, но даже и въ дѣтствѣ, а книжное ученіе съ Зотовымъ немного ушло дальше простой грамотности. Но могучая отъ природы душа Петра жаждетъ разнообразныхъ знаній, настойчиво требуетъ широкой практической дѣятельности, и отрокъ самъ находитъ себѣ и наставниковъ, и занятія по своимъ природнымъ склонностямъ.

Кого же теперь изберетъ себѣ въ наставники и сотрудники пламенный юноша,—государь самодержавный? Кто преподастъ ему мудрую науку царственнаго правленія? Что возьметъ онъ отъ своихъ учителей и что захочетъ примѣнить къ жизни? Юность въ жизни каждаго человѣка — важное время, рѣшающее часто всю его будущую участь, а въ жизни государя—нерѣдко и судьбу его царства и народа на долгое время.

Въ первые годы самодержавства Петръ не входилъ еще въ дѣла государственныя, и первые его сотрудники (министры) были избраны при участіи царицы-матери и ея брата, котораго такъ не жаловала царевна Софья. Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и занялъ первую и высшую должность начальника посольскаго приказа. Должность эту занималъ до него любимецъ Софьи, князь Василій Голицынъ. По другимъ приказамъ назначены были князья и бояре: Борисъ Голицынъ, Урусовъ, Ромодановскій, Троекуровъ, Стрешневъ, Прозоровскій, Лопухинъ, Головкинъ, Шереметевъ, Яковъ Долгорукій, Репнинъ, Одоевскій и другіе.

Многіе изъ этихъ первыхъ сотрудниковъ Петра остались и до конца жизни своей добрыми помощниками государя. И Петръ уважалъ ихъ труды, цѣнилъ преданность и заслуги. Онъ нерѣдко посѣщалъ своихъ министровъ запросто, на дому, пировалъ съ ними, осушалъ кубки за здоровье хозяина и благоденствіе Россіи.

Но пылкій юноша-царь не находилъ въ своихъ именитыхъ и степенныхъ боярахъ всего того, къ чему онъ такъ пламенно стремился,— охоты и любви къ новизнѣ, къ знаніямъ, къ искусствамъ. Все здѣсь шло такъ, какъ испоконъ вѣку сложилось, и казалось, и впредь не могло идти иначе. И они, эти стараго воспитанія и старыхъ привычекъ люди, во многомъ не понимали молодого государя, не раздѣляли его привязанностей и увлеченій.

Много было въ русскихъ людяхъ хорошаго, но не мало было и дурного.

Нравы и обычаи жили тогда въ людяхъ жестокіе, обхожденіе или льстивое и рабское, или надменное и грубое. И это вездѣ и во всемъ,— и въ дѣлахъ служебныхъ, и въ семейной жизни. Соберутся бояре на пиршество и кичатся межъ собою родомъ, званіемъ и заслугами, попрекаютъ другъ друга и родичей дѣлами темными; пойдутъ во хмелю ссоры, грубая брань, драка. Образованные межъ ними за рѣдкость. Дѣти своего вѣка, они суевѣрны и вмѣстѣ съ простымъ народомъ слѣпо вѣрятъ въ волшебство и чародѣйство, въ ворожбу и нашептываніе; то ищутъ помощи у колдуновъ и волшебниковъ, то предаютъ ихъ мучительнымъ пыткамъ и лютой казни.

Но всего тяжелѣе было видѣть молодому государю въ своихъ сотрудникахъ и близкихъ людяхъ нелюбовь и вражду къ иноземцамъ, съ которыми онъ съ юности своей подружился.

Почитали себя старыя русскіе люди умнѣе и святѣе всѣхъ народовъ на свѣтѣ и опасались, что иновѣрцы пошатнутъ у насъ и православную вѣру, и старинные обычаи наши. Отъ иноземцевъ всячески они сторонились. Считалось за грѣхъ и хлѣбъ-соль водить съ ними, и за столомъ сидѣть вмѣстѣ. Вотъ какой былъ случай.

Когда молодой государь праздновалъ рожденіе наслѣдника-сына, пригласилъ онъ къ себѣ за столъ патріарха и царедворцевъ, а вмѣстѣ съ ними и заслуженнаго генерала Гордона, человѣка знатнаго рода. Но патріархъ ни за что не хотѣлъ обѣдать за однимъ столомъ съ иновѣрцемъ и настоялъ на томъ, чтобы его удалили. Уважилъ государь патріарха, но на другой же день утѣшилъ и оскорбленнаго генерала: въ загородномъ дворцѣ Петръ устроилъ для Гордона роскошный пиръ и провелъ съ нимъ время въ дружеской бесѣдѣ.

И въ своемъ предсмертномъ духовномъ завѣщаніи патріархъ высказалъ государю, что болѣе всего томило его душу при жизни:

„Молю ихъ царское пресвѣтлое величество благочестивыхъ царей и передъ Спасителемъ нашимъ Богомъ заповѣдываю, да возбранятъ проклятымъ еретикамъ-иновѣрцамъ *) начальствовать въ ихъ государевыхъ полкахъ надъ служивыми людьми, но да велятъ отставить ихъ, враговъ христіанскихъ, отъ полковыхъ дѣлъ всесовершенно, потому что иновѣрцы съ нами, православными христіанами, въ вѣрѣ не единомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ не согласны, Церкви, матери нашей, чужды: какая же можетъ быть помощь отъ нихъ, проклятыхъ еретиковъ, православному воинству? Токмо гнѣвъ Божій наводятъ!“

И не одинъ только престарѣлый патріархъ смотрѣлъ такъ на иновѣрцевъ, но и многіе свѣтскіе люди изъ высшихъ сословій.

И царица Наталья Кирилловна не очень благоволила къ иновѣрцамъ. По кончинѣ патріарха Іоакима (1690 г.) Петръ хотѣлъ избрать на престолъ патріаршій псковскаго митрополита Маркелла, мужа ученаго и здравомыслящаго, нравомъ кроткаго. Но царица-мать стала противъ такого избранія и говорила, что Маркеллъ будетъ поблажать иновѣрцамъ. По ея настоянію избранъ въ патріархи Адріанъ, митро-

---

*) Въ прежнее время еретиковъ проклинали въ недѣлю православія, потому ихъ и называли проклятыми.

политъ казанскій, задушевный другъ и единомысленникъ во всемъ покойнаго патріарха.

Празднуя свои именины, царица принимала поздравленія отъ духовенства, бояръ, людей военныхъ и торговыхъ и по старому обычаю изъ собственныхъ рукъ жаловала чаркою вина всѣхъ русскихъ сановниковъ, стрѣлецкихъ полковниковъ и купцовъ, а иноземныхъ генераловъ и полковниковъ на свои очи не допускала.

Только потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, въ угоду сыну-любимцу старая царица съ иноземцами примирилась.

А молодая царица, супруга Петра, еще больше царицы-матери отъ иноземцевъ отвращалась. Суевѣрная и закоснѣлая въ старыхъ предразсудкахъ, она до самой смерти своей считала иновѣрцевъ нехристями и развратниками, и знакомство съ ними почитала дѣломъ пагубнымъ и для себя, и для царя-мужа.

Не терпѣли иноземцевъ и царевны, тетки и сестры государя, хоть иныя изъ нихъ и наряжались въ модныя иноземныя платья. Только младшая царевна Наталья, человѣкъ чистой и прекрасной души, любила все, что по мысли было обожаемому ею царю-брату. И государь любилъ сестру Наталью всѣмъ сердцемъ.

Не всѣ, конечно, такъ враждебно смотрѣли на иноземцевъ, но не многіе жаловали ихъ и были съ ними въ дружбѣ; всѣ терпѣли ихъ, какъ зло неизбѣжное: безъ лѣкарей, строителей, знатоковъ военнаго дѣла и разныхъ мастеровъ нельзя ужъ было обходиться ни въ государственномъ, ни въ домашнемъ дѣлѣ.

Купцы и ремесленники злобились на „нѣмцевъ", что они хлѣбъ у русскихъ отбиваютъ, и часто жаловались царямъ, что терпятъ отъ коварныхъ иноземцевъ конечное разореніе. Не хотѣли простые люди понять, что разореніе это приходитъ отъ того, что русскіе товары были несравненно хуже иноземныхъ, а многихъ у насъ и совсѣмъ приготовлять не умѣли.

Еще враждебнѣе смотрѣлъ на иноземцевъ простой народъ. На улицѣ ихъ осыпали насмѣшками и бранью, наносили

имъ обиды и оскорбленія. Мѣста, гдѣ жили иностранцы, получили презрительныя прозвища: прудъ на Покровкѣ, гдѣ стояли когда-то дома иностранцевъ, долго назывался поганымъ. Нѣмецкую слободу прозвали Кокуемъ и думали, что это было смѣшно *). Когда иностранецъ проходилъ въ городѣ по улицѣ, не только уличные ребятишки, но и лавочники, и извозчики кричали ему вдогонку: „Нѣмецъ, нѣмецъ! Шишъ на Кокуй!“ Все въ жизни иностранцевъ, что непохоже было на нашу жизнь, казалось смѣшнымъ и даже омерзительнымъ. Иностранцы разводятъ и ѣдятъ салатъ, и про нихъ говорили: „Нѣмцы, какъ скоты, траву ѣдятъ“. „Нѣмцы-поганцы въ постные дни молоко жрутъ“. За короткое платье ихъ называли „кургузыми нѣмцами“. Про статуи и другія фигурныя украшенія говорили: „Нѣмцы истукановъ (идоловъ) въ домахъ держатъ“. Великимъ омерзительнымъ грѣхомъ почиталось куреніе табаку, танцы („Иродіадино плясаніе“, „бѣсовскія игрища“), маскарады. Участіе женщинъ въ пирушкахъ и танцахъ считалось безнравственнымъ.

Отчего все это такъ было и почему всего этого почти нѣтъ теперь? Молодъ былъ русскій народъ, молодъ умомъ и сердцемъ. А въ молодости и у всѣхъ народовъ такъ бываетъ: себя и все свое молодой народъ считаетъ лучше всѣхъ и всего на свѣтѣ и въ чужихъ людяхъ видитъ одно лишь дурное. Только въ зрѣломъ возрастѣ народъ начинаетъ понимать, что и у себя дома, и въ чужихъ людяхъ есть и свое хорошее, и свое дурное, — за хорошее нужно крѣпко держаться и у другихъ его перенимать, а отъ дурного,—своего и чужого, — отстраняться. Такъ съ юности и привыкъ смотрѣть Петръ на своихъ русскихъ и иноземцевъ.

Дьякъ Зотовъ могъ научить Петра въ дѣтствѣ только чтенію и плохому письму, а голландецъ Тиммерманъ—ариѳметикѣ, геометріи и другимъ наукамъ и искусствамъ, какихъ никто изъ русскихъ не вѣдалъ.

Голландскій мастеръ Брантъ и офицеръ инженерный Кортъ были первыми учителями Петра въ кораблестроеніи.

---

*) Близъ Нѣмецкой слободы протекаетъ ручей Кокуй.

Иностранцы же научили Петра устроить и обучить полки потѣшные, и государь воочію видѣлъ, что такое устройство и выучка несравненно лучше, чѣмъ это было у насъ въ полкахъ стрѣлецкихъ.

Много значило и то, что Петръ отъ молодыхъ ногтей полюбилъ страстно военныя и водныя потѣхи, и эту любовь свою перенесъ онъ и на учителей своихъ.

Еще и то много значило, что дѣтство и юность свою провелъ онъ не подъ теремными запорами въ чертогахъ кремлевскихъ, вдали отъ настоящей полной жизни, а на широкомъ и вольномъ деревенскомъ просторѣ, въ товарищескомъ кругу, гдѣ были всѣ равны,—родовитые и безродные, русскіе и „нѣмцы“,—лишь бы каждый зналъ свое дѣло. Привычки дѣтства укрѣпила юность, а еще болѣе того — возмужалая зрѣлость.

Познакомился государь поближе съ жизнью Нѣмецкой слободы и увидѣлъ здѣсь много хорошаго. Изъ разныхъ странъ и отъ разныхъ народовъ выходцы здѣсь, и не одной они вѣры. И каждый изъ нихъ горячо любитъ свое отечество, тоскуетъ въ разлукѣ съ нимъ, любитъ и вѣру, и церковь свою, и не промѣняетъ ихъ на чужую, искренно стоитъ за убѣжденія свои. Но нѣтъ между ними пренебреженія другъ къ другу, розни и вражды, и никто себѣ не позволитъ смѣяться надъ чужой страной, надъ чужой вѣрой, надъ чужимъ обычаемъ: каждый люби свое, но не оскорбляй обиднымъ презрѣніемъ чужого.

Каждый трудится и промышляетъ на себя, и за себя самъ отвѣчаетъ, но не чуждается другого и всегда готовъ помочь ему и словомъ, и дѣломъ, поддерживаютъ другъ друга въ минуту жизни трудную. Разныхъ вѣръ и племенъ обитатели Нѣмецкой слободы, но живутъ общиною дружной. Есть у нихъ общественныя школы для мальчиковъ и дѣвочекъ, пріюты, богадѣльни, общественныя собранія. Въ одиночку никогда не сдѣлаешь того, что сообща можно сдѣлать.

Всѣ они грамотны, не мало межъ ними и людей просвѣщенныхъ, которые знаютъ разныя науки и искусства. Они выписываютъ съ родины газеты и книги, чтобы знать, что

дѣлается на родинѣ и на всемъ свѣтѣ, чтобы не только не отставать въ своемъ собственномъ дѣлѣ, но и улучшать, и совершенствовать его. Въ работѣ они смѣтливы, ловки и расторопны и не любятъ сидѣть сложа руки.

Въ домахъ у нихъ опрятно, чисто, уютно, красиво, чтобы пріятно и удобно было отдохнуть послѣ тяжелаго дня трудового.

Объ убранствѣ дома и о хозяйствѣ заботятся женщины. Онѣ—друзья и товарищи своимъ мужьямъ, наравнѣ съ ними работаютъ, наравнѣ и веселятся.

Въ свободное отъ работы время устраиваются веселыя пирушки, игры, танцы, маскарады. Пьютъ вино и пиво, курятъ трубки,—смѣхъ, веселье, свободная дружеская бесѣда.

Не по-русски живутъ иноземцы и въ трудѣ, и въ отдыхѣ своемъ, но по сердцу все это молодому государю,—и любовь къ знаніямъ и просвѣщенію, и бодрый, и умѣлый трудъ, и веселый отдыхъ, и свободная простота въ обхожденіи, и взаимное уваженіе человѣка съ человѣкомъ.

Случайно сдѣлались иностранцы первыми учителями Петра въ его дѣтствѣ и отрочествѣ, у нихъ же научился онъ и обычаямъ, и порядкамъ домашней жизни, изъ нихъ же избралъ онъ себѣ и первыхъ друзей, и наставниковъ въ мудрой наукѣ государственной. Самыми близкими къ Петру людьми (послѣ событій въ Троицкой лаврѣ) были Гордонъ и Лефортъ.

Шотландецъ Патрикъ Гордонъ началъ военную службу въ Россіи со временъ Алексѣя Михайловича и теперь уже имѣлъ чинъ генерала. Это былъ человѣкъ просвѣщенный, съ благородною душой, точный во всѣхъ служебныхъ и житейскихъ дѣлахъ, неутомимый работникъ, храбрый воинъ, безукоризненно-честный, прямой. Всегда и во всемъ онъ держалъ себя съ полнымъ достоинствомъ, никого не унижая и не оскорбляя и самъ ни передъ кѣмъ не унижаясь.

И въ Москвѣ, и въ Нѣмецкой слободѣ Гордонъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Русскіе вельможи нерѣдко обращались къ нему за совѣтами, а многіе принимали его и у себя въ домѣ, приглашали къ своему столу. Среди ино-

земцевъ онъ былъ и почетнымъ гостемъ въ семейныхъ торжествахъ, и совѣтникомъ въ дѣлахъ затруднительныхъ, и судьей въ ссорахъ и спорахъ.

Гордонъ хорошо зналъ военное дѣло, внимательно и заботливо слѣдилъ за всѣми усовершенствованіями и самъ изобрѣталъ различные новые снаряды. Искусенъ онъ былъ и въ изготовленіи фейерверковъ, такъ любимыхъ молодымъ государемъ. Во время пребыванія Петра въ Троицкой лаврѣ Гордонъ устраивалъ для царя и царицъ военное ученье, смотры, маневры, при чемъ стрѣляли „какъ въ настоящемъ сраженьи".

Гордонъ происходилъ изъ знатной фамиліи, лично былъ извѣстенъ англійскому королю, имѣлъ на родинѣ большія связи. Онъ внимательно слѣдилъ за политикой европейскихъ государей и хорошо зналъ всѣ европейскія дѣла, сообщалъ на родину и о нашихъ русскихъ государственныхъ дѣлахъ. Выписывалъ изъ-за границы много книгъ и газетъ, велъ обширную переписку и оставилъ послѣ себя дневникъ, въ которомъ подробно описалъ всѣ придворныя событія у насъ.

На молодого государя Гордонъ имѣлъ огромное вліяніе, какъ наставникъ не только въ дѣлѣ военномъ, но и въ дѣлахъ государственнаго устройства, и въ политическихъ дѣлахъ. Онъ бесѣдовалъ съ царемъ о богатствѣ и бѣдности народовъ и отчего богатство и бѣдность происходятъ и познакомилъ царя съ внутренними порядками и правленіемъ въ разныхъ странахъ. Страстно любя свою родину (Англію), Гордонъ и царю внушилъ эту любовь и къ Англіи, и къ ея союзницѣ (въ войнѣ съ Франціей)—Голландіи.

Петръ уважалъ Гордона, щедро его награждалъ, очень часто бывалъ у него запросто во всякіе часы дня одинъ безъ постороннихъ, бралъ его съ собою на пиры къ русскимъ вельможамъ. Гордонъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что государь нерѣдко дѣлилъ съ нимъ радость и горе, надежды и неудачи. Уже смолоду царь почасту задумывался и подолгу хранилъ упорное молчаніе, но бесѣда съ Гордономъ всегда развлекала задумчивость государя, занимала его, и онъ не уставалъ говорить съ нимъ по цѣлымъ часамъ. Съ своей

стороны, и Гордонъ былъ для Петра не только просвѣщеннымъ наставникомъ, но и безкорыстно преданнымъ человѣкомъ.

Не малое вліяніе на развитіе Петра имѣли техникъ Виніусъ, хорошо знающій горное дѣло, фонъ-Менгденъ, полковникъ Преображенскаго полка, въ которомъ Петръ служилъ сержантомъ, Яковъ Брюсъ, инженеръ и артиллеристъ, и другіе иноземцы.

Но самымъ задушевнымъ другомъ Петра, сердечно любимымъ товарищемъ былъ Лефортъ. Онъ не имѣлъ прочнаго образованія и не могъ научить государя никакой наукѣ, онъ не зналъ и никакого мастерства, но зато своимъ характеромъ, всѣмъ существомъ своимъ онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ и каждаго.

Лефортъ былъ человѣкъ необыкновенно добрый, всегда готовый всякому помочь, живой, остроумный и жизнерадостный, неистощимый весельчакъ и душа общества, великій мастеръ устраивать пирушки и празднества. Лефортъ жилъ и умеръ съ юношескою душой. Его всѣ любили—русскіе вельможи и купцы, иностранные послы и мастеровые Нѣмецкой слабоды,—и Петръ былъ съ нимъ неразлученъ.

Никто не умѣлъ такъ успокоить Петра въ минуты тягостнаго настроенія и утѣшить пылкій гнѣвъ государя. Петръ покорялся своему другу, потому что любилъ его со всѣмъ жаромъ пламенной души своей,—любилъ за прекрасное сердце, за безкорыстную преданность, за смѣлую и благородную откровенность, за горячее сочувствіе ко всему доброму и высокому, къ чему стремился, что замышлялъ Петръ. Государь неутѣшно горевалъ, когда преждевременно лишился своего друга. На похоронахъ Лефорта онъ сказалъ: „На кого могу теперь положиться? Онъ былъ единственнымъ, кто мнѣ былъ преданъ всѣмъ сердцемъ!“

Лефортъ не вмѣшивался ни въ какія государственныя дѣла, но собою самимъ могъ заразить каждаго любовью къ европейцамъ и къ европейской жизни. Онъ и внушилъ Петру любовь къ этой жизни, онъ первый далъ царю мысль о поѣздкѣ за-границу, чтобы увидѣть Европу лицомъ къ лицу.

Но не изъ однихъ только иностранцевъ избиралъ себѣ Петръ товарищей и друзей. Много было вокругъ него и русскихъ, кому открывалъ онъ свою душу, свои мысли и надежды, съ кѣмъ дѣлилъ труды и потѣхи. Эти друзья и товарищи царя были большею частью люди молодые, бойкіе, расторопные,—съ ними сжился и сдружился Петръ съ отроческихъ лѣтъ: Троекуровъ, Плещеевъ, Апраксинъ, Головкинъ, Трубецкой, Куракинъ, Репнинъ, Бутурлинъ, Матвѣевъ, Головинъ и другіе.

Всѣ они — русскіе вмѣстѣ съ иностранцами, — друзья и товарищи Петра, сплотились вокругъ царя въ одну дружескую компанію, составили новое общество—молодую Россію. Все это—„птенцы гнѣзда Петрова, его товарищи, сыны“, будущіе сподвижники „въ трудахъ державства и войны“, вдохновленные его великимъ геніемъ, озаренные его всемірною славой.

Но пока еще юный богатырь вмѣстѣ съ товарищами своими лишь готовятся къ великому дѣлу, дружно и сообща, по - товарищески раздѣляя и тяжелые труды, и веселый отдыхъ.

И одинъ, и вмѣстѣ съ русскими друзьями Петръ во всякое свободное время ходилъ въ Нѣмецкую слободу къ друзьямъ-иностранцамъ. Царь обходился со всѣми по-товарищески, просто. Онъ пировалъ на крестинахъ и свадьбахъ и къ себѣ приглашалъ въ гости. Онъ нерѣдко бывалъ за богослуженіемъ въ католической и лютеранской церкви и вмѣстѣ со всѣми шелъ за гробомъ офицера-иноземца. Онъ былъ своимъ и близкимъ человѣкомъ среди чужеземцевъ въ Нѣмецкой слободѣ.

Такъ-то и перешагнулъ смѣло молодой царь изъ старой Москвы въ Нѣмецкую слободу, не взирая на старинные предразсудки, закоснѣлую вражду русскихъ къ иноземцамъ. Молодъ былъ Петръ годами, но характеръ у него,—какъ у зрѣлаго мужа, и не боится онъ ложныхъ страховъ, а съ препятствіями всегда готовъ бороться смѣло.

Нѣмецкая слобода была въ Москвѣ скромнымъ уголкомъ Западной Европы, и отсюда не такъ ужъ далекъ переходъ

и въ настоящую Европу. Но переходъ этотъ пришлось Петру сдѣлать путемъ окольнымъ—черезъ Архангельскъ и Азовъ. Необходимо было еще хорошенько приготовиться къ такому трудному и важному пути-дорогѣ.

2. Послѣднія потѣхи и предвѣстники великихъ дѣлъ.

Въ управленіе государственными дѣлами Петръ все еще не входитъ, его именемъ правятъ царствомъ довѣренные и близкіе люди (Нарышкинъ, Голицынъ и др.), какъ заведено было прежде.

Самъ государь со всею страстью отдается излюбленнымъ потѣхамъ. Но это уже не дѣтскія и не отроческія игры: съ каждымъ днемъ потѣхи эти вырастаютъ въ великое государственное дѣло.

Составляются новые и новые отряды, пѣшіе и конные, артиллерійскіе и крѣпостные, сухопутные и водяные, вырастаютъ полки и цѣлыя арміи. Все устраивается по образцамъ иноземнымъ, которыхъ до этого никто, кромѣ учителей, и въ глаза не видывалъ. Заводится отъ начала и до конца дѣло новое, небывалое. Такъ надобно неумѣлыхъ солдатъ, офицеровъ и начальниковъ къ этому новому дѣлу пріучать. Для того-то и окружилъ себя царь компаніей избранныхъ товарищей-помощниковъ изъ иностранцевъ и русскихъ. Иностранцы учатъ, а русскіе все перенять отъ нихъ должны и такъ всему научиться, чтобы обходиться потомъ безъ всякой посторонней помощи.

Но во всякомъ дѣлѣ помощники-товарищи тогда только и хороши, когда въ корнѣ стоитъ самъ хозяинъ и все знаетъ и умѣетъ, и самъ всѣмъ заправляетъ. Потому-то и нужно самому всему научиться, самому все знать и умѣть лучше другихъ. Потому-то у него больше всѣхъ и труда, и заботы. Но Петру работа не въ тягость, а въ радость.

Проходитъ Петръ сухопутное и водное военное дѣло наукой и опытомъ отъ мельчайшихъ подробностей и до самыхъ верховъ. Знаетъ онъ и умѣетъ, что умѣть и знать должны простой мастеръ и ученый заправило, рядовой сол-

датъ и генералъ иноземный. Всему учится, все дѣлаетъ царь своими руками. Много чего и наставники не вѣдаютъ, а геніальный ученикъ доходитъ самоучкой, собственнымъ опытомъ и трудомъ тяжелымъ.

Петръ—и вѣнценосный государь, и рабочій съ мозолями на рукахъ; онъ—солдатъ и матросъ, корабельный плотникъ и токарь, бомбардиръ, артиллеристъ, инженеръ; онъ задумываетъ и приводитъ въ исполненіе походы, составляетъ арміи, устраиваетъ сраженія и самъ участвуетъ въ битвахъ.

Петръ потомъ покажетъ себя какъ великій вождь, государь великаго народа, а теперь пока онъ проходитъ еще начальную школу, въ низшихъ званіяхъ Россіи служитъ, начиная съ барабанщика. Но зато никто, какъ онъ, не умѣетъ такъ искусно владѣть ружьемъ и топоромъ, точить изъ дерева и кости, править рулемъ, бросать гранаты, заряжать и направлять орудія, придумывать составы огненныхъ снарядовъ, устраивать мосты для переправы войска, закладывать мины, взрывать на воздухъ укрѣпленія. Царь все въ военномъ дѣлѣ знаетъ и умѣетъ отъ малаго и до большого и для каждаго во всемъ примѣромъ служитъ. Потому-то у всей товарищеской компаніи работа идетъ и дружно, и успѣшно.

Примѣрныя битвы, сухопутные и водные походы начались весной 1690 года.

Какъ только вскрылась Москва-рѣка, Петръ снарядилъ на ней флотилію изъ мелкихъ гребныхъ судовъ. Посередь ихъ красовался подъ парусами знаменитый ботикъ, — дѣдушка русскаго флота. По теченію Москвы-рѣки флотилія отправилась къ монастырю Николы на Угрѣшѣ. Здѣсь и царь съ многочисленной свитой. Впереди плывутъ въ лодкахъ стрѣльцы на веслахъ; за ними Петръ въ своемъ ботикѣ на парусахъ. За царемъ—бояре, царедворцы, иноземцы въ гребныхъ судахъ. Въ день прошли верстъ двадцать и на закатѣ солнца къ берегу близъ монастыря пристали. Пробыли здѣсь пять дней, сдѣлали сухопутное и водное ученье и тѣмъ же порядкомъ въ Москву возвратились.

Военное ученье и примѣрныя битвы даромъ не доставались,—приходилось иной разъ за науку дорого платиться.

Послѣ воднаго похода стали заниматься коннымъ и пѣшимъ ученьемъ, чтобы приготовиться къ примѣрнымъ битвамъ. Потѣшные учились вмѣстѣ съ стрѣлецкими полками. И первое же сраженіе чуть не кончилось страшнымъ несчастьемъ. Потѣшные штурмомъ брали Семеновскій дворъ, въ которомъ стрѣльцы сидѣли. Съ обѣихъ сторонъ кидали гранаты и горшки, начиненные горючими веществами Одинъ такой горшокъ близъ государя взорвался; сильно опалило ему лицо, поранило подлѣ него офицеровъ. Должно-быть, царь не легко былъ раненъ,—пришлось до осени отложить задуманныя на лѣто битвы.

Осенью потѣшные опять сражались со стрѣльцами. Дѣло дошло до запальчивой схватки, и съ обѣихъ сторонъ раненыхъ было много, а въ ихъ числѣ и генералъ Гордонъ. Ему пулей повредило ногу выше колѣна, а порохомъ лицо опалило. Гордонъ съ недѣлю пролежалъ въ постели.

Новая битва потѣшныхъ со стрѣльцами прошла благополучно.

Весной (1691 г.) спущена на воду новая яхта. Въ ней 30 человѣкъ могли помѣститься. А строилъ эту яхту самъ Петръ, и ни одинъ плотникъ не помогалъ царю-мастеру. Всю зиму государь надъ ней трудился. И весело же ему было кататься на собственной яхтѣ вплоть до Угрѣшскаго монастыря, не взирая на бурную погоду!

Лѣтомъ происходило въ Преображенскомъ непрерывное ученье съ пушечною пальбой. Войска готовились „къ великому и страшному бою". Составлены двѣ арміи: „наша"—изъ полковъ потѣшныхъ и „непріятельская"—изъ полковъ стрѣлецкихъ. „Нашею" арміей командовалъ Ромодановскій (въ шутку названный генералиссимусомъ), а „непріятельской" арміей — „генералиссимусъ" Бутурлинъ. Ротмистръ Петръ Алексѣевъ былъ въ „нашей" арміи. Его отрядъ въ сраженьи отличился. Отличился и самъ ротмистръ: онъ самолично взялъ въ плѣнъ непріятельскаго генералиссимуса. „И тотъ бой равнялся судному дню,— писалъ послѣ царь, — князь Долгорукій отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселился въ вѣч-

ные кровы, по чину Адамову, идѣ же и всѣмъ намъ по времени быти".

Бои въ самыхъ большихъ размѣрахъ происходили осенью 1694 г. (Кожуховскій походъ). Всѣхъ войскъ было до 15-ти тысячъ человѣкъ. Здѣсь „наши" бились съ „королемъ польскимъ". „Наши", конечно, побѣдили. Бомбардиръ Петръ Алексѣевъ и тутъ отличился: онъ взялъ въ плѣнъ стрѣлецкаго полковника. И эта битва не обошлась безъ несчастій.

Не забывалъ Петръ въ то же время и своихъ судовъ въ Переяславлѣ и то и дѣло ѣздилъ на озеро къ мастеру Бранту. Задаетъ себѣ государь большую задачу: изготовить большое судно, на манеръ корабля морского, и самому все сдѣлать,—и чертежи составить, и всю постройку привести въ исполненіе. Царь такъ ревностно надъ этимъ дѣломъ трудился, что и въ Москву не хотѣлъ ѣхать, куда его звали. Пріѣхалъ посланникъ персидскій, и его долженъ былъ принять торжественно самъ царь, какъ того требовалъ обычай. Нарышкинъ и Голицынъ нарочно въ Переяславль пріѣзжали, чтобы уговорить государя, — не-то разсердится шахъ персидскій.

Съѣздилъ въ Москву Петръ, посланника принялъ, а черезъ два дня на озеро вернулся. Спѣшно работалъ онъ всю зиму и къ веснѣ дѣло окончилъ. Готовится въ Переяславлѣ неслыханный до этого праздникъ: будетъ царь спускать на воду корабль новый. Перевезли изъ Москвы шлюпки и карбасы. Приглашена и вся „компанія" въ полномъ составѣ, и съ гордостью великой показываетъ друзьямъ царь свои работы. Устраиваются по озеру катанья съ товарищами-гостями. А Петръ между тѣмъ спѣшно приготовляетъ все къ спуску. Все, наконецъ, готово, и спущенъ на воду первый корабль, изготовленный умомъ и мозолистыми руками самого государя. У царя великій праздникъ!

Для полнаго счастья недостаетъ только, чтобы царицы тутъ были. По настоянію государя пріѣхали со всѣмъ дворомъ своимъ и обѣ царицы и цѣлый мѣсяцъ прожили въ Переяславлѣ. Пришли изъ Москвы солдатскіе полки. Начались маневры на водѣ и на сушѣ. Всѣ почести при этомъ

воздавались не Петру, а князю Ромодановскому, котораго Петръ ради шутки величалъ теперь адмираломъ. Самъ же царь-строитель называлъ себя шкиперомъ простымъ и любилъ, чтобы и всѣ его такъ называли.

Такъ-то радостно и бодро трудился неустанно государь и на водѣ, и на сушѣ. По собственному его вѣрному слову, онъ „вкушалъ хлѣбъ въ потѣ лица — по приказу Божію къ праотцу Адаму". А трудился онъ такъ для того, чтобы положить начало русской арміи и русскому флоту и тѣмъ создать твердую основу для великаго корабля — для новой Россіи, для ея благополучія и славы.

Но не все только труды, нуженъ и отдыхъ веселый. И Петръ любилъ попировать. И здѣсь, какъ и въ трудахъ, онъ былъ впереди всѣхъ.

Царь выстроилъ въ Нѣмецкой слободѣ для своего друга Лефорта дворецъ обширный, съ залами большими. Здѣсь-то чаще всего и пировала вся „компанія" съ гостями звaными. Собиралось иногда человѣкъ двѣсти и триста. Пировалъ нерѣдко Петръ съ товарищами и у бояръ именитыхъ,— у Нарышкина, Голицына, Шереметева. Устраивались большіе пиры и у Гордона.

Предсѣдателемъ и главой пиршества въ дружеской компаніи былъ старый учитель Петра Никита Моисеевичъ Зотовъ. Петръ далъ ему потѣшный титулъ—папа пресбургскій яузскій и всего Кокуя. Никита Зотовъ строго наблюдалъ, чтобы всѣ исправно осушали кубки, и собственнымъ примѣромъ поощрялъ собесѣдниковъ къ бою съ Бахусомъ иноземнымъ и доморощеннымъ „Ивашкою Хмѣльницкимъ", врагомъ невидимымъ, но лукавымъ и опаснымъ. Далеко за полночь борьба продолжалась. Силенъ былъ врагъ и всегда побѣдителемъ выходилъ изъ боя. А борцы къ концу пира кто засыпалъ на мѣстѣ и у хозяина ночевать оставался, кто съ трудомъ большимъ добирался до своего дома. Здравъ и невредимъ былъ одинъ Петръ: восходящее солнце послѣ такой веселой ночи заставало его ужъ за работой.

Петръ былъ всегда душой пирующихъ, онъ шутилъ, смѣялся, придумывалъ замысловатыя потѣхи. Со всѣми обходился запросто, дружелюбно и за прекословіе въ бесѣдѣ не сердился. Не любилъ только царь упрямаго упорства и низкой лести. Не выносилъ онъ также, когда хвалили невѣжество, порицали науку и искусство или друзей его осуждали. Иной разъ при этомъ онъ воспламенялся такимъ гнѣвомъ, что среди самаго шумнаго разгула собесѣдники умолкали и всѣ приходили въ трепетъ. Только одинъ Лефортъ и могъ тогда взволнованнаго царя успокоить. Черезъ нѣсколько минутъ мрачное чело государя прояснялось, гроза утихала, и всѣ принимались опять за круговую чашу при громѣ орудій, потрясавшемъ палаты пирующихъ.

Придумана была однажды зимой необычная потѣха, — праздновали свадьбу царскаго шута. Въ свадебномъ поѣздѣ ѣхали бояре и всѣхъ чиновъ палатные люди. А ѣхали тѣ поѣзжане на быкахъ и козлахъ, на свиньяхъ и собакахъ. А одѣты всѣ были въ смѣшныхъ платьяхъ—въ куляхъ мочальныхъ, въ шляпахъ лычныхъ и въ шапкахъ лубочныхъ, въ крашенинныхъ кафтанахъ съ кошачьими лапками, въ соломенныхъ сапогахъ, въ мышьихъ рукавицахъ. А шутъ съ женой ѣхалъ въ придворной бархатной каретѣ. Свадебный пиръ устроенъ былъ въ шатрахъ на полѣ между Преображенскимъ и Семеновскимъ. Тутъ былъ банкетъ великій цѣлыхъ три дня.

Груба была эта потѣха, — мы теперь скажемъ,—но грубо было и тогдашнее время, и тогдашніе люди. Даже и послѣ Петра не скоро вывелись при дворѣ и въ домахъ богатыхъ шуты, карлики, арапы. Праздновали также и шутовскую свадьбу въ ледяномъ домѣ.

Особенно весело проводилъ Петръ масленицу и святки. На святкахъ вся „компанія“, числомъ до 80 человѣкъ, отправлялась по домамъ славить. Славельщики, а съ ними и Петръ, ходили къ боярамъ, именитымъ людямъ и купцамъ богатымъ, принимали угощенье и подарки и веселились такъ нѣсколько дней сряду.

На масленицѣ, а также въ именины матери и въ другіе торжественные дни Петръ всегда сжигалъ блестящій фейерверкъ, который устраивалъ самъ собственными руками. Изготовлялись ракеты, звѣзды, колеса, шутихи, огненныя картины изъ древнихъ греческихъ сказаній. Это ужъ были потѣхи на европейскій ладъ, какихъ въ Москвѣ до этого никогда не видали.

Первый фейерверкъ былъ сожженъ на рѣчкѣ Прѣснѣ (26-го февраля 1690 г.) на масленицѣ съ пушечною пальбой, въ присутствіи царицъ, царевенъ и всѣхъ придворныхъ и при несмѣтномъ стеченіи народа. Разноцвѣтные огни въ замысловатыхъ фигурахъ далеко за полночь горѣли.

Въ другой разъ Петръ приготовилъ фейерверкъ вскорѣ послѣ тяжкой и опасной болѣзни. Потѣха началась троекратнымъ залпомъ изъ 56-ти орудій. За этимъ вдругъ вспыхнула бѣлыми огнями бесѣдка, а на ней были голландскія буквы, означавшія имя генералиссимуса Ромодановскаго, будто и здѣсь онъ, а не царь, былъ первымъ лицомъ. Потомъ явился огненный геркулесъ, раздирающій пасть льва руками. Въ то же время изъ царскихъ рукъ то и дѣло взлетали ракеты на воздухъ. Послѣ фейерверка царь угощалъ всѣхъ ужиномъ до трехъ часовъ ночи. Царица Наталія Кирилловна была особенно довольна изображеніемъ геркулеса и подарила Петру за труды въ награду полный костюмъ сержанта Преображенскаго полка. Петръ радовался такому подарку, какъ ребенокъ.

И въ трудахъ, и въ забавахъ, и во всей жизни своей не похожъ былъ молодой государь на прежнихъ предковъ своихъ, царей московскихъ. На глазахъ у всѣхъ творилось что-то новое, небывалое, неслыханное и невиданное, будто чудо какое. Иные вздыхали по старинѣ и осуждали межъ собою необычныя новшества; другіе, не многіе, понимали дѣла и мысли государя и радовались, что наступаютъ новыя времена; но всѣ были изумлены, поражены царскими новшествами и ждали впереди большихъ перемѣнъ, новыхъ не-

обычайныхъ дѣлъ. Долго дремавшая мысль русскихъ людей пробудилась и впередъ двинулась, стала судить и рядить старое, придумывать лучшее, новое. Много хорошаго было въ этомъ новомъ движеніи, но не мало несбыточнаго и дѣтскаго въ юныхъ мечтахъ и порывахъ.

Разскажемъ здѣсь одинъ такой забавный случай.

На людной улицѣ московской закричалъ мужикъ „караулъ!“ и объявилъ за собою государево слово и дѣло (апрѣль 1694 г.). Это означало, что онъ знаетъ дѣло великой государственной важности и желаетъ это дѣло открыть государю.

Мужика этого взяли и привели въ Стрѣлецкій приказъ для разспросовъ.

Мужикъ сказалъ на допросѣ, что придумалъ онъ крылья и почнетъ на тѣхъ крыльяхъ летать, какъ журавль.

По указу государеву сдѣлалъ себѣ мужикъ крылья слюдяныя, и стали тѣ крылья 18 рублей изъ государевой казны. Когда все было готово, бояринъ князь Троекуровъ вышелъ смотрѣть, какъ полетитъ журавль.

Мужикъ надѣлъ на себя крылья, перекрестился и началъ поднимать мѣха, но никакъ не могъ подняться.

— Тяжелы сдѣлалъ крылья!—оправдывается мужикъ. И бьетъ онъ боярину челомъ, чтобы позволилъ ему сдѣлать другія крылья, а станутъ они всего пять рублей.

Раскручинился бояринъ и вмѣсто крыльевъ учинилъ мужику наказаніе: велѣлъ бить батогами, снявъ рубашку, и деньги съ него въ казну доправить.

3. Чему научилъ Петра Архангельскъ.

После Яузы и Просяного пруда нѣсколько лѣтъ пополнялъ я свою охоту на озерѣ Переяславскомъ, —разсказываетъ про себя Петръ.—Наконецъ, это стало для меня тѣсно. Ѣздилъ я на Кубенское озеро, но оно было очень мелко. Тогда я рѣшилъ побывать прямо на морѣ и сталъ просить у матери позволенья съѣздить въ Архангельскъ. Многократно возбраняла она мнѣ этотъ путь, столь опас-

ный; но, видя великое мое желанье и неотмѣнную охоту, нехотя согласилась".

Царица взяла при этомъ съ сына обѣщаніе въ самое море не ходить, а только съ берега на него поглядѣть и корабли иноземные осмотрѣть.

А путь былъ не близкій: отъ Москвы до Архангельска— слишкомъ 1200 верстъ. Но въ то время одно только отдаленное Бѣлое море и было во власти Россіи.

Въ іюлѣ 1693 года отправился Петръ въ далекій Архангельскъ съ избранными друзьями и многочисленною свитой. До Вологды ѣхалъ царь въ каретѣ, а тамъ пересѣлъ на карбасъ *) и поплылъ по теченію Сухоны до Великаго Устюга, а потомъ Сѣверной Двиной — вплоть до Бѣлаго моря. Путешествіе водою было медленно и трудно, и продолжалось оно больше двухъ недѣль.

Какъ только завидѣлъ Петръ давно желанное море, позабылъ онъ наказъ материнскій и, ни мало не медля, сѣлъ на корабль провожать купцовъ иноземныхъ. Распущены паруса. Загрохотали пушки. Къ великой радости своей, Петръ— въ открытомъ морѣ, на необъятномъ водномъ просторѣ.

Не можетъ наглядѣться онъ на море. Любуется и невиданными до этого морскими кораблями, ихъ красивой наружностью и быстрымъ ходомъ, необычайною ловкостью и искусствомъ матросовъ. Какъ птица, летитъ корабль при попутномъ вѣтрѣ, и Петръ не замѣтилъ, какъ проплыли ужъ триста верстъ, и давно ему пора назадъ возвращаться. Съ завистью простился онъ съ иностранцами, отъ всей души пожелалъ имъ счастливаго пути въ благословенную Голландію, гдѣ умѣютъ такіе чудесные корабли строить.

А во время его отлучки пришли письма отъ матери-царицы: она крѣпко по сынѣ тоскуетъ, письмо за письмомъ къ нему шлетъ, нѣжно проситъ и молитъ, чтобы отписалъ ей немедля, когда въ Москву вернется, и пріѣзжалъ бы не мѣшкавъ.

---

*) Карбасъ—плоскодонное рѣчное судно, въ родѣ дощаника.

„Свѣту моему, радости моей, паче жизни моей возлюбленному, дорогому моему. Здравствуй, радость моя, царь Петръ Алексѣевичъ, на множество лѣтъ! А мы, радость моя, живы. О томъ, свѣтъ мой, радость моя, сокрушаюсь, что тебя, свѣта моего, не вижу. Писала я къ тебѣ, надеждѣ своей, какъ мнѣ тебя, радость свою, ожидать, и ты, свѣтъ мой, опечалилъ меня, что о томъ не отписалъ. Прошу у тебя, свѣта моего, помилуй рождшую тя, какъ тебѣ, радость моя, возможно, пріѣзжай къ намъ, не мѣшкавъ. Ей, свѣтъ мой, несносная мнѣ печаль, что ты, радость, въ дальнемъ такомъ пути. Будь надъ тобою, свѣтъ мой, милость Божія, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надеждѣ Пресвятой Богородицѣ. Она тебя, надежда наша, да сохранитъ. А отъ меня, свѣтъ мой, радость моя, благословеніе“.

Царица пока еще ничего не знаетъ о поѣздкѣ Петра въ открытое море. Непослушный сынъ спѣшитъ во всемъ признаться и старается мать успокоить:

„Изволила ты писать ко мнѣ, что я тебя, государыню, опечалилъ тѣмъ, что о пріѣздѣ своемъ не писалъ: и о томъ и нынѣ подлинно отписать не могу, потому что дожидаюсь кораблей изъ-за моря, а какъ они будутъ, о томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ, потому что больше трехъ недѣль отпущены изъ Амстердама. А какъ они будутъ, и я, искупя, что надобно, поѣду тотчасъ день и ночь. Да о единомъ милости прошу: чего ради изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей: а такого пастыря имѣючи, почто печаловаться? Тоя бо молитвами не точію одинъ я, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу. Недостойный Петрушка“.

Ужаснулась царица, когда узнала о морскомъ походѣ сына. А его рѣшенье ждать прихода кораблей иноземныхъ и еще болѣе ее пугало: не станетъ онъ сидѣть безъ дѣла на мѣстѣ, и опять пустится въ страшное море.—И еще и еще пишетъ скорбная мать сыну, чтобъ поскорѣй домой вернулся:

„Сотвори, свѣтъ мой, надо мною великую милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей-ей, свѣтъ

мой, велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего, радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дожидаться; и ты, свѣтъ мой, видѣлъ, которые пришли прежде: чего тебѣ, радость моя, тѣхъ еще дожидаться? Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ, а ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что ходить на него не будешь".

Но знаетъ хорошо царица твердый характеръ и непреклонную волю сына и придумываетъ новое средство, чтобъ выманить его отъ моря поскорѣе: сочиняетъ она письмо Петру отъ имени его трехлѣтняго сына, царевича Алексѣя:

„Превеликому государю моему батюшкѣ. Здравствуй, радость, мой батюшка, царь Петръ Алексѣевичъ, на множество лѣтъ. Сынишка твой Алешка благословенія отъ тебя, свѣта своего, радости, прошу. А я, радость моя, государь, при милости государыни своей бабушки, царицы Наталіи Кирилловны, въ добромъ здравіи. Пожалуй, радость наша, къ намъ, государь, не замѣшкавъ. Ради того, радость, мой государь, у тебя милости прошу, что вижу государыню, свою бабушку, въ печали. Не покручинься, радость мой государь, что худо письмишко: еще, государь, не выучился".

Чтобъ успокоить мать, Петръ нарочно въ Москву посылаетъ думнаго дворянина изъ своей свиты разсказать подробно царицѣ объ его, государя, здоровьи.

Поуспокоилась немного царица, терпѣливѣе стала переносить разлуку, и теперь только того ужъ боялась, чтобъ государь на обратномъ пути „не надсѣлся бы скорою ѣздою". Не въ обычаѣ были тогда у насъ дальнія поѣздки, домосѣды были русскіе люди: потому-то и безпокоилась такъ царица.

Больше семи недѣль прожилъ въ Архангельскѣ Петръ. И не одно только любопытство посмотрѣть на корабли его здѣсь держало, и не однѣ потѣхи на умѣ у него были. Въ Архангельскѣ царь воочію увидѣлъ то, о чемъ онъ прежде не зналъ и не думалъ, и новыя мысли крѣпко его захватили.

Здѣсь—большая приморская корабельная пристань, единственная во всей Россіи. На берегу огромное каменное

строеніе больше версты вокругъ, — для склада русскихъ и иноземныхъ товаровъ. Цѣлая слобода населена иностранцами, постоянно здѣсь проживающими; тутъ множество довѣренныхъ и комиссіонеровъ голландскихъ, гамбурскихъ и англійскихъ купцовъ. Сюда во множествѣ свозятся разные товары изъ-за границы и изъ внутреннихъ нашихъ губерній. Все лѣто сплошь идетъ здѣсь бойкая, оживленная торговля. Иностранные корабли то и дѣло приходятъ, разгружаютъ свои богатства, нагружаются русскимъ товаромъ и везутъ его въ свои земли.

Къ Успенской ярмаркѣ до ста кораблей приходитъ въ Архангельскъ съ полотнами, сукнами, шелковыми тканями, кружевами, золотыми и серебряными издѣліями, винами, аптекарскими товарами и разной галантереей.

Раннею весною съѣзжаются сюда иноземные купцы, проживающіе въ Москвѣ, въ Ярославлѣ, въ Вологдѣ и въ другихъ городахъ русскихъ, живутъ здѣсь все лѣто, запасаются иноземнымъ товаромъ и по зимнему пути развозятъ этотъ товаръ по всей Россіи на продажу.

Приходятъ сюда по Двинѣ и русскія барки и привозятъ на продажу иноземцамъ хлѣбъ въ зернѣ, пеньку, поташъ, смолу, сало, перо, кожи, мѣха, рыбій клей, икру и другое сырье.

И вся эта огромная торговля цѣлаго государства, — и привозъ иноземныхъ товаровъ и покупка русскаго сырья,— все въ рукахъ у иностранцевъ. Одни они большіе барыши наживаютъ на этой торговлѣ: свое продаютъ русскимъ по дорогой цѣнѣ, а наше покупаютъ у насъ по дешевой. Какую цѣну установятъ на свой и нашъ товаръ,—такъ то и будетъ.

Здѣсь все молодого государя удивляетъ, поражаетъ: безпрерывный приходъ и отходъ кораблей, неустанный, бодрый трудъ на пристани и въ складахъ и шумное оживленіе купли и продажи, богатство заморскихъ товаровъ. Все это въ восторгъ царя приводитъ.

Но почему же среди такого множества судовъ нѣтъ ни единаго корабля подъ русскимъ флагомъ? Развѣ въ Архангельскѣ до сихъ поръ морскихъ судовъ строить еще не

научились? Почему мы сами не возимъ свой товаръ за границу? Почему сами на мѣстѣ не покупаемъ товаръ иноземный?

Умѣютъ русскіе и морскія суда строить. Недалеко отъ Холмогоръ (на притокѣ Двины) братья Баженины давно строятъ суда и спускаютъ ихъ въ Архангельскъ на продажу,—только не русскимъ купцамъ, а голландскимъ и англійскимъ. А русскимъ купцамъ не для чего покупать суда морскія. Пробовали наши возить свой товаръ за границу,—только никакого толку изъ этого не вышло. Землепроходъ-ярославецъ Антонъ Лаптевъ возилъ какъ-то въ Амстердамъ грузъ съ дорогими мѣхами, да съ тѣмъ же и назадъ вернулся,—и на рубль не продалъ своего товару. Корыстолюбивые иностранцы стакнулись не покупать у русскаго купца товаровъ, чтобъ и другимъ впредь неповадно было ѣздить съ товарами за границу.

Пораженъ государь и тѣмъ, что иноземные товары такъ разнообразны и сдѣланы такъ искусно: почему у насъ нѣтъ такихъ своихъ товаровъ? Почему мы все должны покупать у иностранцевъ? Почему мы одно грубое сырье продаемъ имъ? Это же самое наше сырье иностранцы искусно обработаютъ и намъ же за дорогую цѣну продадутъ, и мы отъ этого терпимъ неисчислимые убытки. Отчего же все это?

А все это оттого, что нѣтъ у насъ мастеровъ искусныхъ, нѣтъ у насъ фабрикъ, нѣтъ заводовъ. Только всего и умѣютъ русскіе, что грубое сырье добывать.

Такъ-то мы, русскіе люди, за свое незнанье и неумѣнье во всемъ большіе убытки и терпимъ, а иноземные купцы и работники на нашъ счетъ богатѣютъ.

Такъ надобно намъ самимъ научиться разнымъ мастерствамъ искуснымъ; надобно свои корабли завести для перевозки своихъ и чужихъ товаровъ; надобно самимъ вести торговлю,—продавать свой товаръ, покупать чужой прямо на мѣстѣ, за границей.

Но кому же начать такое новое и большое дѣло? Кто подниметъ такую великую тяготу цѣлаго народа? Кто на путь дѣло поставитъ и поможетъ ему окрѣпнуть?

Не сдѣлать этого ни купцу, ни ремесленнику и никакому частному лицу, — всенародное это дѣло, государево; и надо начать его и на ноги поставить самому государю. И рѣшаетъ царь не откладывать такого важнаго дѣла и сейчасъ же положить начало русскому мореходству и русской торговлѣ.

И тутъ же приказалъ государь неотложно снарядить два купеческихъ корабля,—одинъ въ этомъ же году, а другой въ будущемъ,—и послать эти корабли въ чужія земли подъ русскимъ флагомъ. А нагрузить корабли такимъ нашимъ товаромъ, какой больше всего покупаютъ иностранцы, — поташомъ, смолою, рыбьимъ клеемъ.

Но куда же направить эти корабли съ нашими товарами? Въ Голландіи и въ Англіи опять купцы стакнутся и не станутъ покупать нашихъ товаровъ. Во Франціи, пожалуй, не окажутъ уваженія и покровительства русскому флагу. Подумали и рѣшили все-таки во Францію нашъ корабль отправить, только не подъ русскимъ, а подъ голландскимъ флагомъ.

Послѣ и случилось то самое, чего опасались: французы заарестовали нашъ корабль подъ голландскимъ флагомъ и весь нашъ товаръ безденежно въ свою казну забрали. А отъ этого новая царю досада и новыя невеселыя думы: за границей насъ не уважаютъ и не боятся, не считаютъ насъ народомъ, равнымъ съ собою, и ставятъ намъ всякія преграды къ сближенію съ ними.

Но это вышло потомъ, а теперь государь полонъ надежды на успѣхъ нашъ въ иностранной торговлѣ и принимаетъ необходимыя мѣры, чтобы успѣхъ этотъ обезпечить.

Приказалъ государь при себѣ же устраивать въ Архангельскѣ верфь для постройки морскихъ судовъ, и самъ собственными руками заложилъ корабль военный. А другой большой корабль, съ сорока четырьмя пушками, заказалъ купить въ Голландіи, и чтобъ оба корабля, и нашъ, и голландскій, были къ будущей веснѣ готовы. Въ Голландіи же заказалъ купить для насъ планы, чертежи и размѣры для постройки мелкихъ морскихъ судовъ торговыхъ, чтобы мастера наши по этимъ чертежамъ сами строить морскія суда научились.

А чтобы всѣ приказы государевы въ точности и къ сроку исполнены были, назначаетъ царь воеводою въ Архангельскѣ Апраксина, товарища своего изъ дружеской „компаніи“. Государь самъ пріѣдетъ сюда будущей весной и самъ все осмотритъ.

Поѣхалъ Петръ въ Архангельскъ ради морской потѣхи, а нашелъ здѣсь для себя большое дѣло. И по душѣ ему эти новыя заботы: будто новый свѣтъ открывается передъ его орлинымъ взоромъ.

Среди заботъ и трудовъ, въ ожиданіи прихода голландскихъ кораблей, живетъ царь въ Архангельскѣ такъ же просто, какъ и въ Москвѣ жилъ.

Помѣстился онъ въ домикѣ на островѣ, близъ устья рѣки, чтобы приходъ и отходъ кораблей прямо изъ окна видѣть.

По праздникамъ ходитъ къ обѣднѣ, читаетъ Апостолъ и на клиросѣ поетъ басомъ. Послѣ обѣдни заходитъ къ священнику на перепутьи.

Часто навѣщалъ Петръ архіепископа Аѳанасія, человѣка образованнаго и умнаго, свѣдущаго не только въ церковныхъ, но и въ мірскихъ дѣлахъ. За трапезой съ архипастыремъ любитъ царь бесѣдовать „о царственной должности, о боярахъ и простыхъ людяхъ, въ работѣ пребывающихъ, о домовомъ - семейномъ строеніи, объ учрежденіи заводовъ, объ искусномъ плаваніи по морямъ и рѣкамъ на корабляхъ и другихъ судахъ“. — Захватили всѣ эти новыя мысли и дѣла государя, и радъ онъ говорить обо всемъ этомъ безъ устали.

Въ свободный часъ, въ праздникъ или вечеромъ, запросто ходитъ царь по зову на обѣды и вечеринки къ иноземнымъ купцамъ и корабельнымъ капитанамъ, осушаетъ съ ними кубки съ виномъ заморскимъ. А въ бесѣдахъ своихъ съ иноземцами развѣдываетъ онъ о торговыхъ дѣлахъ и житьѣ-бытьѣ за границей.

Новые гамбургскіе корабли пришли, наконецъ, въ Архангельскъ. Царь полюбовался ими, внимательно все осмотрѣлъ и, не мѣшкавъ долѣе, въ Москву поѣхалъ. На дорогѣ за-

вернулъ онъ въ Холмогоры, осмотрѣлъ лѣсопильный заводъ и корабельную верфь братьевъ Бажениныхъ.

Рада царица-мать благополучному возвращенію страстно любимаго сына, не можетъ на него и наглядѣться.

А у сына свои новыя заботы—все о томъ же морскомъ дѣлѣ. Крѣпко эти заботы залегли на сердце и не даютъ Петру покоя. Безъ устали готовится царь къ весеннему походу въ Архангельскъ. Наточилъ Петръ въ своей токарнѣ во дворцѣ Преображенскомъ множество блоковъ для корабля, который имъ былъ заложенъ. Отлилъ для корабля пушки. Изъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ выбралъ самыхъ расторопныхъ и способныхъ солдатъ для корабельной службы. Придумалъ свои сигналы для морской флотиліи. Составилъ планъ морскихъ маневровъ. Назначилъ командировъ будущаго флота.

А самъ онъ принялъ званіе шкипера простого и требовалъ ото всѣхъ, чтобъ его такъ и называли, даже и въ дѣловыхъ бумагахъ. Апраксинъ прислалъ изъ Архангельска къ нему донесенье, величая его царскимъ титуломъ, и Петръ ему такъ на это отвѣтилъ:

„Сомнѣваюсь, ко мнѣ ли ты писалъ, съ такими зѣльными чинами, — чего не люблю. А тебѣ можно знать, какъ ко мнѣ писать, потому что ты нашей компаніи“.

Не забывалъ Петръ въ часы отдыха и дружескихъ пирушекъ. Днемъ—работа, а вечеромъ—шумное веселье. Пировалъ царь и у своихъ друзей, и въ Нѣмецкой слободѣ у купцовъ, офицеровъ и простыхъ мастеровыхъ и со всѣми говорилъ о весеннемъ морскомъ походѣ.

Но среди зимы нежданно-негаданно подкралось къ царю лютое горе, сердечная печаль великая: скончалась преждевременно мать-царица. Не преклонныхъ лѣтъ была еще Наталья Кирилловна (41 г.), но много скорбей и напастей пережила она на своемъ короткомъ вѣку. Раннее вдовство въ цвѣтущей молодости и жизнь въ изгнаніи, злодѣйское убійство близкихъ сердцу людей, постоянная тревога за дорогую жизнь и судьбу нѣжно любимаго сына—все это унесло здоровье и раньше времени подкосило жизнь царицы.

Мраченъ былъ Петръ, тосковалъ онъ и горько плакалъ по матери. И только въ обычныхъ трудахъ и заботахъ нашелъ себѣ утѣшеніе и скороталъ печаль сердечную. На четвертый день послѣ смерти царицы царь уже пишетъ о дѣлахъ Апраксину въ Архангельскъ:

„Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце... По сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя,—о живомъ пишу“.

А это „живое“—въ томъ, чтобы все нужное для постройки корабля было сдѣлано и все приготовлено для морского похода. И царь даетъ Апраксину подробныя во всемъ наставленія, и самъ безъ устали о томъ же хлопочетъ.

По приказу царя, Великимъ постомъ перевезено въ Архангельскъ 1000 самопаловъ (ружей), 2000 пудовъ пороха, посланы заготовленные царемъ блоки, отправлены 24 пушки.

Въ концѣ апрѣля стали собираться и въ дорогу. По нѣскольку сотъ подводъ разставлено было въ городахъ и селахъ по дорогѣ между Москвой и Вологдой. А въ Вологдѣ заготовлены карбасы для воднаго пути вплоть до самаго Архангельска.

Послѣ прощальнаго обѣда у Лефорта „компанія“ и свита царская тронулись въ путь. Позже всѣхъ выѣхалъ изъ Москвы Петръ и прежде всѣхъ пріѣхалъ въ Вологду, чтобы снарядить мелкія суда для моря.

1-го мая Петръ покинулъ Москву, а 18-го царская флотилія уже торжественно вошла по Двинѣ въ Архангельскъ—на всѣхъ парусахъ, съ флагами съ громкою пушечною пальбой.

Первымъ дѣломъ Петра по пріѣздѣ въ Архангельскъ былъ спускъ корабля, который заложилъ онъ прошлымъ лѣтомъ.

Послѣ этого царь отправился въ Соловки по давнему обѣщанію. На пути поднялась страшная буря. Гибель царскаго судна казалась неизбѣжной. Петръ пріобщился уже Святыхъ Таинъ. Къ счастью, нашелся искусный кормчій (Антонъ Тимоѳеевъ), — онъ и ввелъ судно въ безопасную

бухту. Собственными руками Петръ сдѣлалъ на берегу деревянный крестъ въ полторы сажени вышиною и поставилъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ. На крестѣ—голландская надпись: „Сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694".

Побывали въ Соловкахъ и въ Архангельскъ возвратились. Царскій корабль оснащенъ, поставлены на немъ пушки, и хоть сейчасъ въ море. Съ нетерпѣніемъ ожидаетъ государь прихода корабля, заказаннаго въ Голландіи.

Ждетъ корабля Петръ, но самъ не теряетъ времени даромъ: поступилъ царь въ ученье на корабль иностранный. Понятливый, старательный ученикъ скоро прошелъ и матросскую, и офицерскую службу, научился исполнять и отдавать приказанія. Въ то же время царь усиленно работалъ надъ составленіемъ плана большого сухопутнаго похода (Кожуховскаго).

Прибылъ, наконецъ, сорокачетырехпушечный корабль голландскій. Радость Петра при полученіи такого сокровища была безгранична: „Что давно желали,—нынѣ совершилось", — пишетъ въ Москву царь. Приходъ корабля отпраздновали веселыми пирами.

Одно только Петра сильно огорчаетъ: не прислали ему изъ Голландіи плановъ и размѣровъ для постройки мелкихъ судовъ морскихъ. Отговариваются тѣмъ, что каждый корабельный мастеръ дѣлаетъ суда по своему разсужденью, что образцомъ для всѣхъ судовъ можетъ служить и присланный большой корабль. Досадуетъ царь и думаетъ, что и тутъ ему ставятъ помѣху иноземцы: не хотятъ они, чтобы русскіе строили корабли у себя дома, а заказывали бы ихъ за границей.

Но царь на-время забываетъ свою досаду. Онъ отправляется со своимъ флотомъ въ море вмѣстѣ съ отплывающими домой иностранными кораблями. Царь со своей флотиліей проводилъ иностранные корабли до самого крайняго пункта Бѣлаго моря (св. Носъ), — побывалъ въ открытомъ океанѣ. Много страховъ натерпѣлись, много опасностей испытали неопытные въ морскомъ дѣлѣ мореходцы. А самъ

Петръ былъ неустрашимъ и отваженъ и много радости и счастья принесъ ему этотъ походъ морской.

Въ первыхъ числахъ сентября царь въ Москву вернулся: дальше не зачѣмъ въ Архангельскѣ оставаться,—рано замерзаетъ Бѣлое море.

Чему же научилъ Петра Архангельскъ?

Въ первый разъ въ своей жизни увидалъ Петръ давно желанное безбрежное море, испыталъ великія опасности, и еще болѣе полюбилъ онъ море и крѣпко съ нимъ породнился. Полюбилъ еще больше онъ и морскую науку и многому въ ней научился.

Но не забаву одну и потѣху видитъ теперь царь въ морскомъ дѣлѣ: море — лучшій путь для торговли. А торговля своимъ и чужеземнымъ товаромъ приноситъ богатство цѣлому народу, увеличиваетъ и улучшаетъ въ цѣлой странѣ промыслы и разныя производства.

Россія до сихъ поръ не вела правильной и выгодной для себя заграничной торговли, и неотложно надобно начать и укрѣпить это важное для всего государства дѣло.

Увидѣлъ еще царь, что иностранцы ставятъ русскимъ на каждомъ шагу помѣхи въ этомъ дѣлѣ, и русскіе не въ силахъ съ ними бороться. Такъ надобно пересилить эту силу иностранцевъ: моложе только и неопытнѣе, а не глупѣе другихъ народъ русскій. А молодой царь въ силу русскую вѣритъ, самъ никакихъ трудовъ не боится и никакихъ препятствій знать не хочетъ.

Такъ потѣхи царя и стали для Россіи началомъ великихъ дѣлъ и на морѣ, и на сушѣ. Такъ въ потѣхахъ этихъ закладывалъ царь прочную основу благополучія всего русскаго народа.

4. Чему научили Петра Азовскіе походы.

Архангельская наука принесла Петру великую пользу. Природныхъ богатствъ въ Россіи много, но всѣ они лежатъ втунѣ. Надо оживить народъ отъ долгаго сна непробуднаго и научить его пользоваться природными богатствами. На-

добно найти сбыть всѣмъ этимъ богатствамъ у себя и за границей, завести обмѣнъ-торговлю съ чужеземными народами. А для этого надобно завести флотъ, открыть себѣ пути-дороги по морямъ-океанамъ.

Но какъ все это сдѣлаешь, когда всѣ пути-дороги по морямъ для насъ закрыты-заказаны? Бѣлое море малопроѣздно, и лежитъ оно въ пустынной странѣ, и путь къ нему по немъ дальній и трудный. Ключи къ Балтійскому морю отобрали у насъ шведы и крѣпко держатъ его въ своихъ сильныхъ рукахъ. Азовское и Черное море сторожатъ татары и турки, и нѣтъ никому ни входа въ эти моря, ни выхода изъ нихъ.

Какъ ни какъ а выходъ за границу найти надобно,— безъ того и жить намъ нельзя полною жизнью. Неотступно думаетъ-гадаетъ объ этомъ молодой царь-орелъ, на всѣ стороны раскидываетъ взорами.

Далекъ, пустыненъ и грозенъ Ледовитый океанъ, но зато онъ весь почти въ нашихъ рукахъ — и въ Европѣ, и въ Азіи. И размышляетъ Царь съ друзьями-товарищами, нельзя ли черезъ этотъ океанъ отыскать удобный проходъ въ многолюдный Китай и въ богатую Индію. Но такого прохода никто не знаетъ, не вѣдаетъ, и долго, и не подъ силу намъ дѣлать такіе розыски.

Великая Волга-рѣка вся въ нашихъ рукахъ—отъ истока и до устья самаго. Въ нашихъ рукахъ и выходъ изъ нея въ море Каспійское. Черезъ это море нетрудно завести торговлю со всѣми прикаспійскими странами, съ Персіей, съ богатой Азіей. Можно будетъ тогда и западнымъ сосѣдямъ нашимъ открыть торговый путь черезъ Россію въ Азію, и тогда богатства и всякія выгоды польются къ намъ съ обѣихъ сторонъ. Но далекъ и пустыненъ путь по Волгѣ до Каспія и далѣе по дикимъ странамъ Азіи. И не заманчива для молодого царя дружба съ варварскими народами Азіи. Умъ, знанія, предпріимчивость, неустанный трудъ,—вся жизненная сила могучая—въ Европѣ западной, а въ Азіи—мертвый покой, непробудный сонъ, безпросвѣтное царство дикой тьмы. И безъ того не мало у насъ грубой азіатчины. Такъ не въ Азіи

искать намъ дружбы и родства, и не отсюда придутъ къ намъ свѣтъ и обновленіе.

Со стародавнихъ временъ, съ первыхъ дней государства Русскаго, непрестанно ведемъ мы борьбу кровавую на югѣ съ дикими степными народами и на западѣ—съ надменными и властными сосѣдями. Испоконъ вѣковъ стремится русскій народъ къ морямъ Черному и Балтійскому, чтобъ найти себѣ здѣсь и опору твердую, и вольный путь морской. Отъ Финскаго залива по рѣкамъ Невѣ и Волхову, по Днѣпру и морю Черному шелъ великій водный путь—отъ варяговъ въ Грецію. И самые древніе поселенцы русскіе изъ Смоленска, Чернигова и Кіева спускались въ Цареградъ по Днѣпру и вели торговлю съ богатыми греками. Наши первые князья утвердились на этомъ пути, и Вѣщій Олегъ силой заставилъ грековъ предоставить русскимъ купцамъ особенныя льготы и выгоды для торговли въ Цареградѣ. А князь Владиміръ - Красное Солнышко взялъ у грековъ Корсунь - городъ (въ Крыму) и грозился то же сдѣлать и съ Цареградомъ. Не утвердились мы съ первыхъ лѣтъ навсегда на южныхъ моряхъ только потому, что отрѣзали насъ отъ нихъ грозные пришельцы изъ Азіи,—сначала дикія орды татарскія, а потомъ и страшныя для всей Европы полчища турецкія. Но и въ эти долгіе вѣка тяжкаго безвременья запорожское и донское казачество вольное грозно напоминало дикимъ пришельцамъ-насильникамъ, что и южныя степи, и побережье морское—кровное наше достояніе. Запорожскія чайки часто гостили въ селеніяхъ и городахъ турецкихъ по черноморскимъ берегамъ. Донскіе казаки то же самое у себя дѣлали, а при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ взяли приморскую крѣпость Азовъ (при устьяхъ Дона), утвердились тамъ и просили государя принять этотъ выходъ въ море подъ свою крѣпкую защиту. Но русскій народъ разоренъ тогда былъ и обезсиленъ губительнымъ „смутнымъ“ временемъ, и царь противъ воли долженъ былъ отказаться отъ подарка многоцѣннаго. И при царевнѣ Софьѣ русское войско ходило въ Крымъ воевать съ татарами. Такъ испоконъ вѣковъ и шла

у насъ непрестанная борьба кровавая за южныя степи и побережья приморскія.

Не ради прибыли и корысти вѣками проливалась въ южныхъ степяхъ кровь русская, а для самообороны, для мирнаго устроенія жизни внутри земли. Великую, непереносную тяготу терпѣли наши окраины отъ дикихъ татарскихъ ордъ— крымскихъ, кубанскихъ, ногайскихъ, какъ прожорливая и лютая саранча облегавшихъ Азовское и Черноморское побережья. Отъ ихъ губительныхъ набѣговъ не было намъ покоя ни зимою, ни лѣтомъ. Хищники грабили и выжигали наши мирныя селенія, тысячами избивали и уводили въ плѣнъ людей на продажу. По всей линіи южной границы нашей мы должны были держать постоянную стражу охранную, загораживали путь разбойникамъ засѣками, крѣпостями, сторожевыми станицами. Окраиные города наши — Харьковъ и Бѣлгородъ, Козловъ и Тамбовъ, Воронежъ и Валуйки были не иное что, какъ станы воинскіе, обнесенные рвомъ и валомъ, заселенные стрѣльцами да казаками. Сторожевые отряды безпрестанно выходили въ степи выслѣживать дикихъ хищниковъ, чтобъ устеречь открытую границу нашу отъ набѣговъ разорительныхъ. Чтобъ откупиться отъ хищниковъ, русскіе цари вплоть до Петра ежегодно посылали Крымскому хану поминки щедрые или, попросту, платили татарамъ позорную дань. Но и подарки не помогали: брать ихъ — татары брали, а разоренія своимъ чередомъ чинили, и намъ ежегодно приходилось еще за большія деньги выкупать у татаръ русскихъ плѣнниковъ. И все это непереносное разореніе терпѣли мы отъ того, что южная граница наша была совсѣмъ открыта. Терпѣли мы отъ этого и другія великія невыгоды.

Благословенный природою южный край былъ пустыненъ и представлялъ собою степь безжизненную. Нѣтъ здѣсь пристанища и защиты ни пахарю, ни скотоводу, ни ремесленнику и никакому мирному трудолюбцу. Нельзя черезъ степи вести и торговли: устья Дона и Днѣпра—въ рукахъ вражескихъ, въ ихъ рукахъ и побережья морскія, такъ что море для насъ совсѣмъ недоступно и непроѣздно.

Съ татарскими ордами мы бы еще справились, но татары подпали подъ власть турокъ, и тѣ понастроили крѣпостей по всему морскому побережью. А турки были такъ сильны, что ихъ всѣ боялись, хотя они и были всѣмъ ненавистны, какъ непримиримые враги христіанства и европейскаго просвѣщенія.

Послѣ походовъ на Крымъ при правительницѣ Софьѣ русскіе не заключили еще съ турками мира, и мы были въ союзѣ съ Польшей, чтобы сообща бороться и съ Турціей, и съ Крымомъ. Но поляки, союзники наши, лукавили и для насъ же строили козни, втихомолку возбуждая противъ насъ не только татаръ и турокъ, но и подвластныхъ намъ украинскихъ казаковъ.

Окидывая взоромъ границы наши, чтобы найти выходъ въ море, Петръ и остановился на побережьѣ южномъ. Послѣ „потѣшныхъ", сухопутныхъ и водныхъ, походовъ молодой государь чувствуетъ свою силу. Онъ научился военному дѣлу; у него есть по-иноземному устроенные полки, есть офицеры, генералы и другіе свѣдущіе люди. Онъ вѣритъ въ себя и отважно рѣшается одинъ-на-одинъ вступить въ борьбу съ вѣковымъ врагомъ, чтобы навсегда прочно защитить нашу южную границу отъ хищныхъ набѣговъ, чтобы возродить къ жизни наши южныя степи, чтобы открыть себѣ свободный доступъ къ Азовскому и Черному морямъ. Южною границей нашею должны быть берега морскіе, а охраною ихъ—побережныя крѣпости и морской флотъ. Гнѣздо крымскихъ татаръ разорится тогда само собою,—была бы сломлена сила турокъ на Черноморскомъ побережьѣ. Не покидалъ Государь надежды, что помогутъ ему въ этой борьбѣ и другіе европейскіе государи, а тогда можно было бы освободить изъ-подъ турецкаго ярма славянскіе народы и совсѣмъ прогнать турокъ изъ Европы.

Побуждалъ государя къ этой войнѣ и патріархъ Іерусалимскій. Онъ и прежде просилъ русскихъ царей о защитѣ православныхъ христіанъ отъ самовластія турокъ, теперь настойчиво совѣтовалъ Петру идти на нихъ войною, потому что они разоряютъ и оскверняютъ святыя мѣста въ Пале-

стинѣ и дали тамъ большую власть католикамъ-французамъ, а православныхъ всячески тѣснятъ въ отместку за то, что русскіе недавно воевать Крымъ приходили.

И патріархъ говоритъ, что надобно русскимъ занять всю Украйну, Подолію и всѣ славянскія земли по обѣ стороны Дуная, тогда и Крымъ самъ собою разорится, тогда и весь Іерусалимъ будетъ въ русской власти. „Теперь благополучное для васъ время: турки воюютъ съ нѣмцами, а вы не радѣете. Турки васъ ни во что не ставятъ,—смѣются надъ вами. Татары—горсть людей и хвалятся, что берутъ съ васъ дань. А такъ какъ татары—подданные турецкіе, то выходитъ, что и вы подданные турокъ“...

Голосъ патріарха имѣлъ для насъ большую силу: всѣ восточные православные христіане издавна считали московскихъ царей своими покровителями и защитниками противъ невѣрныхъ, и намъ нельзя было умалять себя ни передъ турками, ни передъ православными христіанами. Война съ невѣрными почиталась и у насъ, и на Востокѣ священною войною. А молодому государю хорошо было бы показать свою силу и у себя дома, и за предѣлами Россіи.

Такимъ образомъ, все заставляло Петра начать войну съ турками и татарами. И Петръ рѣшилъ отправить войско и къ устью Днѣпра, и къ устью Дона. Всего больше хотѣлось государю утвердиться сначала на Азовскомъ морѣ, а для этого нужно было взять въ свои руки ключъ къ этому морю—приморскую крѣпость Азовъ.

* * *

Старое войско дворянское, подъ начальствомъ боярина Бориса Шереметева, отправилось къ низовьямъ Днѣпра вмѣстѣ съ малороссійскими казаками.

Войско новаго строя вмѣстѣ съ московскими стрѣльцами и городовыми солдатами отправлено къ Азову подъ начальствомъ трехъ генераловъ—Головина, Лефорта и Гордона. Бомбардирскую роту велъ *бомбардиръ Петръ Алексѣевъ*. Часть войска пошла сухимъ путемъ, а другая поплыла на судахъ Москва-рѣкою, Окою и Волгою. „Шутили подъ Кожуховымъ (на маневрахъ), а теперь подъ Азовъ играть

идемъ",—писалъ Петръ Апраксину въ Архангельскъ и дружески къ этому прибавлялъ: — „Про твое здоровье пьемъ водку и ренское вино, а паче пиво".

На дѣлѣ вышла совсѣмъ не шуточная игра... Не мало неожиданныхъ препятствій встрѣтилось еще и до Азова. Суденышки наши были плохи. Противные вѣтры задерживали нашъ караванъ на многіе дни. „А больше всего задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, — писалъ Петръ, — которые именемъ слывутъ мастерами, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба". И неудивительно: откуда у насъ могли взяться опытные кормщики-мастера?

Войско плыло Волгою до Царицына. Отсюда до городка Паншина на Дону сухопутьемъ шли съ большою нуждой: ратные люди и безъ того устали отъ гребли, а тутъ еще должны были, по недостатку лошадей, на себѣ тащить орудія и пушечные припасы. Въ Паншинѣ—новое горе: подрядчики не доставили нужнаго количества съѣстныхъ припасовъ.

Изъ Паншина войско поплыло Дономъ, и въ концѣ іюня приблизилось оно къ Азову, гдѣ стоялъ уже Гордонъ со своимъ отрядомъ. „Въ день св. апостоловъ Петра и Павла остановились верстъ за десять отъ Азова,—писалъ Петръ Виніусу въ Москву,—и на молитвахъ св. Апостолъ, яко на камени утвердясь, несомнѣнно вѣруемъ, что сыны адскіе не одолѣютъ насъ".

Черезъ недѣлю начали дѣйствовать наши батареи. Бомбардиръ Петръ Алексѣевъ самъ начинялъ гранаты и бомбы, самъ стрѣлялъ, какъ простой бомбардиръ, цѣлыхъ двѣ недѣли и такъ записалъ потомъ о своей службѣ: „Зачалъ служить съ перваго Азовскаго похода бомбардиромъ".

Но воевать съ турками — не шуточное дѣло. Азовъ съ суши сильно укрѣпленъ, и непріятель защищается храбро. А съ моря городъ и вовсе для насъ недоступенъ; нельзя намъ и выйти въ море, потому что по обѣимъ сторонамъ Дона построены двѣ укрѣпленныхъ каланчи, а между ними протянуты цѣпи и набиты сваи. Непріятель безпрепятственно получаетъ съ моря подкрѣпленія и припасы, и помѣшать

этому мы не можемъ. А нашему войску получить припасы очень трудно, потому что по степи разгуливали татары и сильно намъ во всемъ мѣшали.

Государь рѣшилъ, во что бы то ни стало, пробиться къ морю, а для этого прежде всего надо взять турецкія каланчи. Кликнули кличъ на охотниковъ изъ привычныхъ къ водѣ и сушѣ и отважныхъ донскихъ казаковъ. Каждому охотнику обѣщано по десяти рублей. Казаки ночью врасплохъ взяли одну каланчу. Другую каланчу турки покинули сами, и ее сейчасъ же заняли казаки.

Такая удача принесла Петру великую радость. „Теперь зѣло свободны стали,—пишетъ царь,—по взятіи каланчей яко врата счастья къ Азову отворились"...

Но надежда эта не оправдалась. Не унывалъ государь, но и онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше убѣждался, что настоящая война — не потѣшная игра. „Пѣшіе наклонясь ходимъ,—писалъ онъ,—потому что подошли къ гнѣзду близко и шершней раздразнили, которые за досаду свою крѣпко кусаются, однако и гнѣздо ихъ помаленьку сыплется".

Оказалось скоро, что гнѣзда этого намъ не взять. Трудовъ тяжкихъ положено много, потери большія, а успѣховъ никакихъ,—только и сдѣлали, что двѣ каланчи взяли. Не было у насъ флота, чтобы загородить Азовъ съ моря, мало было оружій и воинскихъ снарядовъ; совсѣмъ почти нѣтъ у насъ искусныхъ инженеровъ, чтобы разрушить крѣпостныя стѣны. И у генераловъ нашихъ не было межъ собой согласія,—каждый по-своему дѣлалъ, и все шло врозь. Такъ и пришлось ни съ чѣмъ отступить отъ Азова.

Больше успѣха выпало на долю стараго войска, на низовьяхъ Днѣпра. Шереметевъ и гетманъ Мазепа взяли тамъ нѣсколько турецкихъ крѣпостей.

Осенью войско наше двинулось обратно домой. Въ день отступленія (1-го октября) съ утра поднялась жестокая буря съ моря. Донъ выступилъ изъ береговъ и затопилъ всѣ низменныя мѣста. Повозки наши были въ водѣ до осей. Много пороху подмочило, немало и людей перетонуло. Войско отсту-

пило отъ Азова въ большомъ безпорядкѣ. Стрѣльцы и казаки роптали и не слушались начальниковъ. Татары пользовались разстройствомъ нашего войска, преслѣдовали насъ и били съ тылу. Войско шло безлюдною и обгорѣлою степью,— ни пристанища, ни припасовъ. Начались морозы. Выпалъ снѣгъ. Поднялась жестокая и продолжительная буря. Люди и лошади безъ числа гибли въ степи отъ голода и холода. Трупы людей и животныхъ валялись на пространствѣ 800 верстъ. Неудача страшная для молодого государя въ его первомъ царственномъ дѣлѣ. Испытаніе великое!

Государь шелъ три недѣли вмѣстѣ съ войскомъ и дѣлилъ со всѣми вмѣстѣ всѣ невзгоды. Дошли до перваго надежнаго мѣста, — до города Валуекъ, и Петръ покинулъ войска и впередъ уѣхалъ.

Остановился государь близъ Тулы на заводѣ и принялся ковать желѣзо. Сверкаетъ въ воздухѣ тяжелый молотъ; скопомъ взлетаютъ изъ-подъ молота огненныя брызги. Затихаетъ понемногу душевная тревога, разгораются бодрыя мысли, крѣпнетъ вѣра въ свои силы.

Подошли къ Тулѣ полки, и Петръ вмѣстѣ съ войскомъ торжественно вошелъ въ Москву.

Торжественно вступилъ царь съ войскомъ въ Москву. Но всѣ видѣли и знали, что походъ былъ совсѣмъ неудаченъ. Недруги царя злобно межъ собой толковали: „Это, видно, не кораблики строить, не съ „потѣшными“ забавляться, не съ нѣмцами пировать. Вотъ и правду говорилъ престарѣлый патріархъ, что вся бѣда наша отъ нѣмцевъ да отъ разныхъ новшествъ иноземныхъ“.

Но въ испытаніяхъ-неудачахъ и узнается душевная сила человѣка: слабый отъ неудачи гибнетъ, а сильная натура закаляется и крѣпнетъ. „Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“. И Петръ явилъ себя въ бѣдѣ истинно великимъ человѣкомъ: онъ будто выросъ, возмужалъ отъ неудачи и проявилъ изумительную дѣятельность, чтобъ обезпечить успѣхъ второго похода подъ Азовъ. Всѣ видѣли и знали только одно: походъ былъ несчастливъ. И Петръ самъ это

видѣлъ лучше всѣхъ, но онъ зналъ еще и причины несчастія, зналъ и то, какъ бѣду поправить.

Недруги Петра осуждали его за любовь къ иностранцамъ, а онъ сейчасъ же послѣ похода посылаетъ въ чужія земли за инженерами и подкопными мастерами и проситъ иностранныхъ государей прислать къ нему лучшихъ людей какъ можно скорѣе. Вызываетъ онъ и корабельныхъ мастеровъ изъ-за границы, выписываетъ изъ Архангельска всѣхъ плотниковъ русскихъ и иностранныхъ: порѣшилъ царь въ одну зиму построить такой флотъ, чтобы запереть имъ Азовъ съ моря.

Неслыханное и невиданное дѣло затѣялъ молодой государь въ три-четыре зимнихъ мѣсяца собрать издалека мастеровъ, приготовить всѣ нужные строительные матеріалы, построить цѣлый караванъ судовъ, оснастить ихъ, вооружить, набрать людей, способныхъ къ морской службѣ, и къ веснѣ двинуть всю флотилію къ морю, тутъ же разомъ одолѣть турокъ, — несбыточное это дѣло! У всѣхъ еще въ памяти, какъ при отцѣ государя одинъ только корабль на Волгѣ съ большимъ трудомъ строили долго, да и тотъ не уцѣлѣлъ, а сожгли его казаки. Какъ же это возможно—цѣлый флотъ за одну зиму построить!

Не знали еще русскіе люди молодого царя-богатыря и прикладывали къ нему старую мѣрку: не то теперь, что прежде было. Тогда дѣла шли по-другому: царь отдавалъ приказъ въ Москвѣ боярамъ; тѣ царскимъ именемъ писали на мѣсто указы воеводамъ, а эти писали начальникамъ еще пониже. Всѣ отдавали только приказанія, а какъ творилось самое дѣло,—мало кто зналъ и видѣлъ, мало кому было о томъ заботы. Теперь все идетъ по-другому: царь и приказы отдаетъ, и строго смотритъ самъ за ихъ исполненіемъ, самъ же впереди всѣхъ во всякомъ дѣлѣ—большомъ и маломъ; съ его могучихъ рукъ не сходятъ мозоли; его свѣтлаго чела не покидаютъ смѣлыя и прозорливыя мысли; онъ—царь-плотникъ и мастеръ корабельный, царь-кузнецъ, царь-шкиперъ, царь-бомбардиръ, царь-инженеръ, полководецъ, онъ могучій богатырь съ непреклонною желѣзною волей.

Что задумано и сказано царемъ, то и въ дѣло тотчасъ переходитъ. Кипитъ работа въ Москвѣ: рубятъ, пилятъ, строгаютъ, точатъ,—суда по-иностранному образчику строятъ. Закипаетъ работа и въ Воронежѣ. Тамъ изстари растутъ дремучіе лѣса дубовые, буковые, липовые, сосновые. Здѣсь и заложена верфь — колыбель русскаго флота. Строго-настрого приказано отъ царя спѣшно заготовить семь тысячъ деревьевъ и распилить ихъ по царскимъ чертежамъ въ брусья и доски, собрать съ обывателей смолу и конопатку, вытребовать съ желѣзныхъ заводовъ по образцамъ скобы, крючья, гвозди, приготовить и собрать всѣ эти припасы безотложно къ февралю, — къ пріѣзду государя. Нужно изготовить къ веснѣ 1,300 струговъ, 300 лодокъ, 100 плотовъ.

На работу назначены солдаты изъ полковъ, согнали со всей Россіи столяровъ и плотниковъ, привезли изъ Москвы и Архангельска иностранныхъ мастеровъ. Собралась работниковъ цѣлая армія большая—двадцать шесть тысячъ человѣкъ. Остановлены во всемъ государствѣ на цѣлый годъ плотничьи работы.

Всѣмъ ратнымъ людямъ объявлена къ веснѣ служба подъ Азовъ: приказано запасы готовить, лошадей кормить, людей вооружать и чтобы всѣмъ неотложно быть къ назначенному сроку въ указанномъ мѣстѣ.

Кликнули кличъ и на охочихъ людей, чтобы шли записываться въ стрѣльцы и въ солдаты. Толпами повалили въ Преображенское охотники, горюны и неудачники изъ праздныхъ и голодныхъ холоповъ, изъ крѣпостныхъ крестьянъ, кому невмоготу отъ суровыхъ господъ приходилось.

Малороссійскому гетману приказано привести пятнадцать тысячъ казаковъ. И донскіе казаки должны быть къ войнѣ готовы.

Адмираломъ будущаго флота назначенъ другъ царя—Лефортъ. Главнымъ начальникомъ сухопутнаго войска—бояринъ Шеинъ, сынъ знаменитаго полководца въ „смутное“ время. Всѣ дѣла на войнѣ должны обсуждаться сообща старшими начальниками и представляться на утвержденіе государю, чтобъ было единоначаліе въ дѣлѣ. Шкиперъ и бом-

бардиръ *Петръ Алексѣевъ* повысился въ званіи,—онъ теперь капитанъ морского флота.

Среди этой кипучей дѣятельности постигло Петра нежданное горе: внезапно скончался царь-братъ Иванъ Алексѣевичъ. Умеръ онъ, какъ и жилъ, тихо, незамѣтно. Любилъ брата Петръ и доказалъ потомъ эту любовь нѣжною отеческою заботою о братниныхъ дѣтяхъ.

Стряслась и другая бѣда въ такое горячее, страдное время: занемогъ самъ царь, главный работникъ,—разболѣлась у него нога, да такъ, что не въ силахъ онъ и двинуться съ мѣста. Заболѣлъ, какъ нарочно, и адмиралъ Лефортъ и не можетъ изъ Москвы подняться.

Но могучей волѣ Петра ничто не помѣха. Дѣло всего важнѣе, а времени до вскрытія рѣкъ остается ужъ немного. Усаживается государь въ повозку и ѣдетъ въ Воронежъ. Вопреки своему обычаю, ѣдетъ онъ тихо, замедляетъ въ пути, чтобы не нажить себѣ еще большей помѣхи.

А всякихъ помѣхъ въ срочной работѣ и безъ того не мало. Тысячи работниковъ не явились во-время къ своему мѣсту. Другія тысячи бѣгутъ съ тяжелой работы. Солдаты по дорогѣ озорничаютъ и замедляютъ приходомъ на мѣсто.

Пріѣхалъ Петръ въ Воронежъ, забылъ свои недуги и жадно накинулся на работу. Примѣръ царя всѣхъ заражаетъ, и всяческихъ помѣхъ будто и не бывало.

Больной Лефортъ собирается въ дорогу и пишетъ царю: „Путь такой, что ни въ саняхъ, ни въ телѣгѣ; морозы и вѣтры великіе; однакожъ на той недѣлѣ поѣду. День мѣста, другой, приму лѣкарства и не стану мѣшкать; каковъ ни будетъ путь, жить здѣсь долѣ не буду. Лѣкарства всякаго вкругъ себя на ставлю, и не проймутъ меня морозы. По письму отъ милости твоей слышу, что тебѣ, далъ Богъ, получше стало, и чаю, что и мнѣ въ дорогѣ лучше будетъ“. Между болѣзнью и дѣломъ не забываетъ веселый другъ Петра и про дружескія пирушки: „Сего числа князь Борисъ Алексѣичъ у меня будетъ кушать, — станемъ пить про ваше здоровье. Чаю, что у милости вашей пива добраго въ Воронежѣ нѣту,— такъ я къ милости твоей привезу съ собою и мушкательнаго

вина, и добраго пива“. А послѣ этого—опять о дѣлахъ и заботахъ важныхъ: „Доски многія посланы изъ Москвы милости вашей; самъ изволишь разсудить, какой нудный путь, что по сіе число не бывали. А веревки готовыя есть, а нынѣ дѣлать великая трудность въ такіе морозы. Изволишь поклониться всѣмъ капитанамъ, которые суда свои дѣлаютъ и готовятъ, а съ тѣми, которые неисправны, я съ ними самъ расправлюсь“.

А въ Воронежѣ — новая бѣда-помѣха: горятъ лѣса въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ суда строятъ, „и дѣлу черезъ то чинится великое нарушеніе, и морскому воинскому походу остановка“. А капитаны еще и про] то жалуются, что въ кузницахъ уголья нѣтъ: „за тѣмъ и дѣло наше стало“.

Зато капитанъ Петръ Алексѣевъ не унываетъ, весело и бодро на все смотритъ и тѣмъ другихъ одушевляетъ: „Здѣсь слава Богу, все здорово, — пишетъ онъ въ Москву.—А суда дѣлаются безъ мѣшкоты; только послѣ великаго дождя былъ великій морозъ, такой крѣпкій, что вновь рѣки стали за этимъ морозомъ дней пять не работали.

Несмотря на всѣ помѣхи, дѣло шло съ поспѣшеніемъ, и успѣхъ этотъ объясняется просто: „Мы по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму,—пишетъ Петръ,—въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой.

Этотъ хлѣбъ трудовой царь ѣлъ въ крошечномъ домикѣ всего въ двѣ горницы, съ поварней да съ баней.

И въ Воронежѣ, и въ Москвѣ хорошо всѣ знаютъ, какъ трудится царь. „Господинъ капитанъ Петръ Алексѣевичъ!— отвѣчаютъ ему на письма изъ Москвы.—Пишетъ ваша милость, что пребываете въ трудѣ и въ потѣ лица своего кушаете хлѣбъ свой: и то вѣдаемъ, что празденъ николи, а всегда въ трудолюбіи пребываешь, и все то не для себя, а для всѣхъ православныхъ христіанъ“.

Такъ не удивительно, что при такомъ трудолюбцѣ-хозяинѣ спорится и у всѣхъ работа. Дни и ночи проводитъ государь на верфи то съ циркулемъ, то съ топоромъ въ рукѣ.

Кончились морозы и вьюги. Въ началѣ апрѣля весеннее солнышко согрѣло воздухъ, и все оживилось. Рѣки высту-

пили изъ береговъ. Флотъ былъ готовъ: будто въ сказкѣ, по щучьему велѣнью, построили суда съ небольшимъ въ одинъ мѣсяцъ. Собралось къ Воронежу и войско. Спустили суда на рѣку. Войско и флотилія двинулись въ началѣ мая къ Азову. Впереди каравана плылъ капитанъ Петръ Алексѣевъ на галерѣ, которую онъ самъ построилъ. Это—самое большое и быстроходное судно.

Флотилія спустилась къ устью Дона. Сухопутное войско обложило крѣпость. Началась осада. Капитанъ Петръ Алексѣевъ неустанно трудился и на водѣ, и на сушѣ, не взирая ни на какую опасность.

Въ Москвѣ сильно тревожатся, что государь не бережется. Больше всѣхъ безпокоится за брата царевна Наталья. Она Богомъ заклинаетъ Петра, чтобъ онъ былъ остороженъ и берегся бы пулекъ и ядеръ. А онъ ей такъ на это отвѣчаетъ: „По письму твоему, я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а сами онѣ ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили. Однако, хотя и ходятъ, только по сію пору вѣжливо. А турки къ намъ нейдутъ; чаю, что желаютъ насъ къ себѣ“.

И пошли наши къ туркамъ, хоть тѣ и вовсе того не желали. На взморьѣ, противъ Азова, стоитъ турецкій флотъ, и не такой, какъ нашъ: у турокъ — настоящіе морскіе корабли, и вооружены они грозно. Капитанъ Петръ Алексѣевъ ѣдетъ на взморье посмотрѣть флотъ турецкій. И видитъ онъ, что не только нельзя прогнать этотъ флотъ судами рѣчными, но даже и подойти близко къ кораблямъ невозможно.

Но есть сила сильнѣе всякихъ кораблей и пушекъ: это— сила отважнаго духа. Удалые донскіе казаки въ своихъ легкихъ лодочкахъ подкрались къ караблямъ и такъ стремительно ударили на турокъ, что навели на нихъ безумный страхъ. Турки со всѣмъ своимъ флотомъ поспѣшно уплыли въ открытое море, оставивъ намъ въ добычу нѣсколько судовъ и множество съѣстныхъ и военныхъ припасовъ.

Громкой пушечной пальбой радостно отпраздновалъ Петръ эту первую нашу морскую побѣду. Онъ самъ повелъ тогда

свою флотилію на взморье, и подступъ съ моря къ Азову былъ для турокъ отрѣзанъ.

Теперь ужъ легче будетъ взять Азовъ и съ суши. Не получая помощи съ моря, окруженные нашими войсками съ сухопутья,—азовцы не могли долго держаться. Со всѣхъ сторонъ сыплются на городъ ядра и пули. Всѣ дома разрушены до основанія. Люди укрываются во рвахъ и землянкахъ. Только и цѣлы оставались однѣ крѣпостныя стѣны. Пріѣхали къ намъ, наконецъ, давно жданные иноземные инженеры, и дрогнули азовскія твердыни. Петръ назначилъ рѣшительный приступъ, чтобы разомъ покончить съ Азовомъ. Но турки не въ силахъ дольше держаться и сдали намъ крѣпость безъ бою. Петръ помиловалъ людей и отпустилъ всѣхъ на волю: ему нужны были только — устье Дона и морское побережье.

Свѣтелъ и радостенъ государь, что всѣ тяжкіе двухлѣтніе труды наши оправдались и надежды сбылись. Неумолкаемымъ громомъ пушекъ съ моря и суши празднуютъ наши побѣду. „Нынѣ радуйтеся о Господѣ,—пишетъ Петръ въ Москву, — и паки реку: радуйтеся! Нынѣ радость наша исполнися: понеже Господь двухлѣтніе труды и крови наши милостію Своею наградилъ. Вчерашняго дня азовцы, видя конечную свою бѣду, сдалися“.

Приказываетъ государь укрѣпить Азовъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, очистить и поправить городъ; поспѣшно ѣдетъ онъ въ море и отыскиваетъ на побережьи мѣсто для гавани и новой крѣпости, чтобъ лучше защитить устье Дона и новую крѣпость отъ турокъ (Таганрогъ).

Въ мечтахъ своихъ Петръ уже видитъ все Азовское побережье, унизанное нашими крѣпостями. По волнамъ морскимъ свободно и гордо плаваетъ русскій флотъ. Владѣя Азовскимъ моремъ,—мечтаетъ Петръ,—не трудно будетъ утвердиться и на Черномъ. Тогда смирится гордыня турокъ, исполнится завѣтное желаніе наше: турки откроютъ намъ Босфоръ и Дарданелы для торговли со всей Европой...

Укрѣпленія въ Азовѣ исправлены. Городъ очищенъ отъ грудъ камней и пепла. Возобновили дома для жилья сол-

дать. На развалинахъ турецкихъ мечетей построили двѣ церкви и отслужили первую обѣдню и благодарственный молебенъ при залпѣ изо всѣхъ орудій.

Въ крѣпости оставленъ сильный гарнизонъ. Полки наши одинъ за другимъ возвращаются въ Москву.

Въ Москвѣ всѣ въ великомъ восторгѣ. Патріархъ, прочитавъ государево письмо, прослезился и велѣлъ благовѣстить въ большой колоколъ—къ благодарственному молебну. Всѣ дивились и мудрости государя, и великой его скромности, что онъ восхваляетъ своихъ сподвижниковъ, и только имъ однимъ приписываетъ всю честь и славу побѣды. Князь Ромодановскій пишетъ Петру: „Вѣдаемъ мы, что паче многихъ ты, господине, въ трудахъ пребываешь, и намъ желанное исполняешь. Всѣ дѣла твои свидѣтельствуютъ, что вѣрою къ Богу ты подобенъ Петру, мудростью — Соломону, силою — Самсону, славою — Давиду. И то, что другіе пріобрѣтаютъ многими науками и продолжительнымъ трудомъ, ты достигаешь однимъ взглядомъ".

Въ Москвѣ приготовлено для встрѣчи царя и войска торжество, невиданное и неслыханное доселѣ: построены были тріумфальныя ворота, изукрашенныя орлами, знаменами, копьями, всякими картинами и хвалебными надписями. Вся столица собралась смотрѣть на диковинное зрѣлище. Народъ переполнилъ всѣ улицы, гдѣ проходило войско, и съ умиленіемъ смотрѣлъ на молодого государя-побѣдителя. А онъ весь длинный путь по городу прошелъ пѣшкомъ, въ скромномъ мундирѣ морского капитана, позади раззолоченныхъ саней адмирала Лефорта.

Щедро наградилъ государь всѣхъ своихъ сподвижниковъ. По обычаю прадѣдовъ, были розданы золотые кубки и дорогія шубы, увеличено многимъ жалованье, даны помѣстья съ крѣпостными крестьянами.

Радовался Петръ съ друзьями-товарищами, что высоко поднялись они со своими „новшествами" въ глазахъ всего народа. Радовалась Москва и вся Россія и побѣдѣ надъ невѣрными, и тому, что пришелъ конецъ трудамъ и тре-

вогамъ, что начнется теперь для всѣхъ по-прежнему мирное и безмятежное житіе.

Не зналъ еще русскій народъ своего царя, не вѣдалъ онъ смѣлыхъ его замысловъ. Не думалъ и не гадалъ народъ, какихъ великихъ жертвъ въ скоромъ времени потребуетъ отъ него государь, чтобы обновить Россію, поворотить ее на новый путь и тѣмъ приготовить свѣтлое будущее грядущимъ поколѣніямъ. Теперь только, послѣ первой неудачи подъ Азовомъ и перваго здѣсь же успѣха, и окончились юношескія потѣхи богатырскія, и началось славное царствованіе великаго Преобразователя.

Не прошло и мѣсяца послѣ побѣдныхъ торжествъ, какъ собираетъ царь думныхъ бояръ на совѣщаніе и указываетъ имъ, что дальше дѣлать надобно.

Азовомъ мы завладѣли, но какъ навсегда укрѣпить его за собою? Какъ навѣки утвердиться на берегахъ морскихъ?

Азовская крѣпость разорена внутри, городъ выжженъ до основанія, и нѣтъ въ немъ постоянныхъ обывателей,— такъ необходимо поселить тамъ русскихъ людей. И положили бояре по мысли царя: переселить въ Азовъ три тысячи семей изъ низовыхъ городовъ для постояннаго жительства и еще три тысячи стрѣльцовъ и городовыхъ солдатъ и конницу изъ калмыковъ въ четыреста человѣкъ.

Но однимъ сухопутнымъ войскомъ не защитить Азова отъ турокъ: возьмутъ они крѣпость съ моря, и тогда всѣ труды наши пропадутъ даромъ, и посмѣются турки надъ нами пуще прежняго и сторицею за все отплатятъ намъ. Нужно защитить Азовъ и съ моря, а для этого надобно построить морскіе корабли, и какъ можно скорѣе, „пока фортуна намъ помогаетъ и сквозь насъ бѣжитъ: блаженъ, иже имется за власы ея“. И порѣшили бояре построить большой флотъ для Азовскаго моря. „Корабли сдѣлать со всею готовностью, и съ пушками, и съ мелкимъ ружьемъ, какъ имъ быть на войнѣ“.

А гдѣ же взять денегъ для сооруженія большого флота? Денегъ потребуется много, а царская казна и всегда-то не

богата, а теперь послѣ войны и вовсе оскудѣла. По замыслу царя, положено: возложить постройку кораблей на помѣщиковъ и вотчинниковъ, какъ духовнаго чина, такъ и свѣтскаго, на гостей и людей торговыхъ, на посады и слободы, и разложить эту тяготу не на всѣхъ плательщиковъ поровну: кто богаче, съ того больше и потребовать. Патріарху, властямъ и монастырямъ съ каждыхъ восьми тысячъ крестьянскихъ дворовъ корабль построить. Съ бояръ и со всѣхъ чиновъ служилыхъ людей — съ десяти тысячъ дворовъ одинъ корабль. Людямъ торговымъ и посадскимъ, всѣмъ въ совокупности, изготовить двѣнадцать судовъ. Мелкопомѣстные дворяне должны внести по пошлинѣ со двора въ два срока. Корабли изготовить указано въ полтора года; кто не исполнитъ царскаго приказа, у тѣхъ все имѣнье на казну отберутъ. Хлопотать о постройкѣ кораблей должны сами плательщики—и деньги припасти, и собрать, и подрядчиковъ нанять, и заботу имѣть, чтобы все къ сроку въ исправности было бы изготовлено. Для этого помѣщики и вотчинники должны составить межъ собою кумпанства (компаніи),—духовные — съ духовными, свѣтскіе — съ свѣтскими, — чтобы каждое кумпанство свой корабль построило и за все само отвѣчало.

Для заготовленія лѣсныхъ матеріаловъ отведены казенныя лѣсныя дачи по Воронежу и по Дону; желѣзо, канаты, полотна, орудія, снаряды и все, что нужно для оснастки и вооруженія судовъ, кумпанства должны покупать на свой счетъ; нанимать рабочихъ и платить имъ и мастерамъ жалованье тоже сами отъ себя должны.

Мѣсто для гавани на Азовскомъ морѣ назначено при Таганрогѣ. Тамъ же указано быть и крѣпости для защиты гавани.

Для удобства воднаго сообщенія задумалъ государь соединить Волгу съ Дономъ большимъ каналомъ.

Выписалъ государь изъ Венеціи, Голландіи, Даніи, Швеціи многихъ искусныхъ мастеровъ корабельныхъ и распредѣлилъ ихъ по кумпанствамъ.

Но не все же выписывать знающихъ людей изъ-за границы,—надобно русскимъ людямъ и самимъ научиться дѣлать

все и своимъ умомъ, и своими руками. А научиться корабельному и всякому другому мастерству только и возможно у иностранцевъ за границей.

„Тако, — говоритъ Петръ, — началось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ иждивеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ“. И дабы то вѣчно утвердить въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввести въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ людей послалъ въ Голландію и иныя государства—учиться архитектурѣ и управленію корабельному.

Назначилъ государь для посылки за границу въ ученье пятьдесятъ царедворцевъ изъ знатнѣйшихъ фамилій. При каждомъ изъ нихъ велѣно быть солдату также для изученія морского дѣла. Всѣмъ строго-на-строго объявлено, чтобы не смѣли ворочаться въ Россію безъ письменнаго свидѣтельства заморскихъ капитановъ въ основательномъ изученіи кораблестроенія и мореплаванія. А кто будетъ неисправенъ, у того государь возьметъ въ казну все имущество.

Съ великимъ горемъ и слезами отправлялись царедворцы наши въ дальніе края чужеземные, гдѣ никогда не бывали ни отцы ихъ, ни прадѣды. Ѣхали они на дѣло мудреное, тягостное, и для ихъ боярской чести унизительное. Какъ они тамъ будутъ жить и какъ учиться, когда и говорить по-иностранному не умѣютъ?! Какъ покинутъ они здѣсь своихъ женъ и дѣтей малолѣтнихъ и все хозяйство свое, многими трудами устроенное, и жизнь привольную, покойную!

Кручинились царедворцы, въ тяжелую науку обреченные, кручинились ихъ семьи и родичи, сѣтовали на государя, что посылаетъ православныхъ людей въ земли еретическія на великій соблазнъ и развращеніе.

Сѣтовали и печалились, а ослушаться воли государевой не смѣли.

Многіе изъ этихъ подневольныхъ учениковъ,—царедворцевъ и солдатъ, — сдѣлались потомъ славными сподвижниками Петра и на вѣки-вѣчные обезсмертили свое имя.

Что же принесла Петру и Россіи Азовская побѣда? Чему здѣсь молодой государь научился?

Петръ сломилъ гордыню турокъ и убѣдился, что можетъ онъ пробиться къ морю и стать на немъ твердою стопою.

Государь окончательно укрѣпился въ мысли, что для обладанія моремъ нуженъ Россіи флотъ. А для постройки флота и для другихъ неотложныхъ нуждъ государственныхъ надобны свои мастера и всякіе знающіе люди, и для этого необходимо научиться всему у иностранцевъ, чтобы на-вѣки утвердить въ Россіи и ввести въ народъ всякія искусства.

Постройкою флота „кумпанствами“ и посылкой царедворцевъ за границу въ науку молодой царь указалъ всей Россіи „новое дѣло“,—что надобно служить и радѣть не для себя только, но и для общаго блага государственнаго; и служить, и радѣть государеву дѣлу должны не служилые только люди и приказные, а всѣ безъ изъятія, сколько кто въ силахъ,—не для государя служить, а для общей пользы, какъ и самъ государь не для себя самого, а для пользы всего народа служитъ и никакимъ дѣломъ не брезгуетъ.

Узналъ на дѣлѣ государь и крѣпкую силу свою, и власть свою великую. Узналъ онъ и могучую силу народную и послушаніе безотвѣтное и еще больше увѣровалъ въ свой народъ, еще больше полюбилъ его и укрѣпился въ мысли до конца послужить родной землѣ и всю жизнь свою отдать на благо Россіи.

Прославила Петра и Россію Азовская побѣда и за границей. Повсюду дивились великому уму и неустанному труду своеобычнаго государя. Увидѣли иноземцы, что нарождается на сѣверѣ Европы новая сила, съ которою скоро придется всѣмъ считаться.

5. Чему научился Петръ за границей.

Сборы и проводы за границу.

Чтобъ утвердиться намъ на Азовскомъ морѣ, порѣшилъ государь построить „великимъ иждивеніемъ“ всей земли большой флотъ морской. Но это лишь начало великаго но-

ваго дѣла,—корабли придется и впредь строить постоянно. „Дабы строеніе кораблей и прочихъ судовъ вѣчно утвердить въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввести въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ людей послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектурѣ и управленію корабельному". И пятьдесятъ царедворцевъ отправлены въ ученье въ чужія земли.

Но хорошо ли выучатся тамъ эти непривычные къ труду „благородные люди"? достанетъ ли у нихъ охоты и способностей на такое новое дѣло? и кто же ихъ потомъ провѣритъ—проэкзаменуетъ? кто за ними у насъ присмотритъ, когда станутъ они утверждать въ Россіи новое искусство?— Никому другому этого не сдѣлать, кромѣ самого царя-государя, народнаго вождя на новомъ пути и въ новомъ для всѣхъ дѣлѣ.

Но и царь учился до сихъ поръ этому дѣлу у мастеровъ не важныхъ, а больше всего самоучкой; онъ только плотникъ и простой корабельный мастеръ, только шкиперъ и совсѣмъ неопытный еще капитанъ: такъ прежде всѣхъ ему самому надобно до конца изучить это мудреное дѣло. Необходимо нужно царю узнать всю науку строенія кораблей и управленія ими, нужно научиться этому у самыхъ лучшихъ мастеровъ и знатоковъ дѣла. А для этого одно средство,— самому царю ѣхать за границу учиться.

И пылкій царь, первый труженикъ на пользу народа „умыслилъ" и рѣшился на неслыханное и небывалое во всемъ мірѣ дѣло: онъ самъ поѣдетъ учиться въ чужія земли. Но державному царю не такъ легко учиться, какъ простому человѣку: и царственныхъ заботъ у него много, и мѣшать его ученью будутъ торжественные встрѣчи и пріемы и всякія почести отъ иностранныхъ государей; помѣхой станетъ и праздное любопытство людское къ работнику-царю. И Петръ рѣшилъ скрыть ото всѣхъ свой царскій санъ: онъ поѣдетъ за границу съ паспортомъ „урядника Преображенскаго полка Петра Михайлова". Возьметъ съ собою государь своихъ старыхъ товарищей, Переяславскихъ и Азовскихъ плотниковъ и бомбандировъ, чтобъ учиться вмѣстѣ съ ними съ топо-

ромъ и циркулемъ въ рукахъ, чтобъ плечомъ къ плечу работать всѣмъ рядомъ съ иноземными мастерами.

Необходимо государю устроить за границей и еще одно важное дѣло, чтобъ укрѣпиться на южномъ морскомъ побережьѣ: нужно склонить иностранныхъ государей, чтобъ они согласились воевать за одно съ Россіей съ Турками и Крымскими татарами, общими врагами всего христіанства,— тогда ужъ легко будетъ отодвинуть ихъ отъ береговъ приморскихъ.

И снаряжаетъ государь великое посольство во всѣ окрестныя государства *) для общихъ всему христіанству дѣлъ— „къ ослабленію враговъ Креста Господня, салтана турскаго, хана крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ, и къ вящщему приращенію государей христіанскихъ“.

Главою великаго посольства назначенъ близкій другъ царя Лефортъ, хорошо знающій иноземные порядки и обхожденіе съ иностранцами. А самъ государь и товарищи его поѣдутъ при посольствѣ, какъ частныя охочія лица— волонтеры.

Снаряжая посольство, не покидаетъ государь и своей главной заботы о постройкѣ флота для Азовскаго моря. Хорошо знаетъ онъ, что у насъ дома, за что ни возьмись, ничего нѣтъ,—ни людей знающихъ, ни матеріаловъ нужныхъ. И велитъ государь посольству нанимать въ чужихъ земляхъ знающихъ морское дѣло людей и закупать нужные матеріалы.

Какъ заботливый и разсчетливый хозяинъ, Петръ самъ подробно написалъ, что послы должны сдѣлать: „Къ службѣ морской сыскать капитановъ, поручиковъ и подпоручиковъ добрыхъ (надежныхъ, дѣльныхъ), которые бы сами бывали въ низкихъ чинахъ и службою дошли до чина, а не по инымъ причинамъ. Набрать также для кораблей добрыхъ боцмановъ, штурмановъ, матросовъ и другихъ людей низкихъ чиновъ. Для строенія двора адмиралтейскаго сыскать

---

*) Къ цесарю—императору Австрійскому, къ королямъ Англійскому и Датскому, къ папѣ Римскому, къ курфюрстру Бранденбургскому, въ Голландію и Венецію.

человѣка добраго, также и мастеровыхъ людей со всякими инструментами—столяровъ, рѣзчиковъ, маляровъ, корабельныхъ кузнецовъ; сыскать пушечныхъ мастеровъ, сыскать на каждое судно по лѣкарю съ сундукомъ (съ аптекой).

Закупить полотенъ и блоковъ, пилы большія и малыя, плотничную снасть, буравы; купить картузной бумаги, роговъ на порохъ къ пушкамъ, свинцу на пули, мѣди листовой, якорей, гарусу на знамена и вымпелы, усовъ китовыхъ, краски желтой и иныхъ цвѣтовъ". При этомъ государь точно обозначилъ и число людей каждаго званія, и количество матеріала, а въ иныхъ случаяхъ дѣлалъ и прибавки: „а буде не дорого, то и больше".

Такъ, для утвержденія на морѣ, и умыслилъ заботливо государь, что великое посольство и съ иностранными государствами поведетъ переговоры, и знающихъ морское дѣло найметъ, и матеріалы нужные закупитъ, а самъ онъ съ товарищими своими полностью изучитъ кораблестроеніе и мореплаваніе, и станетъ онъ трудами своими и знаніями не плотникомъ и штурманомъ только, но и настоящимъ мастеромъ всякаго дѣла, и адмираломъ.

Все заботливо обдумалъ государь. Управленіе государствомъ на время его отсутствія, поручено знатнѣйшимъ боярамъ. Управленіе Москвою — князю Ромодановскому. Для обороны южной окраины велѣно собрать большія войска въ Бѣлгородѣ и Азовѣ. Приказано еще сильнѣе укрѣпить Азовъ, построить корабельную гавань и новыя крѣпости на Азовскомъ морѣ и при устьѣ Днѣпра.

Отъѣздъ государя долженъ оставаться въ великой тайнѣ отъ Европейскихъ народовъ. Посламъ строго воспрещено говорить, что государь находится въ свитѣ. Когда ему нужно будетъ переговорить съ какимъ государемъ, онъ самъ это сдѣлаетъ въ тайнѣ. Всѣ частныя письма изъ Россіи за границу велѣно вскрывать, и если въ нихъ будетъ хоть одно слово объ отъѣздѣ царя въ чужія земли, такія письма задерживать и не отсылать. Бояре и ближніе люди должны писать къ царю черезъ посольство не иначе какъ съ простою надписью—„Господину Петру Михайлову". Для отсылки

своихъ писемъ изъ-за границы Петръ и особую печать придумалъ: въ срединѣ изображенъ молодой плотникъ, а вокругъ него корабельные инструменты и военныя орудія, а кругомъ всего такая надпись: „Азъ бо есмь въ чину учимыхъ, и учащихъ мя требую“. („Я ученикъ, и учителей для себя ищу).

Все готово къ путешествію за границу. Лефортъ даетъ въ своихъ палатахъ прощальный вечеръ. Весело проводитъ государь послѣдніе часы передъ разлукой съ любимыми боярами и остающимися въ Москвѣ товарищами друзьями.

Но всякое новое дѣло съ большимъ трудомъ дается и встрѣчаетъ множество препятствій. Не думаетъ и не гадаетъ государь, что недруги его и упорные ненавистники новшествъ точатъ на него ножи, готовятъ ему проводы кровавые.

Посреди общаго веселья вызываютъ государя по неотложному дѣлу. Два стрѣльца его ожидаютъ: Ларіонъ Елизарьевъ и Григорій Силинъ. Объявляютъ они государю, что дворянинъ Иванъ Цыклеръ подговариваетъ стрѣльцовъ на убійство государя.

Не смутился Петръ отъ такой страшной вѣсти, и виду не подалъ. Съ лицомъ спокойнымъ вернулся онъ на пиръ веселый и говоритъ друзьямъ, что надо ему отлучиться на короткое время. Беретъ онъ съ собою немногихъ приближенныхъ и ѣдетъ съ ними прямо къ Цыклеру на домъ. Взялъ онъ злоумышленника подъ стражу, привезъ въ Преображенское и самъ учинилъ допросъ злодѣю. И повинился Цыклеръ, что приказывалъ стрѣльцамъ на пожарѣ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, „изрѣзать государя ножей въ пять“. Указалъ онъ и на товарища своего въ злодѣйскомъ дѣлѣ—на Соковнина Алексѣя. Сознался и этотъ и еще указалъ на четырехъ сообщниковъ. Нарядилъ государь судъ изъ бояръ знатныхъ, и открылось большое крамольное дѣло.

Что же за люди это были, и почему они задумали посягнуть на жизнь государя?

Цыклеръ намъ уже извѣстенъ: это старый мятежникъ и коварный предатель. Близкій другъ и приспѣшникъ боярина

Ивана Милославскаго въ дѣлахъ крамольныхъ, Цыклеръ усерднѣе всѣхъ при воцареніи Петра, возмущалъ стрѣльцовъ къ кровавому бунту, подстрекалъ раскольниковъ, участвовалъ въ смутѣ Хованскаго и Шакловитаго по наущенію Софіи. Когда же Цыклеръ увидѣлъ, что сила склоняется на сторону Петра, тогда онъ коварно измѣнилъ своимъ друзьямъ, перекинулся на сторону царя и открылъ всѣхъ сообщниковъ царевны. Хотѣлось Цыклеру быть первымъ человѣкомъ въ почетѣ и власти, но ошибся онъ въ своихъ разсчетахъ. Хоть и наградилъ его Петръ, но къ себѣ не приблизилъ, а послалъ сначала воеводой въ дальній городъ Верхотурье, а потомъ на Азовское море—корабли строить. Золъ былъ на царя честолюбецъ и хвалился въ Азовѣ передъ стрѣльцами, что подобно Стенькѣ Разину подниметъ онъ Донскихъ казаковъ и тряхнетъ Москвою. Вернувшись изъ Азова въ столицу, видитъ старый крамольникъ, что много здѣсь недовольныхъ, и думаетъ, что самое теперь время учинить кровавую смуту.

Злобствовалъ на Петра и Соковнинъ, только по другой причинѣ. Это былъ закоснѣлый и ожесточенный старообрядецъ—въ дѣлахъ церковныхъ и гражданскихъ и въ жизни семейной. И весь родъ Соковниныхъ таковъ былъ. Родные его сестры-раскольницы, боярыня Морозова и княгиня Урусова, еще при царѣ Алексѣѣ прославились своимъ изувѣрствомъ. Съ неукротимою злобою смотрѣлъ Соковнинъ на всѣ новшества молодого государя и осуждалъ ихъ. Въ негодованіе и ужасъ пришелъ закоренѣлый невѣжда, когда узналъ, что двухъ его сыновей царь посылаетъ вмѣстѣ съ другими царедворцами въ еретическія земли. А когда Соковнинъ увидѣлъ, что и самъ православный государь вѣнчанный собирается туда же, тогда и рѣшилъ, что наступаетъ антихристово время, что надобно постоять за старину святую и помѣшать еретическому дѣлу.

Причастна была кровавымъ замысламъ и затворница-царевна, тосковавшая объ утраченной власти.

Причастными оказались и Лопухины — отецъ и братья царицы Евдокіи, приверженцы, какъ и сама царица, старо-

давнихъ обычаевъ и порядковъ. И многіе другіе изъ царедворцевъ осуждали государя за крутой поворотъ въ сторону иноземцевъ,—хоть и знали, что перемѣны и новшества необходимы: простодушные люди думали, что все само собою придетъ, потихоньку да полегоньку, и нѣтъ надобности въ крутыхъ перемѣнахъ.

Такъ и открылось, что много вокругъ царя и злобныхъ мятежниковъ, и яростныхъ противниковъ всякихъ новшествъ, и людей недовольныхъ. Если дать имъ теперь поблажку, тогда можетъ вновь разгорѣться смута, и погибнетъ государево дѣло.

Омрачились мысли государя, гнѣвомъ исполнилось его пылкое сердце и не столько за себя, сколько за свое дѣло, которое онъ задумалъ на пользу всего народа. Рѣшилъ онъ жестоко наказать главныхъ зачинщиковъ кровавой смуты и тѣмъ устрашить всѣхъ недовольныхъ, чтобы всѣ видѣли и знали, что воля царя непреклонна и къ старымъ порядкамъ не будетъ возврата.

Въ своихъ показаніяхъ Цыклеръ напомнилъ государю о старомъ крамольникѣ и первомъ коноводѣ стрѣлецкаго бунта—бояринѣ Иванѣ Милославскомъ, близкомъ родственникѣ царевны по матери. Разсказалъ Цыклеръ и о томъ, какъ много разъ царевна Софья подучала его, Цыклера, убить государя. И рѣшилъ Петръ въ гнѣвѣ своемъ жестоко наказать и предать позору не только живыхъ, но и мертвыхъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этихъ страшныхъ казняхъ современникъ:

„И указалъ государь: Соковнина, Цыклера и четверыхъ другихъ главныхъ злодѣевъ казнить лютою смертію. И на Красной площади начали строить столбъ каменный. И марта въ четвертый день тотъ столбъ каменный додѣланъ, и на томъ столбу пять рожновъ желѣзныхъ вдѣланы въ камень. И того числа казнены въ Преображенскомъ вѣдомые воры и измѣнники. И въ то время изъ могилы выкопанъ мертвый бояринъ Иванъ Милославскій и привезенъ въ Преображенское на свиньяхъ, и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничьихъ, и какъ головы имъ сѣкли,—кровь точила

на него, Ивана Милославскаго. Головы измѣнничьи были воткнуты на рожны столба, который былъ на Красной площади построенъ". Тутъ же брошенъ былъ и гробъ Милославскаго князя.

Страшная, жестокая казнь! Жестокое было тогда и время, жестокіе нравы жили тогда въ людяхъ.

Родственниковъ казненныхъ и всѣхъ причастныхъ къ заговору людей по дальнимъ городамъ разослали. Отправлены въ дальнюю ссылку отецъ и братья царицы Евдокіи. А черезъ полтора года и царицу Евдокію въ монахини постригли.

Нѣтъ и не будетъ пощады всѣмъ супротивникамъ государя,—ни чужимъ ни роднымъ, ни живымъ ни мертвымъ.

Кровавый заговоръ ни на минуту не поколебалъ Петра въ его мысляхъ: 4-го марта (1697 г.) совершилась казнь, а черезъ пять дней государь уѣхалъ за границу. Наканунѣ выѣхало за границу и все посольство.

На пути въ Голландію.

Одна была неотступная забота у государя, — прочно утвериться на Азовскомъ и Черномъ морѣ. Для того онъ и въ чужія земли поѣхалъ.

По первоначальному плану думалъ государь проѣхать прежде всего въ Вѣну, чтобъ заключить твердый союзъ противъ Турокъ съ цесаремъ Римскимъ (императоромъ Австрійскимъ). Но договоръ въ Вѣнѣ заключенъ ужъ былъ передъ самымъ отъѣздомъ за границу, и Петръ рѣшилъ теперь въ Голландію ѣхать. Путь туда лежалъ отъ Пскова черезъ Ригу (Шведская земля), Митаву (Курляндія) и Пруссію.

Непривѣтливо на первое время встрѣтила государя земля чужая; ѣхали медленно, потому что была весенняя распутица, да и подводъ и кормовъ было мало, такъ какъ въ Лифляндской странѣ былъ тогда голодъ жестокій. Въ Ригѣ встрѣтили пословъ съ почетомъ. Но когда государь захотѣлъ осмотрѣть войско и городскую крѣпость, то ему въ томъ грубо отказали: опасно показывать сосѣду свои оборонитель-

ныя силы, тѣмъ болѣе, что силы эти были не важны, какъ Петръ все-таки замѣтилъ. Сердился государь и на жадныхъ торговцевъ, которые втридорога съ него и со свиты за все брали. Уѣзжая отсюда, пишетъ царь въ Москву:—„Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и только зрѣніемъ однимъ были сыты. Торговые люди здѣсь ходятъ въ монтеляхъ и кажутся, что зѣло правдивы, а съ ямщиками нашими, какъ стали они продавать свои сани, за копейку лаются и клянутся, а сами продаютъ все втрое“.

Эти недобрыя чувства на долгое время сохранились въ государѣ. Когда черезъ двѣнадцать лѣтъ онъ осадилъ Ригу и самъ бросилъ въ городъ первыя три бомбы, тогда сказалъ, старое припомнивъ: „Тако Господь сподобилъ намъ видѣть начало отмщенія сему проклятому мѣсту“.

Изъ Риги государь поѣхалъ въ Митаву. Съ курляндскими герцогами Русскіе цари всегда жили въ дружбѣ и здѣсь посольство наше встрѣчено было радушно и съ большимъ почетомъ. Но при всемъ своемъ радушіи владѣтель небогатой страны,—Курляндскій герцогъ ничего интереснаго не могъ показать своему гостю: не было у него ни флота, ни верфи, ни замѣчательныхъ фабрикъ. И нетерпѣливый Петръ покинулъ свое посольство и поспѣшилъ въ приморскій городъ Либаву, чтобъ поскорѣе увидѣть Балтійское море, знакомое ему только по разсказамъ.

Государю тогда и на мысль не могло придти, что въ скоромъ времени значительная часть этого моря будетъ принадлежать Россіи. Не разъ русскіе государи употребляли всѣ свои усилія, чтобъ занять хоть небольшое мѣсто на этомъ морѣ. Старанія Ивана Грознаго и Алексѣя Михайловича остались безъ успѣха. При Алексѣѣ Михайловичѣ спросили у Курляндіи: „Не можно ли будетъ завести строеніе русскихъ кораблей въ одной изъ курляндскихъ гаваней?“ и такой отвѣтъ получили: „Пристойнѣе великому государю заводить корабли въ Архангельскѣ“.

Увидѣлъ Петръ море во всемъ его величіи грозномъ, — въ бурную погоду, при громѣ и молніяхъ,—и ужъ не могъ больше разстаться съ любимою стихіей. Пословъ своихъ онъ

отправилъ въ Кенигсбергъ (въ Пруссію) сухимъ путемъ, а для себя и товарищей купеческій корабль нанялъ.

Въ Пруссіи приняли Петра съ великимъ радушіемъ и почетомъ. Курфирстъ Фридрихъ III отвелъ для гостя съ товарищами два дома въ лучшей части города (Кенигсберга) и внимательно заботился, чтобы знатные гости ни въ чемъ не нуждались. Всѣ расходы Курфирстъ на свой счетъ взялъ.

Въ ожиданіи посольства, Петръ усердно занялся изученіемъ артиллеріи, подъ руководствомъ главнаго инженера всѣхъ прусскихъ крѣпостей, быстро усвоилъ теорію и практику дѣла и оказалъ такіе успѣхи, что учитель выдалъ ему похвальный аттестатъ, въ которомъ было удостовѣрено:

„Предъявитель сего Московскій кавалеръ, Господинъ Петръ Михайловъ, въ непродолжительное время, къ общему изумленію, такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ“.

О великомъ заботливомъ прилежаніи державнаго ученика артиллериста свидѣтельствуютъ и собственноручныя его записи о разныхъ составахъ пороха, о калибрѣ орудій, о правилахъ, какъ попадать бомбою въ любую точку.

Ни дома, ни въ гостяхъ не любилъ Петръ даромъ терять время.

Черезъ полторы недѣли пріѣхало и посольство. Фридрихъ III любилъ торжественность и пышность, да и дружба съ Россіей нужна ему была, и онъ принялъ нашихъ пословъ съ такими почестями, — какъ говоритъ очевидецъ, — „что если бы и самъ царь Московскій при посольствѣ находился, то и тогда нельзя было бы сдѣлать пріемъ торжественнѣе и пышнѣе.

Пословъ встрѣтили еще за городомъ и усадили ихъ въ парадныя придворныя кареты. По всему пути въ городѣ разставлено въ два ряда войско. Съ городского вала и съ крѣпости троекратно стрѣляли изъ пушекъ. Солдаты и вооруженные граждане отдавали посламъ воинскую честь, съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Улицы, дома, даже крыши

домовъ переполнены были народомъ въ праздничныхъ костюмахъ. Въ тотъ же день угостили пословъ роскошнымъ ужиномъ. За столомъ присутствовали важные царедворцы, прислуживали посламъ знатные кавалеры. Шумно при звукахъ трубъ и литавръ, пили за здоровье русскаго царя.

На другой день посольство торжественно принято было самимъ Курфирстомъ. Послы наши нарядились по-русски—въ парчевые кафтаны, унизанные жемчугомъ и дорогими каменьями, съ брилліантовыми пуговицами и съ алмазными двуглавыми орлами на горлатныхъ шапкахъ. Торжественно и пышно, съ почетомъ великимъ, пословъ привезли во дворецъ Курфирста. Впереди ихъ несли царскіе „любительные поминки"—собольи и горностаевые мѣха, золотую и серебряную парчу.

Курфирстъ ожидалъ на тронѣ подъ балдахиномъ — въ шляпѣ, въ красной бархатной мантіи, весь сіяя несмѣтнымъ множествомъ брилліантовъ, алмазовъ и всякихъ другихъ дорогихъ каменьевъ, которые осыпали его платье, шляпу, мечъ. Вокругъ трона стояли министры и вельможи.

При входѣ пословъ, Курфирстъ всталъ съ своего трона и снялъ шляпу. Послы отвѣтили ему „рядовымъ" (обычнымъ) поклономъ, говорили привѣтственныя дружескія рѣчи и поднесли царскіе подарки.

На другой день Курфирстъ устроилъ посламъ у себя во дворцѣ парадный ужинъ. Присутствовалъ на этомъ ужинѣ и Петръ, какъ простой дворянинъ изъ посольства. Послѣ ужина сожженъ былъ блестящій фейерверкъ. Не мало въ Москвѣ насмотрѣлись наши бояре на царскіе фейерверки, а такого никогда еще не видали. Всего больше понравилась имъ великолѣпная картина Русскаго флота подъ Азовомъ. Забавляли пословъ и въ звѣринцѣ боемъ дикихъ быковъ съ медвѣдями. Получили послы отъ Курфирста и щедрые подарки—осыпанные брилліантами портреты, серебряные кубки, золотыя и серебряныя медали.

Начались переговоры о заключеніи союза. Курфирсту хотѣлось склонить пословъ къ союзу противъ Швеціи и Польши. А послы искали союза противъ турокъ. Кончилось

тѣмъ, что курфирстъ переговорилъ съ самимъ государемъ, и заключенъ былъ договоръ о вѣчной любви и дружбѣ, о безпрепятственной съ обѣихъ сторонъ торговлѣ, о свободномъ проѣздѣ русскихъ купцовъ черезъ Пруссію съ товарами своими въ другія земли, о проѣздѣ прусскихъ купцовъ черезъ Россію въ Китай и Персію, о содѣйствіи русскимъ людямъ въ свободномъ проѣздѣ за границу для науки во всякихъ хитростяхъ иноземныхъ.

На прощанье съ Курфирстомъ Петръ подарилъ ему высокой цѣны камень драгоцѣнный.

Для изученія артиллерійской науки государь оставилъ въ Кенигсбергѣ четырехъ бомбандировъ изъ Преображенскаго полка и четырехъ дворянъ изъ свиты.

Нетерпѣливо желалъ Петръ поскорѣй уѣхать въ Голландію; но тревожныя извѣстія изъ Польши задержали его на дорогѣ на цѣлыхъ три недѣли. По случаю избранія новаго короля въ Польшѣ шла великая смута. Объявилось нѣсколько кандидатовъ, желающихъ попасть на престолъ Польскій. Поляки на партіи раздѣлились, и каждая съ оружіемъ въ рукахъ за своего кандидата стояла. Самая сильная партія была у французскаго принца. Вотъ это самое и встревожило государя. Польша была въ союзѣ съ нами противъ татаръ и турокъ, а Франція была съ турками въ большой дружбѣ. Какъ сдѣлается французскій принцъ королемъ польскимъ, перетянетъ онъ и Польшу на сторону турокъ.

Посылаетъ Петръ полякамъ внушительныя отъ себя грамоты, чтобъ они не выбирали себѣ въ короли француза: повредятъ они такимъ выборамъ и себѣ самимъ, и сосѣдямъ, и всему христіанскому міру. Кого хотятъ, пусть выбираютъ поляки, только чтобы не былъ этотъ избранникъ врагомъ Россіи и другомъ турокъ. А если поляки выберутъ французскаго принца, то государь будетъ воевать съ ними. И въ самомъ дѣлѣ, приказалъ государь послать русское войско на польскую границу.

Хоть смута въ Польшѣ и не сразу прекратилась, но все же королемъ выбрали Фридриха-Августа, Саксонскаго курфирста. Сталъ онъ королемъ Польскимъ, горячо благодарилъ

нашего государя и далъ ему честное слово быть съ нимъ заодно противъ всѣхъ враговъ Россіи.

Радъ былъ Петръ такому счастливому окончанію дѣла и поспѣшно въ Голландію поѣхалъ. Онъ такъ торопился, что останавливался въ дорогѣ только для ночлега.

Но на пути все же вышла нежданная малая задержка. Славная молва про необыкновеннаго русскаго царя прошла и за границу. И вотъ, въ одномъ городкѣ поджидаютъ Петра двѣ нѣмецкихъ принцессы (мать съ дочерью) и непремѣнно хотятъ его видѣть. Это были двѣ образованнѣйшія женщины изъ всей земли нѣмецкой, покровительницы просвѣщенія и ученыхъ. Онѣ много слышали о великомъ царѣ русскомъ и желали лично познакомиться съ такимъ необыкновеннымъ человѣкомъ.

Петръ сначала наотрѣзъ отказался отъ этого знакомства: избѣгалъ онъ празднаго любопытства, да и свиданія съ такими важными дамами стѣснялся. Только послѣ долгихъ упрашиваній царь согласился пріѣхать къ принцессамъ, но съ тѣмъ, чтобъ было все запросто, и притомъ безъ людей постороннихъ.

Придворные кавалеры и дамы надѣялись взглянуть на царя хоть мелькомъ и сторожили его у подъѣзда. Но имъ не удалось и это: на подъѣздъ вошли товарищи царя, а самъ онъ незамѣтно черезъ заднее крыльцо пробрался.

Дружелюбными привѣтствіями встрѣтили принцессы дорогого гостя, а онъ вошелъ къ нимъ, какъ застѣнчивый ребенокъ, закрывъ лицо руками, и на всѣ любезные вопросы отвѣчалъ понѣмецки: „Не могу говорить“. Но застѣнчивость прошла скоро, Петръ разговорился и обворожилъ принцессъ умною бесѣдой. Онѣ посадили его межъ собою и не меньше четырехъ часовъ безъ умолку съ нимъ говорили, наперерывъ осыпая его и вопросами и разсказами своими. Царя заинтересовала эта дѣльная бесѣда; на всѣ вопросы онъ отвѣчалъ умно и быстро, шутилъ и держалъ себя, какъ дома. Принцессы усадили царя за ужинъ.

Къ концу ужина онѣ его уговорили дозволить войти въ комнату придворнымъ дамамъ и кавалерамъ. Царь согла-

сился. Но какъ только приглашенные вошли, онъ приказалъ своимъ запереть двери и никого не выпускать. Велитъ онъ подать ему большіе стаканы. Наливаетъ до краевъ виномъ, и самъ изъ своихъ рукъ всѣхъ угощаетъ. Въ угожденіе царю каждый кавалеръ долженъ былъ осушить по три, по четыре стакана. По настоянію Петра пили и принцессы за его и за свое здоровье.

Среди общаго веселья принцессы пѣвцовъ позвали. Царь слушалъ съ удовольстіемъ и наградилъ главнаго пѣвца добрымъ стаканомъ вина. На вопросъпринцессъ онъ отозвался, что къ музыкѣ большой склонности не имѣетъ.

— Можетъ-быть, вы больше любите охоту?

— Отецъ мой очень любилъ ее,—отвѣчалъ Петръ,—а я больше всего люблю по морямъ плавать, фейерверки пускать, корабли строить.

При этомъ Петръ показалъ принцессамъ свои мускулистыя съ мозолями руки, загрубѣвшія отъ работы. Къ великому своему удивленью, принцессы отъ царя тогда услыхали, что онъ четырнадцать ремеслъ знаетъ.

Къ концу веселаго пира устроились танцы, и балъ продолжался чуть не до самаго утра.

Разсказывали потомъ, что москвитяне, танцуя съ нѣмецкими дамами, приняли корсетныя пружины за природныя кости, и царь, будто бы, замѣтилъ: „Чертовски жестки эти нѣмки"!

Принцессы обо всемъ этомъ записали, и вотъ что еще онѣ про царя разсказали:

Съ перваго же взгляда Петръ поразилъ ихъ своимъ высокимъ ростомъ, стройнымъ станомъ и мужественною красотою. „У него прекрасныя черты лица, благородная осанка. Онъ обладаетъ большою живостью ума: отвѣты его быстры и вѣрны".

И справедливо замѣтили это принцессы. Съ самаго дѣтства своего Петръ отличался необыкновенною живостью и красотою. Теперь ему было двадцать пять лѣтъ. Красота и живость въ немъ сохранились, но раннее развитіе, страшныя потрясенія и неумѣренность въ трудахъ и потѣхахъ остави-

ли неизгладимые слѣды на прекрасномъ лицѣ государя: у него тряслась голова, и часто подергивалось лицо. Это знали раньше, замѣтили и теперь принцессы: „Я представляла себѣ его гримасы хуже, чѣмъ онѣ есть,—и удержаться отъ нихъ не въ его власти“.

Замѣтили еще принцессы, что Петръ вспыльчивъ, раздражителенъ, „сердитъ“. И это была правда. Государь привыкъ, чтобы всѣ ему повиновались; онъ быстро вспыхивалъ, хотя также быстро и отходилъ. Смотрѣлъ онъ повелительно и властно. Самый взглядъ у него былъ пронзительный и быстрый и производилъ на непривычныхъ сильное впечатлѣніе, внушалъ большой страхъ. Таковъ онъ былъ еще и въ юности своей. Новгородскій епископъ (Ѳеодосій Яновскій) разсказывалъ, что „когда онъ представлялся обоимъ царямъ, Ивану и Петру, то къ рукѣ царя Ивана онъ подошелъ безъ всякаго страха, а какъ пришелъ до руки царя Петра Алексѣевича, тогда таковъ на меня страхъ напалъ, что мало не упалъ, и колѣни потряслися, и отъ того времени всегда разсуждалъ, что мнѣ отъ тоя руки и смерть будетъ“.

Замѣтили благовоспитанныя принцессы и грубыя манеры Петра въ обхожденіи, неопрятность въ ѣдѣ, невоспитанность. Таковы тогда всѣ русскіе были. Зато понравилась принцессамъ непринужденность царя, его простое, безыскусственное обхожденіе; въ немъ ничего не было напускного, все было естественно и просто. Принцессы говорили: „При всѣхъ достоинствахъ царя, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобы въ немъ поменьше было грубости. Это государь очень хорошій, и очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Если бъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что въ немъ много достоинствъ: необыкновенный умъ, доброе сердце и возвышенныя чувства. Нельзя ни описать, ни вообразить себѣ этого необыкновеннаго человѣка, не видѣвъ его своими глазами“.

И Петру понравились умныя принцессы, особенно младшая,—съ ней онъ помѣнялся на память табакерками. И прин-

цесса всю жизнь свою хранила царскую табакерку, какъ драгоцѣнность.

Простившись дружески съ принцессами и пославъ обѣимъ подарки на память, Петръ отправился безъ остановокъ въ Амстердамъ, на десять дней опередивъ свое посольство.

Въ Голландіи ужъ знали, что ѣдутъ къ нимъ русскіе люди, и всѣмъ любопытно было на нихъ поглядѣть. И теперь еще насъ мало знаютъ за границей, а тогда и вовсе считали русскихъ варварами, дикарями.

Пріѣзжаетъ Петръ съ товарищами въ одинъ городокъ и остановился тамъ на короткое время. Собралась большая толпа любопытныхъ. Одна старуха и спрашиваетъ царскихъ спутниковъ:

— Какіе вы люди? Христіане ли вы? Мы слышали, что пословъ вашихъ крестить у насъ станутъ.

6 августа (1697 г.) Петръ въ Амстердамъ пріѣхалъ.

Въ чужихъ земляхъ.

Голландія въ то время была замѣчательною торговою и просвѣщенною страною. Государя у Голландцевъ не было, и они управлялись сами собою. Большую силу имѣли въ этой странѣ торговые люди, изъ нихъ и выбиралось правительство. Голландія расположилась при морѣ, изрѣзана была каналами, ограждена отъ воды плотинами. Она вела торговлю съ цѣлымъ свѣтомъ,—корабли ея ходили по всѣмъ морямъ и океанамъ и въ Европѣ, и въ Азіи. Страна была просвѣщенная, и голландскій купецъ уважалъ и любилъ науки и искусства и покровительствовалъ просвѣщенію. Народъ здѣсь былъ ремесленный, трудолюбивый, зажиточный. Жили просто, въ скромномъ рабочемъ довольствѣ, трезво и бережливо.

Съ давнихъ поръ сложились близкія отношенія между Голландіей и Россіей. Голландскіе купцы закупали въ Архангельскѣ наше сырье, а въ замѣнъ его поставляли на всю Россію иноземные товары. Московскіе цари выписывали изъ Голландіи ремесленниковъ и мастеровъ къ себѣ на службу.

Корабельные плотники — голландцы были первыми учителями и товарищами Петра въ Москвѣ и въ Переяславлѣ въ Архангельскѣ и въ Воронежѣ. Отъ голландцевъ онъ научился не только ремесламъ, но и языку, они же и расхвалили царю свою отчизну, внушили ему любовь къ ней и

Николай Витзенъ. Амстердамскій бургомистръ.

ея порядкамъ. Потому-то Петру такъ и хотѣлось пожить и поучиться въ Голландіи. Онъ ѣхалъ сюда, какъ въ родную землю.

Главнымъ городомъ въ Голландіи былъ Амстердамъ. Здѣсь находились двѣ обширныя верфи, на которыхъ строи-

ли военные и купеческие корабли большихъ размѣровъ. Въ Амстердамъ и направлялось наше посольство.

И въ окрестностяхъ Амстердама, въ прибрежныхъ деревняхъ и мѣстечкахъ, процвѣтало повсюду кораблестроеніе мелкихъ судовъ. На множествѣ частныхъ верфей и день и ночь кипѣла работа, и суда строились съ такою быстротою, что въ пять недѣль поспѣвалъ корабль. Безсчетное число фабрикъ и заводовъ изготовляли все необходимое для постройки и оснастки судовъ. Деревни кишѣли рабочимъ людомъ.

Петръ Великій въ одеждѣ голландскаго рабочаго въ Саардамѣ.

Когда мастеровые возвращались съ работы, — матери уводили дѣтей съ улицъ, чтобъ ихъ не смяли шумныя толпы рабочихъ. Кромѣ постройки судовъ обогащала многихъ и торговля хлѣбомъ, лѣсомъ и разнымъ другимъ товаромъ.

Петръ рѣшилъ основаться для корабельной науки въ Саардамѣ,—маленькомъ городкѣ близъ Амстердама. Саар-

дамскіе плотники такъ много наговорили царю о своемъ родномъ городѣ, что онъ мечталъ найти здѣсь все, чего желала его душа. Петръ взялъ съ собою шесть волонтеровъ, въ ихъ числѣ и Меншикова Александра, остальныхъ покинулъ въ Амстердамѣ. Это ѣдетъ не царь со свитой, а русскіе плотники искать себѣ работы на верфи. Петръ Михайловъ—десятникъ артели; у него и въ одеждѣ отличка. Одѣтъ онъ, какъ голландскій рабочій, — въ красной фризовой курткѣ, въ бѣлыхъ холстинныхъ шароварахъ, на головѣ лакированная шляпа. Товарищи его одѣты порусски.

Въ шестомъ часу утра подъѣзжаетъ Петръ къ Саардаму и видитъ стараго знакомца, кузнеца Киста,—онъ рыбу ловитъ съ лодки. Петръ его окликнулъ.

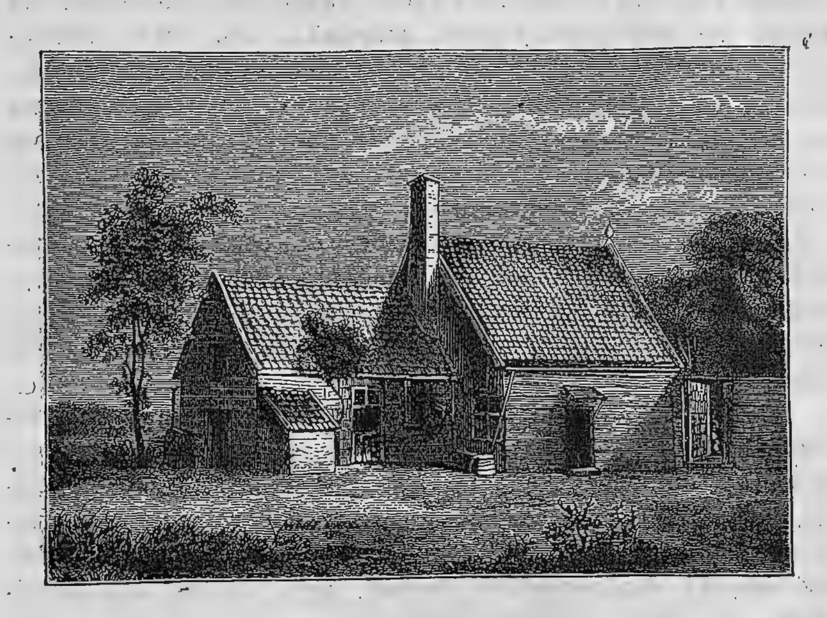
Кистъ и глазамъ не вѣритъ: по лицу, и по росту, и по всѣмъ ухваткамъ, это—царь Московскій, а по одежѣ — голландскій плотникъ. Петръ увѣрилъ Киста, что это онъ самый.

Еще больше изумился скромный голландецъ, когда Петръ сказалъ ему, что остановится у него въ домѣ. Только чтобы Кистъ держалъ въ строгой тайнѣ, что плотникъ Петръ— царь московскій. Напрасно отговаривался Кистъ тѣснотой и бѣдностью своего жилища и тѣмъ, что нѣтъ у него комнаты свободной: въ передней половинѣ живетъ онъ самъ съ женою, а въ задней квартирантка, вдова поденщика. Вотъ въ этой-то задней половинѣ Петръ и желаетъ помѣститься. Нечего дѣлать,—Кистъ долженъ былъ покориться.

Бѣжитъ онъ впередъ, уговариваетъ вдову очистить квартирку, даетъ ей семь гульденовъ отступного (рублей пять на наши деньги). А Петръ въ ожиданіи зашелъ въ простой трактирчикъ, сидитъ тамъ и пьетъ пиво. День былъ воскресный. На улицахъ праздный народъ толпился. Необычная одежда русской артели привлекла любопытныхъ. Толпа ихъ обступила, начались разспросы,—кто вы такіе и откуда?

— Мы простые плотники, ищемъ работы, — сказалъ Петръ — десятникъ и зашагалъ съ своей артелью разыскивать Киста.

Не богата царская квартира, а Петру она по душѣ пришлася. На самомъ краю города, въ тихомъ уединенномъ мѣстѣ, деревянный домикъ подъ черепичной кровлей. Въ задней половинѣ всего двѣ комнатки съ изразцовою печью для приготовленія пищи, да темная каморка для кровати, да еще чуланчикъ при входѣ. Вотъ и все, что есть въ царскихъ чертогахъ!

Домикъ Петра Великаго въ Саардамѣ.

Малъ этотъ скромный домикъ мастерового, тѣсна вдовы поденщика квартирка. Но здѣсь поселился великій государь: онъ добровольно обрекъ себя на тяжелую работу, чтобы трудомъ своимъ возвеличить и обогатить Россію. И сталъ потомъ этотъ скромный домикъ знаменитымъ во всемъ свѣтѣ. Его берегутъ теперь, какъ святыню. Его посѣщали и посѣщаютъ знатные и простые люди всѣхъ странъ и народовъ. Посѣтилъ этотъ домикъ и великій Царь-Освободитель, когда былъ еще наслѣдникомъ престола.

Воспитатель его, поэтъ В. А. Жуковскій, написалъ на стѣнѣ, въ этомъ царскомъ чертогѣ:

„Надъ бѣдной хижиною сей
„Летаютъ ангелы святые.
„Великій князь! благоговѣй:
„Здѣсь колыбель Имперіи твоей,
„Здѣсь родилась великая Россія.

Быстро устроился Петръ въ своей маленькой квартиркѣ. На другой же день, рано утромъ, накупилъ онъ себѣ плотничьихъ инструментовъ и тотчасъ на корабельной верфи плотникомъ простымъ записался. Записались на разныя работы и товарищи. Послѣ десятника Петра Михайлова самымъ способнымъ и старательнымъ изъ всей артели оказался потомъ Меншиковъ Александръ.

Каждый день, въ урочный часъ, съ солнечнымъ восходомъ, отправлялся Петръ Михайловъ на работу. Потрудившись въ потѣ лица, заходилъ онъ по дорогѣ въ какой-нибудь трактиръ простонародный подкрѣпить себя кружкою пива.

Въ первый же день Петръ купилъ себѣ лодку и разъѣзжалъ въ ней въ свободное время по каналамъ и заливу въ окрестностяхъ города, осматривалъ лѣсопильни и маслобойни, кузницы и прядильни и другіе заводы, фабрики, мастерскія. Въ праздничный день ходилъ въ гости къ семьямъ плотниковъ, уѣхавшихъ въ Москву, какъ хорошій ихъ знакомый. Изъ рода въ родъ переходили потомъ разсказы, что дѣлалъ и говорилъ Московскій царь въ семьѣ того или другого плотника и кузнеца. У бѣдной женщины, старухи матери плотника, онъ выпилъ стаканъ пива. У жены другого плотника онъ отобѣдалъ. Третьей сказалъ, что ея мужъ „добрый мастеръ: я съ нимъ вмѣстѣ корабль строилъ“. Четвертой обѣщалъ передать московскому царю благодарность за щедрый подарокъ послѣ смерти въ Москвѣ ея мужа.

Съ великою охотой принялся Петръ за работу; но недолго пришлось ему здѣсь потрудиться,—сами саардамцы стали ему въ томъ помѣхой. Скоро догадались они, что это не про-

стой плотникъ: изъ-подъ плотничьей одежды проглядывалъ господинъ важный. И лодку себѣ купилъ, и разъѣзжаетъ по фабрикамъ и заводамъ, и въ книжкѣ у себя все что-то пишетъ, и на квартирѣ занимается не плотничьимъ дѣломъ. И видъ у него важный, и голосъ властный, и вся повадка не какъ у простого человѣка. Кто жъ онъ такой? И зачѣмъ онъ нарядился и работаетъ, какъ простой плотникъ? Всѣхъ мучитъ любопытство, а женщинамъ и вовсе не даетъ покоя. Развѣдываютъ, разспрашиваютъ, слѣдятъ за каждымъ его шагомъ. Знаетъ тайну одна только жена Киста; но она до времени крѣпится, помня строгій наказъ своего мужа.

Императоръ Петръ въ русской одеждѣ.

Какъ разъ въ это время одинъ старикъ-рабочій получаетъ письмо изъ Москвы отъ сына. Пишетъ ему сынъ - плотникъ, что въ Голландію отправилось посольство, а въ посольствѣ скрывается самъ царь московскій и узнать его нетрудно: онъ всѣхъ выше ростомъ, размахиваетъ правою рукою и голова у него трясется, и небольшая бородавка на шеѣ. Диву дался старикъ; прочитали письмо въ трактирѣ, въ цирюльнѣ. Весь городокъ знаетъ объ этомъ. Заходятъ въ ту самую цирюльню московскіе гости. Присматривается къ нимъ цирюльникъ и видитъ у одного всѣ царскія примѣты. Неужели жъ этотъ плотникъ—настоящій царь московскій? Пристаютъ съ раз-

спросами къ Кисту. Тотъ крѣпко держитъ приказъ государя и говоритъ, что это совсѣмъ не царь, а простой плотникъ.

— Терпѣть не могу, когда ты говоришь неправду! —сказала при всѣхъ, не вытерпѣвъ, жена Киста.

Противъ своей воли и самъ Петръ подтвердилъ догадки саардамцевъ. Потрудившись на верфи, идетъ онъ, усталый, къ себѣ на квартиру; купилъ сливъ по дорогѣ, положилъ въ шляпу и освѣжается сочными плодами. Пристала къ нему толпа уличныхъ мальчишекъ, просятъ сливами подѣлиться. Петръ даетъ по сливѣ одному, другому, а на остальныхъ прикрикнулъ. Разозлились мальчишки, и начали кидаться грязью; а потомъ пошли въ ходъ и каменья. Пришлось Петру въ трактирѣ отъ озорниковъ укрываться. Не на шутку разгнѣвался онъ на такое озорство и непорядокъ. Властно приказываетъ позвать къ себѣ бургомистра. И сейчасъ же послали за бургомистромъ, дали знать объ этомъ и другому начальству городскому. Собралось начальство, разобрали дѣло, посовѣтовались межъ собою и тотчасъ же по всему городу объявили, что строго-настрого воспрещается всѣмъ безпокоить знатныхъ иностранцевъ, которые желаютъ въ неизвѣстности оставаться; ослушникамъ грозитъ начальство строгимъ наказаньемъ. Такъ всѣ и узнали, что плотникъ Петръ Михайловъ и есть настоящій царь московскій.

Тогда еще больше разгорѣлось у всѣхъ любопытство посмотрѣть на великое чудо: — царь и плотникъ! Около дома Киста народъ цѣлый день толпится. Гурьбой за Петромъ вездѣ ходятъ.

Пришлось поставить по мѣстамъ охранную стражу. А это еще больше разожгло любопытство. Прохода нѣтъ отъ ротозѣевъ.

Ранехонько утромъ садится Петръ въ свою лодку и ѣдетъ кататься по заливу,—думаетъ, что хоть здѣсь оставятъ его въ покоѣ. Не тутъ-то было! На заливѣ появляются лодки и яхты, переполненныя народомъ, окружаютъ царскую лодку. Петръ отъ нихъ, а флотилія за нимъ ѣдетъ. Петръ причалилъ къ плотинѣ и проворно выскочилъ изъ лодки. Толпа немедленно и тутъ его окружила. Одинъ ротозѣй,

мастеровой какой-то Мартенсъ, всталъ передъ самымъ лицомъ царя и, разиня ротъ, прямо въ глаза ему смотритъ. Не стерпѣлъ тутъ вспыльчивый Петръ и далъ глупому парню звонкую пощечину.

— Браво, Мартенсъ, браво! — въ толпѣ засмѣялись. — Московскій царь тебя въ рыцари пожаловалъ!

Разгнѣванный Петръ въ ближайшей гостиницѣ заперся и только поздно вечеромъ вернулся къ себѣ на квартиру.

Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Выйти нельзя изъ дому сплошная стѣна любопытныхъ. Подошло воскресенье. Изъ всѣхъ окрестныхъ деревень народъ собрался. Пріѣхали изъ Амстердама горожане. Домъ Киста какъ будто въ осадѣ. А Петру необходимо въ этотъ день въ Амстердамъ ѣхать завтра пріѣдетъ туда посольство. Внѣ себя отъ гнѣва, Петръ черезъ толпу съ великимъ трудомъ пробился, до пристани добрался и сѣлъ въ свою лодку.

А въ это время разыгралась сильная непогода. Опытные люди уговариваютъ царя не пускаться въ море въ такое опасное время. Петръ ничего и слышать не хочетъ, поднялъ парусъ и черезъ три часа въ Амстердамъ пріѣхалъ. На другой день торжественно прибыло туда и посольство *).

Голландцы получали огромные барыши отъ торговли съ Россіей, такъ нужно имъ задобрить русскихъ, и не пожалѣли они денегъ на пышную встрѣчу: сто тысячъ гульденовъ отпущено на пріемъ посольства. Никогда и никому не оказывали голландцы такого почета.

Устроенъ былъ роскошный обѣдъ и фейерверкъ блестящій для посольства, примѣрное сраженіе морское, которое всего больше и заинтересовало государя. Всѣ суда, какія только можно было собрать, выстроились въ двѣ линіи боевыя. Петръ пріѣхалъ съ послами и городскимъ начальствомъ въ роскошно разукрашенной яхтѣ. Весь флотъ привѣтствовалъ царя залпомъ изъ всѣхъ орудій. Морской бой съ утра ранняго и далеко за полдень продолжался. Непрерывная пальба съ судовъ и береговыхъ укрѣпленій закрывала солнце

*) См. рисунокъ на стр. 141.

облаками дыма и производила оглушительный грохотъ. Петръ не могъ при этомъ оставаться въ покоѣ: перешелъ съ своей яхты на военный корабль и непрестанно направлялъ его туда, гдѣ огонь былъ всего сильнѣе.

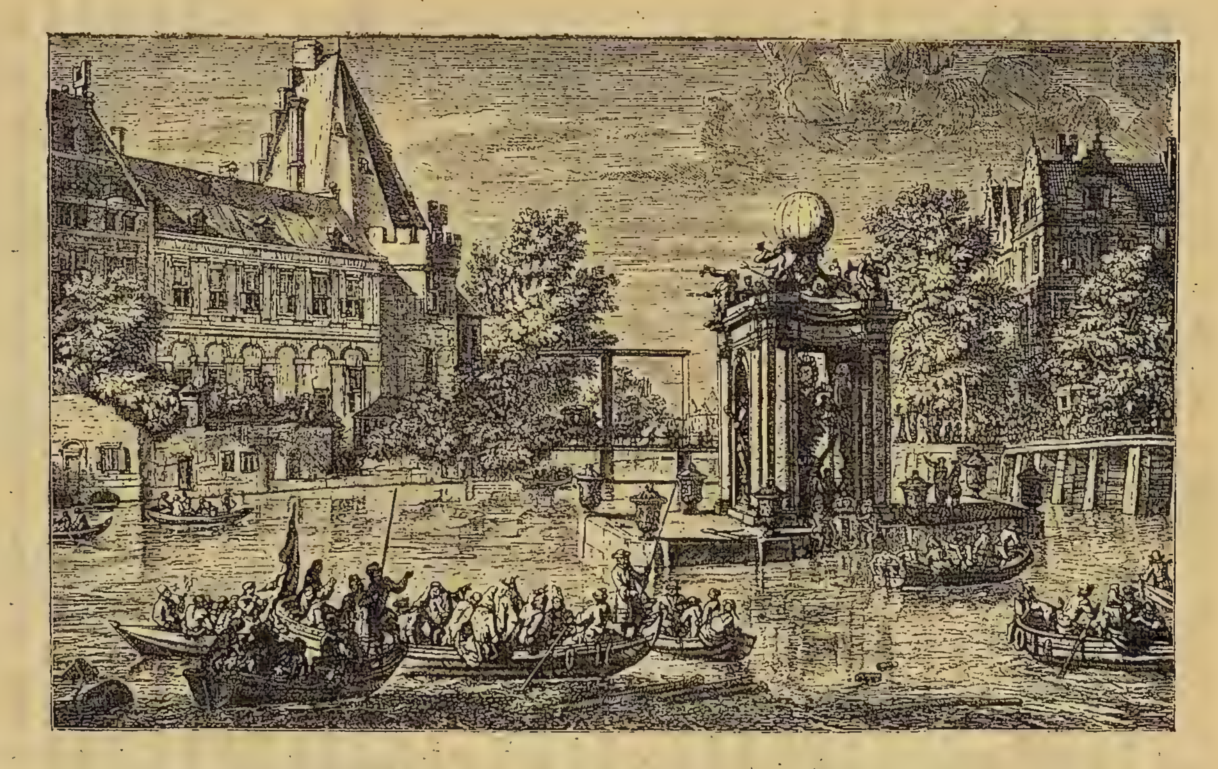
Но и во время торжествъ ни на одну минуту Петръ не переставалъ думать о работѣ. Онъ рѣшилъ теперь остаться въ Амстердамѣ и работать на большой корабельной верфи. Въ большомъ городѣ, на огромной верфи, не будутъ ему мѣшать, какъ въ деревенскомъ городкѣ Саардамѣ.

Разрѣшеніе работать на верфи Петръ получилъ во время парадного обѣда, который давали ему и посольству, и сейчасъ же хотѣлъ было приняться за дѣло. Съ трудомъ уговорили его до конца пиршества остаться и посмотрѣть фейерверкъ, который нарочно для него былъ приготовленъ. Едва только погасли послѣдніе огни, Петръ объявилъ, что ѣдетъ сейчасъ въ Саардамъ за инструментами своими. Напрасно умоляли его послы, упрашивали почетные горожане подождать до утра: ночью опасно по морю плавать. Петръ никого не слушалъ. Въ одиннадцать часовъ ночи онъ выѣхалъ въ море, въ часъ по полуночи пріѣхалъ въ Саардамъ а рано утромъ въ Амстердамъ вернулся, и прямо на верфь, простымъ плотникомъ на работу записался.

Въ тотъ же день распредѣлилъ Петръ на работы и своихъ товарищей-волонтеровъ. Меншикова записалъ вмѣстѣ съ собою для изученія корабельнаго дѣла. Другихъ назначилъ къ блочному, къ парусному, къ мачтовому дѣлу. Иныхъ распредѣлилъ по кораблямъ въ матросы, послалъ артиллеріи учиться.

Въ Саардамѣ до этого Петръ пробылъ всего только дней десять, а въ Амстердамѣ трудился четыре мѣсяца съ половиной — на лучшей изъ всѣхъ голландскихъ верфей. Подъ руководствомъ мастера корабельнаго дѣла онъ заложилъ большой корабль, и на другой день послѣ закладки написалъ въ Москву патріарху про свою работу и заботу:

„Мы въ городѣ Амстердамѣ, послѣдуя Божію слову къ праотцу нашему Адаму, трудимся прилежно; чинимъ это не отъ нужды, но ради добраго пріобрѣтенія пути морского,

Въѣздъ русскаго посольства въ Амстердамъ въ 1697 году.
(Съ современной гравюры Мушерони.)

дабы могли, научась совершенно, быть побѣдителями враговъ Христа, а христіанъ освободителями. Чего до послѣдняго издыханія моего желать не престану".

Съ утра и до вечера работаетъ Петръ на верфи; какъ рядовой плотникъ, послушно исполняетъ онъ всѣ приказанія, памятуя мудрое правило: „Кто хочетъ приказывать другимъ, тотъ прежде долженъ самъ научиться исполнять чужія приказанья". Петръ, не покладая рукъ, обтесываетъ и переноситъ бревна и доски рубитъ, пилитъ, стругаетъ. Утомленный трудомъ тяжелымъ, отирая съ лица потъ, сядетъ на обрубокъ дерева, опуститъ межъ ногъ топоръ и дружелюбно бесѣдуетъ съ товарищами по работѣ. Онъ охотно говорилъ въ минуты роздыха и со всѣми, если только запросто къ нему обращались и называли его „Петръ-плотникъ". Но не отвѣтитъ онъ ни слова и вовсе отвернется, если кто назоветъ его государемъ. Долгихъ разговоровъ Петръ не любилъ на работѣ и, отдохнувъ немного, возвращался къ своему дѣлу.

На верфь пріѣхалъ нарочно одинъ англичанинъ посмотрѣть на плотника-царя и проситъ мастера показать ему это чудо.

— Петръ, плотникъ саардамскій! что же ты не пособишь товарищамъ!—кликнулъ мастеръ. А товарищи въ эту минуту огромное бревно переносили.

Петръ подставилъ свое плечо и вмѣстѣ съ другими перенесъ бревно въ назначенное мѣсто.

Но не одному только кораблестроенію учился Петръ въ Амстердамѣ, — ему все нужно было видѣть, все узнать и понять, всему научиться. Онъ посѣщаетъ разные заводы, фабрики, мастерскія, госпитали и воспитательные дома, кабинеты ученыхъ, слушаетъ лекціи по анатоміи и естествознанію, учится рисованію, гравированію, математикѣ, астрономіи. И это было не верхоглядное любопытство: съ необычайною быстротою Петръ схватывалъ сущность всякаго дѣла, вникалъ въ подробности, перенималъ, что возможно. Онъ страстно желалъ всему полезному научиться, чтобы потомъ примѣнить это у себя дома.

Познакомился и коротко сблизился государь съ знаменитымъ профессоромъ анатоміи Фридрихомъ Рюйшемъ. Полюбилъ Петра и профессоръ за его любознательность, за страстную охоту къ анатоміи и хирургіи. Петръ часто навѣщаетъ профессора, изучаетъ его богатыя коллекціи разныхъ предметовъ, присутствуетъ при операціяхъ и при разсѣченіи труповъ, покупаетъ у него препараты въ спирту и самъ обѣщаетъ прислать изъ Москвы всякаго рода жучковъ и червячковъ, букашекъ и мушекъ.

При осмотрѣ фабрикъ и мастерскихъ Петръ не можетъ оставаться зрителемъ празднымъ: все, что увидитъ и услышитъ, сейчасъ же и въ книжку на память себѣ запишетъ. Случалось и такъ, что тутъ же и самъ примется за дѣло На одной бумажной фабрикѣ, приглядѣвшись къ работѣ, Петръ тутъ же быстро изготовилъ листъ бумаги. Довольный своей работой и похвалой мастера, Петръ подарилъ ему талеръ на водку. Въ другомъ мѣстѣ онъ принялся помогать рабочимъ, которые строили мельницу-крупчатку.

И все онъ дѣлаетъ быстро, не теряя даромъ ни одной минуты. Эта быстрота, эта ненасытная жадность знаній приводила въ отчаяніе голландцевъ-провожатыхъ, людей также дѣловитыхъ: они за нимъ не поспѣвали, онъ ихъ совсѣмъ измучилъ. Никакія отговорки не помогали. У него одинъ отвѣтъ: „это я долженъ увидѣть непремѣнно!“ Въ этомъ геніальномъ русскомъ человѣкѣ какъ будто воплотилась вся Россія, вѣками голодавшая духовно, и теперь сразу и быстро захотѣвшая наверстать потерянное время.

Потрудившись цѣлый день, отдохнувъ немного за кружкою пива въ какомъ-нибудь простонародномъ трактирѣ, вечеромъ принимался Петръ за государственное дѣло. Онъ бесѣдовалъ съ послами, выслушивалъ ихъ отчеты, внушалъ имъ свои мысли и планы, что и какъ дѣлать; провѣрялъ труды товарищей-работниковъ, руководилъ ими, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось и въ Европѣ и у себя дома; дрожащею, отъ усталости, рукою писалъ въ Москву и въ Азовъ свои распоряженія, свои желанія и надежды, писалъ

торопливо, кратко, но всегда сильно и рѣзко, умно и практично.

А изъ Азова и Москвы приходили хорошія вѣсти. Русскіе храбро отбиваются отъ татаръ и турокъ, успѣшно строятъ крѣпости по южному побережью. И флотъ компанейскій къ веснѣ готовъ будетъ, и на море вывести его можно, было бы только чѣмъ оснастить и вооружить суда и знающихъ морское дѣло людей на нихъ поставить. Вотъ это-то теперь всего больше и заботитъ государя.

Нѣтъ у насъ ничего своего,—ни матеріаловъ для оснастки и вооруженія судовъ, ни капитановъ, ни матросовъ. Все приходилось брать за границей. А казна наша скудна, и денегъ хватаетъ только на обиходныя нужды государства. Какъ тутъ быть? И проситъ государь помощи у богатыхъ голландцевъ. Не денегъ онъ проситъ, а оружія и всякихъ снарядовъ, обѣщая за все щедро потомъ расплатиться. Долго уговаривали наши послы правителей - голландцевъ, но безуспѣшно. Торговые люди щедры были на ласковыя рѣчи да на угощенье, но отпускать товары въ долгъ не соглашались: боялись они разсердить этимъ турецкаго султана и тѣмъ самымъ причинить убытки своей торговлѣ. Покупай у нихъ все на чистыя деньги и нанимай, кого хочешь.

Четыре съ половиной мѣсяца проработалъ Петръ въ Амстердамѣ и многому здѣсь научился; особенно же изучилъ онъ плотничное корабельное дѣло. Фрегатъ, заложенный имъ на верфи, отстроенъ, и мастеръ выдалъ царю-плотнику аттестатъ похвальный.

„Свидѣтельствую по истинѣ,—написалъ въ аттестатѣ мастеръ,—что Петръ Михайловъ во все время благороднаго здѣсь пребыванія своего былъ прилежнымъ плотникомъ, а также въ связываніи, заколачиваніи, сплачиваніи, подниманіи, прилаживаніи, натягиваніи, плетеніи, конопаченіи, струганіи, буравленіи, распиловании, мощеніи и смоленіи—поступалъ, какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ, и помогалъ намъ въ строеніи фрегата отъ первой его закладки и до окончанія. Кромѣ того, подъ моимъ надзоромъ корабельную архитектуру и черченіе плановъ его благородіе

изучилъ такъ основательно, что можетъ въ томъ и другомъ упражняться".

Мастеръ былъ доволенъ своимъ ученикомъ, а самъ ученикъ былъ совсѣмъ не доволенъ такой нехитрой плотничной наукой. Вотъ какъ самъ онъ разсказываетъ про это:

„Отдавъ себя съ прочими волонтерами въ науку корабельному дѣлу на верфи, государь въ короткое время такъ усовершенствовался, какъ подобало доброму плотнику знать. Потомъ сталъ просить мастера, чтобы научилъ его препорціи корабельной, чтобы самому и задумать, и начертить, и построить корабль по наукѣ, какихъ потребуется размѣровъ Но въ Голландіи не знаютъ въ совершенствѣ этого искусства, а исполняютъ все по навыку, черезъ долговременную практику тому научаясь. И мастеръ сказалъ, что всего на чертежѣ показать онъ не умѣетъ. Тогда стало зѣло противно государю, что такой дальній путь предпринялъ, а желаемаго конца не достигъ".

„Чрезъ нѣсколько дней прилучилось государю быть въ компаніи у купца одного въ домѣ. Государь сидѣлъ въ гостяхъ довольно не веселъ. Когда между разговоровъ его спросили, почему такъ печаленъ, тогда онъ объяснилъ причину. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша это, сказалъ, что у нихъ въ Англіи корабельная наука въ такомъ же совершенствѣ, какъ и всѣ другія, и что этому въ короткое время научиться можно. Такія слова очень обрадовали государя, и онъ немедленно въ Англію поѣхалъ, и тамъ черезъ четыре мѣсяца всю корабельную науку окончилъ".

Взялъ государь въ Англію съ собою Меншикова и половину другихъ волонтеровъ, и науку корабельную изучилъ во всей полнотѣ и въ совершенствѣ, подъ руководствомъ наставниковъ ученыхъ. Взыскательный и строгій во всякомъ дѣлѣ не только къ другимъ, но и къ самому себѣ, государь былъ доволенъ и ученьемъ своимъ, и учителями. „Навсегда бы я остался только плотникомъ, — говорилъ онъ потомъ,— если бы у англичанъ не поучился."—И сталъ онъ съ того

времени изъ Англіи выписывать мастеровъ корабельныхъ, а къ Голландцамъ потерялъ вѣру.

По обычаю своему, государь и въ Англіи занимался не однимъ корабельнымъ дѣломъ. Побывалъ онъ въ королевскомъ обществѣ наукъ, гдѣ видѣлъ всякія дивныя вещи, и въ университетѣ, въ арсеналѣ, гдѣ разное оружіе сложено, на монетномъ дворѣ, гдѣ деньги искусно чеканятъ, въ обсерваторіи, гдѣ ученые люди за ходомъ небесныхъ свѣтилъ наблюдаютъ; часто и подолгу оставался онъ на королевской верфи, гдѣ по всѣмъ правиламъ науки корабли строятъ; много разъ ѣздилъ на литейный заводъ, учился метанію бомбъ и всему боевому морскому дѣлу. Интересовался государь и церковными дѣлами, бесѣдовалъ съ англійскими епископами, только они остались имъ недовольны за его непоколебимую твердость въ православной вѣрѣ.

Бесѣдовалъ государь съ учеными людьми о лучшемъ устройствѣ и управленіи государствомъ. Побывалъ онъ и въ Парламентѣ (Государственная Дума), гдѣ выборные ото всей страны разсуждаютъ о нуждахъ всего народа. Полюбилось государю, что самъ народъ заботится о своихъ общихъ нуждахъ и тѣмъ помогаетъ своему государю. Выходя изъ засѣданія, Петръ сказалъ королю: какъ это хорошо, что государь можетъ услышать о нуждахъ народныхъ прямо изъ устъ самого народа.

Потѣшилъ король государя примѣрною морскою битвой и подарилъ ему быстроходную яхту. Подаркомъ этимъ Петръ остался очень доволенъ и говорилъ: „Зѣло изряднымъ судномъ подарилъ меня король англійскій“.

Понравилась Петру англійская наука, и нанялъ онъ здѣсь къ себѣ на службу многихъ людей: чертежника корабельнаго, мастера шлюзнаго дѣла, мастеровъ огнестрѣльнаго, пушечнаго, рѣзного, жестяного дѣла, инженера, подмастерьевъ разныхъ, бомбардировъ. Пригласилъ въ Россію Петръ и профессора математики съ двумя къ нему помощниками, чтобъ учредить въ Москвѣ навигаторскую школу для наученія юношей морскому и рѣчному судоходству.

Возвратившись въ Голландію, государь принялъ на службу корабельныхъ капитановъ, поручиковъ, боцмановъ, матросовъ, докторовъ. Были тутъ голландцы и датчане, шведы и французы, греки и славяне, итальянцы и поляки. Умѣлъ Петръ подмѣтить, что есть лучшаго и полезнаго въ каждомъ народѣ, умѣлъ онъ выбрать и привлечь къ себѣ нужныхъ для Россіи людей.

Закуплены въ Англіи и въ Голландіи и разные матеріалы и вещи „про обиходъ государя": ружья, пистолеты, парусное полотно, гарусъ, компасы, плотничные инструменты, блоки, китовый усъ, кортузная бумага, якоря, пушки. Всѣ покупки упакованы въ ящики и сундуки съ клеймами: „П. М." (Петру Михайлову), и отправлены вмѣстѣ съ людьми на корабляхъ въ Архангельскъ.

Какъ заботливый и знающій свое дѣло хозяинъ, государь о всемъ подумалъ и всѣмъ необходимо нужнымъ запасся. Нужда была во всемъ великая, и надо бы закупить всего еще больше, да денегъ не хватало. Несмотря на строгую бережливость государя, истрачены всѣ деньги, какія были, — то на покупку военныхъ снарядовъ и разныхъ припасовъ, то на задатки людямъ служилымъ, то на другіе необходимые расходы. Прислали государю и еще большую сумму денегъ изъ Россіи; собрали все, что только можно было, и больше взять ужъ негдѣ. Знаетъ государь, что это не напрасныя траты, и все сторицею возрастетъ и умножится въ народѣ, и разбогатѣетъ Россія. Много въ ней богатствъ природныхъ, да пользоваться ими русскіе пока еще не умѣютъ.—Изъ Москвы государю пишутъ: „Найдена на Уралѣ желѣзная руда, какой лучше быть не возможно, и во всемъ мірѣ еще такой не бывало. Наипаче болитъ сердце, что иноземцы, высокою цѣною продавъ намъ свое желѣзо и побравъ у насъ деньги, за рубежъ поѣхали, а наше сибирское многимъ ихняго лучше и остается втунѣ".— Но, чтобы воспользоваться этимъ богатствомъ сейчасъ-то, нужны и люди и деньги. Приходится измышлять новые для казны доходы на новыя все народныя нужды.

И въ этомъ помогли Петру иностранцы. За большую сумму наличныхъ денегъ государь отдалъ на откупъ одному иностранцу торговлю табакомъ во всей Россіи и далъ при этомъ откупщику слово, что всѣмъ своимъ подданнымъ, кто пожелаетъ, дозволитъ употреблять табакъ, несмотря на всѣ прежніе запретные указы. А въ Россіи въ это время, несмотря на всѣ строгія запрещенія и наказанія, такъ умножились табачники, что даже самые бѣдные люди покупали табачку на послѣднюю копейку.—Этотъ неожиданный доходъ съ откупа на табакъ сильно подкрѣпилъ посольскую казну за границей.

Зато безъ всякихъ денегъ далъ государь позволеніе одному голландскому купцу печатать въ Амстердамѣ всякія полезныя для Россіи книги (кромѣ церковныхъ), географическія карты, планы городовъ, зданій, сраженій и продавать ихъ въ Россіи.

Въ Голландіи Петру нечего больше дѣлать, — онъ все здѣсь и въ Англіи взялъ, что ему было нужно и возможно. Для войны съ Турками необходимо научиться еще галерному дѣлу, а этимъ дѣломъ славится Венеція. Туда и надобно Петру съѣздить.

Но передъ самымъ отъѣздомъ изъ Амстердама дошли до Петра непріятныя вѣсти. Польскій король его извѣщаетъ, что Голландцы вмѣстѣ съ королемъ англійскимъ, по просьбѣ турецкаго султана, сильно хлопочутъ помирить Турцію съ императоромъ Австрійскимъ, и что онъ, императоръ, уже началъ съ турками переговоры, не заботясь о выгодахъ Польши и Россіи.

Изумился Петръ такому вѣроломству: Австрія, не сказавшись союзникамъ, одна вступаетъ съ врагомъ въ переговоры; голландцы и король англійскій увѣряли его въ своей дружбѣ, а сами втихомолку, изъ-за своихъ выгодъ, губятъ его завѣтное дѣло. Помирится съ Турціей Австрія, и останется Россія съ малосильной Польшей одна противъ грозныхъ турокъ, и всѣ труды и надежды царя добыть выходъ въ Черное море, какъ дымъ, разлетятся.

И приказываетъ своимъ посламъ государь спросить у голландцевъ: давно ли высокомочные голландцы, послѣ всѣхъ увѣреній въ дружбѣ къ Россіи, стали друзьями турокъ?

Уклонились Голландцы отъ прямого отвѣта, и вмѣсто этого коммерческіе люди заговорили о торговлѣ съ Россіей и представили царю условія торговаго съ ними договора.

Петръ оставилъ предложеніе голландцевъ безъ всякаго отвѣта и спѣшно поѣхалъ съ посольствомъ своимъ въ Вѣну, чтобъ съ императоромъ повидаться и отговорить его отъ заключенія съ турками мира.

Тревожныя вѣсти и изъ Москвы приходятъ: заволновались стрѣлецкіе полки, выходятъ изъ повиновенья, бунтъ поднимаютъ. А по Москвѣ ходятъ зловѣщіе слухи, что царь за границей скончался. Правители московскіе въ страхѣ и вѣрятъ слухамъ и не вѣрятъ, а строгихъ мѣръ не принимаютъ.

Съ великою досадой и сердечнымъ огорченьемъ укоряетъ Петръ правителей-друзей, — „откуда на нихъ такой бабій страхъ напалъ, и почему они строгихъ мѣръ противъ злоумышленниковъ не принимаютъ! Воистину не отъ радости сіе пишу; отъ болѣзни сердца пишу!“

Въ Москву ли ѣхать сейчасъ Петру, гдѣ противъ него поднимается старая кровавая смута, или же спѣшить въ Вѣну, чтобъ отклонить тамъ невыгодное для Россіи примиреніе императора съ турецкимъ султаномъ? Ни одной минуты не раздумываетъ царь и ѣдетъ въ Вѣну безъ задержки, останавливаясь въ дорогѣ лишь для перемѣны лошадей, да для ночлега: польза Россіи для него всего дороже, и своихъ личныхъ враговъ онъ не страшится, — съ ними онъ расправиться всегда успѣетъ.

Объ этой только пользѣ Россіи государь всегда и помышляетъ, не зная устали, не давая себѣ и на минуту покоя. На дорогѣ онъ то и дѣло получаетъ съ разныхъ сторонъ донесенья, и на остановкахъ самъ на письма отвѣчаетъ. Заботится онъ и о войнѣ противъ турокъ, и о Московской смутѣ, зорко и вдумчиво слѣдитъ за дѣлами всей Европы,

не пропускаетъ безъ вниманія и маловажныхъ сообщеній о самыхъ далекихъ сосѣдяхъ Россіи. И на все у него готова и свѣтлая мысль, и короткій, но мудрый и прозорливый совѣтъ. Такъ, изъ какой-то деревеньки, съ дороги, онъ пишетъ въ Москву Виніусу, начальнику сибирскаго приказа:

„Пишешь, ваша милость, что въ Пекинѣ построили христіане церковь нашего закона, и многіе изъ китайцевъ крестились: и то зѣло изрядно. Только, Бога ради, поступайте въ томъ дѣлѣ съ опаской и нешибко, дабы китайскихъ начальниковъ не привести въ злобу, а также и Езувитовъ (Іезуитовъ), которые уже тамъ отъ многихъ временъ гнѣздо свое имѣютъ; а потому тамъ надобны попы не столько ученые, какъ разумные и покладные, дабы, черезъ кичливость, оное святое дѣло не произошло въ злѣйшее паденіе".

Быстро совершилъ свой путь государь съ посольствомъ отъ Амстердама до Вѣны.

Скромно, безъ особыхъ почестей, встрѣтилъ русское посольство австрійскій императоръ. Не скоро добился Петръ и личнаго съ нимъ свиданія и никакъ не могъ отговорить его отъ мира съ турецкимъ султаномъ. Императоръ о своихъ только выгодахъ думалъ, и мало ему было заботы объ охранѣ чужихъ интересовъ. Пообѣщался онъ на словахъ, что будетъ домогаться у турокъ уступки Россіи всѣхъ завоеванныхъ мѣстъ на Дону и на Днѣпрѣ и сверхъ того укрѣпленнаго города Керчи, откуда открывался выходъ въ Черное море. Вотъ и все, чего только могъ Петръ отъ императора добиться. Ясно стало царю, что на австрійцевъ надежда плохая, и нужно обдумывать иную думу.

Передъ самымъ выѣздомъ въ Венецію приходятъ изъ Москвы ужасныя вѣсти. Князь Ромодановскій доноситъ государю, что стрѣлецкіе полки на литовской границѣ возмутились, прогнали полковниковъ, захватили казну и всѣ военные снаряды, на Москву пошли и стоятъ ужъ въ 90 верстахъ отъ столицы, что правители приговорили послать на бунтовщиковъ войско съ воеводой Шеиномъ и генераломъ Гордономъ.

Не пишетъ Ромодановскій, отъ кого пошла вся эта смута, и кто ею руководитъ. Но Петръ и безъ донесенія знаетъ, что это на него старина безумная возстала, что всѣмъ дѣломъ верховодитъ злобная царевна Софья: она все еще надѣется вырвать власть изъ рукъ брата и пользуется теперь его отъѣздомъ за границу.

Письмо Ромодановскаго было въ дорогѣ цѣлый мѣсяцъ. Что же произошло въ Москвѣ за это время? Успѣли, или нѣтъ правители усмирить бунтъ стрѣлецкій? А можетъ-быть, сами они погибли злою смертью, и царевна Софья правитъ ужъ государствомъ, и царю опасно въ Москву возвращаться?

До глубины души потрясенъ и возмущенъ Петръ этой озлобленной враждою, этимъ гнуснымъ замысломъ своекорыстнымъ. Но не колеблется онъ ни одной минуты, гнѣвный ѣдетъ въ Москву, не взирая ни на какую для себя опасность, и такъ Ромодановскому отвѣчаетъ:

„Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла однако, будемъ къ вамъ въ Москву такъ, какъ вы не чаете“.

Съ немногими близкими людьми изъ посольства Петръ покинулъ Вѣну и поскакалъ въ Россію. Ѣдетъ онъ и днемъ и ночью безъ всякихъ остановокъ. Но на пути его встрѣчаютъ радостныя вѣсти: бунтъ усмиренъ, — мятежные стрѣльцы понесли достойное наказанье. Успокоенный такою радостною вѣстью, Петръ не спѣшитъ ужъ больше, дѣлаетъ на пути остановки, осматриваетъ мѣста достопримѣчательныя.

Въ Галиціи встрѣтился Петръ съ королемъ польскимъ. Оба государя были рады этой встрѣчѣ и трое сутокъ провели вмѣстѣ. Король польскій радъ лично отблагодарить Петра за его поддержку, а у нашего государя новый планъ зрѣетъ: не легче ли будетъ пробиться къ Балтійскому побережью и завоевать у шведовъ хоть малый клочокъ при морѣ. Въ дружеской бесѣдѣ Петръ открылся королю, что намѣренъ онъ объявить войну Шведамъ и проситъ дружеской поддержки со стороны Польши. Король на это изъ

явилъ свое согласіе, и оба государя обязались на словахъ въ крѣпкой обоюдной дружбѣ и поддержкѣ.

25 августа (1698 г.) Петръ въ Москву возвратился, проводилъ пословъ по домамъ, и самъ отправился въ Преображенское.

Почти полтора года прожилъ молодой государь за границей, и нельзя всего перечислить, что онъ тамъ новаго для себя увидѣлъ и чему научился.

Первымъ дѣломъ у государя было укрѣпить союзы съ иностранными державами противъ татаръ и турокъ, общихъ враговъ христіанства. Но тутъ узналъ государь, что нѣтъ въ этомъ у Россіи союзниковъ вѣрныхъ и надежныхъ, а однимъ съ Турціей бороться не подъ силу. И сталъ государь въ мысляхъ склоняться къ Балтійскому морю, сталъ искать себѣ союзниковъ для войны съ Шведами.

Вторымъ дѣломъ въ чужихъ земляхъ у государя было — кораблестроенію научиться, нанять въ Россію мореходовъ и мастеровъ разныхъ и закупить всякихъ нужныхъ для корабельнаго дѣла матеріаловъ. Корабельное дѣло изучилъ Петръ во всемъ совершенствѣ, и умѣетъ теперь построить всякое судно по всѣмъ правиламъ науки.

Увидѣлъ онъ и большія благоустроенныя пристани и верфи, и огромный флотъ морской, и примѣрныя морскія битвы; присмотрѣлся ко всему, что надобно для обороны государства и для борьбы съ внѣшними врагами.

Пригласилъ онъ въ большомъ числѣ въ Россію людей знающихъ и нужныхъ, накупилъ необходимыхъ матеріаловъ; при всей своей бережливости истратилъ много денегъ и тутъ узналъ, какъ русская казна не богата, и надобно для нея измышлять новые и новые доходы.

И многое другое увидѣлъ и узналъ государь, и многому онъ въ чужихъ земляхъ научился, чего и въ мысляхъ у него не было до отъѣзда. Увидѣлъ онъ фабрики, заводы и мастерскія, богатѣйшіе товарные склады и магазины и торговлю съ цѣлымъ свѣтомъ, чудесные каналы и плотины, благоустроенные города, кипучій трудъ и все богатство ино-

земныхъ народовъ; присмотрѣлся и къ домашнему благоустройству и порядкамъ. Познакомился съ учеными людьми, пристрастился къ наукамъ и искусствамъ, узналъ жизнь общественную и устройство государственной жизни.

И плѣнился молодой государь тѣмъ, что узналъ и увидѣлъ, и укрѣпился онъ въ той великой мысли, что корень благосостоянія и силы народовъ—въ наукѣ и общественныхъ порядкахъ и въ трудѣ просвѣщенномъ и неустанномъ, въ трудѣ не на свою только, но и на общую всѣмъ пользу. А для наученія всему этому надобно устраивать всякія школы и размножать на Руси книги.

И не слѣдуетъ намъ, русскимъ, чуждаться иностранцевъ, а нужно сближаться съ ними, учиться у нихъ всему доброму и полезному, чтобы какъ можно скорѣе сравняться во всемъ хорошемъ съ ними и зажить одинаковою со всѣми просвѣщенными народами жизнью.

Крутой поворотъ на новый путь.

Съ одною мыслію ѣхалъ Петръ въ чужія земли: хотѣлъ онъ тамъ найти себѣ надежныя средства для одолѣнія турокъ, чтобъ открыть черезъ это Россіи свободный выходъ въ Черное море.

Но чужія земли воочію убѣдили Государя, что еще и многаго другого недостаетъ для благополучія Россіи, чѣмъ уже давнымъ-давно обладаютъ иностранцы, чего такъ жадно съ юныхъ лѣтъ душа его искала, къ чему и самъ онъ впотемкахъ и наугадъ неудержимо стремился. Голландія и Англія явились для него какъ бы обѣтованною землею: такою же благоустроенною страною желалось ему сдѣлать и Россію.

Не плѣнился Петръ за границей роскошью дворцовъ королевскихъ, расточительной пышностью придворной жизни и всякими причудами богатства: простая и скромная обстановка рабочаго человѣка для него всего дороже. Только то и хорошо, что можетъ служить на истинную пользу каждаго человѣка и цѣлаго народа. Изумилъ и плѣнилъ Государя просвѣщенный знаніями умъ и неустанный предпріим-

чивый трудъ европейца, тотъ умъ и трудъ, которые дали человѣку власть надъ самою природой, создали науки и искусства, обогатили народъ, смягчили нравы облагородили и украсили жизнь человѣка.

И какъ грустно, и какъ обидно было впечатлительному и пылкому Государю за свой родной народъ, за нашу темную, слѣпую жизнь. Европейцы считаютъ насъ варварами, дикарями, съ презрѣніемъ обиднымъ смотрятъ на русскихъ, какъ на азіатовъ, а почетъ оказываютъ только изъ корыстныхъ разсчетовъ. И правда, что русскіе во всемъ отличаются отъ иностранцевъ — не только въ государственной и общественной жизни, но и въ укладахъ жизни семейной, и даже по своему внѣшнему виду, по своей одеждѣ. Много вездѣ и во всемъ у насъ азіатчины грубой, темной, неподвижной, закоснѣлой. Нѣтъ у насъ ни наукъ, ни искусствъ, ни промышленности, ни торговли. Богатствъ природныхъ неисчерпаемый источникъ, и духовныхъ силъ въ русскомъ человѣкѣ не мало, но лежатъ нетронутыми наши богатства, и дремлютъ духовныя силы, и теменъ и бѣденъ народъ нашъ. Будто высокой, непроницаемой стѣною отгородились мы отъ Европы, и царствуетъ у насъ безпросвѣтная тьма суевѣрій и предразсудковъ, грубости жестокой. Неподвижно коснѣя въ вѣковомъ своемъ невѣжествѣ, мы съ отвращеніемъ смотримъ на все иноземное и горделиво думаемъ, что русскій народъ умнѣе и лучше всѣхъ народовъ въ мірѣ. А на самомъ дѣлѣ народъ нашъ живетъ въ рабскомъ угнетеніи, влачитъ жизнь бѣдную и невѣжественную, почитаетъ за волшебство и чародѣйство все, чего не знаетъ и не понимаетъ.

Побывалъ въ чужихъ земляхъ, и воочію убѣдился Государь, что не одинъ, а два страшныхъ врага у Россіи. Первый врагъ — наши сосѣди: они загородили намъ всѣ пути морскіе, они препятствуютъ намъ войти въ семью европейскихъ народовъ. А второй нашъ врагъ, еще болѣе сильный, злой и упорный, — наше вѣковое невѣжество, наша ненависть ко всему иноземному: мы сами загораживаемъ себѣ путь въ Европу, сами чураемся иностранцевъ и не хотимъ жить одною жизнью съ ними.

И безповоротно порѣшилъ Государь до конца дней своихъ бороться съ этими двумя врагами нашими, чтобъ ввести свой народъ въ семью просвѣщенныхъ европейскихъ державъ и народовъ и зажить съ ними единою общею жизнію.

Въ первый же день по пріѣздѣ изъ чужихъ земель узналъ Государь всѣ подробности бунта стрѣлецкаго и ясно понялъ настоящую причину возмущенія. Не одни стрѣльцы тутъ бунтовали: это умирающая невѣжественная старина возстала противъ иноземныхъ новшествъ и сокрушить ихъ хочетъ; это старая Русь поднялась противъ державнаго вождя молодой Россіи и желаетъ кровавымъ насиліемъ лишить его власти за великую его любовь къ иноземцамъ.

Такъ пусть же всѣ, и друзья и супротивники Государя, сейчасъ же увидятъ и узнаютъ, что твердо рѣшилъ онъ властною рукою повернуть Россію на новый путь—лицомъ къ Европѣ, и что къ старой жизни нѣтъ и не будетъ больше возврата. Слабыхъ и робкихъ онъ увлечетъ собственнымъ примѣромъ; вражду и ненависть сломитъ силою непреклонной царской воли, преслѣдованіемъ жесткимъ, а мятежное и злонамѣренное буйство и своеволіе безпощадно въ крови потопитъ, съ корнемъ вырветъ, смертный трепетъ наведетъ на злодѣевъ. Никому пощады не будетъ!

Ослѣпленъ, не отъ рожданія слѣпъ русскій народъ. Придетъ время, просвѣтится онъ знаніями и воспитается, присмотрится и примѣнится къ новымъ порядкамъ, пойметъ все и по достоинству оцѣнитъ и, испытавъ сладкаго, самъ не захочетъ больше горькаго, и назадъ ужъ не вернется, а впередъ пойдетъ неудержимо изъ мрака къ свѣту. Крѣпко вѣритъ Государь въ родной свой народъ и горячо желаетъ ему свѣтлыхъ благъ отъ новой жизни.

Быстро разнеслась въ тотъ же вечеръ по Москвѣ вѣсть о пріѣздѣ Государя, и всѣ встрепенулись,—кто отъ радости, а кто и отъ страха.

Рано утромъ на другой день явились въ скромный дворецъ Преображенскій бояре и царедворцы, знатные и про-

стые люди бить челомъ Государю и поздравить его съ благополучнымъ прiѣздомъ.

Царь запросто принималъ всѣхъ безъ исключенья, никому не позволялъ кланяться передъ собою земнымъ поклономъ, какъ это встарину водилось, ласково и дружески со всѣми обходился, цѣловалъ и обнималъ людей къ себѣ близкихъ, разсказывалъ о своей поѣздкѣ, о дружбѣ съ королемъ польскимъ, хвалилъ чужія земли, одобрялъ иноземные порядки. И тутъ же, среди такой ласковой и дружеской бесѣды, онъ собственною рукою обстригалъ бороды то одному, то другому боярину и царедворцу. Сначала остригъ генералиссимуса Шеина, потомъ правителя Москвы—князя Ромодановскаго, а послѣ нихъ и многихъ другихъ вельможъ.

Въ неописанное изумленіе и ужасъ пришли бояре и вельможи. Борода всѣми считалась священнымъ украшеніемъ мужчины,— образомъ и подобіемъ Божьимъ. Брадобритіе— грѣхъ смертный: безбородыхъ и въ рай на томъ свѣтѣ не пустятъ. Испоконъ вѣковъ такъ велося,—дѣды и прадѣды бороду носили. И святыхъ всѣхъ на иконахъ съ бородою пишутъ. Только проклятые еретики-нѣмцы безъ бороды ходятъ, за то они на псовъ поганыхъ да на котовъ и обезьянъ похожи, и за это ихъ въ адъ, къ сатанѣ въ когти посадятъ.

Ужасаются, чуть не плачутъ бояре, но противиться царской волѣ не смѣютъ, боятся и поперегъ слово молвить. За боярами и вся Москва диву далася, пошли разговоры и толки: кто стоялъ за царскую власть и волю, а больше за старину святую.

Черезъ пять дней послѣ встрѣчи подошло первое число сентября — праздникъ новолѣтія. Обычнаго торжества въ этотъ день, какъ встарину водилось, Государь, къ удивленію всѣхъ, не назначилъ. Только генералиссимусъ Шеинъ великій пиръ у себя устроилъ. Государь къ нему прiѣхалъ. Собралось множество людей разнаго званья: бояре и вельможи, офицеры и матросы наполняли обширныя палаты. Кто подогадливѣе, тѣ безъ бородъ явились, но не мало и бородачей тутъ было. Государь былъ привѣтливъ, шутилъ и смѣялся, жаловалъ яблоками изъ своихъ рукъ, какъ это

встарину водилось, говорилъ и пилъ здравицы при залпахъ изъ пушекъ. Но среди всеобщаго веселья, царскій шутъ хваталъ за бороду то одного, то другого, и мигомъ ножницами срѣзывалъ завѣтное украшенье. Всѣ хорошо понимали, что дѣлается это по царскому приказанью. Безбородые хохотали надъ чужимъ горемъ въ угоду Государю и себѣ въ утѣшенье: намъ-де самъ Государь изволилъ обрѣзать, а имъ шутъ потѣшный.

Черезъ три дня еще новшество объявилось. Лефортъ устроилъ пиръ съ музыкой и танцами, совсѣмъ какъ въ чужихъ земляхъ водилось. Гостей собралось многое множество, — и русскихъ, и иностранцевъ. Иностранцы съ женами и дочерьми явились. Мужчины и женщины вмѣстѣ пиро-

Бородовый знакъ.

вали.—Бородачей почти ужъ не было вовсе. Бояре и царедворцы нѣмцами смотрѣли только и было отлички, что длиннополые кафтаны;—но Царь и до нихъ скоро доберется.

Не хочетъ больше видѣть Государь вокругъ себя бородачей—ни при дворѣ, ни въ войскѣ, ни на верфяхъ. Царскимъ указомъ запрещено носить бороду всѣмъ сословіямъ, кромѣ духовенства и крестьянства. А кто хотѣлъ спасти себѣ эту драгоцѣнность, тотъ долженъ пошлину платить, смотря по своему званью, — по 100, по 60 и по 30 р. ежегодно. Даже и съ крестьянъ взыскивали при въѣздѣ въ городъ по двѣ деньги. Кто уплатилъ бородовую пошлину, тому особый знакъ выдавался, чтобъ бородачъ при себѣ его носилъ постоянно.

Дошла скоро очередь и до длиннополой одежды, по которой русскіе также отличались отъ иноземцевъ. Знатные

и богатые люди, мужчины и женщины одѣвались въ цвѣтной атласъ и дорогую парчу, украшали себя золотомъ и серебромъ, межчугами и дорогими каменьями. Одежда была у мужчинъ и у женщинъ, широкая и просторная, съ высокимъ стоячимъ воротомъ; полы до самыхъ пятъ, рукава двухаршинные со сборками. Голову и лѣтомъ и зимою покрывали мѣховою шапкою съ бархатнымъ верхомъ, съ золотыми кистями, а иногда—и съ перомъ алмазнымъ. Важные бояре носили очень высокія шапки.

Мѣшковата была старинная одежда, совсѣмъ неудобна для ходьбы и занятій; а иностренцевъ поражала она своей яркою пестротою и пышностію азіатской.

И до отъѣзда за границу Петръ не долюбливалъ старинной одежды,—мѣшала она ему лазить на мачты, рубитъ топоромъ, маршировать съ солдатами. Не нравилась ему она и своимъ роскошнымъ убранствомъ. А по возвращеніи Царя изъ-за границы старинная одежда, какъ и борода, стала ему ненавистна, какъ отличка отъ иностранцевъ, какъ вывѣска нашей отъ нихъ отчужденности. Самъ Государь повседневно носилъ простой суконный кафтанъ или куртку и штаны суконные.

Чтобъ войти въ чужую для насъ семью европейскихъ народовъ, чтобъ не указывали они на насъ пальцами и не смѣялись надъ нами,—нужно пообстричься и принарядиться по-европейски. Какъ будутъ русскіе походить на иностранцевъ, — пусть пока и по наружному тольѕо виду, — такъ меньше станутъ и дичиться ихъ, и чуждаться.

И царь круто расправился и съ длиннополой старинной одеждой, какъ и съ бородою. Посреди веселаго пира онъ обрѣзывалъ у бояръ длинные рукава и полы, а потомъ строгимъ указомъ и совсѣмъ запретилъ служащимъ людямъ постаринному одѣваться. И стали наши бояре и дворяне наряжаться въ европейскія платья по заграничной модѣ.

И много другихъ перемѣнъ ввелъ Государь въ семейную и общественную жизнь русскихъ людей, — на манеръ иноземный. Растворились для женщины терема-темницы, и вышли затворницы на свѣтъ Божій. Женщины и дѣвушки открыто

при всѣхъ показываются и у себя дома, и въ церкви, и на улицѣ людной, научились онѣ танцовать и вести пріятные разговоры; появляются въ мужской компаніи на пирушкахъ, на балахъ и маскарадахъ, выѣзжаютъ смотрѣть разныя зрѣлища. — Присутствіе женщины смягчаетъ грубый нравъ и обычай мужчины, воспитываетъ его и удерживаетъ отъ многаго дурного.

И во всемъ сталъ понемногу входить въ обычай иноземный укладъ жизни, — въ постройкѣ домовъ, въ убранствѣ комнатъ и во всѣхъ мелочахъ житейскихъ. Иные дѣлали это съ охотой, а больше всего поневолѣ, въ угоду Государю.

Чтобъ отдѣлить рѣзкою чертою начало новой для Россіи жизни отъ старыхъ отжившихъ порядковъ, вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, передъ началомъ новаго столѣтія (1699 г.) Петръ перемѣнилъ лѣтосчисленіе и день празднованія Новаго года. По примѣру всѣхъ христіанскихъ народовъ, Государь повелѣлъ вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ велось у насъ до сихъ поръ, а отъ Рождества Христова. А Новый годъ приказалъ онъ праздновать не 1-го сентября, какъ изстари водилось, а съ 1-го января, какъ велось это во всей западной Европѣ. Въ указѣ объ этой перемѣнѣ Петръ написалъ, какъ праздновать Новый годъ:

— Въ знакъ добраго начинанія и новаго столѣтія, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія Богу и молебнаго въ церквахъ пѣнія—другъ друга поздравлять съ Новымъ Годомъ. По большимъ лицамъ передъ воротами у домовъ поставить украшенія изъ деревьевъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ. А какъ на Красной площади зажгутъ огненныя потѣхи, и начнется пальба, по всѣмъ дворамъ людей служилыхъ и купеческихъ стрѣлять изъ небольшихъ пушечекъ или изъ ружей троекратно и пускать ракеты. Кромѣ того, гдѣ мѣсто позволитъ, зажигать по ночамъ, съ 1 до 7 января, костры и смоляныя бочки.

Очевидецъ такъ разсказываетъ объ этомъ первомъ праздновaніи Новаго Года: „Пальба изъ 200 орудій на Красной

площади и изъ мелкаго ружья по частнымъ дворамъ не умолкала цѣлую недѣлю. Ночью вездѣ горѣли огни, и хлопали ракеты. Торжество заключилось въ день Богоявленія

Уничтоженіе русской старинной одежи.

Господня крестнымъ ходомъ на Іордань. Вопреки старому обычаю, Царь въ процессіи не участвовалъ, а стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ при своемъ полку, выстроенномъ на Москвѣ рѣкѣ вмѣстѣ съ другими полками".

По приказу Государя, бояре, царедворцы, люди служилые и торговые нарядились къ этому дню въ иноземные кафтаны. А кто не успѣетъ приготовить новой одежды къ Богоявленію, тѣ непремѣнно должны сдѣлать ее къ масляницѣ. Знатныя барыни должны являться ко двору не иначе, какъ въ нѣмецкомъ нарядѣ, чему первый примѣръ подали Государевы сестры. Вскорѣ приказано было одѣваться въ нѣмецкое платье купчихамъ и солдатамъ, попадьямъ и дьяконицамъ.

Тотчасъ же по возвращеніи изъ-за границы вознамѣрился Государь вступить въ борьбу и съ самымъ главнымъ и злѣйшимъ нашимъ врагомъ—вѣковымъ невѣжествомъ народнымъ. Отъ невѣжества происходили всѣ наши бѣды: и наша во всемъ неподвижность, и грубость нравовъ, и всенародная бѣдность. Посѣтивъ немощнаго патріарха Адріана, Государь въ бесѣдѣ съ нимъ говорилъ:

— Ставятся у насъ священники малограмотные Святого Писанія неразумѣющіе. Надобно ихъ учить, чтобы они могли вразумлять православный народъ въ истинахъ христіанскихъ и просвѣщать невѣдущихъ Творца Господа—татаръ, мордву, черемису. Для того хотя бы въ Кіевъ послать нѣсколько десятковъ въ тамошнія школы для обученія.

— Есть у насъ и своя школа, да мало въ ней пользы, по недостатку должнаго надзора. Надобно бы поручить ее человѣку знатному, съ именемъ, съ вѣсомъ, и снабдить какъ учителей, такъ и учениковъ всѣмъ необходимымъ для поощренія ихъ къ занятіямъ науками. Устроить же школу слѣдовало бы такимъ образомъ, чтобы она благоразумнымъ ученіемъ приготовляла людей способныхъ къ службѣ церковной, гражданской, военной, къ сооруженію зданій и къ искусству врачебному.

— Если бы въ нашей школѣ разумно учили всякому добру, и она была бы открыта для всякаго приходящаго, кто только заправился въ первоначальной наукѣ, тогда родители не стали бы отдавать дѣтей своихъ для обученія иноземцамъ, которые славянскаго языка не знаютъ, правильно говорить не умѣютъ, къ тому же внушаютъ малымъ дѣтямъ свои

ереси, отъ чего святой Церкви нашей можетъ быть вредъ великій, а рѣчи русской повреждение.

Но больной и хилый патріархъ не въ силахъ былъ исполнить великую милость Государя; не могъ онъ даже содержать въ порядкѣ единственную тогда у насъ высшую школу—Славяно-греко-латинскую Академію, которая состояла подъ его наблюденіемъ. Ученики тамъ терпѣли во всемъ крайній недостатокъ и не могли посѣщать классовъ, потому что въ нихъ потолки и печи обвалились.

До поры до времени пришлось Государю ограничиться устройствомъ наиболѣе необходимыхъ тогда училищъ, и онъ положилъ основаніе (1700 г.) школамъ Математической и Навигаціонной (судоходной). Школы эти устроили приглашенные изъ Англіи ученые.

Лучшимъ средствомъ для всенароднаго просвѣщенія въ евангельскихъ истинахъ, для разсѣянія суевѣрій и для истолкованія дѣлъ правительства, Государь считалъ разумную церковную проповѣдь. Съ этою цѣлью онъ вызвалъ въ Москву изъ Кіева шесть архимандритовъ, въ наукахъ искусныхъ, къ проповѣди слова Божія способныхъ и архіерейскаго сана достойныхъ. Въ числѣ ихъ пріѣхали въ Москву знаменитые потомъ архипастыри-проповѣдники—Стефанъ Яворскій и св. Димитрій Ростовскій.

Гдѣ невѣжество, тамъ и беззаконіе, и произволъ сильнаго и властнаго надъ слабымъ и беззащитнымъ, взяточничество, лицепріятіе. Съ этимъ беззаконнымъ самовластіемъ и вступилъ Государь въ борьбу тотчасъ же по возвращеніи изъ-за границы и не прекращалъ этой борьбы до самой своей смерти.

Хуже всего тогда жилось беззащитнымъ крестьянамъ и людямъ торговымъ, главнымъ плательщикамъ государства. Крестьяне зависѣли во всемъ отъ своихъ помѣщиковъ, а обыватели городовъ, посадовъ и слободъ, люди торговые и промышленные, отъ воеводъ и приказныхъ. Воеводы вѣдали судомъ и расправою, податями и оброчными статьями и творили, что хотѣли. Промышленные люди всегда были безотвѣтною жертвою наглаго самоуправства и безсовѣстнаго лихоимства воеводъ и приказныхъ. По свидѣтельству самого

Петра, отъ приказной волокиты, отъ воеводскихъ налоговъ и взятокъ, — люди торговые пришли въ крайнее разореніе, податей платить были не въ силахъ, многіе бросили торги свои и промыслы, отъ чего казна государева терпѣла ущербъ не малый. А Государь убѣдился за границей, что промыслы и торговля могутъ процвѣтать только на свободѣ, когда въ это дѣло не вмѣшиваются стороннія власти, и торговые люди управляются въ своихъ дѣлахъ сами собою. Государь и далъ торговымъ и промышленнымъ людямъ *самоуправленіе.* Въ городахъ, посадахъ и слободахъ дозволено выбирать изъ своей среды, изъ добрыхъ и правдивыхъ людей, *земскихъ бурмистровъ*, — для суда и расправы и для сбора податей, и *таможенныхъ* и *кабацкихъ бурмистровъ* для сбора таможенныхъ пошлинъ и питейныхъ доходовъ. А въ Москвѣ учреждена общая для всѣхъ Бурмистерская Палата, также изъ выборныхъ людей съ выборнымъ изъ ихъ числа президентомъ. Земскіе бурмистры подчинялись одной только Бурмистерской Палатѣ, и никому больше, а Палата входила со своими докладами прямо къ Государю. Въ Бурмистерской Палатѣ сосредоточивались главныя отрасли государственныхъ доходовъ и расходовъ, и безъ царскаго указа изъ Палаты не отпускали ни одного рубля.

Привычка къ стариннымъ порядкамъ, вѣковое невѣжество грубые нравы и всяческое своеволіе не могутъ быть уничтожены разомъ даже и самодержавною властію Государя; нужно, чтобы само общество воспиталось и просвѣтилось, чтобы сильные и властные знали и свято хранили свои обязанности, а малые и безсильные получили бы законныя права и заботливо ихъ оберегали. А все это совершается не вдругъ, а многими и многими годами. Но важно уже было и то, что Государь положилъ начало новой жизни и призывалъ свой народъ для блага его къ жизни просвѣщенной и законно-самодѣятельной, — по образцу другихъ европейскихъ народовъ. И этого важнѣйшаго изъ своихъ дѣлъ не покидалъ Петръ во всю свою жизнь, и тѣмъ навѣки обезсмертилъ свое имя.

6. Кровавая расправа съ мятежными стрѣльцами и новое солдатское войско.

Крутая и властная расправа съ бородачами и любителями длиннополой старинной одежды была лишь первымъ шагомъ къ рѣшительной борьбѣ съ мятежнымъ упорствомъ и закоснѣлымъ невѣжествомъ.

Гнѣвенъ былъ порою Государь Петръ Алексѣевичъ, невоздерженъ и ужасенъ въ неукротимомъ гнѣвѣ своемъ. По жестокимъ обычаямъ старины суровой расправился онъ со всѣми супротивниками новшествъ, съ ненавистниками иноземныхъ порядковъ: это не его только недруги, а враги всего русскаго народа.

Тотчасъ же по пріѣздѣ Государя изъ чужихъ земель и начался кровавый розыскъ, а за нимъ и лютыя казни, ужаснувшія всю Москву, заставившія содрогнуться и всю Россію.

Властолюбивая царевна Софья и буйные стрѣльцы были самыми лютыми лиходѣями Петра съ дѣтства его и до зрѣлаго возраста. На всю жизнь остался памятнымъ Петру кровавый стрѣлецкій бунтъ, зажженный Софьею и Милославскимъ, когда на глазахъ его, еще ребенка, звѣрски истерзаны были дорогіе сердцу его люди. Никогда не забудетъ Петръ и долгой неутѣшной скорби нѣжно любимой матери своей, царицы-изгнанницы, ея горькихъ слезъ отъ несносныхъ обидъ и тяжкихъ оскорбленій царевны и ея приспѣшниковъ. Отъ царевны Софьи и всей ея родни по матери, отъ страшныхъ кровавыхъ событій, съ дѣтства опостылѣли Петру кремлевскіе царскіе чертоги, и онъ ихъ навсегда покинулъ и никогда ужъ въ нихъ не возвратится. Тягостно вспоминать Петру и о той ужасной ночи, когда онъ, а за нимъ и всѣ близкіе къ нему люди, поспѣшно изъ Москвы бѣжали искать себѣ крова и защиты въ Троицкой обители, спасая свою жизнь отъ тѣхъ же недруговъ лютыхъ. Живо свѣжъ еще въ памяти Петра кровавый умыселъ на его жизнь передъ отъѣздомъ его за границу. И вотъ теперь открытый бунтъ стрѣльцовъ при участіи царевны Софьи

оторвалъ Государя отъ важныхъ трудовъ и заставилъ его вернуться раньше времени въ столицу. Стрѣльцы и Софья хотѣли вырвать изъ его рукъ власть и вновь на жизнь его посягали.

Много-много накопилось въ душѣ Петра недобрыхъ чувствъ и противъ царевны Софьи, и противъ стрѣльцовъ,—надъ ними и разразится накопленный годами великій гнѣвъ Государя. Горячъ и гнѣвенъ былъ Царь Петръ, порой мгновенно вспыхивалъ онъ, какъ порохъ, и страшенъ былъ въ своемъ гнѣвѣ. Но сердце у него было доброе, и онъ умѣлъ великодушно прощать и личныхъ враговъ своихъ, и ослушниковъ его воли. Не могъ онъ только простить теперь ни стрѣльцамъ, ни церевнѣ Софьѣ: они были заклятыми врагами не только его самого, но и всѣхъ его иноземныхъ друзей, всей молодой Россіи, противниками всѣхъ его новшествъ. Петръ, не покладая рукъ, трудился самъ на пользу своего народа, онъ требовалъ и отъ другихъ такого же неустаннаго труда, чтобъ пробудить отъ сна народъ русскій и возродить его къ новой лучшей жизни; а Софья и стрѣльцы желали вырвать власть изъ его рукъ, чтобъ только имъ самимъ было хорошо, и жилось бы безпечально и покойно. И простить всего этого своимъ противникамъ Петръ не могъ.

Много злобы противъ Петра накопилось и у Софьи.

Ни на одну минуту не могла забыть царевна Софья, что она много лѣтъ была самодержавной Государыней, и ей одной тогда все въ царствѣ покорялось. А теперь она, по волѣ Петра, лишилась не только власти, но и свободы. Знаетъ царевна, что не одна она Петромъ недовольна, что кромѣ стрѣльцовъ и многіе бояре осуждаютъ Государя за любовь его къ иноземцамъ и по доброй старинѣ вздыхаютъ. И хочетъ царевна вырваться изъ тюремной неволи и по-старому править государствомъ.

Не могли забыть стрѣльцы ни старой привольной жизни своей, ни всѣхъ униженій и невзгодъ жизни теперешней,—при новыхъ порядкахъ. Любимымъ войскомъ Государя стали потѣшные полки, солдаты. Въ потѣшныхъ сраженіяхъ стрѣльцовъ ставили какъ непріятельское войско, и солдаты всег-

да одерживали надъ ними побѣды. Солдатамъ отъ Царя всегда похвала и благодарность, любовь и ласка. А съ ними, со старымъ государевымъ войскомъ, только и ласкова одна царевна. И тягостна стрѣльцамъ теперешняя служба, не могутъ они къ ней привыкнуть: у нихъ въ Москвѣ свои семьи, свои дома, свои промыслы.—Не могутъ стрѣльцы позабыть своей прежней жизни,—покойной и безпечальной, разгульной и вольной. И то хорошо помнятъ стрѣльцы, какъ они расправлялись съ начальниками своими и боярами, какъ назначали на царство правителей и получали зато щедрыя награды.

А теперь пошло все по-другому. Много тяготы перенесли стрѣльцы во время Азовскихъ походовъ, а новые начальники все ими недовольны и строго взыскиваютъ за лѣность и безпечность.

Покончили съ Азовомъ, и радуются стрѣльцы, что воротятся теперь домой въ свои семьи къ привольной и разгульной жизни. Но не сбылися эти ожиданья: солдатскіе полки въ Москву воротились, а стрѣльцовъ оставили въ Азовѣ,—охранять и укрѣплять городъ. Стрѣльцы недовольны. Стрѣльцы ропщутъ. И всѣ знаютъ про ихъ недовольство и ропотъ,—и самъ Царь, и друзья его, и недруги. Соковнинъ говоритъ громко: „Что спятъ стрѣльцы? имъ бы убить Государя,—все равно имъ пропадать же!“

А тутъ приходитъ въ Азовъ и еще новое изъ Москвы распоряженіе: передвинуть стрѣльцовъ изъ Азова къ Литовской границѣ,—для устрашенія Польши, а въ Азовъ отправить изъ Москвы другіе стрѣлецкіе полки. И остались въ Москвѣ только стрѣльчихи да стрѣльчата. Видно, и въ правду хотятъ вовсе извести стрѣльцовъ: Государь имъ не вѣритъ и при отъѣздѣ за границу оставляетъ въ Москвѣ только солдатскіе полки.

Не въ переносъ тяжело приходилось стрѣльцамъ противъ прежняго. Прежде только лѣтомъ, да и то по очереди, бывали они въ походахъ, а на зиму непремѣнно возвращались въ Москву въ теплыя избы, къ сытной ѣдѣ, къ легкимъ и прибыльнымъ промысламъ, къ буйному разгулу.

А теперь Царь и отъ нихъ строго требуетъ прямой солдатской службы, какъ служатъ солдатскіе полки, какъ служитъ онъ самъ. Избалованные стрѣльцы жалуются на свою невыносимую долю, ропщутъ на своихъ начальниковъ, ненавидятъ всѣ новшества Государя, проклинаютъ всѣ его фортеціи, корабли, гавани, злобствуютъ на его иноземныхъ помощниковъ, считаютъ ихъ вмѣстѣ съ Царемъ главными виновниками „всенароднаго отягощенія“.

Худо всѣмъ стрѣльцамъ, а всего тягостнѣе тѣмъ, что прошли тысячу верстъ отъ Азова на Литовскую границу, отъ одной тяготы къ другой, не менѣе тяжкой. Что же теперь дѣлать имъ, обреченнымъ на такую непереносную жизнь?—Надо попробовать поискать удачи въ Москвѣ, попытать счастья у своей царевны.

И вотъ полтораста стрѣльцовъ бѣгутъ тайно съ Литовской границы въ Москву съ челобитною, что стрѣльцы на Литовской границѣ гибнутъ отъ безкормицы и всякой неправды.

Пока московскіе правители судили да рядили и разбирали стрѣлецкую жалобу, бѣглецы слушали и смотрѣли что творится въ Москвѣ, и дѣлали свое дѣло. А въ Москвѣ въ народѣ слышно много недовольства. Вездѣ ходятъ толки о старой и новой вѣрѣ. Сойдутся, гдѣ попало, двое-трое, начнутъ разговаривать о божественномъ, и первый вопросъ: какъ ты въ крестномъ сложеніи крестное знаменіе на себѣ изображаешь? И другіе еще разговоры: Царь нашъ сложился съ нѣмцами и уѣхалъ въ ихъ землю, и живъ онъ тамъ или нѣтъ,—никому не вѣдомо. Говорятъ, что померъ. Царствомъ правятъ теперь бояре, и хотятъ они царевича удушить, чтобъ навсегда имъ править всѣми дѣлами. А чтобъ стрѣльцы имъ въ томъ не помѣшали, такъ положено—стрѣльцовъ въ Москву никогда не допускать.

А стрѣльчихи знаютъ и того больше: вхожи онѣ во дворецъ къ царевнамъ, знаютъ про ихъ горькую долю и про тяжкую тюремную жизнь подъ солдатскимъ карауломъ царевны Софьи. Всѣ во дворцѣ новыми порядками недовольны. И думаютъ опальныя и беззащитныя царевны,—хоть бы стрѣльцы помогли воротиться всѣмъ къ старымъ порядкамъ.

А бѣглецы и сами только о томъ и помышляютъ, за этимъ они и въ Москву пришли. Пишутъ стрѣльцы челобитную Царевнѣ Софьѣ о всѣхъ стрѣлецкихъ нуждахъ, передаютъ эту жалобу стрѣльчихамъ, тѣ во дворецъ—царевнѣ Мареѣ, а она отсылаетъ грамотку эту царевнѣ Софьѣ. И прежде не разъ такъ пересылались грамотки изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь,—то съ рукодѣльемъ, то съ кушаньемъ и сластями.

Получили стрѣльцы и отвѣтъ отъ царевны Софьи. Царевна пишетъ ко всѣмъ стрѣльцамъ на Литовской границѣ. „Вамъ бы быть къ Москвѣ всѣмъ полкамъ и стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ таборомъ и бить челомъ мнѣ идти къ Москвѣ на державство. А если бы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ отпускать меня не стали, такъ ихъ побить. А кто бы ни сталъ пускать васъ къ Москвѣ, вамъ съ тѣми чинить бой“.

Такъ призывала стрѣльцовъ царевна на открытый кровавый бунтъ; такъ сошлась она съ мятежными стрѣльцами въ своихъ чувствахъ и желаніяхъ.

Бѣглецы живутъ въ Москвѣ и куютъ свое крамольное дѣло, а правители межъ тѣмъ порѣшили выдать бѣглецамъ кормовыя деньги и велѣть имъ уходить изъ Москвы къ своимъ полкамъ на Литовскую границу. А бѣглецы не хотятъ покидать Москвы. Пришлось выпроводить силой. На дорогѣ нагоняетъ ихъ одна стрѣльчиха и отдаетъ имъ новую грамоту отъ царевны Софьи: „Теперь вамъ худо,—пишетъ стрѣльцамъ царевна,—а впередъ будетъ и еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего боитесь. Про Государя ничего не слышно“.

Стрѣльцы хорошо въ Москвѣ слышали, что Государя нѣтъ въ живыхъ. И эта злая молва разошлась не только по Москвѣ, но и по всей Россіи. Молвой этой смущены были и московскіе правители, не получая одно время отъ Петра писемъ изъ-за границы, по случаю весенней распутицы, и „на всѣхъ на нихъ бабій страхъ напалъ“. Потому-то правители мягко и обошлись съ бѣглецами въ Москвѣ.

Вернулись бѣглецы въ свои полки здравы и невредимы, разсказали все, что видѣли и слышали въ Москвѣ, объявили грамоты царевны.

Замутились стрѣлецкіе полки на Литовской границѣ, заволновались, зашумѣли. Только и думы было въ стрѣлецкихъ кругахъ, чтобъ идти къ Москвѣ, бояръ перебить, Кокуй разорить, всѣхъ нѣмцевъ перерѣзать, дома ихъ разграбить. „Наживемъ же мы по шапкѣ денегъ!“ говорили молодые стрѣльцы. И благоразумные старики не могли удержать безумцевъ.

Послѣ недолгихъ совѣщаній стрѣльцы порѣшили: всѣмъ полкомъ съ Литовской границы на Москву идти; послать и во всѣ другіе стрѣлецкіе полки, чтобъ и тѣ шли въ Москву непремѣнно. Хоть бы и умереть, но одинъ конецъ положить. А въ Москвѣ всю чернь на бунтъ поднять и бить челомъ царевнѣ Софьѣ принять на себя державство. А нѣмцевъ и бояръ перебить, и Государя, если воротится въ Москву не пускать.

Возмутившіеся стрѣльцы, числомъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, выбрали себѣ новыхъ начальниковъ, забрали оружіе и пушки и пошли къ Москвѣ.

Въ сорока верстахъ отъ столицы, близъ Воскресенскаго монастыря, встрѣтили мятежниковъ солдатскіе полки подъ начальствомъ Шеина и Гордона. Генералъ Гордонъ уговаривалъ стрѣльцовъ воротиться по своимъ мѣстамъ и положиться во всемъ на милость Государя. Но мятежники дерзко требовали, чтобъ ихъ пропустили въ Москву для защиты отъ еретиковъ-нѣмцевъ православія и старинныхъ обычаевъ русскихъ.

Тогда обѣ стороны начали готовиться къ бою. Въ обѣихъ ратяхъ служили молебны. Стрѣльцы исповѣдались и дали клятву померетъ другъ за друга безо всякой измѣны.

Шеинъ еще разъ попробовалъ уговорить стрѣльцовъ положить оружіе и повиниться Государю, въ противномъ случаѣ угрожалъ стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ.

— Мы твоихъ пушекъ не боимся!—отвѣчали стрѣльцы,—видали мы и не такія пушки!

Чтобъ постращать стрѣльцовъ, Шеинъ приказалъ дать выстрѣлъ изъ пушекъ такъ, чтобы ядра надъ головами пролетѣли. Но это еще болѣе ободрило мятежниковъ, они стали отъ радости кидать шапки вверхъ, распустили знамена и вступили въ бой.

Стрѣлецкіе полки представляли собою нестройную толпу, и пушекъ у нихъ было мало, и предводителей искусныхъ

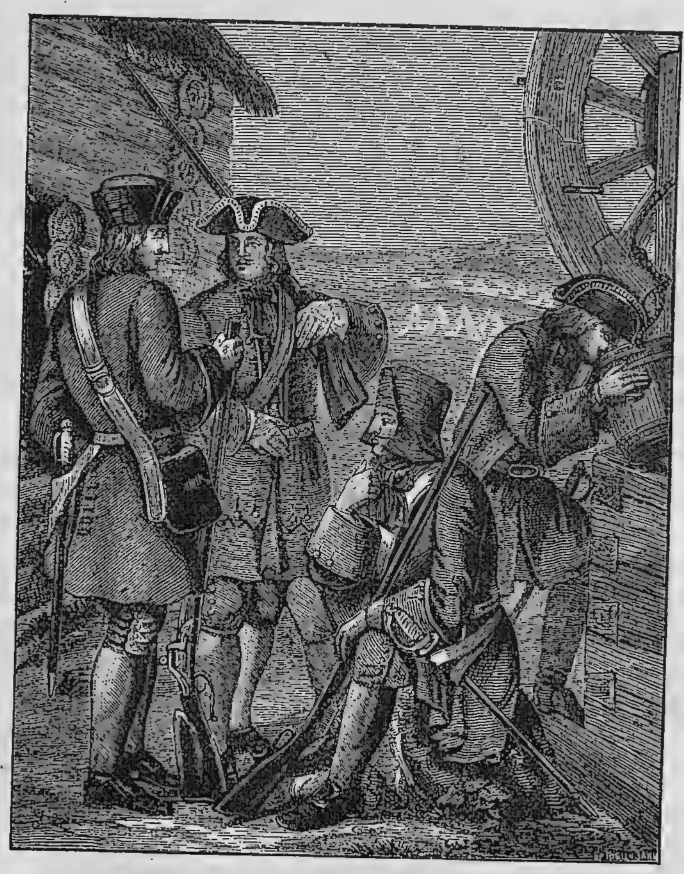
Стрѣльцы.

не было, такъ что солдаты одолѣли ихъ безъ всякаго труда; при первой же схваткѣ стрѣльцы разбѣжались, и бой окончился почти безъ кровопролитія.

Бѣглецовъ переловили. Начался розыскъ. Шеинъ разбиралъ, кто воры, и кто глупые только люди, и кто бунтъ зачиналъ. Виноватымъ были жестокія пытки, многіе казне-

ны, иныхъ разослали по тюрьмамъ и монастырямъ подъ стражу.

Возвратился изъ-за границы Государь раздраженный и гнѣвный на стрѣльцовъ. Недоволенъ онъ былъ и правителями московскими, что они не всѣхъ виноватыхъ розыскали.

Пѣхотные армейскіе солдаты Петровскаго времени.

„Только крѣпостію можно угаситить сей огонь,—писалъ онъ правителямъ изъ-за границы. — Я допрошу ихъ построже вашего", сказалъ онъ Гордону по пріѣздѣ въ Москву.

Не страшно было само по себѣ стрѣлецкое войско,—опасно мятежное упорство противъ воли Государя, слѣпая

любовь къ старинѣ, ненависть ко всѣмъ новшествамъ. Государь хорошо понималъ, что стрѣльцы не просто только ослушники и дерзкіе буяны: это растетъ мятежное „сѣмя Милославскаго“, и надо вырвать съ корнемъ это злое сѣмя, чтобъ не заглушило оно новыхъ, молодыхъ побѣговъ. Это старая Россія и старая жизнь борется на смерть съ молодой Россіей, съ молодой жизнію, и необходимо принять безпощадныя мѣры для уничтоженія мятежнаго упорства,— только этимъ и можно спасти новое дѣло. Такъ думалъ въ пылу своего гнѣва государь. И началась безпощадная и жестокая расправа, какъ это въ старину водилось.

Розыскъ начался 17 сентября, въ день именинъ Царевны Софьи. Главныхъ злоумышленниковъ допрашивалъ самъ Государь.

Многими сотнями голосовъ, стономъ застонали застѣнки въ Преображенскомъ отъ лютыхъ кровавыхъ пытокъ... На десяткахъ московскихъ площадей и на другихъ людныхъ мѣстахъ строились грозныя висѣлицы и помосты съ плахами. И вспомнила тутъ старая Москва страшныя преданія о лютыхъ казняхъ Ивана Грознаго. И живые ужасы настоящаго во много разъ превосходили полузабытое прошлое...

Чтобы остудить и смягчить гнѣвъ Государя, патріархъ Адріанъ поднялъ икону Богородицы и отправился съ нею въ Преображенское печаловаться за опальныхъ, какъ это въ старину дѣлали патріархи. Завидѣвъ патріарха съ иконою, Петръ гнѣвно сказалъ ему:

— Зачѣмъ ты поднялъ икону? Развѣ твое дѣло приходить сюда? Поставь икону на свое мѣсто. Быть-можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность, когда защищаю народъ свой, и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ.

Быстро чинили розыскъ въ десяткѣ застѣнковъ близкіе къ Царю бояре: больше полуторы тысячи людей допрошено въ одинъ мѣсяцъ. Быстро постановляли и смертные приговоры, отъ которыхъ только малолѣтніе стрѣльцы избавлялись.

Государь будто спѣшилъ поскорѣе начать казни. На 30 сентября, до окончанія всего розыска, была назначена пер-

вая казнь стрѣльцовъ. Осужденныхъ везли изъ Преображенскаго на телѣгахъ, подъ конвоемъ солдатъ. Въ каждой телѣгѣ сидѣло по-двое стрѣльцовъ и держали въ рукѣ по зажженной свѣчкѣ. За телѣгами бѣжали жены, матери и дѣти стрѣльцовъ съ воплями и рыданіями..

Поставлено было двѣсти висѣлицъ и подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, передъ кельями царевны Софіи. Трое казненныхъ подлѣ самыхъ оконъ царевны держали въ рукахъ челобитныя, а въ тѣхъ челобитныхъ прописаны провинности крамольниковъ.

Казнено было смертною казнію болѣе тысячи человѣкъ. Къ ужасу москвичей цѣлыхъ пять мѣсяцевъ трупы казненныхъ валялись на площадяхъ московскихъ. Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ трое стрѣльцовъ держали свои челобитныя передъ окнами царевны.

Царевну Софью и другихъ царевенъ допрашивалъ самъ Петръ. Чтобъ навсегда положить конецъ злымъ замысламъ властолюбивой сестры своей, Петръ приказалъ постричь ее въ монахини въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ. Назвали ее Сусанной. Къ ея кельѣ приставлена постоянная стража изъ сотни солдатъ. И нѣтъ въ ту келью никому входу, нѣтъ никому и выходу изъ нея. Только сестрамъ царевны дозволено ѣздить къ ней въ Свѣтлый праздникъ да въ случаѣ нездоровья. Петръ самъ назначилъ довѣренныхъ отъ себя людей, которые должны доподлинно узнавать о нездоровьѣ инокини Сусанны. „А пѣвчихъ въ монастырь не пускать, приказалъ Государь,—поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ *спаси отъ бѣдъ*, а въ паперти деньги на убійство даютъ“.

Постригли въ монахини и другую царевну—Мареу, которая пересылала къ Софьѣ челобитную стрѣльцовъ, и сослали ее въ монастырь. Постригли потомъ въ монахини и царицу Евдокію.

Всѣхъ московскихъ стрѣльцовъ приказалъ Государь разослать въ посады по разнымъ городамъ, куда кто захочетъ; туда же велѣлъ выслать ихъ женъ и дѣтей. Московскіе дворы стрѣльцовъ, лавки и земли ихъ продать съ тор-

говъ. А въ Москвѣ ни стрѣльцамъ, ни стрѣльчихамъ не жить ни подъ какимъ видомъ, и безъ проѣзжихъ листовъ никуда ихъ изъ посадовъ не отпускать. Строго запрещено принимать стрѣльцовъ на службу въ солдатскіе полки.

Скоро потомъ перевелись стрѣльцы и по всѣмъ другимъ городамъ, и мѣсто ихъ заступили вездѣ *солдаты*,—постоянное, благоустроенное и по-иноземному обученное войско, которое ничѣмъ другимъ, кромѣ службы, не занималось, и содержалось полностію на счетъ казны государевой. Въ 1699 г. приказалъ Государь собрать со всего государства людей даточныхъ въ солдаты,—съ владѣльцевъ духовныхъ отъ 25 дворовъ, со свѣтскихъ отъ 30 до 50 по одному человѣку. Отдавать въ солдаты велѣлъ преимущественно людей праздныхъ, наполнявшихъ монастыри и барскія дворни. Въ то же время по Москвѣ кликнули кличъ, чтобы всѣ люди вольные, желавшіе поступить въ солдаты, приходили записываться въ Преображенское. Имъ назначено жалованье 11 рублей въ годъ и кормовые запасы—наравнѣ съ Преображенскими и Семеновскими солдатами. Слугъ монастырскихъ и холопей боярскихъ набралось множество, особенно послѣднихъ, потому что знатные господа держали при себѣ многочисленную праздную дворню, человѣкъ по 300 и по 500. Не мало явилось охотниковъ и вслѣдствіе дороговизны съѣстныхъ припасовъ по случаю неурожая, а крѣпостные крестьяне бѣжали въ солдаты отъ помѣщичьей власти.

Новобранцы скоро научались военному дѣлу и привыкали къ нему; но выписанные изъ чужихъ земель офицеры оказались, большею частію, людьми ни къ чему неспособными и „великими гуляками". И Государь вмѣсто иноземцевъ велѣлъ выбирать въ офицеры царедворцевъ и другихъ служилыхъ людей, и они усердно занимались военной службой. Видя ихъ успѣхи, Государь не разъ говаривалъ: „Къ чему мнѣ тратить деньги на иноземцевъ, когда мои подданные сумѣютъ то же сдѣлать?"

Въ короткое время составилось большое войско, и скоро оно понадобится Государю для великой войны со Шведами.

---

7. Великая сѣверная война.

Миръ съ турками и объявленіе войны шведамъ.

За границею воочію убѣдился Петръ, что у него нѣтъ больше союзниковъ противъ турокъ и татаръ, что приходится ему или одному воевать съ ними, или отказаться отъ завѣтной мысли пробиться въ западную Европу черезъ Азовское и Черное море.

Но то же путешествіе внушило государю новую свѣтлую мысль о завоеваніи побережья Балтійскаго моря. Это море гораздо ближе къ русскимъ владѣніямъ, чѣмъ Черное. Черезъ него ближе и сообщеніе съ просвѣщенными народами западной Европы—съ Пруссіей, Голландіей, Англіей, Франціей. Къ берегамъ Балтійскаго моря отъ начала Руси неудержимо стремился русскій народъ и по временамъ владѣлъ побережьемъ этого моря. Славяне и кривичи плавали по Варяжскому морю; новгородцы вели по этому морю обширную торговлю съ западной Европой, Александръ Невскій побѣдилъ на берегахъ Невы шведовъ, желавшихъ отнять у насъ прибережныя къ Финскому заливу земли. Иванъ Грозный воевалъ изъ-за этого побережья съ ливонцами и осаждалъ Ригу. Только Смутное время отбросило насъ на время отъ Балтійскаго побережья,—и шведы завладѣли стариннымъ русскимъ достояніемъ. Теперь Петръ и рѣшился вернуть Россіи хоть ближайшую къ намъ часть этого моря, чтобъ найти выходъ въ западную Европу.

Время для войны со шведами было для насъ благопріятное: шведы не однихъ насъ обобрали,—они отняли приморскія земли и у Польши, и у Даніи. Недовольны были властными шведами и покоренные ими лифляндскіе помѣщики, прежніе рыцари, и готовы были отдать себя подъ покровительство свободолюбивой Польши. Такъ государю нашему было легко вступить въ союзъ съ Даніей и Польшей противъ шведовъ, и въ этой мысли онъ совершенно укрѣпился.

Но Петру было тяжело вовсе отказаться и отъ Чернаго моря,—отказаться послѣ большихъ трудовъ и затратъ, послѣ побѣдъ надъ турками и завоеваній Азовскаго побережья. Эти побѣды и завоеванія ужъ обрадовали всѣхъ восточныхъ славянъ, пробудили въ нихъ надежду при помощи Россіи свергнуть съ себя тяжкое и ненавистное турецкое иго. Молдавія и Валахія просятъ Петра принять ихъ подъ свое покровительство. Проситъ и молитъ о покровительствѣ всѣмъ восточнымъ христіанамъ и патріархъ іерусалимскій. И хорошо знаетъ Петръ, что милліоны этихъ христіанъ, изнывающихъ подъ игомъ турецкимъ, готовы возстать противъ своихъ притѣснителей. Это прямые наши союзники—и теперь, и на будущее время. Но они слабы и беззащитны, и съ ними одними турокъ не одолѣешь. Такъ волей-неволей приходится съ турками мириться, чтобы направить всѣ свои силы противъ шведовъ. Но необходимо при этомъ удержать за собою все то, что уже взято нами на южномъ побережьѣ. Сильно желаетъ Петръ выговорить у турокъ и крѣпость Керчь—при выходѣ изъ Азовскаго въ Черное море. Если крѣпость эта будетъ въ нашихъ рукахъ, то и все Азовское море станетъ нашимъ.

Тотчасъ же послѣ расправы со стрѣльцами спѣшитъ государь въ Воронежъ, къ своей новой флотиліи, построенной кумпанствами во время пребыванія его за границей.

„Мы въ семъ пути (отъ Москвы до Воронежа) несказанную нужду приняли отъ непогодья,—пишетъ Петръ въ Москву изъ Воронежа. — Однако жъ, по суетному теченію времени, тотъ же часъ позабыли, какъ пріѣхали“.

Забылъ Петръ въ Воронежѣ всѣ дорожныя трудности и печали, какъ только увидѣлъ близкое его сердцу зрѣлище. На рѣкѣ множество военныхъ судовъ, большихъ и малыхъ. Двадцать большихъ кораблей, построенныхъ по образцамъ иноземнымъ, готовы хоть сейчасъ поднять паруса и двинуться къ морю. На луговой сторонѣ, противъ города, построено адмиралтейство съ царскими хоромами, съ обширными магазинами, которые наполнены корабельными припасами, военными снарядами и орудіями. Все это выросло буд-

то по волшебству какому въ короткое время. Царь встрѣтилъ здѣсь нанятыхъ имъ въ Англіи и Голландіи корабельныхъ мастеровъ, капитановъ, штурмановъ, лоцмановъ, и призналъ межъ ними не мало знакомыхъ и товарищей, съ которыми вмѣстѣ трудился на заграничныхъ верфяхъ.

Все исполнено, что задумано, по слову царскому. Радуется Петръ: доволенъ онъ всѣмъ, что видитъ. Но ужъ не можетъ онъ теперь такъ беззавѣтно, такъ по-дѣтски, отдаваться своей радости, какъ это было когда-то въ Переяславлѣ и въ Архангельскѣ. Путешествіе въ чужія земли умудрило его; возмужалъ онъ въ короткое время и видитъ впереди много-много трудностей. Задумалъ онъ передъ поѣздкой за границу укрѣпить союзъ противъ турокъ и навѣки утвердить корабельное дѣло въ Россіи; но союзники ему измѣнили, а дѣло корабельное хоть и началось, но дождется ли онъ самъ, при жизни своей, добрыхъ плодовъ отъ всѣхъ трудовъ своихъ? Хороша Воронежская флотилія, но въ сравненіи съ иноземнымъ военнымъ флотомъ — это дѣтская лишь игрушка. Да и она теперь, быть-можетъ, не на пользу: съ турками надо мириться, а для войны съ шведами придется заново строить флотъ на сѣверѣ.

Матросъ Петровскаго времени.

„Мы, слава Богу, дѣло въ изрядномъ состояніи нашли, флотъ и магазеи обрѣли,—пишетъ царь изъ Воронежа въ Москву.—Только еще облакъ сомнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не замедлится сей плодъ нашъ, яко финиковъ, котораго насаждающіе не получаютъ видѣть. Однако же, надѣемся на Бога со блаженнымъ Павломъ: *Подобаетъ дѣлателю отъ плода вкусити*“.

И дѣйствительно, приходится Петру надѣяться только на Бога да на себя самого. Дѣло задумано великое и много-

трудное, а помощниковъ мало, одному все приходится дѣлать, и во всемъ встрѣчать помѣхи. Взять хоть бы и сейчасъ. Задумалъ Петръ, спѣшно, къ веснѣ, построить въ Воронежѣ такой новый корабль, какого и за границей нѣтъ, по собственному чертежу, собственнымъ умомъ и трудомъ, при помощи однихъ только русскихъ товарищей своихъ обучавшихся вмѣстѣ съ нимъ за границей. Ждетъ, не дождется этихъ своихъ товарищей Петръ. И вотъ онъ узнаетъ, что двоихъ изъ нихъ, самыхъ нужныхъ ему, въ Москвѣ задержали: посажены они подъ арестъ княземъ Ромодановскимъ, правителемъ Москвы.

„Зачѣмъ держать нашихъ товарищей",—съ досадой пишетъ государь князю.—Зѣло мнѣ печально! Я зѣло желалъ паче всѣхъ Скляева, потому что онъ лучшій въ семъ мастерствѣ. А ты изволилъ задержать. Богъ тебя судитъ. Истинно, никого мнѣ нѣтъ здѣсь помощниковъ. А чаю, дѣло не государственное. Ради Бога, освободи (а какое до нихъ дѣло,—я порука за нихъ) и пришли сюда".

„Товарищей твоихъ я не задержалъ,— отвѣчаетъ Ромодановскій,—и только сутки у меня ночевали. А вина ихъ такая: ѣхали по улицѣ пьяны и подрались съ солдатами, и по розыску объявилось,—обѣ стороны не правы. И я, розыскавъ, высѣкъ Скляева за его дурость, а также и челобитчиковъ, съ кѣмъ ссора учинилась. Въ томъ на меня не прогнѣвайся: не обыкъ въ дуростяхъ спускать, хотя бъ и не такого чину были".

Хорошъ Скляевъ, хорошъ и Ромодановскій: государь ждетъ помощниковъ къ себѣ для важнаго дѣла, а они дурости свои тѣшатъ. Такъ и во всемъ,—въ большомъ и маломъ дѣлѣ: Петръ одинъ тащитъ на своихъ плечахъ тяжелый возъ на крутую гору, а тысячи тянутъ этотъ возъ подъ гору. Дѣльныхъ помощниковъ мало, да и эти немногіе безъ указки царской да безъ строгаго надзора ничего дѣлать не могутъ; а кругомъ въ тысячахъ и милліонахъ людей царитъ молчаливое, но упорное сопротивленіе, растетъ противъ царя недовольство и ропотъ. Недовольны перемѣной одежды, брадобритіемъ: хоть и брѣютъ бороды въ угоду царю, но

хранятъ ихъ про себя, чтобы въ гробъ ихъ съ собой взять и на страшный судъ съ бородой явиться. Ропщутъ на куренье табаку, проклятаго зелья. Во всѣхъ новшествахъ государя видятъ измѣну вѣрѣ православной. Волшебники и колдуны говорятъ, что послѣдніе дни пришли, и самого царя называютъ антихристомъ. Ропщутъ на царя и его приближенныхъ за кровавую расправу со стрѣльцами. Жалуются всѣ на тяжелую жизнь и великіе поборы. И всюду великое неустройство. Не только по большимъ дорогамъ, но и по городамъ, и въ самой Москвѣ—открытые разбои и грабежи. Разбойничаютъ не только бѣглые холопы и всякіе неудачники, но и сами господа выѣзжаютъ со своею челядью промышлять на большую дорогу. Не лучше разбойниковъ и воеводы съ приказными: разными поборами доводятъ они народъ до крайняго оскудѣнія, до полнаго отчаянія.

Знаетъ все это государь. Потому-то облако сомнѣнія и омрачаетъ его душу. Работаетъ онъ неустанно на благо своего народа,—но удастся ли ему все сдѣлать и самому увидѣть добрые плоды отъ тяжелыхъ трудовъ своихъ? Теперь ему стало все примѣтнѣе и виднѣе, какъ сравнитъ онъ русскую жизнь, русскіе порядки съ иноземными. Повсюду у насъ мракъ, невѣжество, бѣдность, неподвижность и мертвый сонъ.

Но сомнѣнія останавливаютъ въ начатомъ дѣлѣ только слабыхъ людей, а человѣка сильнаго раздумье еще больше укрѣпляетъ, избавляетъ его отъ ошибокъ, указываетъ ему вѣрные пути къ достиженію цѣли. Петръ крѣпко вѣритъ въ свое правое дѣло, вѣруетъ и въ свой народъ—въ русскихъ людей: они, какъ малыя дѣти, сначала упорствуютъ и плачутъ, а послѣ благодарить будутъ. Въ немъ самомъ неудержимо кипятъ богатырскія силы и властно требуютъ кипучаго труда, и онъ бодро и смѣло продолжаетъ начатое дѣло. Пусть самъ онъ не вкуситъ плода отъ трудовъ своихъ, но зато плоды эти увидитъ народъ, и добромъ помянетъ царя-труженика.

И вновь берется Петръ за циркуль и топоръ, снова и чертитъ и рубитъ, и пилитъ, и пишетъ приказы въ Москву,

даетъ указы посланнику въ Константинополь. И вездѣ и во всемъ поспѣваетъ. Изъ Воронежа ѣдетъ въ Москву, изъ Москвы опять въ Воронежъ. Компанейскія суда спѣшно поправляютъ, царскій корабль товарищи строятъ, чтобъ къ веснѣ все готово было.

— Состоится ли съ турками миръ, или нѣтъ, а я выведу флотъ мой въ море!—говоритъ Петръ старику Гордону.

— Государь! — замѣчаетъ на это Гордонъ,—надобно прежде устроить гавань для кораблей, иначе флотъ вашъ будетъ игралищемъ вѣтровъ и добычею враговъ.

— Корабли мои найдутъ себѣ пристань!—отвѣчаетъ Петръ.

И дѣйствительно, нужно было торопиться на чемъ-нибудь съ турками покончить. Изъ Константинополя приходятъ вѣсти, что Австрія и Польша заключили ужъ съ султаномъ отдѣльно отъ Россіи трактаты и покинули Петра одинъ на одинъ расчитываться съ нимъ, какъ знаетъ и умѣетъ. И турки теперь стали упрямы. Не хотятъ они уступать намъ и того, что взяли мы съ боя. Грозятъ они намъ войною.

— Война, такъ война! — отвѣчаетъ туркамъ нашъ посланникъ.—Россійскій государь имѣетъ довольно силъ воевать и безъ союзниковъ.

Эта твердость нашего посла поколебала турокъ, и они пошли было на уступки. Но переговоры тянулись. Турки то соглашались, то опять отрекались. Чтобъ ускорить дѣло, Петръ рѣшилъ постращать турокъ своимъ новымъ флотомъ.

Къ веснѣ (1699 г.) все было готово, и 86 военныхъ кораблей двинулись къ Азову. Петръ, по обыкновенію, принялъ на себя скромное званіе командира одного изъ кораблей; но все, конечно, дѣлалось по его указу.

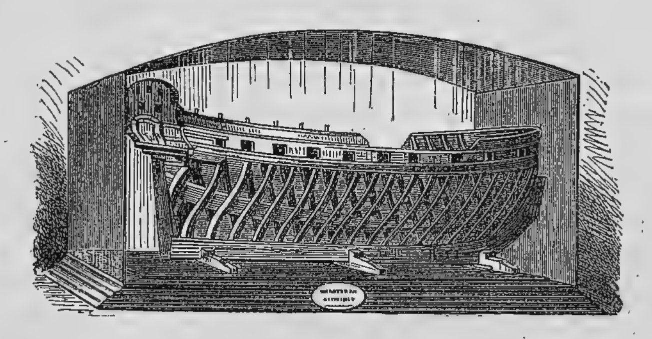
Не скоро корабли доплыли до Азова: нужно имъ было пройти болѣе тысячи верстъ.

И укрѣпленіями Азова Петръ остался вполнѣ доволенъ Хорошо укрѣпленъ былъ и Таганрогъ; успѣшно отстраивалась тамъ и корабельная гавань.

Настала, наконецъ, желанная для Петра минута: подулъ съ моря большой вѣтеръ, нагналъ много воды въ

устье Дона, и русскій флотъ вышелъ въ Азовское море. Царь не знаетъ и минуты покоя: онъ самъ, какъ искусный лоцманъ, выводитъ корабль за кораблемъ въ открытое море.

Совершилось неслыханное диво, которому иноземцы не хотятъ и вѣрить: въ короткое время, на малой рѣчкѣ, болѣе чѣмъ въ тысячѣ верстъ отъ моря, выстроенъ флотъ и на море спущенъ! Не вѣрятъ и турки: нельзя на рѣкѣ морскихъ кораблей построить! Настроили русскіе плоскодонныхъ лодокъ, да и тѣ не выйдутъ въ море, и въ устьѣ Дона застрянутъ; а если и выйдутъ, такъ размечетъ ихъ бурное море.

Корабль, сдѣланный Петромъ Великимъ.

Назначилъ государь къ султану нарочитаго посла (Украинцева), далъ ему подробныя наставленья, чего требовать отъ турокъ и въ чемъ уступать; снарядилъ для посла большой корабль, и самъ поѣхалъ почти со всѣмъ своимъ флотомъ провожать посла до Керчи. Хотѣлось Петру и Керчь осмотрѣть, и флотъ свой туркамъ показать.

Заупрямился было керченскій паша, не хочетъ онъ пропускать нашего посла на кораблѣ черезъ проливъ въ Черное море. Но посолъ нашъ твердо стоитъ на своемъ, и паша долженъ былъ согласиться. Вслѣдъ за посломъ отправилъ государь въ Константинополь и свой корабль.

Съ почетомъ приняли нашего посла турки. Не могли они надивиться, какъ это скоро успѣли русскіе такіе корабли

на рѣкѣ построить и въ море ихъ спустить. Съ безпокойствомъ спрашиваютъ они у нашего посла:

— Много ли у царя кораблей, всѣ ли они оснащены и какъ велики?

— Кораблей и разныхъ судовъ у нашего царя понадѣлано много,—отвѣчаетъ посланникъ,—изъ Дона въ море выходятъ свободно, и подъ Керчью былъ цѣлый флотъ большой.

Многія тысячи турокъ, грековъ, нѣмцевъ и армянъ пріѣзжаютъ смотрѣть царскій корабль. Самъ султанъ на немъ бывалъ. И всѣ на корабли русскіе дивятся и хвалятъ и постройку ихъ, и оснастку. Сильно опасаются турки, что за этими кораблями и цѣлый флотъ русскій придетъ—разорять Константинополь. Великій страхъ напалъ на турокъ, когда капитанъ нашего корабля ночью открылъ пальбу изъ всѣхъ пушекъ. Дѣло вышло такъ:

Капитанъ зазвалъ къ себѣ на корабль знакомыхъ французовъ и голландцевъ и пировалъ съ ними цѣлый день отъ утра и до глубокой ночи. Въ самую полночь, ни съ того ни съ сего, вдругъ приказываетъ онъ открыть пальбу изъ всѣхъ корабельныхъ пушекъ. А корабль нашъ стоялъ близъ дворца султана. Перепугались до смерти и султанъ, и всѣ его жены, и министры, и народъ: всѣ думали, что корабль нашъ даетъ сигналы русскому флоту входить въ проливъ, разорять Константинополь. Султанъ выбѣжалъ со страху изъ своихъ покоевъ. Жены его въ обморокъ попадали. Всю ночь никто не спалъ.

На другой день рано утромъ присылаютъ на корабль важнаго чиновника съ великимъ выговоромъ за такую необычную ночную стрѣльбу. И требуетъ султанъ, чтобы взять ему съ корабля капитана для жестокаго наказанья, а корабль поручить другому офицеру.

Посолъ нашъ на это отвѣчалъ: „если стрѣльба досадна его салтанову величеству, такъ онъ впередъ строго запретитъ ее, а капитана брать съ корабля не для чего".—Тѣмъ это дѣло и кончилось.

Начались переговоры о мирѣ. По турецкому обычаю, долго тянулось дѣло. Долго спорили турки, да и нашъ

посолъ былъ не уступчивъ. Наконецъ, сговорились и порѣшили заключить миръ на 30 лѣтъ.

Радостно и шумно отпраздновалъ Петръ въ Москвѣ этотъ миръ, хоть и не удалось ему получить всего того, чего прежде хотѣлось. Не удалось сплотиться со славянами и освободить ихъ изъ-подъ турецкаго ига. Не удалось овладѣть побережьемъ Чернаго моря. Не отдали турки и города Керчи съ Керченскимъ проливомъ. Но зато Азовъ со всѣми прибережными крѣпостями въ нашихъ рукахъ остался, и наши пріазовскія степи защищены теперь отъ татарскихъ набѣговъ. Не станемъ мы больше съ этихъ поръ давать татарамъ ежегодныхъ подачекъ. Запрещено имъ и набѣги дѣлать на окраины наши. Даны, по договору, льготы и русскимъ богомольцамъ въ Святой землѣ. Согласились турки и торговый договоръ заключить съ Россіей.

Овладѣли русскіе побережьемъ Азовскимъ, овладѣютъ потомъ, хоть не скоро и не вдругъ, и Чернымъ моремъ, и достигнутъ всего, что прозорливо задумалъ Петръ.

Радуется государь выгодному миру съ турками всего больше потому, что теперь развязаны у него руки для борьбы со шведами ради пріобрѣтенія побережья Балтійскаго моря. На другой же день послѣ полученія радостной вѣсти, Петръ собственноручно пишетъ польскому королю:

„Любезный братъ, государь и сосѣдъ! Нынѣ, при помощи Божіей, получа миръ съ Портою на 30 лѣтъ, мы сегодня къ новгородскому воеводѣ указъ послали, дабы онъ, наискорѣе объявя войну, вступилъ въ непріятельскую землю и удобныя мѣста занялъ; также и прочимъ войскамъ немедленно идти повелимъ, и при оныхъ въ концѣ сего мѣсяца и мы обрѣтатися будемъ“.

Союзный договоръ о войнѣ съ Швеціей былъ заключенъ Петромъ съ королями польскимъ и датскимъ, чтобы напасть на шведовъ съ трехъ разныхъ сторонъ. И союзники наши ужъ начали войну. Медлилъ только Петръ и держалъ договоръ въ великой тайнѣ: нужно ему было помириться прежде съ турками и тогда ужъ начать войну со шведами.

Господа шведы учатъ русскихъ побѣдамъ.

Королемъ въ Швеціи былъ тогда Карлъ XII. Онъ на десять лѣтъ моложе нашего государя: Петру теперь 28 лѣтъ, а Карлу 18. Петръ и Карлъ совсѣмъ не похожи другъ на друга. Разскажемъ для примѣра, какъ забавлялся у себя дома шведскій король за два года до начала Сѣверной войны.

Карлъ XII король шведскій.

Пріѣхалъ тогда въ Стокгольмъ, столицу Швеціи, герцогъ Голштинскій, женихъ сестры Карла, и оба государя крѣпко подружились. Каждый день у нихъ потѣхи. То охотятся на зайца въ залѣ государственной думы, то устроятъ торжественный въѣздъ въ столицу и среди бѣлаго дня, со всей своей свитой, шумно несутся по улицамъ — въ однѣхъ рубашкахъ, съ саблями наголо. То съ большой толпой приближенныхъ отправятся вечеромъ гулять по городу и— бьютъ въ домахъ стекла. А во дворцѣ забавляются тѣмъ, что срываютъ съ приближенныхъ парики и шляпы, выбиваютъ миски изъ рукъ пажей, разносившихъ кушанье, ломаютъ мебель и выбрасываютъ за окна. Однажды переломали въ церкви всѣ лавки, на которыхъ сидятъ прихожане во время службы. Нѣсколько дней сряду друзья забавлялись тѣмъ, что рубили во дворцѣ головы телятамъ и баранамъ, такъ что полъ и стѣны королевскихъ комнатъ были залиты кровью.

Государственными дѣлами Карлъ не занимался, и сановниковъ, которые приходили къ нему съ докладами, безъ

церемоніи выталкивали за дверь. Общество возмущалось такимъ поведеніемъ короля и открыто роптало. Подавали Карлу заявленія, чтобы онъ перемѣнилъ образъ жизни. Священники въ церквахъ говорили обличительныя проповѣди на текстъ Писанія: „Горе странѣ, въ которой царь юнъ". Всѣ эти обличенія страшно раздражили короля, но все же онъ притихалъ, хотя только наружно, и то на короткое время. Онъ былъ отважный, но безразсудный удалецъ, искатель приключеній; силы въ юношѣ бурно кипѣли, и онъ не зналъ, къ чему ихъ примѣнить.

Въ это-то время и объявляютъ Швеціи войну одно за другимъ три государства. Будто того только и ждалъ Карлъ XII, и съ пылкою страстью безумно отдался кровавой потѣхѣ военной, вовсе не думая о пользѣ своего народа.

Короли датскій и польскій первые начали войну. Датскій король прогналъ изъ Голштиніи зятя Карла XII, а король польскій вторгся въ Ливонію.

Карлъ XII сказалъ своему зятю, когда тотъ явился къ нему за помощью:

— Я буду вашимъ покровителемъ, хотя бы мнѣ стоило это короны.

Извѣстіе о войнѣ съ польскимъ королемъ Карлъ получилъ на охотѣ и съ безпечной улыбкой хвастливо промолвилъ:

— Мы скоро прогонимъ короля Августа во-свояси... Сперва я покончу съ однимъ, а потомъ поговорю и съ другимъ.

Напрасно уговаривали Карла покончить дѣло миромъ и свои вельможи, и Англія съ Голландіей. Искра попала въ порохъ. Затаенная страсть къ войнѣ вспыхнула въ юношѣ, и ужъ никогда больше не потухнетъ. Въ Карлѣ, видно, кипѣла кровь отважнаго и непосѣдливаго варяга. Онъ ужъ и теперь, до начала войны, считаетъ себя непобѣдимымъ во главѣ своего войска. Къ несчастію для Карла и для его народа, первые успѣхи на войнѣ укрѣпили въ юношѣ это убѣжденье и совсѣмъ вскружили ему голову.

Быстро собрался Карлъ въ походъ. На минуту только заѣхалъ проститься къ бабушкѣ и сестрамъ, чтобъ сказать

имъ, что скоро-скоро вернется. Не думалъ, не гадалъ отважный юноша, что никогда ужъ больше онъ ихъ не увидитъ.

Карлъ во главѣ своего войска. Первый ударъ онъ нанесетъ Даніи. Быстро онъ переплылъ проливъ. Совершенно неожиданно явился передъ Копенгагеномъ, столицею Даніи. Городъ былъ вовсе не защищенъ. Датскій король не приготовился къ оборонѣ столицы, которой грозитъ страшное разрушеніе. Онъ проситъ мира. Онъ соглашается на всякія условія. И миръ заключенъ.

Вторымъ ударомъ Карлъ сразитъ Августа, короля польскаго. Но въ это время Петръ объявляетъ войну шведамъ.

Петръ не ищетъ славы военной, у него одна мысль: утвердить за Россіей хоть малую часть Финскаго побережья, чтобъ найти своему народу выходъ въ западную Европу. Пусть русскія войска займутъ прежде Нарву (въ южной сторонѣ Финскаго залива),— а потомъ древній Новгородскій городокъ Орѣшекъ (Нотебургъ, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера), и тогда легко будетъ укрѣпить за собою и всю мѣстность, лежащую между этими городами. Мѣста здѣсь пустынныя, другихъ крѣпостей нѣтъ.

И юное русское войско осадило Нарву. Въ самомъ же началѣ осады объявились большія затрудненія. Дѣло дѣлалось наспѣхъ, и опытности не было почти вовсе. Военныхъ запасовъ приготовили мало. Пушки оказались негодными. Стояла осенняя распутица, подводъ мало, солдаты утомились, обносились, оголодали. А большинство солдатъ — молодые рекруты, мало обученные, не привыкшіе къ военной службѣ. А начальники все больше иноземцы, — ни они солдатъ не понимаютъ, ни солдаты ихъ. Началась осада Нарвы, и скоро изстрѣляли всѣ ядра и весь порохъ, — надо дожидаться подвоза.

Но вмѣсто подвоза припасовъ нежданно является подъ Нарвой Карлъ XII и нападаетъ на нестройные ряды русскихъ. Сильная вьюга бьетъ прямо въ лицо нашимъ солдатамъ,— въ двадцати шагахъ ничего не видно. Шведы ворвались въ нашъ лагерь. Среди нашихъ солдатъ раздались крики: „Нѣмцы измѣнили!“ Началось поголовное бѣгство.

Только и устояли два полка — Преображенскій да Семеновскій, да еще одинъ отрядъ, въ сторонѣ стоявшій: до самой ночи они крѣпко отбивались и ни на шагъ не отступили отъ шведовъ. Дѣло наше еще не совсѣмъ потеряно, и будь наши командиры поопытнѣе да поотважнѣе, — такъ можно было бы еще бѣду поправить. Но начальники рѣшили сдаться на милость отважнаго побѣдителя. Карлъ XII забралъ себѣ всѣ наши пушки, взялъ въ плѣнъ всѣхъ знатныхъ людей и генераловъ, а солдатамъ далъ свободу, не отобравъ у нихъ даже и оружія.

Побѣдителю открытъ свободный путь во внутрь беззащитной Россіи—до самой Москвы. Онъ могъ бы принудить Петра къ постыдному миру. Но Карлъ съ презрѣніемъ смотритъ на русскихъ, онъ ищетъ болѣе славныхъ побѣдъ. „Нѣтъ никакого удовольствія съ русскими биться, — говоритъ онъ своимъ приближеннымъ,—они не сопротивляются, какъ другіе, а бѣгутъ". Война для Карла стала удовольствіемъ, цѣлью жизни. Онъ непобѣдимъ, онъ посланъ Самимъ Богомъ для войны съ врагами. И Карлъ спѣшитъ въ Польшу, чтобъ также разомъ покончить и съ третьимъ своимъ противникомъ.

Слухъ о Нарвской побѣдѣ быстро разнесся по всей Европѣ. Карлъ XII вдругъ сталъ великимъ героемъ. Его прославляютъ въ стихахъ, печатаютъ его портреты, въ честь его выбиваютъ медали. Всѣ радуются горю варваровъ-русскихъ, осмѣлившихся бороться съ просвѣщеннымъ европейскимъ народомъ, злобно издѣваются надъ царемъ, рисуютъ на Петра карикатуры.

„Тако шведы надъ нашимъ войскомъ викторію учинили, что есть безспорно,— пишетъ Петръ послѣ полтавской побѣды надъ тѣми же шведами. — Но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную учинили? Только одинъ старый полкъ Лефортовскій былъ; два полка гвардіи были только на двухъ атакахъ у Азова, а полевыхъ боевъ, а наипаче съ регулярными войсками, никогда не видали. Въ прочихъ же полкахъ, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, были рекруты. Къ тому же ве-

ликій голодъ былъ, и единымъ словомъ сказать, все то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида. Какое же удивленіе такому старому, обученному и практикованному войску надъ такими неискусными сыскать викторію?

„Правда, сія побѣда въ то время зѣло была печально чувствительная и за великій гнѣвъ Божій почитаемая. Но нынѣ, когда о томъ подумаешь, воистину не гнѣвъ, но милость Божію исповѣдовать долженствуемъ: ибо, ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, когда мы были такъ неискусны во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бы бѣду послѣ оное счастіе ввергнуть насъ могло. Но когда сіе несчастіе (или, лучше сказать, великое счастіе) мы получили, тогда неволя отогнала лѣность и къ трудолюбію и искусству день и ночь принудила“.

Себя самого Петръ, кажется, никогда не могъ упрекать въ лѣности. И теперь, послѣ „зѣло печальнаго и чувствительнаго“ пораженія, онъ явилъ себя такимъ же великимъ въ бѣдѣ, какъ и послѣ перваго неудачнаго азовскаго похода. Петръ увидѣлъ, что до Нарвы было одно лишь „младенческое играніе, а истиннаго искусства — ниже вида“. И вотъ теперь онъ напрягаетъ всѣ свои могучія силы, чтобы въ совершенствѣ постигнуть „искусство въ дѣлахъ воинскихъ и политическихъ“. — „Господа шведы и не одинъ разъ еще насъ поколотятъ, — говорилъ онъ, — но у нихъ же мы научимся и побѣждать. И самъ онъ, первый во всякомъ дѣлѣ работникъ, проявляетъ изумительную дѣятельность, и всю Россію поднялъ на ноги и призвалъ къ спѣшной страдной работѣ, чтобъ избыть бѣду и завоевать вѣрный и прочный успѣхъ. Такъ, малодушнаго человѣка бѣда только мучитъ, а человѣка сильнаго она же и учитъ.

Князь Репнинъ получаетъ строгій приказъ привести въ исправность полки, шедшіе отъ Нарвы „въ конфузіи“. Полки быстро приведены въ порядокъ и пополнены, и умножены, и готовы въ дѣло. Заботливо обдумываетъ и устраиваетъ Петръ и продовольствіе солдатъ, чтобъ они исправно были одѣты, обуты и накормлены.

Шведы могутъ двинуться во внутрь Россіи, — и государь спѣшно укрѣпляетъ пограничные города. Кипитъ работа въ Новгородѣ и Псковѣ. „Рвы копали, палисады съ бойницами ставили, раскаты дѣлали и дерномъ окладывали. А на работѣ были конные и пѣшіе солдаты и всякихъ чиновъ люди, священники и всякаго церковнаго чина люди, мужскаго и женскаго пола“. Государь самъ наблюдаетъ за работами, самъ впереди всѣхъ трудится. И горе тѣмъ, кто неисправенъ, кто думаетъ поживиться отъ этихъ работъ! Судъ и грозная расправа тутъ же, на мѣстѣ: за лѣность и неисправность плети, за взятки и казнокрадство — смертная казнь.

Пушки отняты шведами, — надо сдѣлать новыя, а мѣди нѣтъ. Петръ велитъ со всего государства, съ большихъ городовъ — отъ церквей и монастырей, собрать колокола лишніе и перелить ихъ въ пушки. И меньше чѣмъ въ годъ изготовлена артиллерія много лучше прежней: отлито 300 орудій и многія тысячи ядеръ.

Расходы неотложные со страшной быстротою умножаются, а денегъ въ казнѣ нѣтъ: придумываются новые и новые налоги, новые источники доходовъ; обложены сборами и монастырскія имѣнія; взяли денегъ въ долгъ у богатыхъ церквей и монастырей. И зорко государь слѣдитъ, чтобъ казенныя деньги расходовались бережливо, жестоко наказываетъ лихоимцевъ.

Петръ дѣлаетъ дѣло не на одинъ часъ, онъ прозорливо смотритъ впередъ. Чтобъ приготовить для будущаго своихъ знающихъ работниковъ, государь устраиваетъ школы. Собрано 250 ребятъ, изъ которыхъ выйдутъ потомъ добрые артиллеристы, инженеры, мастера. И теперь, гдѣ только возможно, Петръ приставляетъ къ дѣлу русскихъ людей, чтобъ вездѣ и во всемъ пріучались обходиться безъ иностранцевъ.

А самъ государь во все до послѣднихъ мелочей вникаетъ и вездѣ съ необычайною быстротою поспѣваетъ. Онъ и на границѣ укрѣпляетъ города, онъ и въ Москвѣ, и въ Архангельскѣ, и въ Воронежѣ, — вездѣ указываетъ, что и

какъ дѣлать, и самъ съ другими работаетъ, и даетъ на срокъ новыя и новыя работы.

Сотни и тысячи спѣшныхъ и важныхъ дѣлъ у Петра; но главнѣе всего теперь — пріучить юное русское войско къ войнѣ, ободрить его, научить побѣждать шведовъ; а для этого нуженъ опытъ и много-много времени. Въ этомъ помогъ Петру самъ Карлъ XII. Онъ считаетъ короля польскаго главнымъ зачинщикомъ всего дѣла, онъ хочетъ примѣрно наказать его — свергнуть съ престола; онъ преслѣдуетъ его, гоняется за нимъ изъ конца въ конецъ. „Карлъ завязъ въ Польшѣ“ и далъ Петру время пріучить свое войско къ войнѣ, научить его побѣждать шведовъ. Главное шведское войско съ Карломъ въ Польшѣ, а въ Прибалтійскихъ пограничныхъ городахъ оставлены лишь небольшіе отряды,—такъ Петру и удобно теперь проходить военную науку.

Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Въ концѣ 1701 года Шереметевъ уже поражаетъ шведскаго полководца Шлиппенбаха, и Петръ въ великомъ восторгѣ отъ этой первой побѣды. Шереметевъ награжденъ орденомъ Андрея Первозваннаго и высокимъ званіемъ генералъ-фельдмаршала. Въ Москвѣ служатъ благодарственные молебны, цѣлый день колокольный звонъ и громъ ста пушекъ; на стѣнахъ и башняхъ кремлевскихъ развѣваются знамена, отнятыя у шведовъ. И Москва

и вся Россія должны узнать, что русское войско отплатило шведамъ за побѣду подъ Нарвой.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Шереметевъ нанесъ Шлиппенбаху и второе жестокое пораженіе.

Петръ пользуется временемъ и не даетъ ни себѣ ни войску ни на минуту покою. Онъ приказываетъ Шереметеву разорить непріятельскія земли, чтобы Карлъ, когда онъ сюда вернется, не нашелъ здѣсь ни пристанища, ни подмоги.

Даже и въ наше время, у всѣхъ народовъ, война—страшное и жестокое дѣло, а тогда она была еще ужаснѣе... Шереметевъ грозно „гоститъ" въ Лифляндіи. Городъ за городомъ переходятъ въ руки русскихъ. Все предается разоренію, огню и мечу. Многія тысячи людей попадаютъ въ неволю, и не только солдаты, но и мирные граждане. „Больше того и разорять нечего, — пишетъ царю Шереметевъ, — все разорили и опустошили безъ остатку". Никому и ничему нѣтъ милосердія и пощады.

Въ то же время Апраксинъ точно также разоряетъ и опустошаетъ невскіе берега. А Нева для Петра всего нужнѣе и дороже. И онъ самъ летитъ на Ладогу, вызываетъ сюда и Шереметева съ войскомъ, „чтобъ сего, Богомъ даннаго, времени не потерять,—зѣло время благополучно, не надобно упустить". Петръ самъ ведетъ войско къ истоку Невы, чтобъ завладѣть Орѣшкомъ. Послѣ отчаяннаго сопротивленія крѣпость сдается. Государь въ восторгѣ. „Правда, что зѣло жестокъ былъ сей орѣхъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ". Орѣшекъ названъ Шлиссельбургомъ (Ключъ-городъ): этимъ ключемъ Петръ отопретъ Россіи выходъ въ Балтійское море.

Орѣшекъ взятъ въ октябрѣ 1702 г., а въ апрѣлѣ 1703 г. отъ Шлиссельбурга, внизъ по правому берегу Невы, идетъ русское войско подъ начальствомъ Шереметева. Идетъ лѣсами большими и малыми, болотами топкими. Къ войску подоспѣлъ и бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ. Подходятъ къ невскому устью. Видятъ маленькій земляной городокъ, — это Канцы, или Ніеншанцъ, сторожившій устье Невы. Городокъ осадили и взяли. Петръ Михайловъ съ

отрядомъ солдатъ въ 60 лодкахъ ѣдетъ осматривать невское устье.

На другой день караульщики доносятъ, что на взморьѣ показались непріятельскіе корабли, подошли къ устью Невы и бросили якорь. Это были шведскія суда; они привезли разные запасы въ Канцы, не зная, что крѣпость уже въ русскихъ рукахъ.

Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

Капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ съ обоими гвардейскими полками на 30 лодкахъ подкрались къ непріятельскимъ судамъ, окружили ихъ и взяли съ бою. У шведовъ на корабляхъ были пушки, а у русскихъ одни ружья. Неслыханное дѣло, чтобы простыя лодки взяли съ

бою вооруженные корабли. „Невозможное стало возможнымъ". Петръ съ компаніей радуются, какъ дѣти, блистательно выдержавшія трудный экзаменъ. За эту небывалую викторію капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ пожалованы орденомъ Андрея Первозваннаго. Это было 5 мая.

16 мая (1703 г.) на одномъ изъ островковъ невскаго устья застучали топоры: Петръ съ компаніей рубитъ кусты и деревья, строитъ деревянный городокъ. Это Петербургъ, новая столица русскаго государства. Губернаторомъ столицы назначенъ Меншиковъ. Ему и всѣмъ приближеннымъ заданы срочные уроки: спѣшно построить и крѣпостцу, и царскій домикъ, и другіе казенные и обывательскіе дома.

Такъ Петръ и привелъ Россію къ Варяжскому морю, по которому восемь съ половиною вѣковъ назадъ русскіе ходили за море искать себѣ князя, къ тому морю, за обладаніе которымъ предки Петра пролили потоки русской крови.

Но пока еще и побережье и море не наши: хозяина дома нѣтъ, потому мы такъ легко и скоро всѣмъ завладѣли. Хозяинъ увязъ въ Польшѣ, а какъ вернется онъ домой, такъ не сдоборовать тогда, пожалуй, непрошеннымъ гостямъ. И сейчасъ со взморья грозятъ непріятельскіе корабли. Такъ нужно приготовиться къ борьбѣ и защитѣ и на морѣ и на сушѣ.

Закипѣла работа на берегахъ рѣки Свири: здѣсь, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ Воронежѣ, по царскому слову, роняютъ огромныя деревья въ нетронутыхъ до сихъ поръ лѣсахъ, на новой верфи—Лодейное Поле—спѣшно строятъ морскія военныя суда.

А государь вездѣ поспѣваетъ: изъ Лодейнаго Поля на рѣку Сестру, чтобъ отразить шведскій отрядъ. Отсюда опять въ Лодейное Поле, чтобъ спустить на воду новыя суда, а оттуда—въ Петербургъ.

Стоитъ поздняя осень (октябрь). Солнца въ Петербургѣ-городкѣ давно ужъ не видать. Жестокій вѣтеръ, дожди непрестанные. Ледъ по Невѣ пошелъ; шведскіе корабли, простоявшіе все лѣто въ устьѣ Невы, ушли во-свояси,—зима близко. Петръ пользуется такимъ случаемъ. Онъ на

взморьѣ,— около острова Котлина вымѣряетъ морскую глубину. Вымѣрялъ. Здѣсь будетъ крѣпость Кронштадтъ,— защита Петербургу.

Въ началѣ ноября показался на взморьѣ первый купеческій корабль иностранный. Петръ, какъ радушный хозяинъ, встрѣчаетъ дорогихъ гостей и, какъ искусный лоцманъ, самъ вводитъ корабль въ устье. Губернаторъ Меншиковъ на славу угощаетъ корабельщиковъ, по хорошей цѣнѣ скупаетъ весь товаръ (вино и соль) и щедро всѣхъ одаряетъ: шкиперу 500 золотыхъ, каждому матросу по 30 талеровъ.

А фельдмаршалъ Шереметевъ свое дѣло неустанно исполняетъ: одинъ за другимъ забираетъ старинные русскіе города, которые „шведъ за себя завелъ“: взялъ Копорье, Ямы (Ямбургъ), Роковоръ (Везенбергъ), Юрьевъ (Дерптъ), Иванъгородъ и Нарву, гдѣ русскіе получили отъ шведа первый кровавый урокъ. „Гдѣ четыре года назадъ Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ“, радуется Петръ.

А новый городокъ Петербургъ въ это самое время храбро отбивается отъ шведа, который не даетъ ему покоя и съ моря, и съ суши,— и отбивается, и быстро обстраивается. Многіе десятки тысячъ рукъ и лѣто, и зиму трудятся неустанно. Работаютъ здѣсь солдаты. Согнаны сюда со всей Россіи всякіе мастера и простые мужики. Приставили къ работѣ арестантовъ и плѣнныхъ. Всѣмъ дано дѣло. А работа и спѣшная и тяжелая; терпятъ работники и голодъ, и холодъ и мрутъ, какъ мухи осенью, отъ тяготы и всяческихъ лишеній. Но тверда воля Петра, какъ сталь закаленная, и новая столица растетъ не по днямъ, а по часамъ, и радуетъ сердце государя. Парадисомъ (раемъ) называетъ Петръ свой городокъ.

Такъ-то и воспользовался Петръ временемъ, пока Карлъ увязъ въ Польшѣ. Онъ умножилъ и устроилъ свое войско и пріучилъ его побѣждать шведовъ. Онъ овладѣлъ Балтійскимъ побережьемъ, а самое важное — основалъ при устьѣ Невы пристанище для кораблей — Петербургъ, защитилъ его съ суши и съ моря, устроилъ верфь для постройки новыхъ

и новыхъ морскихъ судовъ. Цѣль войны вполнѣ достигнута; завѣтная мечта осуществилась. Готовъ теперь государь и помириться со шведами. Въ крайности согласится онъ возвратить шведамъ и большую часть своихъ завоеваній, отдастъ и Дерптъ, и даже Нарву, и только Неву съ Петербургомъ оставитъ за Россіей. За Петербургъ онъ готовъ бороться до конца дней своихъ, „ибо черезъ сію артерію можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть“. Пусть теперь является сюда Карлъ, пусть воюетъ въ разоренной странѣ и стоитъ подъ завоеванными крѣпостями трудна будетъ для него эта война, не легко достанется ему и побѣда надъ закалившимся въ бояхъ русскимъ войскомъ съ возмужавшими вождями.

Но знаетъ Петръ, что до мира со шведами еще не близко, и для вѣрнаго успѣха очень важно, чтобы Карлъ, какъ можно, дольше оставался въ Польшѣ. А для этого нужно помочь польскому королю, и Петръ посылаетъ ему и отрядъ войска, и деньги.

Остороженъ государь и проницателенъ: онъ не полагается на слѣпое счастье и хорошо знаетъ, какъ завоевать себѣ прочный успѣхъ. „Карлъ спѣшитъ окончить дѣло разомъ, однимъ счастливымъ боемъ,— говоритъ Петръ.—Но на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ, — объ этомъ знаетъ одинъ Всевышній; намъ же, какъ людямъ, надлежитъ смотрѣть ближайшее. Исканіе генеральнаго боя зѣло опасно, ибо все дѣло въ одинъ часъ можетъ быть ниспровергнуто. Поэтому надобно стараться поражать непріятеля по частямъ и удерживать его въ Польшѣ“.

Такой совѣтъ даетъ и своему союзнику, королю польскому, и своимъ полководцамъ. Потому-то и самъ онъ нейдетъ въ Польшу со всѣмъ своимъ войскомъ. А военачальникамъ, которыхъ туда посылаетъ, строго - настрого наказываетъ дѣйствовать осторожно, отступать, хранить войско въ цѣлости, въ случаѣ крайней опасности — побросать пушки въ воду.

А Карлъ о мирѣ и не помышляетъ. Воюя въ чужой странѣ, онъ мечется изъ угла въ уголъ въ погонѣ за ненавистнымъ

соперникомъ своимъ, чтобъ сорвать съ него корону. Истощаетъ онъ свое войско, истощаетъ безразсудно и силы своего государства. Дорого стоитъ война эта и Россіи, но ей для пользы всего народа необходимо пробиться къ морю и нужно войти въ семью европейскихъ народовъ.

Воюя съ шведами, Петръ ни на минуту не забываетъ внутреннихъ дѣлъ и въ то же время зорко слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается въ западной Европѣ. А тамъ идетъ своя жестокая борьба, и Петръ искусно пользуется этимъ. Пристально смотрятъ и въ Европѣ за нашею со шведами войною, только вмѣшиваться въ это дѣло никто не желаетъ, — у каждаго свои дѣла и разсчеты. Попробовалъ Петръ просить Англію и Голландію стать посредниками для мирныхъ переговоровъ съ Карломъ, — но тѣ отмолчались: укрѣпятся русскіе на морѣ, и лишатся своихъ великихъ барышей торговые люди. Да и всѣ не желаютъ, чтобъ усилилась Россія,—опаснымъ сосѣдомъ она будетъ.

Такъ на скорый миръ надѣяться пока нельзя, — мечемъ приходится намъ добывать этотъ миръ; рано или поздно поневолѣ придется одинъ на одинъ побороться съ Карломъ. И дѣло, какъ видно, приближается къ роковой развязкѣ.

Карлъ, наконецъ, одолѣлъ ненавистнаго ему противника и принудилъ его отказаться отъ польскаго престола. Гордый побѣдитель говоритъ, что онъ теперь и съ Петра сниметъ корону и посадитъ на московскій престолъ, кого захочетъ.

Петръ приказываетъ русскому отряду покинуть Польшу и отступать во внутрь Россіи, въ генеральную битву съ Карломъ не вступать, а вредить ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно же при переправахъ черезъ рѣки.

Но куда двинетъ свое войско Карлъ? Гдѣ онъ вызоветъ Петра на поединокъ? Говорятъ, что Карлъ намѣренъ въ Москвѣ продиктовать Россіи условія мира. И Петръ спѣшно укрѣпляетъ и Мокву, и окрестные города — Серпуховъ, Можайскъ, Тверь, а самъ зорко слѣдитъ за движеніями непріятеля, и войско наше наноситъ ему вредъ, какъ только можетъ.

А шведское войско и безъ того сильно изнурено длинными переходами и непрестанными битвами и страшно во

всемъ нуждается — и въ съѣстныхъ и въ военныхъ припасахъ.

На встрѣчу Карлу идетъ изъ Швеціи большой вспомогательный отрядъ свѣжаго войска съ большими запасами продовольствія, и военныхъ снарядовъ: только бы соединиться ему съ Карломъ, и войско шведское обновится, усилится. Съ необычайною быстротою русскіе нападаютъ на этотъ отрядъ, жестоко его поражаютъ и отнимаютъ всѣ припасы. Карлъ сильно пріунылъ, а Петръ въ великой радости: это пораженіе шведовъ онъ называлъ потомъ матерью полтавской викторіи.

Что же теперь дѣлать Карлу съ измученнымъ войскомъ,— обносившимся, голоднымъ, безъ пушекъ и ядеръ? Карлъ, вмѣсто Москвы, повернулъ на Украйну. Малороссійскій гетманъ Мазепа давно ужъ ведетъ и съ Карломъ, и съ королемъ польскимъ тайные переговоры и обѣщаетъ имъ помощь отъ казаковъ. Обнадежилъ Карла Мазепа и въ помощи крымскихъ татаръ.

Кровавые мятежи на югѣ Россіи.

Ни отдѣльному человѣку, ни цѣлому народу не достаются даромъ успѣхи въ жизни, а добываются они великимъ трудомъ, покупаются тяжелыми жертвами. И возрожденіе Россіи къ новой жизни въ славные дни Петровы было необычайно тягостнымъ временемъ для всего народа. Великую тяготу поднялъ на свои плечи царь-работникъ, великія жертвы принесъ и весь русскій народъ.

И мало было тогда людей, которые понимали великіе замыслы своего государя:—и вокругъ него, и по всей Русской землѣ слышался неумолкаемый ропотъ, и на тяготу жизни, и на всѣ царскія новшества, и во всемъ винили одного Петра да ближнихъ друзей его—нѣмцевъ.

Недовольны были старые бояре за бритье бородъ, за перемѣну платья и всѣхъ старинныхъ укладовъ русской жизни. Еще больше роптала на это темная и беззащитная масса народная. И самъ царь круто обходился съ упорными люби-

телями старины, а въ отдаленныхъ городахъ все это совершалось съ превеликимъ и жестокимъ насиліемъ.

Народъ русскій испоконъ вѣковъ горячо приверженъ былъ вѣрѣ православной, за нее онъ готовъ былъ идти и въ огонь и въ воду; но по слѣпотѣ своей не зналъ онъ истиннаго ученія Христова, и перемѣны въ старинныхъ обычаяхъ невѣжественная масса принимала за измѣну христіанской вѣрѣ. Глухой ропотъ шелъ въ народѣ: царь онѣмечился, царь измѣнилъ вѣрѣ православной, это не природный русскій Царь, его намъ подмѣнили на погибель нашей вѣры, это—противникъ Христа, антихристъ.

Осуждали государя и за измѣну старой Москвѣ, строгой хранительницѣ завѣтныхъ обычаевъ русскихъ, за великую любовь къ нѣмецкому городку Петербургу: „Петербургъ одѣлъ царь въ сапоги и вызолотилъ, а Москву въ лапти обулъ“.

Тягостны для народа крупныя и непонятныя перемѣны въ стародавнихъ обычаяхъ, но всего непереноснѣе—служба царская, война долгая, разорительная.

Государь самъ проходилъ службу въ низкихъ должностямъ, самъ неустанно работалъ, не покладая рукъ на пользу всего народа, и точно такой же службы ото всѣхъ требовалъ, и не отъ служилыхъ только людей, а отъ каждаго человѣка, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ. Всѣ пользуются благами государства, всѣ и каждый должны государству служить безотвѣтно въ мѣру своихъ средствъ и дарованій. Эта служба каждаго на всѣхъ—святой долгъ человѣка, и неумолимо строгъ былъ государь къ безпечнымъ тунеядцамъ, къ лѣнивымъ работникамъ.

А русскіе люди такихъ мыслей не знали и къ такому труду на пользу общую, всенародную, не привыкли: отбывали свои повинности по нуждѣ, въ государевы дѣла не входили, а жили только для себя и семьи своей, и каждый наблюдалъ однѣ только свои выгоды. Даже и служилые люди всего больше о себѣ самихъ думали и своей семьѣ радѣли, и не считали за грѣхъ и безчестье кормиться взятками и поборами, обкрадывать казну государеву.

Безпощаденъ былъ государь къ такимъ лихоимцамъ и казнокрадамъ и сурово расправлялся съ каждымъ, будь то самый близкій къ нему человѣкъ. Каждую казенную копейку онъ почиталъ за каплю кроваваго пота народнаго и кровью же готовъ былъ омыть всякое вымогательство, кражу и напрасную растрату трудовыхъ народныхъ денегъ. Онъ и самъ для себя былъ необычайно бережливъ, соблюдалъ во всемъ домашнемъ обиходѣ строгую простоту, и въ другихъ ненавидѣлъ роскошь и мотовство. Онъ сократилъ донельзя расходы въ своей семьѣ, сократилъ и обрѣзалъ расходы сестеръ-царевенъ и другихъ родныхъ. Каждый напрасно потраченный рубль онъ прикидывалъ въ своемъ умѣ къ жизни рабочаго человѣка: на этотъ даромъ брошенный рубль цѣлая семья рабочаго человѣка можетъ прожить цѣлый мѣсяцъ. Такой же бережливости требовалъ государь и отъ служилыхъ людей, которые живутъ на трудовыя деньги народныя.

Но при всей строгой бережливости царя денегъ требовалось много и на войну, и на всякія другія неотложныя нужды государственныя. А казна царская пуста. Пришлось придумывать новыя пошлины, облагать народъ новыми налогами и всякими повинностями для прибыли казны государевой. А народъ и безъ того былъ нищъ и скуденъ и отдавалъ на государево дѣло послѣднее. Держалъ народъ на своихъ плечахъ великую тяготу помѣщичью, разоряли его и воеводы-правители, грабили придорожные воры разбойники.

Не въ переносъ тягостно стало жить простому рабочему люду; а тутъ еще, то и знай, отнимаетъ государь рабочія руки отъ рабочей семьи. Тысячи работниковъ сгоняютъ на постройку флота. Десятки тысячъ людей берутъ для постройки Петербурга, на сооруженіе новыхъ крѣпостей, на укрѣпленіе старыхъ городовъ. Многія и многія десятки тысячъ идутъ въ рекруты на тяжкую службу солдатскую. И работника изъ семьи отдай, и въ путь-дорогу его снаряди, и на службѣ его содержи все на тѣ же деньги народныя.

Не можетъ понять народъ, что всѣ эти великія тяготы и жертвы приноситъ онъ на пользу будущихъ своихъ поко-

лѣній,—онъ одно знаетъ, что теперь ему жить нестерпимо. И многими тысячами бѣгутъ люди отъ такой жизни въ широкія степи, на вольныя рѣки—на Донъ и на Волгу. И все больше да больше накопляется на южныхъ окраинахъ людей пришлыхъ, бездомныхъ, „голутвенныхъ", которымъ и терять ужъ больше нечего.

Вездѣ жизнью недовольны, вездѣ на новые порядки ропщутъ, а вдали отъ Москвы, на далекихъ южныхъ окраинахъ, — все больше и день ото дня все громче.

И вотъ въ то время, когда государь напрягалъ всѣ свои и народныя силы для борьбы со шведами, когда приближалась роковая развязка и надвигалась страшная гроза съ Запада,—тогда то и разразился на южныхъ окраинахъ кровавый мятежъ.

Разгорѣлся пожаръ на Волгѣ, на Уралѣ, на Дону, въ странѣ пришлыхъ и бѣглыхъ людей и раскольниковъ, въ неустроенныхъ земляхъ дикарей - инородцевъ и казацкой вольницы.

И пришлось Петру въ одно и то же время выносить тяжелую борьбу и съ внѣшнимъ врагомъ, и съ внутреннимъ.

Въ Астрахани прошелъ въ народѣ слухъ, будто бы государя въ живыхъ больше нѣтъ, и бояре хотятъ все царство межъ собою подѣлить и на всѣхъ поголовно наложить тяжелую службу, православную вѣру перемѣнить и ввести новую, велятъ кланяться деревяннымъ болванамъ *); запретятъ и свадьбы играть на семь лѣтъ, а всѣхъ русскихъ дѣвицъ рѣшено выдать насильно за нѣмцевъ и пришлютъ тѣхъ нѣмцевъ изъ Казани.

Нелѣпый былъ слухъ, и ребенокъ теперь ему бы не повѣрилъ. Но темные люди, и безъ того безпокойные и недовольные, переполошились и въ ужасъ пришли отъ такихъ вѣстей и, прежде всего, порѣшили выдать замужъ всѣхъ

---

*) *Болванами* (истуканами, идолами) довѣрчивые и глупые люди считали деревянныя личины столярной работы, на которыя нѣмцы и начальные люди клали свои парики для береженья, чтобы не мялись.

дѣвицъ до указу, чтобъ не доставались онѣ еретикамъ нѣмцамъ, и не перевелся бы отъ того родъ христіанскій. И въ одно воскресенье въ Астрахани сыграли сто свадебъ.

Дѣвицъ отъ нѣмцевъ спасли, теперь надо и себя спасать. Послѣ свадебнаго угара поднялась темная масса противъ воеводы и другихъ начальныхъ людей и многихъ побили. Стали выбирать себѣ своихъ начальниковъ, чтобъ они по правдѣ во всемъ судили и рядили и войскомъ управляли. Выбрали изъ торговыхъ людей: „это умные люди,—они всѣмъ управятъ“.

Астрахань при Петрѣ Великомъ.

„Умные люди“ первымъ дѣломъ разослали во всѣ стороны грамоты и призываютъ всѣхъ православныхъ до смерти постоять за вѣру христіанскую, за старину святорусскую, чтобъ бородъ не брить, нѣмецкаго платья не носить, проклятаго табаку не курить. „А теперь насъ, православныхъ христіанъ, и женъ и дѣтей нашихъ въ русскомъ платьѣ въ церковь не пускаютъ, а которые въ церковь Божію пойдутъ, у тѣхъ платье обрѣзываютъ и всякое ругательство учиняютъ,

и болваннымъ кумирскимъ богамъ сами воеводы и начальные люди покланяются, и насъ кланяться заставляютъ". Указано въ грамотахъ и на то, что всѣ терпятъ отъ воеводы и начальныхъ людей всяческія притѣсненія и великіе поборы.

По этому призыву „умныхъ людей" волненіе быстро перекинулось изъ Астрахани и въ другіе города: недовольныхъ вездѣ было много.

Государь находился тогда на западной границѣ, стерегъ шведовъ. Встревожился онъ сильно отъ такой злой вѣсти: хорошо онъ зналъ, что за старину постоять и не въ одной Астрахани давно готовы.

Крайне нужны были люди на западной границѣ, и только крайняя нужда заставляетъ государя отдѣлить отрядъ войска и послать въ Астрахань. Начальникомъ отряда назначенъ былъ опытный въ дѣлѣ военномъ фельдмаршалъ Шереметевъ (1706 г.).

Астраханцы всего больше надѣялись на поддержку казаковъ. Но тѣ отозвались, что они всѣмъ довольны: о перемѣнѣ христіанской вѣры у нихъ не слышно, а платье у нихъ носятъ такое же, какъ и прежде, кто какъ хочетъ. Такъ бунтовать они не желаютъ.

Безъ поддержки казаковъ астраханцы должны были скоро смириться: написали государю повинную и послали своихъ выборныхъ въ Москву принести оправданія:

„Междоусобіе учинилось за брадобритіе,—писали астраханцы въ своей челобитной,—за брадобритіе и нѣмецкое платье и отъ многихъ налоговъ, взятокъ и обидъ отъ воеводы и начальниковъ. Воевода не далъ срока въ дѣлѣ нѣмецкаго платья ради своей корысти, посылалъ своихъ людей по праздникамъ къ церквамъ и на большія улицы обрѣзывать русское платье и у мужского и у женскаго пола; и обрѣзывали платье не по подобію и обнажили передъ народомъ; и усы и бороды, ругаючись, обрѣзывали съ мясомъ. Воевода не давалъ стрѣльцамъ хлѣбнаго жалованья и обложилъ всѣхъ великими налогами: съ бань бралъ по рублю и по пять алтынъ, съ погребовъ—по гривнѣ, съ дыму—по двѣ деньги, отъ точенья топоровъ—по четыре деньги, съ варенья пива

и браги—по пяти алтынъ. Кому платить было нечѣмъ, тѣхъ за караулъ сажалъ и нещадно билъ; и многіе дворишки свои продавали и дѣтей закладывали. Пошлины воевода взыскивалъ вдвое и втрое больше положеннаго. Служилыхъ людей посылалъ зимнимъ путемъ дрова рубить, и многіе отъ стужи помирали, да и про домашній обиходъ свой для дровъ и сѣна и травы ихъ посылалъ же; а полковники и начальные люди—нѣмцы, ругаючись христіанству, многія тягости христіанамъ чинили, и безвинно били, и въ службахъ по постнымъ днямъ мясо ѣсть заставляли, и всякое ругательство женамъ и дѣтямъ чинили. Иноземные начальники брали служилыхъ людей въ денщики къ себѣ и заставляли ихъ дѣлать самыя нечистыя работы; они и жены ихъ били по щекамъ и палками били; и кто придетъ бить челомъ, и челобитчиковъ били и увѣчили на смерть; и усы и бороды у нихъ брили и щипками рвали насильствомъ, и велѣли имъ и женамъ и дѣтямъ ихъ дѣлать нѣмецкое платье безвременно, и они домы свои продавали и святые образа закладывали“.

Выборные астраханцы явились со своей челобитной въ Москву. Бояринъ Головинъ милостиво принялъ ихъ, обо всемъ подробно разспросилъ и отписалъ государю о помилованіи: виноваты астраханцы, что затѣяли великую смуту, но виноваты и начальные люди, „и межъ ними не безъ воровъ бывало“.

Государь пожелалъ самъ видѣть челобитчиковъ. Разобралъ все дѣло и увидѣлъ, что, кромѣ темноты и невѣжества народнаго, много виноваты и начальные люди. Отпустилъ государь челобитчиковъ съ грамотой отъ себя, а въ той грамотѣ даровалъ всѣмъ прощеніе, кромѣ зачинщиковъ смуты.

Чтобы устранить главную причину смуты, государь послалъ довѣренныхъ отъ себя людей, чтобъ они строго слѣдили во всѣхъ низовыхъ городахъ за сборомъ податей, чтобъ не было никому обиды, приказалъ налагать и снимать подати, смотря по мѣсту и времени и людямъ, всячески людей утѣшать, и обиды устранять, и обо всемъ заботиться съ

такимъ прилежаніемъ, чтобъ передъ Богомъ и здѣшнимъ судомъ отвѣтъ дать. Кто принесетъ повинную,—всѣмъ объявить прощеніе, и не только дѣломъ, но и словомъ жестокимъ никого не обижать подъ опасеніемъ жизни.

И фельдмаршалу Шереметеву писалъ государь: „Всѣхъ милостію и прощеніемъ винъ обнадеживать и, взявши Астрахань, отнюдь надъ ними и надъ заводчиками ничего не чинить, и главныхъ зачинщиковъ ничѣмъ не озлоблять и дать имъ жить на свободѣ, и всяко заботиться, чтобы ласкою ихъ привлечь. И подъ Астраханью безъ самой крайней нужды никакого жестокаго поступка не воспріимать, и то если они весьма упорными явятся и не покорятся, чего мы не чаемъ".

Но вышло именно такъ, какъ милостивый государь не чаялъ. Въ Астрахани объявились двѣ партіи, — одна, съ духовенствомъ во главѣ, желала принести покорность; другая покоряться не хотѣла и заперла городъ. Пришлось взять Астрахань силой.

Шереметевъ такъ отозвался о бунтовщикахъ - астраханцахъ: „Я такого сумасброднаго люду отроду не видалъ, и надуты всѣ страшною злобою, и весьма насъ почитаютъ за отпадшихъ отъ благочестія".

Только что усмирили астраханцевъ, какъ вспыхнулъ на восточной окраинѣ новый мятежъ, охватившій всю Башкирію.

Начиная съ Ивана Грознаго, московскіе цари быстро и легко покоряли дикарей-инородцевъ по Волгѣ и Камѣ, по Уралу и за Ураломъ. Но не такъ легко было сдерживать этихъ дикарей, подчинять ихъ порядку и держать въ своей власти. Дикари оставались дикарями. Особенно мятежны были инородцы-магометане. Они почитали турецкаго султана своимъ главою, ждали черезъ него избавленія отъ христіанскаго ига и возмущались при каждомъ удобномъ случаѣ.

Были и другія причины такихъ возмущеній: инородцамъ еще тяжелѣе жилось, чѣмъ русскимъ. На отдаленной окраинѣ правительству и совсѣмъ было трудно усмотрѣть за начальными людьми и правителями, и чинили они всякія притѣсненія и насилія. А въ Петрово время и безъ того всякія

тяготы для всѣхъ были обременительны. Эти-то тяготы, законныя и беззаконныя, и породили среди дикарей великое неудовольствіе, которымъ и воспользовались горячія головы, мечтавшія свергнуть христіанское иго.

Постоянныхъ вождей и своихъ правителей у башкирцевъ не было, а время отъ времени объявлялись вожаки-проповѣдники. Такъ и теперь: какой-то башкирецъ увѣрилъ всѣхъ, что онъ—святой, посланецъ Божій, и назвалъ себя башкирскимъ султаномъ. Признали его и башкирцы святымъ султаномъ. Ѣдетъ онъ въ Царьградъ и въ Крымъ искать помощи у единовѣрцевъ. Пробирается потомъ на Кубань и Терекъ къ горцамъ. И вездѣ прельщаетъ всѣхъ, что онъ святой, и султанъ башкирскій. Горцы признали его своимъ владыкою. Скоро пристали къ нему астраханскіе казаки-раскольники, терскіе кочевники, татары и другіе инородцы. Такъ святой султанъ и поднялъ возстаніе, взволновалъ всю Башкирію. Запылали городки и села русскіе; безвинныхъ людей грабили, убивали, въ полонъ уводили, творили дикія жестокости.

Астраханскій воевода послалъ на мятежниковъ солдатъ, вѣрныхъ калмыковъ и татаръ, и святого султана съ его дикой ордою разбили и въ плѣнъ забрали.

Тогда у башкирцевъ явился новый вожакъ: этотъ назвалъ себя ханомъ. Мятежъ еще больше усилился. Изъ Уфы послали отрядъ солдатъ, чтобъ поймать новоявленнаго хана. Башкирцы въ огромномъ числѣ окружили въ степи этотъ отрядъ и десять сутокъ морили солдатъ, не давали имъ ни пить, ни ѣсть, ни спать. Обезумѣли солдаты отъ голода и безсонницы, силъ больше нѣтъ сопротивляться. Ворвались тогда башкирцы въ обозъ и кого побили, кого въ плѣнъ забрали.

Еще больше смѣлости прибавилось у дикарей, еще больше звѣрскихъ жестокостей совершили они надъ беззащитнымъ населеніемъ.

И здѣсь государь думалъ покончить съ дикарями мирнымъ путемъ. Довѣренный отъ Царя посылаетъ толмача къ башкирцамъ спросить ихъ: для чего они, воры, великому государю измѣнили и въ Казанской округѣ многія села и

деревни пожгли, и церкви Божіи разорили, и людей многихъ порубили, и покололи и въ плѣнъ забрали?

На это башкирцы отвѣчали, что сдѣлали это они для того, чтобы великому государю учинилось все доподлинно извѣстно. Напередъ того они къ нему государю, въ Москву посылали свою братью, челобитчиковъ, печаловаться про свои нужды, а тѣ ихніе челобитчики были переиманы и биты кнутьемъ, а иные повѣшены, и отповѣди имъ, башкирцамъ, никакой не учинено. Такъ чтобы великій государь ихъ пожаловалъ и велѣлъ бы съ нихъ, башкирцевъ, татаръ, вотяковъ и черемисы, ради ихъ великой скудости, новые налоги снять. И они тогда отступятъ и по домамъ разойдутся.

Послѣ такого отвѣта мятежники пошли къ Казани, русскія села и деревни по пути жгли и разоряли, людей убивали и въ полонъ забирали.

Изъ Казани выслали отрядъ солдатъ, и мятежниковъ разбили. Всѣмъ имъ объявлено было прощеніе, и только заводчикъ бунта ханъ былъ преданъ казни. Башкирцы, лучшіе люди, прислали своихъ выборныхъ, вины свои принесли и обѣщаніе дали служить и дани давать попрежнему.

Не дешево обошлось возмущеніе башкирцевъ: пожжено и разорено ими больше 300 селъ и деревень, людей побито и въ плѣнъ отведено больше двѣнадцати тысячъ.

Не успѣло еще остыть волненіе среди инородцевъ, какъ поднялся еще болѣе опасный бунтъ на Дону, среди казаковъ.

Изстари завелось, что на вольный Донъ, на широкій просторъ неоглядныхъ степей, бѣжали и съ окраинъ нашихъ и изъ самаго сердца Россіи всѣ, кому жить приходилось невмочь. Лютое горе-злосчастіе гнало сюда и холопа подневольнаго, и преступника вольнаго и невольнаго, вора и разбойника, и каждый жилъ здѣсь на полной своей волюшкѣ. Отъ такихъ-то бѣглыхъ и пришлыхъ людей и народилося казачество; такими же людьми оно постоянно и пополнялося. Кто пришелъ на Донъ, тотъ и вольный казакъ, его ужъ не выдадутъ, и взять никто не смѣетъ: казачество считало это своимъ стариннымъ нерушимымъ правомъ. На вольныхъ

степяхъ казаки устроились по-своему: завели станицы и городки-крѣпостцы, сами себѣ выбирали атамановъ и другихъ начальниковъ, промышляли, какъ хотѣли и разумѣли, и жили вольными птицами. Заклятая вражда была у нихъ съ татарами и турками и со степными народами, и за это московскіе цари время отъ времени посылали казакамъ и деньги, и продовольствіе; сами же казаки, люди вольные, не знали никакихъ царскихъ повинностей.

Такъ и велось, пока казаки оставались на далекой отъ Москвы окраинѣ. При Петрѣ Москва перешагнула черезъ казаковъ къ морю Азовскому, и казацкія поселенія межъ царскихъ владѣній очутилися. Чтобъ крѣпко держать за собой морское побережье, нужно было царю содержать въ своей полной власти и казаковъ донскихъ. Такъ, самъ собою и подошелъ конецъ казацкой волюшкѣ.

А при Петрѣ больше прежняго умножились побѣги крѣпостныхъ людей на вольный Донъ. Бѣжали крестьяне отъ помѣщиковъ, укрывались здѣсь запродавшіе себя работники и всякіе должники неоплатные, и солдаты изъ полковъ, и рекруты, и корабельщики. Всѣхъ принималъ вольный Донъ; всѣхъ укрывало казачество.

Помѣщики со всѣхъ сторонъ непрестанно бьютъ челомъ государю на бѣглецовъ, печалуются на свое разоренье: „спуста" платятъ они въ казну за бѣглыхъ людей всякія подати, несутъ за нихъ повинности. „Велѣно, по указу государеву, взять съ двадцати дворовъ человѣка въ солдаты, а съ десяти дворовъ работника въ Петербургъ, а крестьяне разбѣжались и, живучи въ казачьихъ городкахъ, государевой службы не служатъ и никакихъ податей не платятъ. Такъ помиловалъ бы государь, приказалъ бы вернуть бѣглецовъ на свое мѣсто".

А государь и безъ челобитья помѣщиковъ на бѣглецовъ гнѣвался, что столько людей отбываетъ отъ службы и отъ всякихъ повинностей, и черезъ это государеву дѣлу помѣха, а казнѣ убытки.

Шлетъ государь на Донъ грамоту за грамотой, строго-настрого отъ атамановъ требуетъ, чтобъ такіе-то и такіе-то бѣглецы были сысканы и выданы.

Одного-двухъ атаманы сыщутъ для видимости, да тѣмъ дѣло и кончится. Да и гдѣ тутъ сыскать всѣхъ по городкамъ захолустнымъ, по рѣкамъ и рѣчкамъ вольнымъ, на широкомъ просторѣ степей неоглядныхъ? Да и какъ ихъ найдешь, когда искать не хочется! Уступаютъ атаманы и старые казаки строгимъ требованіямъ государя, а сами недовольны и ропщутъ межъ собою: рушитъ царь старинныя казацкія вольности, испоконъ вѣковъ завелось, что вольное казачество принимаетъ всѣхъ и никого не выдаетъ. Казаки — не солдаты, а вольные люди; такъ не можетъ государь распоряжаться ими, какъ ему хочется.

А государь все учащаетъ свои требованія и по-своему распоряжается казаками: и бѣглецовъ искать и выдавать велитъ; и на службу царскую шлетъ, куда ему надобно; и съ мѣста на мѣсто переселяетъ для обороны Азова и всѣхъ путей къ нему; казацкіе городки и притоны разорить велитъ, и новые городки на указанныхъ мѣстахъ строить приказываетъ. Во всемъ требуетъ государь покорности, приравниваетъ казаковъ ко всѣмъ другимъ своимъ подданнымъ.

Петръ умножаетъ свои требованія, а казаки медлятъ исполнять указы царскіе, молчаливо сопротивляются государевымъ повелѣніямъ. Не можетъ такъ дѣло продолжаться дальше.

Отправляетъ государь на Донъ довѣренное лицо — князя Юрія Долгорукова, съ отрядомъ войска, чтобъ отыскать всѣхъ бѣглецовъ и по своимъ мѣстамъ ихъ отправить (1707 г.). Пришелъ князь Долгорукій и ужъ разыскалъ три тысячи бѣглыхъ, а ихъ еще столько вездѣ, что и счету нѣтъ.

И простые казаки, молодые и старые, и вся старшина казацкая, кто тайно, а кто и явно, ропщутъ на Царя, что нарушаетъ онъ коренныя права казачества. Перепугались и всѣ бѣглые и пришлые люди, что приходится имъ разстаться съ вольною жизнію. Заволновался Донъ: надо постоять за свои вольности и воспротивиться князю Долгорукову.

Но старшина казацкая не рѣшается поднять открытое возстаніе,—такъ нужно найти вольнаго предводителя, смѣлаго. И такой скоро нашелся. Это былъ бахмутскій атаманъ Булавинъ.

Кликнулъ кличъ Булавинъ, и живо собралась вокругъ него большая шайка голытьбы казацкой, готовой на мятежъ открытый. Столкнулась какъ-то шайка Булавина съ отрядомъ Долгорукаго, и всѣхъ солдатъ перебили, убили и самого Долгорукаго.

Волненіе разростается; умножается и шайка Булавина.

Зажиточные казаки испугалися возмущенія голытьбы, а старшина казацкая опасается и царскаго гнѣва. Противъ Булавина выслано казацкое войско. Онъ разбитъ и бѣжитъ въ Запорожье. Шайка его разсѣялась. Атаманъ донскихъ казаковъ пишетъ царю донесеніе объ усмиреніи бунта.

Но Булавинъ не такъ думаетъ. Явился онъ въ Запорожье и разсылаетъ такую воровскую грамоту:

„Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ Кондратіемъ Аѳанасьевичемъ Булавинымъ,—кто похочетъ съ нимъ погулять, по чистому полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, — то собирайтесь въ черны вершины Самарскія“.

Охотниковъ до дикой и разнузданной воли нашлось, конечно, не мало. Булавинъ вернулся на Донъ, и опять собралась вокругъ него голытьба казацкая въ большемъ числѣ противъ прежняго. И разсылаетъ онъ во всѣ стороны свои возмутительныя и лживыя грамоты:

„Мы, казаки, встали за истинную вѣру христіанскую и за благочестиваго царя—противъ бояръ и нѣмцевъ, которые отвращаютъ всѣхъ отъ истинной вѣры христіанской“.

Шайка Булавина выросла ужъ въ цѣлое войско: кто хочетъ постоять за вольности казацкія, кто за вѣру христіанскую и старину святую; а всего больше примѣнилась къ мятежу голь перекатная, на чужое добро завистливая и охочая.

Противъ Булавина выслано царское войско. Булавинъ разбилъ это войско. А подручные товарищи Булавина—Некрасовъ, Хохлачъ, Голый, со своими шайками „работаютъ“ на Волгѣ,— ограбили Саратовъ, Царицынъ, Камышинъ. Голый вырѣзалъ цѣлый полкъ солдатъ и призываетъ голь и чернь на гра-

бежъ и убійство богатыхъ и властныхъ людей: „Намъ до черни дѣла нѣтъ, намъ дѣло до бояръ; а вы, голытьба, всѣ идите изо всѣхъ городовъ, конные и пѣшіе, нагіе и босые: будутъ у васъ и кони, и ружья, и платье, и денежное жалованье“. Недовольной голытьбы вездѣ было много. Пожаръ быстро разгорался все шире и шире и доходилъ ужъ до Тамбова. Надѣются мятежники и до Москвы добраться.

Сильно тревожится Государь. Больше всего опасается онъ, какъ бы мятежники не захватили Азова. А Булавинъ съ казаками ужъ думаютъ объ этомъ и хлопочутъ, чтобы Крымскій ханъ и Турецкій султанъ приняли ихъ подъ свое покровительство.

Государь отдѣляетъ отъ западной арміи большой отрядъ, посылаетъ съ нимъ лучшаго изъ своихъ офицеровъ князя Долгорукаго (брата убитаго казаками) и даетъ ему наказъ, „войско мятежниковъ разбить, пройти по тѣмъ казацкимъ городкамъ, которые къ ворамъ пристали, и жечь оные безъ остатку, а воровъ нещадно рубить и заводчиковъ казнить, дабы тѣмъ у другихъ отбить охоту приставать къ ворамъ: ибо сія сарынь, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть“. „Еще зѣло надлежитъ въ осмотрѣніи имѣть тѣхъ, которые къ воровству Булавина не пристали или повинную принесли, — чтобъ съ оными зѣло ласково поступать. Такожъ надлежитъ передъ приходомъ вашимъ ко всѣмъ увѣщательныя письма послать, и которые ежели послушаютъ, также ласково съ ними поступать, а кои въ своей жесточи пребудутъ, съ тѣми чинить по достоинству“.

Приказываетъ государь Долгорукому поспѣшить на мѣсто, чтобъ не взяли мятежники Черкасска, столицы казацкой. Петръ и самъ собирается ѣхать на Донъ, чтобъ самолично всѣмъ распоряжаться и скорѣе потушить мятежъ.

Не успѣлъ еще Долгорукій придти съ войскомъ на Донъ, какъ Булавинъ уже взялъ Черкасскъ. Вѣрнаго царю атамана Максимова казнили со всей казацкой старшиною, и Булавинъ сталъ атаманомъ всѣхъ донскихъ казаковъ.

Но это уже была послѣдняя удача Булавина.

Товарищъ Булавина Драный съ большимъ отрядомъ потерпѣлъ отъ царскаго войска жестокое пораженіе и самъ погибъ въ битвѣ. Другой отрядъ мятежниковъ разбитъ подъ Азовомъ. Долгорукій съ войскомъ приближался къ Черкасску.

Въ Черкасскѣ противные Булавину казаки взяли теперь силу, окружили его домъ, и Булавинъ застрѣлился.

Черкасскъ сдался Долгорукому. Разбиты и разсѣяны и другія шайки мятежниковъ. Истреблены до основанія мятежные городки и станицы. „Главныхъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ вѣшали отъ девяти десятаго и иныхъ всѣхъ на плотахъ висящихъ плыть по рѣкамъ пускали, чѣмъ преужасный страхъ всему Дону наведенъ, и тѣмъ наипаче усмирены".

Такъ подавлены кровавые мятежи въ Астрахани, въ Башкиріи и на Дону. Мятежный огонь залитъ кровію: разгромъ войсками „воровскихъ" шаекъ, безпощадное избіеніе непокорныхъ бунтовщиковъ, жестокія казни зачинщиковъ „преужасный страхъ на всѣхъ навели, и тѣмъ наипаче всѣ усмирены".

Намъ страшно теперь даже и слушать обо всѣхъ этихъ ужасахъ. Но жестоки и страшны были „воровскія дѣла" и мятежниковъ, „и сія сарынь, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть" Жестокіе нравы жили тогда во всѣхъ людяхъ. Самъ Государь не былъ жестокъ и мстителенъ: онъ приказывалъ вразумлять темный народъ ласкою, склонять къ раскаянію всепрощеніемъ, и прибѣгалъ „къ жесточи" только въ крайней необходимости.

Мятежи были подавлены, потому что въ рукахъ Государя была сила—искусные военачальники, обученые солдаты. На сторонѣ государя была еще и другая великая сила: противъ мятежниковъ-„воровъ" были всѣ благоразумные и мирные люди, за государя были всѣ лучшіе люди, которые видѣли великую пользу для народа отъ всѣхъ его великихъ новшествъ.

Силою и страхомъ подавлены безпорядки; но государь понималъ, что забудется страхъ, и „сія сарынь" вновь подниметъ мятежъ. Какъ же устранить такіе мятежи на будущее время?

Необходимо устранить изъ жизни коренныя причины народныхъ волненій. А причины эти государю очевидны: повальное невѣжество народное и жестокая во всѣхъ грубость нравовъ; непосильная тягота повинностей при великой скудости народной; беззаконное своеволіе и гнусное лихоимство воеводъ и другихъ начальныхъ людей; непокорство государевой власти окраинныхъ казаковъ и разныхъ инородцевъ.

Темноту и невѣжество нужно просвѣтить и тѣмъ укротить и умягчить жестокіе нравы.

Распространить и укрѣпить въ народѣ промыслы, искусство, торговлю, и тѣмъ уменьшить народную скудость, умножить народное богатство.

Установить въ государствѣ такіе порядки правленія, чтобы тѣсно стало беззаконному своеволію и жадному лихоимству начальныхъ людей, чтобы святъ былъ для всѣхъ государевъ законъ, чтобы правда жила по всей землѣ.

А казаковъ подчинить волѣ государевой наравнѣ со всѣми, чтобы они были добрыми для всего государства слугами.

И мудрый государь хорошо видѣлъ и зналъ все это. Онъ прославитъ себя не борьбою только съ внѣшними врагами родной земли, но и борьбою съ внутреннимъ ея настроеніемъ. Онъ положитъ начало просвѣщенію и богатству своего народа; онъ устроитъ новые и лучшіе порядки въ управленіи государствомъ.

Мазепа.

Послѣ присоединенія Малой Россіи къ Великой, Московское правительство оставило казакамъ старые порядки и въ выборѣ себѣ начальства („начальные люди“, „старшина“), и въ управленіи страною.

По старому казацкому обычаю, весь народъ выбиралъ себѣ на всенародной сходкѣ („рада“) Гетмана и „старшину казацкую“, выбирали полковниковъ и другое начальство.

Гетманъ былъ верховнымъ вождемъ всего казачества,— Малороссійскаго и Запорожскаго; въ его рукахъ была и

власть, и казна всенародная. Полковники управляли полками казацкими и всѣмъ городскимъ и сельскимъ населеніемъ, которое жило въ полковыхъ казацкихъ городахъ и на полковыхъ земляхъ (по нынѣшнему— губерніи и уѣзды). Вся Украйна представляла собою какъ бы военный станъ, управляемый выборнымъ военнымъ начальствомъ.

Многое осталось въ казачествѣ по-старому, но не мало народилось и новаго. Избавилась Украйна отъ власти Польши, и нѣтъ ужъ больше королевской власти, нѣтъ самоуправства отъ польскихъ пановъ, нѣтъ гоненія на православную вѣру, на старые русскіе обычаи.

Но на мѣсто королевской власти стала власть Московскаго царя самодержавнаго. Московскій царь принялъ Украйну подъ свою высокую руку, защищалъ ее отъ внѣшнихъ враговъ, наблюдалъ и за порядками внутри земли. Московскій народъ для защиты Украйны принялъ на себя великія тяготы, жертвовалъ и людьми, и деньгами, и нужно было, чтобы и народъ Малороссійскій, за одно съ нимъ, раздѣлялъ эти тяготы, тянулъ вмѣстѣ съ нимъ общенародное, общерусское тягло. И приходилось Украйнѣ подчиняться во многомъ волѣ Московскаго правительства; приходилось принимать на свою долю и общенародную, общерусскую тяготу. А Малороссійскіе гетманы и всѣ начальники и казачество, особенно же казаки запорожскіе, того не хотѣли: покровительствомъ Московскаго царя пользоваться они желали, а покоряться его власти и нести всенародныя тяготы противились.

Гетманъ и „старшина“ и все казачество считали себя людьми вольными и хотѣли всегда и во всемъ жить по своей волѣ. — Они такъ разсуждали: „по доброй волѣ мы приняли покровительство Московскаго царя, по своей волѣ и жить хотимъ, по своей волѣ и отойти отъ Царя можемъ, когда захочемъ,— чтобъ сохранить вольности себѣ и матери Украйнѣ“. И отходили, и *шатались* то въ сторону Короля Польскаго, то въ сторону Султана Турецкаго, то вновь переходили на сторону Царя Московскаго. Это *шатаніе* и непостоянство вошло тогда въ Москвѣ въ пословицу.

Защищая вольности „матери Украйны“, гетманы и „старшина казацкая“ крѣпко заботились и о своей собственной власти, о своихъ личныхъ выгодахъ. Освободясь изъ-подъ ига Польши, властные въ казачествѣ люди не освободились отъ польскаго духа, отъ польскихъ порядковъ. Они, выбранные изъ простыхъ казаковъ, стремились къ тому, чтобы жить во всемъ по своей волѣ и безотчетно властвовать и надъ казаками, и надъ всѣмъ населеніемъ Украйны. Вмѣсто польскихъ пановъ они сами сдѣлались такими же панами и во всемъ хотѣли жить по-пански. Панъ-Гетманъ хотѣлъ распоряжаться по своей волѣ и полковниками, и всѣми казаками, и всею войсковою казною. Полковники—паны, не слушаясь Гетмана, желали самовластно распоряжаться и полками и всѣмъ городскимъ населеніемъ, быть не только землевладѣльцами, но и рабовладѣльцами. И сами казаки желали держать въ рукахъ свое выборное начальство и также жить по своей волѣ, кормиться на счетъ мирнаго трудового населенія, никакой тяготы не знать и всѣмъ управлять. Всѣ хотѣли жить по своей волѣ и всѣ были недовольны и Московскимъ правительствомъ, и своими выборными властями. И гетманы на Украйнѣ то и дѣло перемѣнялись, происходили постоянные безпорядки.

Нелегко было выборному гетману управлять казачествомъ и всею страною: онъ долженъ былъ угождать и казацкому міру, и Московскому правительству. Когда гетманъ угождалъ Московскому правительству, тогда озлоблялось на него казачество и съ презрѣніемъ его называло бояриномъ Московскимъ. А когда онъ потакалъ во всемъ казачеству, тогда имъ недовольно было Московское правительство. А такъ какъ нельзя было въ одно и то же время двумъ господамъ служить, то Гетманъ нерѣдко и поступалъ во всемъ посвоему усмотрѣнію и лишь заботился о своей собственной пользѣ. Передъ Московскимъ правительствомъ онъ винилъ во всемъ своевольное казачество, а передъ казаками обвинялъ во всемъ Московское правительство.

Недовольныхъ было много, и со всѣхъ сторонъ шли въ Москву доносы на измѣны, жалобы на притѣсненія и всяческую несправедливость.

Но тяжелѣй всего жилось мирному населенію, — городскому и сельскому: на его средства жили и гетманъ, и вся „казацкая старшина“, и все войско казацкое; но объ этихъ-то кормильцахъ своихъ паны-правители меньше всего и заботились, и терпѣло населеніе ото всѣхъ несправедливость и тяготу великую. Только съ одной стороны оно и надѣялось получить избавленіе — отъ Царя Московскаго. И горожане съ сельчанами безъ всякаго шатанія всегда были на сторонѣ Московскаго правительства и ждали черезъ него избавленія отъ войскового ига.

Московское правительство хорошо видѣло „шатаніе“ казачества, знало и про всѣ внутреннія неурядицы, но терпѣло до поры до времени. Но вотъ дѣла государственныя взялъ въ свои мощныя руки Петръ. Онъ совершилъ уже великія перемѣны въ Московскомъ царствѣ, и не знаетъ препятствій своей могучей волѣ; онъ сокрушилъ мятежное войско стрѣлецкое, безпощадно сокрушаетъ и все, что почитаетъ вреднымъ для государства и народа Русскаго. Онъ и отъ Малороссійскаго казачества требуетъ прямой службы и распоряжается имъ наравнѣ съ Московскими солдатскими полками. Настало теперь для казачества тревожное и мучительное время: со дня на день ждетъ казацкое войско отмѣны своихъ старыхъ вольностей. Больше всѣхъ безпокоились казацкіе паны-начальники.

Въ такое-то тревожное и переходное время и пришлось быть Гетманомъ Мазепѣ.

Родомъ Мазепа былъ простой казакъ, но воспитывался и получилъ образованіе въ Польшѣ. Отъ Польскаго Короля онъ получилъ и шляхетство (дворянство), усердно служилъ при королевскимъ дворѣ и владѣлъ помѣстьемъ. Король оцѣнилъ усердіе и способности Мазепы и довѣрялъ ему важныя дѣла. Можетъ-быть, и на всю свою жизнь остался бы Мазепа у Короля на выгодной и почетной службѣ, позабылъ бы свою родину и свой народъ, да приключилась съ нимъ въ молодости большая непріятность.

Полюбилась Мазепѣ жена сосѣда, польскаго пана; сосѣдъ узналъ про это и жестоко съ нимъ расплатился. Захватилъ онъ Мазепу врасплохъ на дорогѣ, приказалъ своимъ слугамъ раздѣть его донага и привязать на спину лошади — лицомъ къ хвосту. Настегали лошадь кнутами, напугали выстрѣлами, и помчалась она отъ боли и страха безъ пути и безъ дороги черезъ лѣсныя чащи, и привезла

Гетманъ Мазепа.

хозяина домой въ такомъ истерзанномъ видѣ, что его собственныя слуги узнать не могли. Послѣ такого позора нельзя было Мазепѣ оставаться въ Польшѣ.

Къ счастью для него, получилъ онъ отъ Короля важное порученіе — ѣхать къ Гетману и казакамъ на Украйну, чтобъ уговорить ихъ отстать отъ Москвы и перейти на сто-

рону Польши. Какъ исполнилъ Мазепа такое порученіе, — неизвѣстно, но только въ Польшу онъ больше не вернулся и съ легкимъ сердцемъ перешелъ отъ Короля на службу къ казакамъ.

Льстивъ и угодливъ, когда это выгодно, уменъ и образованъ былъ Мазепа, и скоро онъ у казаковъ дослужился до важной и высокой должности — генеральнаго писаря (секретарь при Гетманѣ). Служилъ Мазепа при разныхъ гетманахъ и вмѣстѣ съ ними дружилъ и присягалъ то Королю Польскому, то Султану Турецкому, то Царю Московскому. Такъ и пріучился онъ съ молодости *шататься* на разныя стороны и столько разъ перемѣнялъ присягу, что эта перемѣна стала ему за обычай, и вѣренъ онъ былъ только по расчету.

Сдѣлался, наконецъ, Мазепа и Гетманомъ Малороссійскимъ и всѣми силами старался угодить Петру, потому что на сторонѣ Москвы была сила. Послушно и усердно исполнялъ Мазепа всѣ царскіе приказы: водилъ свое войско на Турокъ во время Азовскихъ походовъ, посылалъ казаковъ на помощь Королю Польскому, на войну со Шведами, заставлялъ укрѣплять города. Недовольны казаки тяжелой службой, ропщутъ они и на Гетмана и на Царя. Но изворачивается хитрый Гетманъ, какъ только можетъ, старается и Царю услужить и передъ казачествомъ не быть виноватымъ.

Не легка служба Мазепы, а тутъ еще со всѣхъ сторонъ искушенія: и Ханъ Крымскій, и Донскіе казаки, и короли Шведскій и Польскій, — каждый предлагаетъ Гетману склониться на свою сторону. Но твердъ пока еще Мазепа, вѣренъ Петру и аккуратно доноситъ Царю о всѣхъ этихъ искушеніяхъ, клянется въ своей вѣрности, называетъ себя столпомъ непоколебимымъ, твердымъ камнемъ несокрушимымъ. Знаетъ и видитъ Петръ вѣрную службу Гетмана, считаетъ его человѣкомъ честнымъ и добрымъ, безгранично во всемъ на него полагается, надѣляетъ его высокими наградами.

Быть-можетъ, такъ и остался бы Мазепа вѣрнымъ Петру человѣкомъ, — вѣрнымъ, конечно, по расчету, если бы не ошибся онъ въ этихъ своихъ расчетахъ.

Казачество Москвой недовольно, и недовольство это растетъ съ каждымъ часомъ. Но пока силенъ Царь Московскій, — не дастъ онъ вѣрнаго своего слугу въ обиду. Но надолго ли достанетъ у него этой силы? Устоитъ ли онъ противъ Шведовъ? Вся Европа считаетъ Карла непобѣдимымъ: онъ однимъ своимъ появленьемъ смирилъ Датскаго Короля, однимъ ударомъ разгромилъ и обратилъ въ бѣгство русское войско подъ Нарвой, свергнулъ Августа съ престола, назначилъ въ короли своего избранника, который теперь во всемъ ему помогаетъ. Карлъ въ союзѣ съ Польшей на Москву идетъ, и русское войско передъ нимъ отступаетъ, боится вступить съ нимъ въ рѣшительную битву. Кто же одолѣетъ — Карлъ или Петръ? Несомнѣнно, Карлъ! Петръ и теперь нуждается въ помощи казаковъ, — что же будетъ тогда, когда Карлъ разгромитъ Московское Царство? Какой помощи и защиты ждать ему, Гетману, и отъ своихъ казаковъ, и отъ побѣдителей Московскаго Царя?

Смущаютъ Мазепу и недобрые, но достовѣрные слухи. Любимецъ Царя Меншиковъ не разъ говорилъ, что пора унять казаковъ, сократить ихъ вольности и ввести на Украйнѣ новые порядки. Гетмана самъ Царь будетъ назначать, по городамъ своихъ губернаторовъ поставитъ, а казаковъ всѣхъ повернетъ въ солдаты; а если заупрямятся казаки, то Царь на Волгу всѣхъ перегонитъ и по всей Украйнѣ своихъ людей поселитъ. Говорятъ, что и новый гетманъ ужъ готовъ, — Меншиковъ займетъ мѣсто Мазепы.

Такъ по всему и выходитъ, что гораздо выгоднѣе перейти Мазепѣ съ казачествомъ на сторону Швеціи и Польши: за этотъ переходъ сохранятъ союзники вольности Украйны, оставятъ и Мазепу въ гетманской власти; довольны будутъ своимъ гетманомъ и казаки. И порѣшилъ въ душѣ своей разсчетливый Мазепа вступить въ тайные переговоры съ врагами Московскаго Царя, съ Королемъ Польскимъ и Шведскимъ.

А полковники казацкіе тѣ прямо ужъ говорятъ Мазепѣ „Очи всѣхъ на тя обращены, и не дай, Боже, надъ тобою смерти: тогда мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ“.

„Какъ мы за душу Хмельницкаго всегда Бога молимъ, что Украйну отъ ига польскаго свободилъ, такъ, наоборотъ, и мы, и дѣти наши въ вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ по смерти своей въ Московской неволѣ оставишь“.

Но Мазепа не спѣшитъ дѣйствовать открыто,—онъ „искусная и ношеная (хорошо обученная) птица“, какъ самъ себя называетъ. „Или я дуракъ, чтобы прежде времени начать, пока не увижу крайней нужды, когда Царь не въ силахъ будетъ не только Украйны, но и своего государства отъ Шведовъ оборонить“. — Пускай Карлъ на Москву идетъ, а тамъ видно будетъ.

Ведетъ двоедушный Мазепа тайные переговоры съ Карломъ, а самъ трусливо трепещетъ, какъ бы не узналъ про это Петръ. Хитритъ лукавый старикъ, никому прямо не говоритъ о замыслахъ своихъ; но знаетъ всѣ его тайны Орликъ, генеральный писарь,—онъ можетъ донести Царю и погубить Гетмана изъ корыстнаго расчета.

„Смотри, Орликъ! — говоритъ Мазепа. — Додержи мнѣ вѣрность. Вѣдаешь ты, въ какой я у Царя милости,— не промѣняютъ въ Москвѣ меня на тебя. Я богатъ, а ты бѣденъ, а Москва гроши любитъ; мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь“.

Опасенія Мазепы оправдались. Только донесъ на него не Орликъ.

Былъ у Мазепы близкій человѣкъ, — кумъ и родственникъ,—генеральный судья Кочубей. И полюби старый гетманъ дочь Кочубея, крестницу свою Матрену, и хочетъ на ней жениться. Отецъ и мать наотрѣзъ отказали: за великій грѣхъ они считаютъ крестному отцу на своей крестницѣ жениться. Но дочка думала по-другому и противъ родительской воли тайно къ гетману убѣжала. Хоть и воротилъ Мазепа свою крестницу въ домъ родительскій, но

Кочубей съ женою разгласили по всему свѣту о своемъ позорѣ. И разгорѣлась лютая вражда межъ прежними друзьями, и пылаютъ они злобною страстью жестоко отомстить другъ другу.

Зналъ Кочубей гетманскую тайну, и подговариваетъ онъ близкаго своего друга, полковника Искру, написать вмѣстѣ съ нимъ въ Москву доносъ на Мазепу. И написали Кочубей съ Искрой доносъ, и въ Москву отослали.

Кочубей.

Но вѣрно сказалъ Орлику Мазепа: въ Москвѣ ни на кого Гетмана не промѣняютъ. Не вѣрятъ тамъ доносу, и самъ Государь пишетъ Мазепѣ, чтобы онъ доносчиковъ взялъ въ оковы и на допросъ къ нему представилъ. А самого Гетмана Царь спѣшитъ успокоить: „при семъ же васъ просимъ, дабы вы о семъ никакой печали и сумнѣнія не имѣли“.

Присланы на допросъ Кочубей и Искра, и далъ Кочубей подробныя показанья въ томъ, что Мазепа на жизнь Царя злоумышляетъ, и хочетъ отложиться къ Ляхамъ, и мутитъ казацкое войско. Искра показалъ, что обо всемъ этомъ слышалъ отъ Кочубея.

Великой важности было обвиненіе, и доносчиковъ подвергли пыткѣ. Не выдержалъ пытки престарѣлый Кочубей и объявилъ, что не вѣдаетъ за Гетманамъ никакой измѣны и донесъ на него ложно, по собственной злобѣ.

Прямодушный Государь ненавидѣлъ дрязги и доносы, крѣпко вѣрилъ Мазепѣ, и велѣлъ онъ отослать доносчиковъ къ Гетману, чтобы самъ онъ казнилъ ихъ смертью другимъ въ наученье. И казнилъ Мазепа невинныхъ Кочубея и Искру — передъ цѣлымъ войскомъ, при многолюдномъ собраніи народа.

Послѣ казни Кочубея и Искры единомышленники Мазепы торопятъ его, чтобъ не медлилъ и скорѣе промышлялъ о своемъ и общемъ спасеніи, обѣщаясь до смерти стоять за него и за вольности войсковыя, въ чемъ и приняли присягу. Присягнулъ въ этомъ и Мазепа, но дѣйствовать открыто все еще не рѣшался. Пусть Карлъ на Москву идетъ,— время покажетъ, что надо дѣлать.

Но время показало ему совсѣмъ не то, что онъ думалъ: Карлъ, на бѣду Мазепы, вмѣсто Москвы повернулъ на Украйну.

— Дьяволъ его сюда несетъ! — сказалъ Мазепа. — Всѣ мои интересы превратитъ и войска великороссійскія за собою внутрь Украйны приведетъ на послѣднее оной разрушеніе и на нашу погибель!

И все еще медлитъ Мазепа, хоть и порѣшилъ онъ съ единомышленниками своими немедленно соединиться съ Шведскимъ войскомъ.

Видитъ и Петръ, что Карлъ повернулъ на Украйну, и пишетъ Мазепѣ, чтобъ онъ немедленно изготовилъ все казацкое войско и самъ бы шелъ съ нимъ въ походъ противъ Шведовъ.—Необходимо для этого Мазепѣ съ Меншиковымъ сговориться, чтобъ заодно дѣйствовать съ его отрядомъ.

На это Петру Мазепа отвѣчаетъ, что радъ бы онъ сердечно явиться на службу Государю, но мѣшаетъ ему немощная старость и тяжкія болѣзни, такъ что и на коня сѣсть невозможно. Да и нельзя ему отлучаться, нельзя и войска посылать, потому что неспокойно въ народѣ, и могутъ произойти великіе безпорядки.

Согласенъ Петръ съ мыслями Мазепы, что отволакивать его съ войскомъ изъ Украйны не надо, „понеже больше пользы отъ него въ удержаніи своихъ, нежели въ войнѣ со Шведами“.

Но Меншикову необходимо свидѣться съ Мазепой для совѣщанья, и проситъ онъ Гетмана къ себѣ пріѣхать.

— Если поѣдешь, — закричали въ одинъ голосъ всѣ друзья Мазепы,—то и себя, и насъ, и всю Украйну погубишь.

И самъ Мазепа боится, какъ бы не попасть ему въ ловушку, и вмѣсто себя посылаетъ къ Меншикову племянника своего съ объявленьемъ о своей тяжкой предсмертной болѣзни и о горестномъ отъѣздѣ своемъ въ Борзну для соборованія масломъ отъ Кіевскаго архіерея.

Не ѣдетъ хитрый Гетманъ къ Меншикову, не рѣшается еще и съ Карломъ окончательно сговориться, — колеблется сдѣлать послѣдній безповоротный и страшный шагъ. А товарищи ужъ дерзко настаиваютъ на этомъ, упрекаютъ Гетмана въ старческой сонливости и требуютъ отъ него немедленно вступить въ союзъ съ Карломъ.

И посылаетъ Мазепа къ Шведскому Королю посольство— отъ себя и отъ всего казацкаго войска и проситъ покровительства всему народу Малороссійскому для освобожденія отъ ига Московскаго. Еще увѣдомляетъ Гетманъ, что находится теперь въ большой тѣснотѣ и проситъ Короля о скорой присылкѣ войска на оборону.

Карлъ принялъ посольство, обѣщалъ свое высокое покровительство казакамъ и всему народу и сказалъ, что скоро самъ будетъ на Украйнѣ.

Но раньше Карла явился на Украйну Меншиковъ со своимъ отрядомъ. Осмотрѣлъ онъ казацкіе полки и нашелъ ихъ въ неустройствѣ. Печалится Меншиковъ о смертной болѣзни „добраго человѣка“, — „зѣло онъ теперь ему нуженъ“. И Меншиковъ самъ ѣдетъ въ Борзну на свиданіе съ умирающимъ Мазепой.

Вихремъ сорвался съ мѣста Мазепа, какъ узналъ объ этомъ и поскакалъ къ Шведамъ. Поѣхали вмѣстѣ съ нимъ и друзья единомышленники, и двѣ тысячи казаковъ.

А Меншиковъ поспѣшно ѣдетъ въ Борзну — съ Гетманомъ повидаться.

Въ Борзнѣ Гетмана нѣтъ, — уѣхалъ, говорятъ, въ Батуринъ, въ свою столицу.

Меншиковъ—въ Батуринъ. А тамъ его какъ врага встрѣчаютъ, палятъ изъ пушекъ. Открылась тогда измѣна Мазепы, и Меншиковъ спѣшно пишетъ обо всемъ Государю.

Въ неописанное изумленіе пришелъ Петръ „отъ нечаянной никогда злой измѣны гетманской“ и спѣшитъ принять крутыя мѣры, чтобъ разрушить замыселъ „Гетмана-Іуды“.

Остатки замка Мазепы.

Немедленно объявленъ царскій манифестъ всему Малороссійскому народу и Запорожскому войску о гнусномъ предательствѣ Мазепы, и призываетъ всѣхъ Государь немедленно собраться для избранія новаго Гетмана вольными голосами. Объявляетъ Государь и разныя милости народу.

Меншиковъ съ войскомъ спѣшитъ въ укрѣпленный Батуринъ. Спѣшитъ и Мазепа со Шведами на выручку своей столицы. Меншиковъ подоспѣлъ раньше. Батуринъ взятъ штурмомъ и выжженъ дотла. Казаковъ перебили и въ плѣнъ побрали. Забрали и богатую гетманскую казну, а

огромные хлѣбные запасы пожгли, чтобъ не достались въ руки Шведамъ. И весь этотъ разгромъ былъ сдѣланъ почти на глазахъ непобѣдимаго Шведскаго войска, на глазахъ самого Мазепы.

— Злые и несчастливые наши начатки! — говорилъ Мазепа. — Видимо, что не благославляетъ Богъ намѣренія моего.

Не благословлялъ Богъ предательства Мазепы, не пошелъ за нимъ и народъ Украинскій, не пошли и казаки,— всѣ остались вѣрными Царю Московскому, — единокровному и единовѣрному.

Въ Глуховѣ, по приказу Царя, собралась великая рада. Новымъ Гетманомъ избранъ единогласно Скоропадскій.

Пріѣхалъ въ Глуховъ Митрополитъ Кіевскій съ двумя архіереями и всенародно предалъ Мазепу проклятію.

Мазепа осужденъ и заочно повѣшенъ: изображеніе его палачъ тащилъ на веревкѣ по улицамъ и площади и на висѣлицѣ повѣсилъ передъ всѣмъ народомъ.

И въ Москвѣ гремитъ проклятіе измѣннику.

И по всей Малороссіи читаютъ по церквамъ и прибиваютъ къ церковнымъ дверямъ объявленіе отъ архіереевъ объ измѣнѣ Мазепы, и о томъ, что хотѣлъ онъ повернуть въ католичество народъ православный, за что и предается проклятію и самъ измѣнникъ, и всѣ его единомышленники.

И вся Малороссія отшатнулась отъ Мазепы и осталась вѣрна Московскому Государю. Одни только Запорожскіе казаки за Мазепу постоять рѣшились и отъ Царя отшатнулись. Но Меншиковъ жестоко расправился съ ними: войско Запорожское разбилъ, пушки и всѣ припасы забралъ, Сѣчь дотла разорилъ.

Тихо и спокойно по всей Украйнѣ. Неподвижны Турки и Татары. Ничего не слышно и о Полякахъ. Всѣ какъ будто затаили дыханіе и ждутъ, чѣмъ окончится великое единоборство между Петромъ и Карломъ, между Швеціей и Россіей.

Полтавская побѣда.

Не помогъ шведамъ Мазепа ни войскомъ, ни деньгами, ни припасами. А у русскихъ нежданно объявился новый союзникъ—морозъ свирѣпый. Зима 1708 года стояла жестокая, съ трескучими морозами, такъ что птицы на лету мерзли. Плохо приходилось и русскимъ, но они были у себя дома. А шведы и безъ того и обносились и оголодали въ чужой землѣ и жестоко терпѣли и отъ русскаго войска, и отъ лютыхъ морозовъ.

Карлъ искалъ рѣшительной битвы, но Петръ все еще уклонялся, томилъ и изнурялъ врага, разбивалъ его по частямъ. Но и Петръ уже видѣлъ, что близка рѣшительная минута. — „Не чаю,—говорилъ онъ,—чтобъ безъ генеральной баталіи сія зима прошла; а сія игра въ рукахъ Божіихъ, и кто вѣдаетъ, кому счастіе будетъ!"

Но зима прошла безъ генеральной баталіи, хотя русскіе отряды и не одинъ разъ разбивали шведовъ, и они еще больше прежняго истомились и обезсилѣли.

Прошла зима, и въ маѣ Карлъ осадилъ Полтаву. Крайне важно было для шведовъ взять этотъ укрѣпленный городъ: здѣсь было сложено много всякихъ запасовъ, да и мѣсто это — „зѣло важное", какъ говорилъ Петръ. Въ Полтавѣ шведы спокойно могли ожидать себѣ подкрѣпленій изъ Польши и изъ Швеціи; отсюда имъ открывался путь и дальше во внутрь Россіи.

Шведы нѣсколько разъ жестоко на городъ нападали; но осажденные храбро ихъ отражали. Помогали осажденнымъ и наши войска, и Меньшиковъ много разъ сильно разбивалъ шведовъ. Карлъ собралъ подъ Полтаву всѣ свои силы. Поспѣшно стягиваются сюда съ разныхъ сторонъ и наши отряды. И вотъ, наконецъ, два войска, какъ двѣ стѣны, стали супротивъ другъ друга. — „Сошлись близко съ сосѣдями,—говорилъ Петръ,—и, съ помощіею Божіею, будемъ, конечно, въ семъ мѣсяцѣ главное дѣло съ оными имѣть".

Какъ и при Нарвѣ, при первой своей встрѣчѣ, эти

два войска совсѣмъ были не похожи одно на другое,— только ролями своими они за эти восемь лѣтъ совсѣмъ обмѣнялись.

Шведское войско страшно изнурено и упало духомъ, не видя и конца походамъ и битвамъ. Всѣ страстно желали мира и возвращенія домой. Порядка въ войскѣ больше нѣтъ; солдаты не слушаются офицеровъ, когда тѣ требуютъ отъ нихъ новыхъ трудовъ, призываютъ идти на новыя опасности. Только Карлъ попрежнему безразсудно отваженъ и безъ нужды подставляетъ свою голову подъ вражескія пули. Но эта отвага ужъ не ободряетъ больше солдатъ.— „Онъ ищетъ смерти,—говорятъ они,—потому что видитъ впереди дурной конецъ". И генералы не одобряютъ распоряженій короля и совѣтуютъ ему отступить отъ Полтавы и вернуться въ Польшу, чтобъ подкрѣпить тамъ свое войско.

— „Если бы Самъ Богъ послалъ ангела съ неба и приказалъ мнѣ отступить отъ Полтавы, то я бы и тогда не отступилъ",—отвѣчаетъ на это Карлъ.

Совсѣмъ не то было въ русскомъ войскѣ. Оно — у себя дома, во всемъ обезпечено и хорошо вооружено. Оно во главѣ съ царемъ, неустаннымъ работникомъ, защищаетъ свою родину и послушно волѣ своего вождя. За восемь лѣтъ войны и полководцы и солдаты возмужали въ ратномъ искусствѣ, превзошли ужъ своихъ „учителей", научившись у нихъ побѣдамъ. И въ чужихъ земляхъ уже говорятъ, что русскіе солдаты—лучшіе во всемъ мірѣ. Все войско, какъ и самъ государь, не хочетъ ужъ больше отступать,— всѣ желаютъ генеральной битвы.

Изъ Полтавы дали знать, что порохъ осажденные почти весь истрѣляли и долго держаться не могутъ. И Петръ на совѣтѣ съ полководцами своими рѣшилъ дать шведамъ генеральную битву—27 іюня.

Какъ разъ передъ этой рѣшительной битвой Карлъ получилъ тяжелую въ ногу рану. Поѣхалъ онъ ночью осматривать русскій лагерь и нечаянно наткнулся на партію казаковъ. Сидятъ безпечно казаки передъ разведеннымъ костромъ и ведутъ мирную бесѣду. Вдругъ раздался выстрѣлъ,

и одинъ изъ казаковъ падаетъ замертво. Это Карлъ не вытерпѣлъ: сошелъ съ коня и выстрѣлилъ въ казака. Мигомъ вскочили казаки, и три ружейныхъ выстрѣла разомъ грянули въ ту сторону, гдѣ стоялъ Карлъ. Тутъ онъ и былъ раненъ въ ногу, такъ что и на коня не могъ сѣсть, и командовать войскомъ не могъ въ такое важное время.

Насталъ роковой день 27 іюня. Раннимъ утромъ и русское и шведское войско готовятся къ битвѣ.

Русскіе полки, помолившись Богу, слушаютъ наказъ государя: „Воины! пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Не думайте, что вы готовитесь за Петра сражаться: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за вѣру нашу православную. Не бойтесь непріятеля: вы его ужъ много разъ побѣждали. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, Защитника вашего. А о Петрѣ знайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего“.

И шведскому войску читали приказъ короля. Карлъ напоминалъ воинамъ о прежнихъ побѣдахъ и обѣщалъ имъ послѣ битвы роскошное угощеніе въ шатрахъ московскаго царя и покойныя квартиры въ Москвѣ.

И слово Петра о самомъ себѣ, и обѣщаніе Карла объ угощеніи въ царскихъ шатрахъ оправдались въ тотъ же день. Петръ во время битвы доказалъ на дѣлѣ, что благополучіе Россіи для него дороже жизни. Исполнилось и обѣщаніе Карла: его генералы пировали въ этотъ день въ шатрахъ московскаго царя...

Войска готовы къ битвѣ. Шведы первыми пошли на русскихъ. Закипѣлъ отчаянный бой. Петръ распоряжается въ самомъ огнѣ. У него прострѣлена шляпа. Подъ нимъ пробито пулей сѣдло. Колеблются шведы. А больного Карла возятъ межъ солдатскими рядами въ коляскѣ. Пушечное ядро ударило въ коляску, и король повалился на землю. Солдаты думаютъ, что король убитъ. Ужасъ овладѣлъ полками. Дрогнули солдаты. Назадъ побѣжали. Король велитъ поднять себя и посадить на перекрещенныя пики. И тутъ

онъ увидѣлъ всеобщее бѣгство своихъ. „Шведы! шведы!“— въ отчаяніи кричитъ король. Но шведы ужъ ничего не слышатъ во всеобщемъ бѣгствѣ.

„Хотя и зѣло жестоко въ огнѣ оба войска бились, — говоритъ Петръ,—однакожъ, все то дѣло долѣе двухъ часовъ не продолжалось, ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали, и наше войско съ такою храбростію опрокинуло шведовъ, что они не единожды потомъ не остановились. Фельдмаршалъ и генералы со многими полковниками и офицерами и съ тысячами рядовыхъ солдатъ съ ружьями и лошадьми въ полонъ отдались. И тако милостію Божіею совершилась викторія надъ гордымъ непріятелемъ съ легкимъ для насъ трудомъ и малымъ урономъ нашихъ войскъ. При семъ же и то вѣдать надлежитъ, что изъ нашей пѣхоты только одна передняя линія была въ бою съ непріятелемъ, а другая до того бою не дошла“.

Такъ генеральная битва съ гордыми и непобѣдимыми шведами окончилась для насъ счастливо; восьмилѣтніе неустанные труды государя, его сотрудниковъ и всего русскаго войска вознаградилися. Совершилось великое дѣло на пользу отечества.

Усталые, но счастливые, царь, генералы, офицеры и все войско, послѣ благодарственнаго молебна, садятся обѣдать. Солдаты—подъ открытымъ небомъ, государь съ вождями — въ шатрахъ. Всѣ неизмѣримо веселы, радостны, счастливы. Нѣтъ больше вражды, ожесточенія, злобы къ врагу. Всѣхъ сюда—на свѣтлый царскій пиръ, — и своихъ и бывшихъ враговъ! И шведскихъ плѣнниковъ, — фельдмаршала и генераловъ, — усадили съ почетомъ за царскій столъ. Петръ ласкаетъ ихъ, хвалитъ за храбрость, даритъ фельдмаршалу свою шпагу. Побѣдно гремятъ пушки, гудятъ полтавскіе колокола, неудержимыми взрывами раскатывается по всему полю многотысячное „ура“. Царь провозглашаетъ здравицы за благоденствіе отечества, за вождей русскаго войска, за храбрыхъ солдатъ, и, наконецъ,—за учителей своихъ въ искусствѣ военномъ.

— Кто же это учителя ваши? — спрашиваетъ шведскій фельдмаршалъ.

Медаль, выбитая въ память Полтавской побѣды.

— Вы, господа шведы!—отвѣчаетъ ему Петръ.

— Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей!— замѣчаетъ фельдмаршалъ.

На радостяхъ совсѣмъ позабыли объ остаткахъ шведскаго войска, бѣжавшаго съ поля битвы. Меньшиковъ погнался за бѣглецами въ погоню и скоро настигъ разстроенные ряды. Сдались въ плѣнъ безъ бою—со всѣмъ оружіемъ и запасами. Только Карлъ съ Мазепой и небольшою свитой уѣхали впередъ и скрылись въ турецкихъ владѣніяхъ.

На Полтавскомъ полѣ выкопаны огромныя могилы. Въ присутствіи царя, вождей и всего войска отслужены панихиды и провозглашена вѣчная память храбрымъ братьямъ-воинамъ, отдавшимъ жизнь свою за родину, за друзей своихъ. Съ великою честію похоронили мертвыхъ.

Торжественно отслуженъ благодарственный молебенъ за славную побѣду. При громѣ пушекъ провозглашено многолѣтіе царю-государю и всему воинству русскому. Послѣ молебна объявлены царскія награды. Фельдмаршалу Шереметеву пожалованы „великія деревни". Меньшиковъ объявленъ вторымъ фельдмаршаломъ. Генераловъ одарилъ государь деревнями и орденами. Всѣхъ офицеровъ пожаловалъ высшими чинами, золотыми портретами своими и медалями. Солдатамъ пожалованы серебряныя медали и деньги.

Напослѣдокъ всего, генералы, офицеры и солдаты благодарили государя за его милости и просили его, чтобъ онъ за всѣ труды свои изволилъ принять чинъ въ сухопутномъ войскѣ генерала, а на морѣ — вице-адмирала. Безъ лести, отъ чистаго сердца награждало войско своего вождя-товарища и перваго во всемъ работника. Съ великою радостью принялъ Петръ эту заслуженную имъ награду отъ своихъ подданныхъ.

Пришли отъ царя вѣсти и въ Москву о славной и неслыханной доселѣ викторіи, и начались въ старой столицѣ великія торжества. Царевичъ Алексѣй Петровичъ и царевна Наталья Алексѣевна угощали пирами знатныхъ особъ, — русскихъ и иностранныхъ. Устраивались пиры и у знатныхъ вельможъ, и пировали къ ряду много дней. Не только въ домахъ, но и передъ домами на улицахъ во многихъ мѣстахъ стояли накрытые столы: угощали народъ, угощали плѣнныхъ шведовъ — кушаньями, виномъ, водкою, пивомъ, медомъ. По

вечерамъ горѣли на улицахъ потѣшные огни. Пушечная пальба и колокольный звонъ гудѣли восемь дней къ ряду. Во всѣ эти дни, какъ на Свѣтлой недѣлѣ, позволено было звонить не мужчинамъ только, но и женщинамъ и дѣвицамъ.

Такъ радостно и торжественно всѣ праздновали славную Полтавскую побѣду—царь и войско, Москва и вся Россія. Тяжкая для всѣхъ война со славою окончена, отдохнетъ и войско, и народъ. Больше всѣхъ радовался государь, и лучше всѣхъ онъ зналъ, какія выгоды принесетъ эта побѣда для всей Россіи. „Нынѣ уже, съ помощію Божіею, совершенно положенъ камень въ основаніе С.-Петербурга",—новой русской столицы.

Но этого еще мало. На Полтавскомъ полѣ побѣдилъ государь не только шведовъ, но и всѣхъ домашнихъ недруговъ своихъ,—противниковъ европейскихъ новшествъ. Всѣ воочію теперь видятъ, что иноземныя новшества принесли съ собой Россіи непобѣдимую силу и великую всесвѣтную славу. И теперь государю ужъ меньше будетъ помѣхи вводить въ Россіи еще новые и новые иноземные порядки для пользы всего народа.

Перемѣнилась въ своихъ мысляхъ о Россіи и Западная Европа, повернулась она къ намъ лицомъ, съ уваженіемъ и страхомъ на насъ смотритъ; иные дружески протягиваютъ намъ руку, другіе тайно и явно строятъ намъ козни. Просвѣщенные люди радуются, что могучій государь ведетъ свой народъ изъ мрака къ свѣту. Польскіе вельможи поздравляютъ Петра со славной побѣдой и просятъ его вернуть къ нимъ законнаго короля (Августа), низвергнутаго Карломъ. Поздравляютъ Петра и короли датскій, французскій и прусскій и предлагаютъ ему вступить въ союзъ съ ними. А Голландія съ Англіей пышутъ противъ насъ злобой, „двигаютъ небо и землю", чтобъ помѣшать намъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ, опасаясь, что мы повредимъ имъ въ торговлѣ. Недруги Россіи растолковали и туркамъ, что мы опасные для нихъ сосѣди, особенно въ союзѣ съ Польшей:

обезсилитъ Петръ шведовъ и оборотится тогда со всею силой на турецкаго султана.

Такъ, полтавская побѣда ввела русскихъ въ семью европейскихъ народовъ, прославила Петра въ чужихъ земляхъ и дома и упрочила иноземныя новшества въ Россіи.

Новые успѣхи на Сѣверѣ и неудачи на Югѣ.

(Прутскій походъ).

Напрасно надѣялись въ Россіи, что полтавской побѣдой окончится тягостная война, и наступитъ миръ желанный. Не хотѣлъ войны и государь: не искалъ онъ побѣдной славы, а желалъ одного — утвердить Россію на берегахъ Балтійскаго моря для пользы всего народа. Но шведы не хотятъ съ нами мириться и все еще не покидаютъ надежды отнять назадъ морское побережье. Такъ волей-неволей и приходится Петру и отбиваться отъ шведовъ, и прочнѣе обезопасить отъ нихъ свою новую столицу, свой рай земной — дорогой Петербургъ

Русское войско съ успѣхомъ отражаетъ нападенія шведовъ, съ успѣхомъ отнимаетъ у нихъ и новые города, и цѣлыя земли.

Взяли Выборгъ (1710 г.), и Петръ назвалъ его „крѣпкою подушкой Петербургу". Завоевали корельскую землю. Заняли Ригу и Ревель, Пернову и Аренсбургъ (на островѣ Эзель).— Не терялъ даромъ времени Петръ, пока Карлъ XII въ Турціи „завязъ".

А Карлъ XII „завязъ" въ Турціи не безъ дѣла: на свои силы онъ ужъ теперь не полагался, а всячески старался склонить Турцію къ войнѣ съ Россіей. Помогали ему въ этомъ и другіе недруги Россіи изъ-за своихъ собственныхъ выгодъ. Всѣ говорили султану, что Петръ—сосѣдъ опасный. Покорилъ онъ своей власти Польшу и въ союзѣ съ нею обезсилитъ шведовъ; а потомъ подниметъ войну и противъ турокъ и покроетъ своими кораблями Черное море. И теперь ужъ московскій царь разжигаетъ христіанъ, „запазушныхъ недруговъ" турецкихъ, а потомъ и совсѣмъ возьметъ ихъ

подъ свою властную руку—на горе султану. Такъ и выходитъ, что у Турціи со Швеціей одинъ общій врагъ—Россія, и нужно туркамъ теперь же ослабить ея силу, пока еще есть время, пока Петръ со Швеціей еще воюетъ. Такъ говорили султану враги Россіи.

А султанъ и турки и безъ того русскихъ кораблей боялись, какъ бы не пришли они въ Константинополь. Ни за что не позволитъ султанъ русскимъ кораблямъ плавать по

Рига временъ Петра Великаго.

Черному морю: это все равно, что пустить вооруженнаго врага во внутренніе покои своего дома! Скорѣе султанъ землей засыплетъ проходъ изъ Азовскаго въ Черное море и настроитъ тамъ крѣпостей грозныхъ или объявитъ войну Россіи и отниметъ у нея азовское побережье.

Султанъ боится русскихъ, а Петръ опасается, какъ бы Турція не начала войны съ Россіей: трудно будетъ вести двѣ войны сразу. И опасенія Петра сбылися: султанъ объявилъ войну Россіи и послалъ не подъ укрѣпленный Азовъ, а за Дунай свое войско. Такъ побѣды наши надъ шведами привели насъ къ войнѣ съ турками.

И опять пришлось Петру взвалить и эту новую войну на одни русскія плечи: союзниковъ противъ турокъ не нашлось, одинъ только польскій король обѣщалъ свою помощь. Но нашлись зато союзники Россіи внутри турецкихъ владѣній.

Съ давнихъ поръ подвластные туркамъ славяне съ надеждою смотрѣли на единовѣрныхъ русскихъ, ожидая черезъ нихъ освобожденія отъ тяжкаго турецкаго ига. Но цари московскіе до Петра и сами откупались подарками отъ татаръ крымскихъ и вступаться за христіанъ восточныхъ не имѣли силы. Послѣ покоренія Азова еще больше утвердилась у турецкихъ славянъ надежда на Россію. Усердно просятъ они Петра освободить ихъ изъ-подъ власти турокъ и обѣщаютъ ему свою помощь. Молдавія и Валахія, Сербія и Черногорія готовы собрать на помощь царю большое войско, обѣщаютъ доставить русскимъ въ своихъ земляхъ съѣстные припасы.

Поддался Петръ этимъ обѣщаньямъ, принялъ онъ вызовъ султана и повелъ свое войско въ Молдавію (1711 г.), задумалъ онъ спѣшно перейти Дунай, соединиться со славянами и въ союзѣ съ ними воевать турецкія земли.

Не искалъ Петръ этой войны и долженъ былъ воевать поневолѣ. Всѣ помыслы государя были на Балтійскомъ морѣ, а эта новая война отвлекала только силы отъ самаго важнаго и неоконченнаго еще дѣла. И крѣпко нездоровилось въ то время государю, и волновали его душу тяжелыя мысли: „хватитъ ли золота, хватитъ ли силушки?“ — думалъ-гадалъ.

Петръ шелъ со своимъ отрядомъ черезъ пустынную степь въ палящій лѣтній зной. Сильно истомились солдаты отъ труднаго похода. Пришли, наконецъ, въ Молдавію. Обѣщанныхъ припасовъ молдаване не приготовили, — былъ у нихъ передъ этимъ страшный недородъ. И теперь терпитъ наше войско большія лишенія, а впереди предвидится и настоящій голодъ. Не прислалъ и король польскій своихъ подкрѣпленій. Не собрали и славяне обѣщаннаго войска, а валахи и вовсе перешли на сторону турокъ. Не народъ обманулъ

Петра, а правители: они всего больше думали не о пользѣ народной, а о своихъ личныхъ выгодахъ и расчетахъ. Да и дѣло было вновѣ, и сразу наладить его было трудно. Такъ и очутился Петръ со своимъ отрядомъ въ чужой землѣ и безъ всякихъ припасовъ.

А отступать ужъ было поздно: турки спѣшатъ навстрѣчу, раньше насъ перешли Дунай, окружили наше войско близъ рѣки Прута и отрѣзали Петру отступленіе. Войска у турокъ было до 200 тысячъ, а у насъ всего только тысячъ тридцать.

Бросились турки на наше войско, но потерпѣли жестокое пораженье. Всего хуже досталось янычарамъ,—отборному турецкому войску.

Хоть и съ полнымъ успѣхомъ отразили мы турокъ при первой встрѣчѣ съ ними, но впереди у насъ не было никакой надежды. Войско наше какъ въ западню попало, безъ продовольствія, безъ воды даже. Еще нѣсколько дней, — и конецъ неизбѣженъ: или смерть отъ врага въ бою, или плѣнъ позорный.

Тяжко думать о преждевременной смерти, а еще тяжелѣе о позорномъ плѣнѣ — герою Полтавы. Не за себя тяжко, а за неоконченное дѣло всей своей жизни. Что станется съ этимъ дѣломъ? Кто его окончитъ? — Не на кого государю положиться!

Говорятъ, что Петръ послалъ тогда такое письмо Правительствующему Сенату:

„Господа Сенатъ! Извѣщаю васъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ безъ вины нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ семь кратъ сильнѣйшею турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я, безъ особливой помощи Божіей, ничего иного предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ турецкій плѣнъ. Если случится сіе послѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною будетъ требуемо, хотя бы то по собственноручному повелѣнію отъ насъ, покамѣстъ я самъ не явлюся между

вами въ лицѣ моемъ. Но если я погибну, и вы получите вѣрныя извѣстія о моей смерти, то выберите между собою, достойнѣйшаго мнѣ, въ наслѣдники".

Не о себѣ думаетъ государь въ эти тяжелыя минуты,— онъ заботится только о пользѣ Россіи. На что же онъ теперь рѣшится?

Созываетъ государь всѣхъ полководцевъ и спрашиваетъ у нихъ совѣта. Порѣшили попробовать вступить съ турками въ переговоры, хотя надежды на успѣхъ не было вовсе.

Но ко всеобщему радостному изумленью турки тотчасъ же на миръ согласились. Неблагополучно было и у нихъ въ войскѣ: янычары волновались и не хотѣли сражаться съ храбрыми русскими войсками. Говорятъ, что помогъ дѣлу и подкупъ. Разсказываютъ, что супруга государя (она была съ нимъ въ походѣ) послала турецкому визирю(главнокомандующему) всѣ свои драгоцѣнности и большую сумму денегъ. Обѣщаны были богатые подарки и всѣмъ другимъ начальникамъ турецкимъ. Въ тѣ времена подкупы въ обычаѣ были у всѣхъ народовъ, а турецкіе начальники передъ всѣми продажностью своей отличались.

Миръ былъ заключенъ на тяжелыхъ условіяхъ для Россіи. Турки больше всего заботились о томъ, чтобъ охранить отъ русскихъ кораблей Черное море, а Петру всего дороже— укрѣпить за собой Балтійское побережье. Такъ и согласились: Петръ возвратитъ туркамъ Азовъ и всѣ новыя крѣпости разрушитъ и не будетъ впередъ вмѣшиваться въ дѣла Польши, а Карлу XII дастъ свободный проѣздъ въ свое королевство.

Тяжело было прославленному побѣдителю шведовъ потерпѣть отъ турокъ такую неудачу; тяжело согласиться и на уступку Азова, который достался дорогою цѣною. Одна мысль утѣшала государя въ этомъ горѣ, что теперь у него развязаны руки, чтобъ крѣпко держать за собою Балтійское побережье. Извѣщая Сенатъ объ условіяхъ міра, — государь пишетъ:

„Хотя это дѣло и не безъ печали, потому что должны мы лишиться городовъ, на которые столько труда и убытковъ положено, — однако, думаю, что этимъ лишеніемъ принесется великое укрѣпленіе другой сторонѣ, которая намъ несравненно прибыльнѣе“.

Не пришло еще для Россіи время, не хватаетъ пока еще силы держать въ своихъ рукахъ оба моря, и приходится удержать за собою только то, которое для насъ важнѣе. Но путь и къ другому морю Петромъ указанъ, а надежда къ возврату и теперь не пропала.

Меньшиковъ пишетъ государю о своей радости, что бѣда миновала, и что о лишеніи городовъ много печалиться не надо: Богъ поможетъ и опять со временемъ ихъ возвратить, а теперь этотъ убытокъ сугубо наградится укрѣпленіемъ за нами Петербурга. „Нынѣ же молимъ Бога поскорѣе видѣть здѣсь Вашу милость, чтобы мимошедшія, столь прежестокія горести видѣніемъ сего парадиза вскорѣ въ сладость претвориться могли“.

Миръ съ турками заключенъ. Тяжелою цѣною купила его Россія, но еще того тяжелѣе пришлось поплатиться славянскимъ народамъ: турки жестоко имъ отомстили. Однакоже, надежды у славянъ на единокровную и единовѣрную Россію не только не исчезли, но еще усилились больше, и сношенія съ нею не прекратились. Молдаване, валахи, сербы, спасаясь отъ неистовства турокъ, стали переселяться въ Россію; многіе поступали на русскую службу. У черногорцевъ сложилися хвалебныя Петру народныя пѣсни. Владыко черногорскій Даніилъ пріѣзжалъ къ Петру просить денегъ для борьбы съ султаномъ. Пріѣзжалъ въ Петербургъ и сербскій архіепископъ и умолялъ Петра прислать въ Сербію учителей латинскаго и славянскаго языковъ, а также и книгъ церковныхъ: „Буди намъ вѣрный апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей“. И Петръ послалъ сербамъ книгъ на двадцать церквей, 400 букварей и 100 грамматикъ, а учителей для сербовъ велѣлъ сыскать Синоду.

Такъ государь и завязалъ великій узелъ между турецкими славянами и Россіей: укрѣплялась живая и добрая

связь между ними, укрѣплялась и надежда, что отъ Россіи придутъ славянамъ и просвѣщеніе, и свобода.

Начало конца.

Неволей навязанная, нежеланная для Петра война съ Турціей окончилась. Миръ заключенъ съ большою невыгодою для Россіи.

„Однако,—думаю, — справедливо утѣшалъ себя прозорливый государь, — что этимъ лишеніемъ принесется великое укрѣпленіе другой сторонѣ, которая намъ несравненно прибыльнѣе“.

Эта другая сторона — побережье Балтійскаго моря, съ окномъ въ Европу — Петербургомъ: туда и направитъ теперь Петръ всѣ силы Россіи.

Десять лѣтъ ужъ тянется эта тяжкая война; десять уже лѣтъ Россія молодая напрягаетъ свои силы въ бореньи съ соперникомъ сильнымъ. Судьба судила, чтобы эта страдная пора продолжилась и еще столько же лѣтъ.

Русскія войска въ союзѣ съ Саксоніей и Даніей вытѣсняютъ шведовъ съ юго-западныхъ береговъ Балтійскаго побережья (1712 — 1713 г.).

Генералъ-адмиралъ Апраксинъ ведетъ изъ Петербурга въ Финскій заливъ 200 военныхъ судовъ, и самъ Петръ въ этомъ флотѣ подручнымъ командиромъ. Тѣснятъ русскіе шведовъ и на морѣ и на сушѣ. Шведы отступаютъ внутрь страны. Апраксинъ и князь Голицынъ идутъ за ними по пятамъ, наносятъ тяжкія пораженія и занимаютъ почти всю Финляндію. А Петръ разбилъ шведскій флотъ и занялъ островъ Аландъ. Рукой теперь подать и до столицы Швеціи— Стокгольма.

Страхъ напалъ на шведовъ. Стягиваютъ они всѣ свои войска для защиты столицы.

А Карлъ все еще въ Турціи понапрасну тратитъ время, чтобъ опять поднять Султана противъ Россіи. Наконецъ, и онъ явился на защиту своихъ владѣній противъ войскъ союзныхъ. А число союзниковъ къ тому времени и еще

возросло, — Пруссія и Ганноверъ присоединились къ прежнимъ. И несчастный король явился лишь для того, чтобъ быть свидѣтелемъ, какъ союзники взяли послѣдній его городъ. А русскіе въ то же время прочно укрѣпились во всей Финляндіи.

Тутъ бы и желанный для Петра и Россіи конецъ войнѣ: нѣтъ у шведовъ больше силы бороться съ пятью государствами.

Но союзники съ Петромъ повздорили. Все, что имъ самимъ нужно было взять, они теперь ужъ получили, и въ помощи русскихъ больше не нуждаются. Да и не расчетъ имъ усиливать русскихъ, — опасаются они захватовъ, вошедшаго въ силу, сосѣда.

Видитъ Петръ, что отъ этихъ союзниковъ не ждать ему помощи въ своемъ кровномъ дѣлѣ, и рѣшается онъ ѣхать во Францію искать съ нею союза противъ шведовъ.

Петръ во Франціи.

Франція и Австрія были тогда самыми сильными и властными державами въ Европѣ. Онѣ издавна соперничали другъ съ другомъ и враждовали, чтобъ унизить одна другую.

Австріи, кромѣ того, приходилось съ давнихъ поръ считаться и бороться съ турціей, — своимъ безпокойнымъ и все еще могучимъ сосѣдомъ. Потому-то она и вступила въ союзъ съ Петромъ во время его первой войны съ Турками изъ своихъ собственныхъ, конечно, расчетовъ.

А Франція дружила съ сильной Швеціей и поддерживала ее и совѣтами и деньгами, чтобъ имѣть черезъ нее вліяніе и на сѣверную Европу.

Франціи не выгоденъ былъ союзъ Россіи съ Австріей, потому-то Франція вмѣстѣ съ Карломъ и возбуждала Турцію противъ Россіи и внушила ей вторую войну съ Петромъ, подбивала ее воевать и въ третій разъ.

Но Швеція теперь ослабѣла. На ея мѣсто становилась на сѣверѣ юная, но уже сильная Россія, которая успѣла ужъ

вступить въ союзъ со многими сѣверо-западными государствами. Такъ для Франціи теперь нѣтъ больше расчета поддерживать малосильнаго союзника. Выгоднѣе сблизиться съ сильной Россіей, чтобъ она не сблизилась съ Австріей.

Зналъ все это Петръ, потому-то онъ и рѣшилъ ѣхать во Францію, чтобъ склонить ее на свою сторону и тѣмъ лишить Швецію союзницы. Была у Петра и еще одна затаенная мысль, которую онъ не покидалъ до самой смерти своей: хотѣлось ему помолвить дочь свою Елизавету съ малолѣтнимъ королемъ французскимъ.

Королемъ во Франціи былъ тогда семилѣтній ребенокъ Людовикъ XV, а государствомъ за него правилъ герцогъ Орлеанскій.

Французы приняли Петра съ великимъ почетомъ. На границѣ земли встрѣтилъ государя маршалъ съ пышною свитой. Въ Парижѣ для него приготовлены были во дворцѣ комнаты королевы съ роскошнымъ убранствомъ.

Французскій дворъ любилъ пышность и роскошь, жилъ въ нѣгѣ, предавался наслажденіямъ.

А Петръ, какъ и въ молодые свои годы, не любилъ ни пышныхъ церемоній, ни расточительной роскоши, — у него и въ мысляхъ, какъ и во всей трудовой жизни, было одно лишь полезное дѣло. И французы не мало дивились простотѣ въ обиходной жизни царя и его живой неустанной дѣятельности.

Великолѣпное королевское помѣщеніе, приготовленное для Петра, ему не понравилось, и онъ потребовалъ, чтобъ ему отвели простую квартиру въ какомъ-нибудь частномъ домѣ. Привезли государя въ гостиницу, но и здѣсь показалась ему мебель слишкомъ роскошною, и онъ велѣлъ принести въ комнаты свою походную обстановку и устроился по своему вкусу.

Поражалъ нашъ государь французовъ и своимъ внѣшнимъ видомъ, и всѣми привычками своими. Вотъ что записали о немъ французы:

Царь высокаго роста, хорошо сложенъ, худощавъ и смуглъ лицомъ. Глаза у него большіе и живые. Взглядъ проницательный, а иногда дикій, когда на лицѣ показывались

конвульсіи. Когда царь хотѣлъ сдѣлать кому-нибудь хорошій пріемъ, лицо его тогда прояснялось и становилось пріятнымъ, хотя и сохраняло всегда величіе. Движенія у него всегда порывисты и стремительны. Видъ величія и непреклонной воли обнаруживалъ въ немъ государя, который чувствовалъ себя хозяиномъ повсюду.

Петръ поражалъ французовъ, любившихъ пышно наряжаться, и простотою своей одежды. Носилъ онъ простое суконное платье, подпоясанное широкимъ поясомъ, на которомъ висѣла сабля, короткій парикъ безъ пудры, рубашку безъ манжетъ.

Обѣдалъ Петръ въ одиннадцать часовъ, ужиналъ въ восемь. Вставалъ и ложился очень рано, какъ простой рабочій, и весь день проводилъ въ занятіяхъ.

Никакія свѣтскія приличія не останавливали его дѣятельности. Иногда, наскучивъ толпою посѣтителей, онъ удалялъ ихъ отъ себя однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки, или просто уходилъ самъ отъ нихъ, куда влекла его любознательность. Если при этомъ экипажъ его не былъ готовъ,—онъ садился въ первую попавшуюся карету, даже извозчичью. Однажды онъ сѣлъ такъ въ карету одной знатной дамы, которая пріѣхала къ нему съ визитомъ. Приставленная къ нему для почета свита и отрядъ гвардейцевъ едва успѣвали поспѣвать за нимъ.

Пріѣхалъ Петръ въ Парижъ вечеромъ, и на другой же день герцогъ Орлеанскій, правитель Франціи, первымъ явился къ царю съ визитомъ. Петръ вышелъ изъ кабинета, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу герцогу и поцѣловался съ нимъ. Потомъ, указавши рукою дверь кабинета, обернулся и самъ вошелъ въ кабинетъ первымъ. За нимъ вошелъ герцогъ и князь Куракинъ, служившій переводчикомъ. Въ кабинетѣ хозяинъ и гость сѣли въ креслахъ. Куракинъ остался на ногахъ. Послѣ получасового разговора Петръ всталъ и, выйдя изъ кабинета, остановился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтилъ герцога. Тотъ сдѣлалъ ему низкій поклонъ, на который царь отвѣтилъ легкимъ наклоненіемъ головы.

Съ перваго же дня пріѣзда Петръ горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣй все осмотрѣть въ знаменитомъ городѣ. Но пришлось поневолѣ сидѣть дома въ ожиданіи пріѣзда короля-ребенка.

„Объявляю вамъ,— пишетъ Петръ Екатеринѣ,— что два или три дня принужденъ дома быть для визитъ и прочей церемоніи, и ради того, ничего еще не видалъ здѣсь; а съ завтра или послѣ завтра начну все смотрѣть. А сколько дорогою видѣли,—бѣдность въ черномъ народѣ великая“.

Замѣчательно это первое впечатлѣніе Петра по пути во Францію: мысль о народѣ, видимо, никогда не покидала государя. Эта бѣдность чернаго народа, конечно, особенно показалась царю рѣзкою въ сравненіи съ роскошною жизнію богатаго Парижа.

Царю не пришлось долго ждать маленькаго короля. На другой же день послѣ визита герцога явился къ Петру и король ребенокъ Людовикъ XV. Царь встрѣтилъ его у кареты. Дядька короля, герцогъ Вилльруа, сказалъ Петру привѣтствіе за своего маленькаго воспитанника, и оба государя вошли въ домъ рядомъ. Посидѣвши съ четверть часа, царь всталъ, взялъ короля на руки и поцѣловалъ нѣсколько разъ, глядя на него съ необыкновенною нѣжностію. Послѣ этого оба государя вышли съ прежнею церемоніею.

„Объявляю вамъ,— пишетъ Петръ Екатеринѣ, — что визитовалъ меня здѣшній королища, который пальца на два болѣе Луки нашего (карлика). Дитя зѣло изрядная образомъ и станомъ, и по возрасту своему довольно разуменъ, которому седмь лѣтъ“.

На другой день царь отдалъ визитъ королю. Увидавъ, что маленькій Людовикъ спѣшитъ къ нему навстрѣчу, Петръ выскочилъ изъ кареты, подбѣжалъ къ королю, взялъ его на руки и внесъ по лѣстницѣ въ залу.

Послѣ визитовъ Петръ тотчасъ же бросился осматривать Парижъ. Заходилъ въ лавки, въ мастерскія ремесленниковъ, выспрашивая ихъ о подробностяхъ работъ и удивляя всѣхъ своими обширными познаніями въ каждомъ мастерствѣ. Предметы роскоши совсѣмъ не интересовали царя. Но все

что относилось къ мореплаванію, къ полезнымъ для жизни искусствамъ, возбуждало его любопытство. При этомъ онъ поражалъ всѣхъ проницательностію своего взгляда, быстротою изученія предмета и его производства и какою-то жадностію къ пріобрѣтенію новыхъ познаній.

Петръ только мимоходомъ взглянулъ на драгоцѣнные королевскіе брильянты; зато долго оставался въ зоологическомъ саду, въ механическомъ кабинетѣ и цѣлое утро провелъ въ галлереѣ плановъ.

Очень понравился царю Инвалидный домъ, гдѣ онъ осматривалъ все до мельчайшихъ подробностей. Въ столовой, во время обѣда, онъ спросилъ себѣ солдатскую рюмку вина и выпилъ за здоровье инвалидовъ, называя ихъ товарищами своими.

Внимательно осмотрѣлъ Петръ и знаменитую въ то время женскую школу, основанную госпожею Ментенонъ. Царь посѣтилъ всѣ классы, заставилъ объяснить себѣ всѣ упражненія пансіонерокъ. Навѣстилъ и госпожу Ментенонъ, которая была больна въ это время.

Союзъ съ Франціею былъ заключенъ, и французскій король обязался ни въ чемъ больше не помогать шведамъ.

Конецъ войны со шведами.

Карлъ XII убѣдился, наконецъ, что ему одному не справиться съ врагами. И рѣшилъ онъ вступить въ союзъ съ Петромъ и уступить Россіи Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію (нынѣшнюю Петербургскую губернію) и часть Кореліи. А за это Петръ долженъ былъ помочь шведамъ вернуть свои владѣнія въ нѣмецкихъ земляхъ и, сверхъ того, завладѣть Норвегіей.

Начались переговоры о мирѣ (1717 г.) на одномъ изъ Аландскихъ острововъ. Дѣло совсѣмъ, было, ужъ подходило къ концу; но въ это время Карлъ погибъ насильственною смертію, и переговоры прекратились.

Шведскіе вельможи захватили власть въ свои руки, вступили въ союзъ съ прежними союзниками Петра, и война между Россіей и Швеціей возобновилась.

Прежніе враги, а теперь союзники Швеціи, думали и теперь, какъ и раньше, только о своихъ собственныхъ выгодахъ. Обезсиленнымъ шведамъ однимъ пришлось бороться съ Россіей.

Наши войска высадились на берега Швеціи и, по обычаямъ того времени, разоряли и жгли города и селенія и подошли, наконецъ, близко къ самой столицѣ. А у шведовъ нѣтъ силы оказать сопротивленіе, и дольше бороться они не могутъ.

Вновь начались переговоры. И давно желанный миръ заключенъ былъ, наконецъ, въ Ни-Штадтѣ (1721 г.). Швеція навѣки уступила Россіи не только Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и часть Кореліи, но еще и часть Финляндіи.

Такъ и исполнилось, наконецъ, завѣтное желаніе московскихъ царей: Россія пробилась къ морю и твердою стопою стала на немъ.

Долголѣтніе труды русскаго народа и его великаго вождя не пропали даромъ: великія жертвы народныя щедро вознаграждены и небывалою еще для Россіи славою и неисчислимыми на всѣ будущіе вѣка выгодами.

Радовался свѣтлою радостію державный плотникъ корабельный и знаменитый шкиперъ, что такъ блистательно окончилъ вмѣстѣ съ народомъ своимъ курсъ ученія, хоть и длился этотъ курсъ двадцать одинъ годъ, — втрое дольше положеннаго для школьниковъ времени. Успѣшно прошли русскіе люди, по его собственнымъ словамъ, „троевременную школу, столь кровавую и жестокую, и весьма опасную, и нынѣ такой миръ получили незаслуженною отъ Бога милостію“.

Радовалась вмѣстѣ съ царемъ и вся Россія.

Праздникъ мира.

Четвертаго сентября (1721 г.) весь Петербургъ пришелъ въ необычайное волненіе.

Царь неожиданно воротился изъ морской поѣздки, плыветъ по Невѣ и каждую минуту стрѣляетъ изъ пушекъ.

Трубачъ при немъ во всю мочь радостно трубитъ. Все судно изукрашено флагами.

Что все это значитъ? Что случилось?

Миръ!

Толпы народа собираются у Троицкой пристани. Съѣзжается вся знать, — духовные и свѣтскіе. Громкими, радостными криками привѣтствуютъ всѣ радостнаго государя.

Царь идетъ со всѣми въ Троицкій соборъ къ молебну.

Приближенные знаютъ, чѣмъ подарить царя въ такую радостную и торжественную минуту: генералъ-адмиралъ и министры просятъ государя принять высшій чинъ адмирала.

На Троицкой площади ужъ приготовлены кадки съ виномъ и пивомъ. Посрединѣ устроено возвышенное мѣсто. На него всходитъ Петръ. Замерла вся людная площадь; всѣ знаютъ уже, что скажетъ онъ, но каждому хочется еще и еще слушать добрую вѣсть. Царь радостно и громко говоритъ народу:

„Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ съ Швеціей счастливый вѣчный миръ!"

Сказавши это, Петръ беретъ ковшъ съ виномъ и пьетъ за здоровье всего русскаго народа.

Народъ плачетъ отъ радости, и вся площадь гремитъ криками: „Да здравствуетъ государь!"

Съ крѣпости раздаются пушечные выстрѣлы. Полки солдатъ на площади палятъ изъ ружей.

По всему городу ѣздятъ драгуны, съ бѣлыми перевязями черезъ плечо, съ знаменами и лавровыми вѣтвями. Передъ ними трубачи. Драгуны громко выкрикиваютъ на площадяхъ и перекресткахъ радостную вѣсть о мирѣ.

Къ десятому числу изготовленъ потѣшный маскарадъ изъ тысячи масокъ. Маскарадная потѣха продолжается цѣлую недѣлю. Петръ на ряду со всѣми веселится, какъ ребенокъ, — пляшетъ, пѣсни поетъ.

Вторичное церковное торжество назначено на 22-е октября. За день до этого Петръ пріѣзжаетъ въ Сенатъ и объ-

являетъ милости народу, — прощаетъ виноватыхъ, слагаетъ долги и недоимки, накопившіеся за время войны.

А Сенатъ въ тотъ же день рѣшаетъ воздать и Петру честь по заслугамъ отъ имени всего государства.

22 октября царь со всѣми сенаторами, министрами, со всею знатью въ Троицкомъ соборѣ, переполненномъ и народомъ. И вокругъ собора толпы народа и стройные ряды войска.

По окончаніи торжественной службы прочитанъ мирный договоръ со шведами.

Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ проповѣдь, въ которой краснорѣчиво описалъ всѣ знаменитыя дѣла государя и въ заключеніе сказалъ, что отнынѣ онъ достоинъ называться Отцомъ отечества, Императоромъ и Великимъ.

По окончаніи проповѣди подходятъ къ Петру сенаторы, и старѣйшій изъ нихъ, канцлеръ графъ Головкинъ, говоритъ рѣчь государю:

„Вашего царскаго величества славными воинскими и политическими дѣлами, неусыпными трудами и руковожденіемъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на театръ славы всего свѣта, и тако рещи (такъ сказать) изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политическихъ народовъ присовокуплены; и того ради како мы возможемъ за то по достоинству возблагодарить васъ! Однакожъ, да не явимся тщетными въ зазоръ всему свѣту: дерзаемъ мы, именемъ всего Всероссійскаго государства молити, да благоволите отъ насъ пріяти титулъ Отца Отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго. Виватъ, виватъ, виватъ, Петръ Великій, Отецъ Отечества, Императоръ Всероссійскій!“

За канцлеромъ Головкинымъ прокричали три раза „виватъ!“ и всѣ сенаторы, а за ними повторили этотъ крикъ и весь народъ въ церкви и внѣ церкви, и все войско. Загудѣлъ колокольный звонъ, загремѣли трубы и литавры, затрещала ружейная пальба, загрохотали пушки.

„Должно всѣми силами благодарить Бога, — отвѣчалъ на привѣтствія новый Императоръ, — но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія

монархіи Греческой. Надлежитъ стараться о пользѣ общей внутри и внѣ, отъ чего народъ получитъ облегченіе" *).

За новою столицею радостно и торжественно отпраздновали славный миръ и въ Москвѣ, и во всей Россійской Имперіи, возвеличенной трудами государя и всего народа русскаго.

Плоды побѣдъ.

Неисчислимы тѣ выгоды, какія пріобрѣла Россія отъ славныхъ побѣдъ и мира со Швеціей. Огромны и тѣ послѣдствія, которыя произошли отъ этихъ побѣдъ, для всей послѣдующей жизни не только Россіи, но и всей Европы.

Назовемъ здѣсь хотя самые главнѣйшіе плоды побѣдъ.

1. Съ древнѣйшихъ временъ стремилась Русь къ берегамъ моря Балтійскаго, доходила до нихъ и опять отступала подъ давленіемъ разныхъ невзгодъ. Обладаніе этими берегами стало, наконецъ, завѣтнымъ стремленіемъ московскихъ царей. И этотъ завѣтъ принялъ на себя Петръ, какъ дорогое отчее наслѣдство, и осуществилъ въ такой мѣрѣ, въ какой никто и не чаялъ.

Возвративъ себѣ на западной окраинѣ древнее свое достояніе и завоевавъ еще новыя области морского побережья, Россія дошла на Западѣ до своихъ природныхъ границъ. А такія границы, какъ моря и горы, служатъ для государства лучшимъ оплотомъ отъ завистливыхъ и безпокойныхъ сосѣдей.

2. Морскія границы и тѣмъ еще выгодны для народа, что открываютъ готовые и вольные пути для торговли. А отъ торговли народъ богатѣетъ, становится дѣятельнѣе, предпріимчивѣе, перестаетъ быть неповоротливымъ домосѣдомъ. И чѣмъ больше у народа морского побережья, чѣмъ изви-

---

*) Не одинъ разъ и Московскимъ царямъ и Петру совѣтовали принять на себя титулъ „Императора Восточнаго"; но Петръ рѣшительно отвергнулъ эту ветошь и принялъ титулъ Императора Всероссійскаго; тѣмъ самымъ онъ раздѣлилъ свою славу съ роднымъ народомъ и отдалъ народу должное ему уваженіе.

листѣе это побережье, чѣмъ больше на немъ малыхъ заливовъ и глубокихъ бухтъ, тѣмъ это лучше для торговли, выгоднѣе для народа.

3. Балтійское море для сѣверо-западной Европы тоже, что для южной и юго-западной Средиземное: на него сходятся всѣ сѣверо-западныя государства, черезъ него можно сообщаться и съ народами всего міра.

Открывъ для Россіи Балтійское побережье, Петръ далъ русскимъ возможность знакомиться и дружиться со всѣми просвѣщенными народами Европы и всего міра.

4. Всѣ мы знаемъ, что „съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься", и что „хорошее знакомство въ прибыль намъ". Примѣромъ тому служитъ самъ Петръ.

Такъ и для цѣлаго народа близкое знакомство съ просвѣщенными народами приноситъ великую пользу, какъ матеріальную, такъ и духовную.

Знакомясь съ просвѣщенными народами, мы узнаемъ отъ нихъ много новаго, добраго и умнаго, полезнаго для насъ, учимся, перенимаемъ, примѣняемъ къ своей жизни, и жизнь свою устраиваемъ лучше прежняго.

Такъ, при первыхъ кіевскихъ князьяхъ, черезъ торговлю мы сблизились съ просвѣщенными греками и научились отъ нихъ и вѣрѣ христіанской, и грамотѣ, переняли многіе законы и полезныя искусства.

Татарское иго оторвало насъ отъ общенія съ просвѣщенными народами и поставило лицомъ къ лицу съ дикими азіатами. Западные сосѣди наши шли безъ задержки впередъ и впередъ въ своемъ развитіи, матеріальномъ и духовномъ, а русскій народъ остановился, бѣднѣлъ и перенималъ многое грубое отъ азіатовъ.

Къ петровскому времени западно-европейскіе народы стали старше насъ въ своемъ развитіи больше чѣмъ на два вѣка. Они перешли уже въ зрѣлый возрастъ, а мы все еще въ младшемъ оставались, хотя природныхъ способностей у насъ и не меньше другихъ было.

И до Петра лучшіе русскіе люди хорошо понимали, что надо намъ учиться у западно-европейскихъ народовъ, и

учились, и перенимали понемногу все доброе и хорошее; но близкому общенію съ ними многое намъ мѣшало.

И вотъ теперь, напрягая всѣ свои силы, Россія молодая мужала съ геніемъ Петра, стремилась сравняться съ Европой.

Завоевавъ побережье Балтійскаго моря, Петръ тѣмъ самымъ „въ Европу прорубилъ окно“ и распахнулъ дверь, чтобы свѣтъ наукъ, искусствъ и лучшихъ порядковъ свободно проходилъ бы къ намъ, чтобы свободно и удобно было и намъ выходить въ Европу, и къ намъ изъ Европы приходить. Такъ и установится у русскаго народа живая и добрая связь съ просвѣщенными европейскими народами, и научимся мы отъ нихъ многому, и получимъ отъ этого и матеріальныя, и духовныя выгоды.

5. Но не все же мы будемъ только учениками. Перейдетъ русскій народъ въ зрѣлый возрастъ, сравняется со старшими братьями своими, и заживетъ общей съ ними жизнію. Доброе общеніе народовъ порождаетъ такимъ образомъ новыя силы, умножаетъ силы для общаго мирнаго преуспѣянія.

Великія побѣды Петра открыли Европѣ новыя русскія силы, ввели въ семью возмужалыхъ европейскихъ народовъ новый могущественный, хотя еще и молодой, русскій народъ. Выраститъ этотъ народъ, возмужаетъ, и самъ внесетъ въ общую міровую жизнь и свой вкладъ, свое разумное и доброе.

6. Могущественный народъ, какъ и сильный, но необузданный человѣкъ, стремится наложить на всѣхъ сосѣдей свою мощную руку, чтобъ поживиться на ихъ счетъ, а подчасъ и обобрать ихъ. Такими властными государствами въ юго-западной Европѣ были тогда Австрія и Франція, а на сѣверѣ—Швеція. Своекорыстно властвуя во всей Европѣ, они притѣсняли слабыя государства, обирали ихъ. Стараясь перетянуть силу — власть на свою сторону, они постоянно враждовали межъ собою, пользовались всякими средствами, чтобъ ослабить другъ друга. Хуже всего приходилось отъ этого народамъ и государствамъ малосильнымъ.

Россія стояла тогда въ сторонѣ, особнякомъ ото всѣхъ. Германцы, французы и англичане считали ее азіатскимъ,

а не европейскимъ народомъ, смотрѣли на нее съ презрѣніемъ. Малосильна была Россія, и съ нею не церемонились. Европейскіе торговые люди обогащались на счетъ русскихъ, Швеція и Польша захватили себѣ ея области.

Швеція, особенно же нѣмцы, а отчасти и французы, старались наложить свою руку и на Польшу и успѣвали въ этомъ, потому что Польша уже умирала въ это время отъ своихъ внутреннихъ неурядицъ.

Всѣ другіе славянскіе народы находились въ полномъ порабощеніи у Турціи и Австріи; иные изъ нихъ уже стали забывать и про то, что они славянскаго племени. Германское и романское племя считали себя господами въ Европѣ, а Славянъ ставили ни во что, смотрѣли на нихъ съ пренебреженіемъ.

Своими побѣдами Петръ заставилъ Швецію возратить прежнимъ хозяевамъ захваченное у нихъ имущество, поставилъ ее въ ея собственныя природныя границы, и теперь уже не Швеція, а Россія стала могущественнымъ государствомъ сѣверной и восточной Европы.

Россія входитъ теперь равноправнымъ членомъ въ семью европейскихъ государствъ. Безнаказанно обидѣть ее теперь никто не можетъ. Ея голосъ за себя и за другихъ теперь всѣ услышатъ. При спорахъ и раздорахъ, на чью сторону станетъ Россія, тотъ и одержитъ верхъ. Она будетъ теперь наравнѣ съ другими рѣшать вопросы общеевропейскіе, какъ для нея самой, такъ и для другихъ народовъ одинаково важные.

И теперь уже европейскіе государи ищутъ союза съ Петромъ, а послѣ Петра,—при Екатеринѣ II, при Александрѣ I и послѣдующихъ русскихъ государяхъ,—голосъ Россіи займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ сложномъ хорѣ европейскихъ государствъ, и ни одинъ общеевропейскій вопросъ не будетъ рѣшенъ безъ Россіи.

Такъ, своими побѣдами Петръ Великій и ввелъ Россію въ семью *политическихъ* государствъ Европы.

7. Разсчитавшись съ Швеціей, Петръ приблизилъ и окончательный разсчетъ Россіи съ Польшей.

„Уже давно между собою враждуютъ эти племена: не разъ клонилась подъ грозою то ихъ, то наша сторона". Во времена нашихъ невзгодъ отошли во власть Польши огромныя русскія области съ православнымъ русскимъ населеніемъ и жили въ большомъ угнетеніи. Польша владѣла землями „отъ моря до моря", и почти весь Днѣпръ съ землями по обѣ стороны былъ польскою рѣкою. Въ годины смуты-лихолѣтья польскій король ужъ протянулъ свою властную руку, чтобы возложить на себя вѣнецъ царей московскихъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ въ тѣсномъ союзѣ со всѣмъ народомъ русскимъ сократилъ эти притязанія. При Алексѣѣ Михаиловичѣ отошла къ Россіи отъ Польши огромная русская область—Малороссія, и Петръ окончательно закрѣпилъ ее за Россіей. И потомъ отъ внутреннихъ неурядицъ Польша слабѣла съ каждымъ годомъ и подчинялась чуждымъ вліяніямъ.

Стремясь довести Россію лишь до ея природныхъ границъ, Петръ не думалъ о захватахъ въ польскихъ земляхъ. Но для Россіи важно было, чтобы сосѣдняя съ нами и родственная по племени Польша не подчинилась враждебнымъ Россіи вліяніямъ, и Петръ заботливо не допускалъ этихъ чуждыхъ намъ вліяній. Если Польша не можетъ уже болѣе управляться самостоятельно, то она должна подчиняться вліянію одной Россіи, быть ей одной послушной. Россія станетъ теперь покровительствовать русскимъ, подвластнымъ Польшѣ.

При Екатеринѣ II и всѣ русскія области съ православнымъ населеніемъ отойдутъ отъ Польши къ Россіи.

8. Одолѣвъ Швецію, подчинивъ своему вліянію Польшу, Петръ показалъ силу Россіи и третьему исконному нашему врагу — туркамъ съ подвластными имъ крымскими татарами, которымъ съ этого времени мы не платимъ ужъ больше позорной дани. Пускай Россія отказалась отъ завоеваній на побережьѣ Азовскаго и Чернаго морей. Она теперь сильна и внутри у себя, и у сосѣдей, и въ западной Европѣ. Побережье Азовскаго и Чернаго морей съ Кавказскими горами— природная граница Россіи, и дойти до этой естественной границы дѣло лишь времени. При Екатеринѣ II займетъ Россія политыя русскою кровью южныя степи, займетъ Крымъ

и утвердится прочно на всемъ сѣверномъ черноморскомъ побережьѣ.

9. Видятъ силу Россіи и турки, и порабощенныя ими единоплеменныя намъ славянскія племена, и единовѣрные съ нами православные народы. И прежде, при царяхъ московскихъ, они съ надеждою смотрѣли на Россію и ждали отъ нея одной избавленія отъ тяжкаго и позорнаго рабства. Покровительствовали имъ цари московскіе, какъ могли, и деньгами помогали. Теперь же надежда у этихъ народовъ возросла и укрѣпилась, и твердо вѣрятъ они, что могучая, единокровная и единовѣрная Россія освободитъ ихъ отъ рабства, призоветъ къ новой самостоятельной жизни и поставитъ славянство на почетное мѣсто въ Европѣ. Не безъ пользы будетъ это и для Россіи: въ славянахъ она пріобрѣтетъ естественныхъ союзниковъ себѣ.

И преемники Петра оправдали эти надежды. Славянское племя, во главѣ съ Россіей, занимаетъ теперь почетное мѣсто въ Европѣ, наравнѣ съ германскимъ и романскимъ племенами. И впредь каждое изъ этихъ племенъ будетъ свободно развивать свои природныя силы и внесетъ въ общую духовную сокровищницу Европы свои таланты, свой геній — на благо всего міра.

Такъ, Петръ въ союзѣ съ народомъ своимъ и исполнили вѣковые завѣты предковъ. Многое доведено до конца, многое только начато, и указаны лишь широкіе и прямые пути для дальнѣйшихъ трудовъ. И геніальный Петръ, и могучій народъ русскій показали себя достойными другъ друга.

Тяжки были эти труды и жертвы, которые подняли на свои плечи царь и народъ, но столь же велики и плоды. Велики и благотворны эти плоды для Россіи и всего славянства, значительны и важны они и для всей Европы.

Правильно сказали современники Петра, что онъ ввелъ русскій народъ въ общество политическихъ народовъ, и прославилъ его, и призвалъ къ новой жизни. И мы вмѣстѣ съ ними съ благодарностію скажемъ: Виватъ, виватъ, виватъ! Петръ Великій, отецъ Отечества, императоръ Всероссійскій! Виватъ, виватъ, виватъ, и могучій русскій народъ!

Дѣла съ Востокомъ.

Напрягая всѣ силы Россіи, чтобъ добыть морской путь на европейскій Западъ, Петръ заботливо искалъ выгодъ и на Востокѣ азіатскомъ.

Невѣжественны и дики азіаты, учиться у нихъ нечему, родниться съ ними незачѣмъ; но близкіе сосѣди они наши, и много у нихъ богатствъ природныхъ: такъ выгодно съ ними завести торговлю.

Тамъ разноплеменный богатый Кавказъ, населенный полудикими магометанскими племенами и просвѣщенными когда-то христіанскими народами, изнывающими теперь подъ звѣрскимъ игомъ Персіи. Тамъ, далѣе на востокъ отъ Каспійскаго моря, дикія орды кочевниковъ и такія же дикія среднеазіатскія ханства — Бухара и Хива, загородившія собою дорогу въ Индію, славную съ древнѣйшихъ временъ своими сказочными богатствами. Тамъ, еще дальше, дремлющій въ тысячелѣтнемъ снѣ, неподвижный Китай многолюдный, отгородившійся стѣною отъ всего свѣта.

Необъятенъ дикій Востокъ, неисчислимы и неисчерпаемы его богатства; но не знаютъ имъ цѣны, не умѣютъ пользоваться ими азіаты. Съ давнихъ временъ стремятся европейскіе народы захватить въ свои руки богатства Востока, везутъ свои товары въ Индію, въ Китай и Персію, вывозятъ оттуда несмѣтныя сокровища и обогащаются на счетъ азіатовъ. Ѣздятъ туда европейцы и далекимъ морскимъ путемъ вокругъ Африки, отправляютъ караваны съ товарами и по опаснымъ отъ дикарей сухопутнымъ дорогамъ.

Россія занимаетъ мѣста серединныя между предпріимчивымъ Западомъ и неподвижнымъ, лѣнивымъ Востокомъ. Удобно и выгодно было бы русскимъ умножить свою торговлю съ Востокомъ. Великія выгоды получили бы мы и оттого, если бы вся европейская торговля съ Азіей пошла черезъ наши земли и при нашемъ посредничествѣ. Всякій знаетъ, какъ богатѣютъ села и города на большихъ торговыхъ трактахъ,—такъ оживилась бы и разбогатѣла и вся наша страна: торговля на своемъ пути золото роняетъ.

Сдѣлается Россія посредникомъ въ торговлѣ между Европой и Азіей, передастъ она при этомъ азіатамъ и духовныя богатства, послужитъ ихъ просвѣщенію для блага всего міра.

Но торговлѣ нужны удобные пути; необходимо и обезопасить эти пути отъ дикарей-хищниковъ.

Занявъ всю Волгу до Астрахани, Россія подошла и къ Персіи, и къ прикавказскимъ землямъ. Водный путь и дешевъ, и удобенъ. Московскіе цари старались, сколько хватало средствъ и силы, обезопасить Волжскій путь отъ хищныхъ инородцевъ и отъ своихъ разбойниковъ казаковъ. Вверхъ и внизъ по Волгѣ издавна ходили торговые караваны судовъ и съ нашими, и съ кавказскими, и персидскими товарами. Но торговля наша расширялась медленно и шла не бойко.

Петръ соединилъ Волгу съ Невою искусственными водными путями и тѣмъ самымъ проложилъ большой торговый трактъ отъ Балтійскаго моря до Каспійскаго, связалъ и сблизилъ западную нашу границу съ юго-восточной. Выгоденъ этотъ путь для внутренней нашей торговли, могъ онъ сослужить добрую службу и для заграничной.

Но для полной безопасности этого пути на югѣ, для широкаго развитія торговли съ прикаспійскими странами, нужно такъ же твердо стать на побережьѣ Каспійскаго моря, какъ мы утвердились уже на Балтійскомъ.

Неотступно занимала Петра мысль и о томъ, нельзя ли найти водный путь отъ Каспійскаго и Аральскаго морей до богатой Индіи: страны тамъ неизвѣданныя, и, можетъ-быть, найдутся рѣки, которыя берутъ свое начало близъ Индіи и текутъ въ море Каспійское или Аральское,—думалъ Петръ. Можетъ-быть, рѣки этихъ морей близко подходятъ къ индійскимъ рѣкамъ, и тогда можно будетъ соединить однѣ съ другими искусственно, какъ соединили Каспійское море съ Балтійскимъ. Найдись такія рѣки, и откроется тогда изъ Балтійскаго моря прямой путь въ Индію!

Не одинъ разъ пытался Петръ укрѣпить дружбу Россіи съ сосѣдомъ — Китаемъ, завязать и съ нимъ взаимную торговлю.

Всѣ эти задачи были очень трудныя: разстоянія дальнія, страны невѣдомыя, народы дикіе. Но Петра препятствія никогда не пугали, неудачи не останавливали, лишь было бы для чего потрудиться.

Еще въ 1692 г. отправленъ былъ съ государевою грамотою Елизарій Избрантъ въ „царствующій градъ Пежинъ" (Пекинъ). Избранту было наказано, чтобъ просилъ онъ богдыхана высылать въ Москву серебра добраго пудъ по тысячѣ и больше со своими купчинами, которые покупали бы у насъ вмѣсто этого всякіе товары, русскіе и нѣмецкіе; чтобъ приказалъ богдыханъ высылать къ намъ и дорогіе камни, и пряныя зелья, и всякіе коренья, какіе въ Китайскомъ государствѣ водятся, и чтобъ велѣлъ китайцамъ пріѣзжать въ Россійское государство со всякими товарами.

Вмѣстѣ съ грамотой посланы были богдыхану отъ царя и богатые подарки въ знакъ дружбы.

Какъ только показалъ Избрантъ приближеннымъ богдыхана царскую грамоту, такъ и получилъ, прежде всего выговоръ за то что въ грамотѣ царское имя и царскій титулъ написаны впереди, а богдыхановы послѣ. И отдали послу назадъ и грамоту, и подарки.

Но все же богдыханъ посла къ себѣ принялъ. По китайскому обычаю, Избрантъ сталъ передъ богдыханомъ на колѣни и до земли ему кланялся.

Богдыханъ жаловалъ Избранта изъ своихъ рукъ, только чрезъ ближняго человѣка, виномъ горячимъ и спрашивалъ у него: „Какъ скоро можно поспѣть сухимъ и водянымъ путемъ изъ Московскаго государства до французской, италійской и польской земель?"

А про настоящее дѣло богдыханъ съ Избрантомъ говорить не соизволилъ. Не стали говорить съ нимъ о дѣлахъ и ближніе богдыхановы люди, и купцы китайскіе, какъ ни старался нашъ посолъ разглашать всѣмъ о вольной торговлѣ въ Россіи и про хорошіе русскіе товары.

Невеликій успѣхъ получили потомъ и другіе наши послы къ богдыхану, а на одного такъ богдыханъ даже очень разгнѣвался. Богдыханъ спросилъ у посла,—учился ли онъ

астрономіи? Тотъ отвѣчалъ ему, что учился. А когда богдыханъ спросилъ посла объ одной звѣздѣ, которая называется у китайцевъ „Золотой Гвоздь“, то посолъ грубо отвѣтилъ: „Я на небѣ не бывалъ, именъ у звѣздъ не спрашивалъ“.

Въ 1719 г. Петръ отправилъ къ богдыхану чрезвычайнымъ посланникомъ капитана лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Льва Измайлова, человѣка умнаго и знающаго обхожденіе.

Измайловъ торжественно и пышно въѣхалъ въ Пекинъ и объявилъ богдыхановымъ ближнимъ людямъ, что пріѣхалъ отъ его Императорскаго величества съ любительною грамотою для подтвержденія прежней дружбы, и что въ государевой грамотѣ написанъ одинъ титулъ богдыхановъ, а императорское величество изволилъ только подписать свое высокое имя безъ титула.

Ближніе богдыхановы люди остались этимъ довольны, только уговаривали Измайлова, чтобы онъ, когда будетъ у богдыхана, то поступалъ бы учтиво.

Богдыханъ принялъ Измайлова милостиво, взялъ государеву грамоту прямо изъ рукъ посланника и устроилъ для него нарочитый пиръ со знатными людьми.

Разспрашивалъ Измайлова богдыханъ про астрономію и другія науки, какія есть въ Россіи. Объявилъ, что онъ оказываетъ Императорскому величеству дружбу и любовь, что его богдыханова милость является и ко всѣмъ ученымъ людямъ, про что и въ Европѣ извѣстно.

Потомъ Измайлова позвали во дворецъ и въ другой разъ, и богдыханъ сказалъ ему привѣтливо: „Прежде я тебя принялъ и угостилъ по нашему обычаю, а теперь поступай по-своему, — ѣшь и веселись запросто“.

Измайлова угостили прекраснымъ обѣдомъ, приготовленнымъ по-европейски. Послѣ обѣда богдыханъ сказалъ послу на прощанье: „Скажу я тебѣ два слова; ты на нихъ ничего не отвѣчай, а только держи въ памяти, чтобъ донести мои слова своему государю. Царское величество такой великій и славный монархъ, и владѣніе имѣетъ большое. Слышалъ я, что онъ изволитъ ходить на корабляхъ противъ непріятеля своего. А море махина великая, и бываютъ на томъ

морѣ волны огромныя, и отъ того приходитъ страхъ не малый. Такъ изволилъ бы государь свое здоровье хранить, потому что есть у него добрые воины и вѣрные слуги, изволилъ бы ихъ посылать, а самъ былъ бы въ покоѣ, потому что я желаю быть съ его величествомъ въ великой дружбѣ. Не въ указъ говорю, чтобъ непріятелямъ своимъ не противился, но жалѣя объ особѣ его величества: дружба наша тогда не повредится. Да изъ-за чего намъ и ссориться? Россія государство холодное и дальнее. Если бъ я послалъ свои войска, то всѣ померзли бы, и хотя чѣмъ-нибудь и завладѣли бы, то какая въ томъ прибыль? А наша страна жаркая, и если императорское величество пошлетъ противъ меня свои войска, то могутъ напрасно помереть, потому что къ жару не привычны. И хотя бы и завладѣли чѣмъ-нибудь, не великая прибыль, потому что въ обоихъ государствахъ земли множество".

Съ министрами богдыхана Измайловъ говорилъ о свободной и безпошлинной торговлѣ Россіи съ Китаемъ. Онъ настаивалъ, чтобы русскимъ купцамъ дозволено было построить православную церковь, чтобы русскіе люди пользовались въ Китаѣ такими же правами, какъ и во всемъ свѣтѣ, чтобы въ Китаѣ были по разнымъ городамъ русскіе консулы, и въ Россіи китайскіе.

Министры на это отвѣтили уклончиво:

„У нашего государя торговъ никакихъ нѣтъ. Мы купеческими дѣлами пренебрегаемъ, у насъ ими занимаются самые убогіе люди и слуги. А вы купечество свое высоко ставите. Пользы намъ отъ вашей торговли никакой нѣтъ, товаровъ русскихъ у насъ много, хотя бы ваши люди и не возили".

Чуждались китайцы европейцевъ, и не желали они пускать ихъ внутрь своей страны. И богдыханъ, и министры мало заботились о пользѣ своего народа, торговыми и всякими другими выгодами пренебрегали и думали только о своемъ покоѣ, да о почетѣ. Азіатскіе правители твердо убѣждены, что народъ для нихъ существуетъ, а не они для народа.

Съ Китаемъ торговое дѣло плохо ладилось; еще хуже того окончилось дѣло съ дикими средне-азіатскими ханствами.

Дошли до Петра извѣстія о металлическихъ богатствахъ Средней Азіи. Писали ему изъ Сибири, что близъ калмыцкаго городка Эркети, по рѣкѣ Дарьѣ, добываютъ песочное золото. Сильно нуждаясь въ деньгахъ, Петръ посылаетъ изъ Сибири въ Среднюю Азію развѣдывать о золотѣ, строить городки, укрѣпляться въ этихъ земляхъ. Но мѣста эти были далекія отъ Сибири, земли пустынныя, народы дикіе, — и дѣло не ладилось.

Тогда рѣшаетъ Петръ подойти къ ханствамъ съ близкой стороны — отъ Каспійскаго моря. Даетъ государь такой указъ Сенату (1714 г.): „Послать въ Хиву къ хану съ поздравленіемъ на ханство; а оттоль ѣхать въ Бухары къ хану, сыскавъ какое ни на есть дѣло торговое. А настоящее дѣло въ томъ, чтобъ провѣдать про городъ Эркетъ, сколько далеко оный отъ Каспійскаго моря, и нѣтъ ли какихъ рѣкъ оттоль въ Каспійское море“.

Посломъ къ хивинскому хану назначили князя Александра Бековича Черкасскаго. Онъ и прежде бывалъ на Каспійскомъ морѣ и составилъ описаніе его побережья.

Князю данъ такой наказъ:

„Построить крѣпость на тысячу человѣкъ надъ гаванью, гдѣ было прежде устье Дарьи-рѣки.

„Ѣхать къ хану хивинскому дружественнымъ посломъ, а путь держать подлѣ Дарьи-рѣки и осматривать прилежно ея теченіе, а также и плотины, и нельзя ли эту воду опять обратить въ старое ложе, а прочія устья запереть, которыя идутъ въ Аральское море.

„Хана хивинскаго склонить къ вѣрности и подданству, обѣщая ему наслѣдственное владѣніе и гвардію нашу для охраны.

„Просить хана, чтобъ далъ проводниковъ по Сыръ-Дарьѣ рѣкѣ вверхъ до Эркети городка для осмотрѣнія золота. Также просить у него судовъ, и на нихъ отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію, наказавъ, чтобъ изъѣхалъ ее, пока суда могутъ идти, и потомъ продолжалъ бы путь въ Индію, примѣчая рѣки и озера и описывая водяной и сухой путь. Если же въ Индіи услышитъ о лучшемъ

пути къ морю Каспійскому, то возвратиться тѣмъ путемъ и описать его.

„Будучи у хивинскаго хана, провѣдать о Бухарскомъ, нельзя ли его хотя не въ подданство, то въ дружбу привести такимъ же образомъ, ибо тамъ ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ.

„Развѣдывать о пряныхъ зельяхъ и о другихъ товарахъ".

Съ Черкасскимъ отправили инженеровъ и купцовъ, снарядили большой отрядъ солдатъ и казаковъ и крѣпко наказали, чтобы съ жителями тѣхъ земель обходились ласково и безъ тягости.

Не такъ просты были хивинцы, чтобы не увидѣть, что Черкасскій приходитъ къ нимъ не посломъ дружественнымъ. Догадались они, что хочетъ князь взять Хиву обманомъ и силой покорить ее подъ власть Московскаго царя. „Для чего вы города строите на чужой землѣ?" говорили они. И стали хивинцы собирать свое войско, неожиданно напали на русскихъ и много народу перебили.

Хивинскій ханъ встрѣтился съ княземъ Черкасскимъ какъ будто и дружелюбно, ѣлъ и пилъ вмѣстѣ съ нимъ; но потомъ весь отрядъ Черкасскаго хивинцы перехватали и перебили. И самого его казнили лютою смертію.

Въ дѣлѣ этомъ много зла русскимъ причинили и Калмыки.

Калмыки были послѣдними выходцами изъ Азіи въ Европу. Запоздали они приходомъ и встрѣтили на своемъ пути уже не раздробленную на удѣлы Русь, а сильное Московское царство, основались въ южныхъ степяхъ по Яику (Уралу), Волгѣ и Дону, и волей — неволей должны были Москвѣ покориться. Но покорность эта была ненадежная: власть Москвы казалась дикимъ степнякамъ тяжелою, и они къ своимъ рвалися—то къ хивинцамъ на востокъ, то на западъ къ Кубанской ордѣ и къ татарамъ Крымскимъ, и тѣмъ постоянно измѣняли Россіи, мѣшали складываться мирной жизни на юго-восточной окраинѣ нашей и торговымъ замысламъ Петра на Каспійскомъ морѣ.

Необходимо Россіи обуздать и калмыковъ, и всѣхъ другихъ инородцевъ на востокѣ и югѣ, а для этого нужно

прочно стать на побережьѣ Каспійскаго моря и на восточномъ Кавказѣ.

Обстоятельства такъ и сложились, что намѣреніе Петра скоро и быстро осуществилось.

Каспійское море въ большей своей части принадлежало Персіи; Персіи же подвластны были многіе племена и народы на Кавказѣ и въ Закавказьѣ. Одни изъ этихъ племенъ были христіане, другіе—магометане.

Христіанскіе народы (Армяне, Грузины) жили въ рабствѣ у Персовъ и терпѣли отъ нихъ невыносимо тягостныя притѣсненія: вѣра и честь были поруганы, свобода отнята, жизнь и имущество беззащитны. Персидское иго было несравненно злѣе и тягостнѣе нашего татарскаго. А когда-то и Армянское, и Грузинское царство были и сильными, и просвѣщенными. Съ давнихъ поръ христіанскіе народы Кавказа съ надеждой смотрѣли на единовѣрную Россію и ждали отъ нея избавленія отъ конечной своей погибели.

Знатный армянинъ Орія писалъ (1701 г.) Петру:

„Вашему царскому величеству извѣстно, что въ Армянской землѣ въ старину былъ король и князья христіанскіе, а потомъ отъ несогласія своего пришли подъ иго невѣрныхъ. Больше 250 лѣтъ стонемъ мы подъ этимъ игомъ, и какъ сыны Адамовы ждали пришествія Мессіи, который бы избавилъ ихъ отъ вѣчной смерти, такъ и убогій нашъ народъ жилъ и живетъ надеждою помощи отъ вашего царскаго величества. Есть пророчество, что въ послѣднія времена невѣрные разсвирѣпѣютъ и будутъ принуждать христіанъ къ принятію своего закона. Тогда придетъ отъ Москвы великій государь, превосходящій храбростію Александра Македонскаго; онъ возьметъ царство Армянское и христіанъ избавитъ отъ гнуснаго ига. Мы вѣримъ, что исполненіе этого пророчества приближается“.

О томъ же самомъ просили Петра и Грузины.

„Вся Арменія и Грузія будутъ въ вашихъ рукахъ, — писалъ Петру Орія, — и въ Анатоліи много Грековъ и Армянъ, и тамъ вамъ съ радостію покорятся. Тогда увидятъ и Турки, что это прямой путь для васъ въ Константинополь“.

Оріи было объявлено, что царское величество принимаетъ его предложеніе благопріятно, начать и совершить предпріятіе не отрицается, только не теперь, потому что теперь идетъ война Шведская, и начинать другую войну трудно. А когда Шведская война кончится, то освобожденіе Армянъ будетъ непремѣнно.

Время благопріятное, дѣйствительно, приближалось.

Въ 1715 г. Петръ отправилъ посломъ въ Персію Артемія Волынскаго, которому даны были такія порученія:

„Ѣдучи по владѣніямъ шаха персидскаго какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ, присматривать прилежно всѣ мѣста,—пристани и города и прочія поселенія, и какія гдѣ въ море Каспійское рѣки большія впадаютъ“.

Къ этому Петръ собственноручно еще прибавилъ: „Узнавать и до которыхъ мѣстъ по инымъ рѣкамъ можно ѣхать отъ моря и нѣтъ ли какой рѣки изъ Индіи, которая бы впала въ сіе море“.

Поручено было Волынскому искусно развѣдывать въ Персіи про войска и крѣпости и смотрѣть, какимъ способомъ въ тѣхъ краяхъ русское купечество размножить, и нельзя ли черезъ Персію учинить купечество въ Индію. Склонить шаха, чтобъ, повелѣно было Армянамъ весь свой торгъ шелкомъ-сырцомъ обратить проѣздомъ въ Россійское государство, объясняя шаху удобство водяного пути до самаго Петербурга.

Волынскій, такимъ образомъ, долженъ былъ развѣдывать и хлопотать о расширеніи торговли съ Персіей, объ отысканіи пути въ Индію для торговыхъ же цѣлей и собирать необходимыя свѣдѣнія на случай войны съ Персіей.

Свѣдѣнія о Персіи и Кавказѣ Волынскій собралъ, но у самого шаха Гуссейна не могъ добиться никакого толку.

„Ибо здѣсь,— писалъ Волынскій о шахѣ Гуссейнѣ, — такая нынѣ глава, что не онъ надъ подданными, но у своихъ подданныхъ подданный, и, чаю, рѣдко такого дурачка можно сыскать между простыхъ, не токмо изъ коронованныхъ. Того ради самъ ни въ какія дѣла вступать не изволитъ, но во всемъ положился на своего намѣстника, который вся

каго скота глупѣе, а шахъ у него изо рта смотритъ, и что велитъ, то дѣлаетъ. Прочіе же всѣ, которые при шахѣ ни были поумнѣе,—тѣхъ всѣхъ изогналъ, и нынѣ, кромѣ его, почти никого нѣтъ, и такъ дѣлаетъ, что хочетъ. И такой дуракъ, что ни дружбой, ни разсужденіемъ подойтить къ нему невозможно. При томъ же всѣ здѣсь лѣнивы, о дѣлѣ ни одного часа не хотятъ говорить, и не только постороннія, но и свои дѣла идутъ у нихъ безпутно,—какъ попало на умъ, такъ и дѣлаютъ безъ всякаго разсужденія. Отъ этого свое государство разорили. Не только отъ непріятелей, но и отъ своихъ бунтовщиковъ оборониться не могутъ, и уже мало мѣстъ осталось, гдѣ бы бунта не было. Какъ я здѣшнюю слабость вижу,—намъ безъ всякаго опасенія войну начать можно, ибо не только цѣлою арміею, но и малымъ корпусомъ великую часть къ Россіи присовокупить безъ труда можно, къ чему удобнѣе нынѣшняго времени не будетъ".

Все же Волынскій передъ своимъ отъѣздомъ успѣлъ-таки заключить договоръ, по которому русскіе купцы получили право свободной торговли по всей Персіи.

Въ 1722 году армяне опять неотступно просятъ Петра принять ихъ въ свое подданство.

На эту просьбу Петръ отвѣчалъ милостивой грамотой— „честному народу армянскому, обрѣтающемуся въ Персіи". Въ той грамотѣ объявлено, что армяне могутъ безпрепятственно пріѣзжать въ Россію для торговли. А на словахъ Петръ прибавилъ посланцу, чтобъ онъ обнадежилъ армянскій народъ и увѣрилъ его, что готовъ государь принять ихъ подъ свое покровительство и освободить изъ-подъ ига невѣрныхъ. Но прежде всего Русскимъ нужно утвердиться на Каспійскомъ морѣ, овладѣть прибрежными мѣстами, а потому пусть Армяне подождутъ короткое время.

Волынскій справедливо говорилъ про Персію, что она близка къ погибели. Дѣйствительно, распаденіе государства скоро началось.

Кавказскіе князьки — Лезгинскій и Кумыкскій напали на богатый городъ Шемаху, гдѣ было много и русскихъ

купцовъ, стали жечь и грабить знатные дома. Набросились они и на русскія лавки въ гостиномъ дворѣ, приказчиковъ разогнали, а многихъ и побили, товары разграбили. Русскіе купцы потерпѣли большой убытокъ: товаровъ разграблено было на 500 тысячъ рублей.

Завладѣли Лезгины и Кумыки персидскимъ городомъ, а персы не имѣютъ силы прогнать ихъ и наказать за разбойничье нападеніе.

Возстали противъ шаха Гуссейна и Афганцы, овладѣли столицей Персіи Испаганью, и шахъ Гуссейнъ былъ низвергнутъ. Безпорядки еще болѣе тогда усилились.

Турція, владѣвшая на Кавказѣ многими землями и всегда враждовавшая съ Персіей, считаетъ теперь себя главнымъ наслѣдникомъ распадающагося Персидскаго государства и хочетъ соединить подъ своею властію всѣ кавказскіе народы и овладѣть Каспійскимъ побережьемъ.

А у Петра Великаго свои планы:

„Наши интересы отнюдь не допускаютъ, чтобъ какая другая держава,—чья бъ ни была,—на Каспійскомъ морѣ утвердилась“. „Намъ нельзя, по-христіанству, отказать и въ покровительствѣ христіанамъ“.

Медлить болѣе ужъ не приходилось. Петръ быстро собралъ войско и весною 1722 года отправился изъ Москвы внизъ по рѣкамъ—Москвѣ, Окѣ и Волгѣ—въ Астрахань.

Въ іюлѣ онъ выступилъ изъ Астрахани съ сухопутными войсками и флотомъ по Каспійскому побережью. Въ августѣ заняты были Тарки, а потомъ Дербентъ и Баку.

Въ 1723 году заключенъ съ Персіей договоръ, по которому Россія пріобрѣла Дербентъ и Баку съ областями—Гиляныо. Мазадерономъ и Астробатомъ.

Турція пригрозила было Россіи войною, но Петръ былъ не изъ пугливыхъ, и дѣло окончилось миролюбивымъ соглашеніемъ: кавказскія земли Турція съ Россіей подѣлили.

Безъ большого труда утвердилъ Петръ Россію на Каспійскомъ побережьѣ, а польза получилась отъ этого великая.

Дошли мы и на югѣ до границы природной, — до моря, и легче теперь сдерживать и сосѣдей, и подвластныя намъ племена степняковъ-азіатовъ.

Подошли мы теперь близко къ Турціи съ новой стороны — съ Кавказа, и подъ руками у насъ новые союзники, — христіанскіе народы всего Кавказа.

Легче будетъ потомъ преемникамъ Петра утвердиться на всемъ сѣверномъ побережьѣ Азовскаго и Чернаго морей.

Указалъ Петръ Россіи пути и на восточное побережье Каспійскаго моря, и въ Среднюю Азію.

Владѣя Каспійскимъ моремъ, „гдѣ не должно быть мѣста никакой другой державѣ“, мы легко можемъ взять въ свои руки всю торговлю и съ Персіей, и съ Кавказомъ, и съ Средней Азіей.

А путь изъ Каспійскаго моря внутрь Россіи прямой и удобный — по Волгѣ и вплоть до Балтійскаго моря, — для торговли внутренней и заграничной, о чемъ всего больше и заботился Петръ.

Не похожъ былъ нашъ великій государь на восточныхъ монарховъ: всю свою жизнь трудился онъ, не зная покоя, не щадя своихъ силъ для пользы Россіи.

10. Плоды общенія съ Европой.

Какъ жилось въ Россіи до Петра.

Много тяжелыхъ испытаній, не въ примѣръ противъ другихъ народовъ, посылала судьба Россіи и много борьбы вынесъ, много трудовъ великихъ принялъ на себя русскій народъ, пока сложился въ большое и сильное государство.

Боролся онъ съ суровою и скудною сѣверною природою, — съ морозомъ трескучимъ, съ лѣсомъ дремучимъ, съ звѣремъ лютымъ, — и одолѣлъ природу, — вырубилъ лѣса, построилъ селенія и города, проложилъ дороги, распахалъ необозримыя поля.

Много силъ потратилъ русскій народъ и на борьбу съ домашними неурядицами и съ внѣшними врагами,— сосѣдними народами,—и надъ всѣмъ взялъ верхъ.

Отбился онъ отъ дикихъ степняковъ,—печенѣговъ и половцевъ, пережилъ и стряхнулъ съ своихъ плечъ злую неволю татарскую, и привелъ татаръ подъ свою руку.

Перенесъ онъ кровавыя усобицы князей, разошелся по русской равнинѣ во всѣ стороны на тысячи верстъ и собрался потомъ воедино вокругъ Москвы.

Пережилъ онъ и всенародную смуту великую, лихолѣтье безначальное, и земскими силами всей земли обновилъ царскую власть на одолѣніе враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Много силы великой проявилъ въ этой борьбѣ народъ русскій, много добраго онъ воспиталъ въ себѣ тяжкимъ трудомъ, но много и злого оставили по себѣ эти вѣковыя невзгоды суровыя. Всѣ силы народныя уходили на строеніе и защиту государства, и мало оставалося и силы и времени на устроеніе внутренняго благосостоянія, чтобы жизнь внутри земли протекала въ спокойствіи и довольствѣ.

Много накопилося вѣками недостатковъ въ русской жизни,— въ жизни семейной, общественной и государственной.

Нетребователенъ и неприхотливъ русскій человѣкъ, и въ домашнемъ обиходѣ жилъ по-просту и безъ затѣй. Въ курной избѣ у крестьянина и въ богатыхъ хоромахъ у боярина было тѣсно и темно, грязно и нечистоплотно. За столомъ вся семья ѣла и пила изъ общей чаши и жбана, безъ ножей и вилокъ, и кушанья часто подавали въ такой посудѣ, будто ее никогда и не обихаживали.

Никакихъ украшеній въ жильѣ не было, и рѣдко что въ домашнемъ хозяйствѣ было покупное; старались обходиться во всемъ своимъ, у себя приготовленнымъ,— въ ѣдѣ и въ питьѣ, въ одеждѣ и въ обуви, и во всей обстановкѣ.

Никакихъ особыхъ развлеченій русскіе люди не знали: въ будни заботы и работы по хозяйству, въ праздникъ послѣ обѣдни — для молодежи незатѣйливыя игры, а для пожилыхъ — домашнія пирушки, вечеринки. А на тѣхъ пирахъ

сытая и обильная ѣда, большія и полныя чаши зелена вина, ковши браги и меду хмельнаго.

„Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ того быти, простодушно говорили русскіе люди“. И пили всѣ, бояре и крестьяне, пили много и жадно. Пьянство было порокомъ всенароднымъ, заурялнымъ. Рабочій человѣкъ пропивалъ часто и заработокъ, и послѣднее платье, и выходилъ изъ кабака, „въ чемъ мать родила“. И у бояръ и дворянъ на пирахъ — разгульныя рѣчи, непристойная брань, озорство, драка.

При такихъ развлеченіяхъ непристойно женщинѣ показываться ни дома при гостяхъ, ни на улицѣ, куда не стыдилось пьянство выходить и выползать. Въ боярскихъ домахъ укоренился татарскій обычай держать женщину взаперти, въ теремахъ и свѣтлицахъ, куда не проникалъ взглядъ постороннихъ мужчинъ. Про боярскихъ дѣвушекъ стараго времени и сложилася пѣсня:

„Ахъ, подруженьки, какъ скучно цѣлый вѣкъ жить взаперти, изъ-за стѣнъ лишь любоватися на прекрасныя поля! Намъ и пѣсни не веселіе, — отъ тоски мы ихъ поемъ. Къ однѣмъ горестямъ привычныя, мы тоскуемъ съ юныхъ лѣтъ; и зачѣмъ мы, горемычныя, родились на бѣлый свѣтъ!“

Женщину не признавали полноправнымъ мужчинѣ человѣкомъ, и она всю жизнь была подъ опекой — сначала отца, а потомъ мужа.

Не сладко жилось и другимъ членамъ семьи отъ суровой родительской опеки. Глава семьи былъ неограниченнымъ надъ всѣми господиномъ, и ему должны были безпрекословно покоряться всѣ отъ мала и до велика. Непослушныхъ и непокорныхъ онъ „училъ“ побоями. Родительская власть была почти безгранична. Защиты противъ жестокостей не было въ законахъ, напротивъ, за жалобу на родителей дѣтей же наказывали. Отецъ могъ за свои долги отдать сына въ кабалу, заложить его на время. За смертоубійство своихъ дѣтей законъ наказывалъ родителя только тюремнымъ заключеніемъ и публичнымъ покаяніемъ. Распро-

страненъ былъ жестокій обычай — убивать младенцевъ-уродовъ при рожденіи, что и исполняли повивальныя бабки.

И возмужалыя дѣти не имѣли при родителяхъ своей воли ни въ чемъ. Сына *женили*, дочь *выдавали*, часто не спрашивая ихъ согласія. Случалось нерѣдко, что женихъ и невѣста подъ вѣнцомъ встрѣчались другъ съ другомъ въ первый разъ въ своей жизни. И много зла и даже преступленій входило въ семью отъ нелюбимой жены, отъ постылаго мужа.

Много рабской приниженности, боязливой забитости развивалось въ характерѣ русскаго человѣка отъ безправія семейной жизни, не мало жило въ немъ и дикаго самодурства.

Не богато жили русскіе люди, особенно рабочій классъ, крестьяне, и богатѣть имъ было не отъ чего. Пахали землю по старинѣ, ловили звѣря, птицу и рыбу, разводили пчелъ, добывали потомъ смолу и деготь, и все почти, что требуется для домашняго обихода, изготовляли себѣ сами, какъ умѣли. Ни фабрикъ, ни заводовъ у насъ почти не было, никакого „хитраго“ мастерства не знали.

И торговля по городамъ была самая скудная: торговали грубымъ сырьемъ, а заморскіе товары по карману были только боярамъ да богатымъ дворянамъ. Заморскіе купцы продавали намъ свои товары задорого, а наше сырье скупали задешево. Денегъ въ обращеніи было мало, а складываться въ торговыя компаніи не умѣли,—каждый въ одиночку и промышлялъ, и торговалъ.

Отъ скудости безпризорное убожество, безпомощная нищета. Не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ рѣдки были пріюты для сиротъ, богадѣльни для престарѣлыхъ и немощныхъ; не было больницъ, не было и своихъ образованныхъ лѣкарей, да и лѣкаря-иностранцы были на рѣдкость.

Убожество и нищета кормились Христовымъ именемъ, мірскимъ подаяніемъ—изъ руки въ руку. Несчастные калѣки и уроды, старики и старухи и малыя дѣти во множествѣ стояли, сидѣли и лежали при церквахъ, на людныхъ улицахъ и большихъ дорогахъ въ пыли и въ грязи, ходили съ сумой подъ окошками. Много бродило по городамъ и се-

леніямъ умалишенныхъ, юродивыхъ, странниковъ и всякихъ бродягъ. Межъ всѣми этими мірскими захребетниками не мало было истинно несчастныхъ, но еще больше лѣнтяевъ, обманщиковъ и дармоѣдовъ.

Скудость, нищета и горе-злосчастье породили и лихихъ людей,—воровъ и разбойниковъ, и безащитны были отъ нихъ въ старину русскіе люди. Дороги, особенно лѣсныя, и Волга-рѣка были опасны отъ разбойничьихъ шаекъ. Передъ отъѣздомъ въ путь служили молебны. Торговый человѣкъ петровскаго времени Посошковъ такъ печалуется на беззащитность крестьянскую отъ разбойниковъ:

„Въ иной деревнѣ и много жителей, а разбойниковъ немного придетъ къ крестьянину на дворъ, станутъ его мучить и огнемъ жечь, и пожитки его явно на возы класть; но сосѣди, все слыша и видя, изъ дворовъ своихъ не выходятъ и сосѣда отъ разбойниковъ не выручаютъ“. — Каждый за себя опасается, и ни у кого нѣтъ заботы о безопасности общественной.

Подмосковные помѣщики жаловались государю, что пріѣзжаютъ вооруженные разбойники многолюдствомъ въ домы ихъ днемъ и ночью, разоряютъ и жгутъ села, бьютъ и грабятъ мужчинъ, уводятъ женщинъ. Случалось, что и сами помѣщики собирали разбойничьи шайки и грабили по большимъ дорогамъ и беззащитнымъ селеніямъ. Въ самой Москвѣ разбойники ѣздили по улицамъ шайками по 30 и 40 человѣкъ и грабили средь бѣла дня. На Дмитровкѣ, въ самомъ почти центрѣ города, не было ни проходу ни проѣзду отъ дворовыхъ боярина Стрешнева и князя Голицына.

Всѣ эти насилія и всякія другія безобразія совершались такъ открыто потому, что не только въ деревняхъ, но и въ городахъ совсѣмъ не было настоящей полиціи.

Уличенныхъ и пойманныхъ воровъ и разбойниковъ и другихъ лихихъ людей жестоко пытали, и безпощадно наказывали палками, плетьми; въ большомъ ходу была и смертная казнь со всѣми ея ужасами. Но одними наказаніями людей не устрашишь и не исправишь. Отъ жестокихъ наказаній нравы еще больше грубѣютъ.

Бѣднѣли и разорялись русскіе люди и отъ лютыхъ пожаровъ. Стройка по селеніямъ и городамъ была у всѣхъ деревянная, крыши соломенныя или тесовыя, печи въ деревняхъ безъ трубъ, избы курныя, пожарныхъ снарядовъ не было, поэтому и пожары были часты. Выгорали сплошь не только деревни и села но и цѣлыя города; даже и Москва горѣла много разъ.

Гибли люди и отъ недородовъ, и голодовки были частыя: отъ великой скудости не могли люди сберегать себѣ запасовъ на черный день. Въ голодный годъ „христарадники",—дѣти и взрослые,—бродили толпами по городамъ и селеніямъ, гибли въ полѣ, на большой дорогѣ.

Беззащитны были люди и отъ повальныхъ болѣзней не умѣли тогда ни предупреждать, ни лѣчить болѣзней.

Скуденъ былъ народъ и безпризоренъ; беззащитенъ онъ былъ и передъ людьми властными, и много терпѣлъ отъ помѣщиковъ, отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые чинили великія обиды, налоги и грабежи.

Не легко было тогда добиться праваго и милостиваго суда и законной расправы съ насильникомъ. Всякій начальникъ творилъ, что хотѣлъ, потому что великую власть имѣлъ. Взяточничество и казнокрадство и грѣхомъ тогда не считалось.

Современникъ Петра, торговый человѣкъ Посошковъ, горько жалуется на то, что нѣтъ правды въ судахъ, что вездѣ царствуетъ произволъ, что знатные и сильные презираютъ низшихъ „подлыхъ" людей (такъ назывались тогда люди низшихъ сословій). „У насъ",—говоритъ онъ,—„вѣра святая, благочестивая, а судная расправа никуда не годится, и указы императорскіе ни во что обращаются; всякъ по своему обычаю дѣлаетъ, и пока прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится, то никогда мы не будемъ богаты и доброй славы себѣ не наживемъ. Крестьяне, оставя свои дома, бѣгутъ отъ неправды".

Отъ этого стараго безсуднаго времени сохранились у насъ и до сихъ поръ безобразныя пословицы: „Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся“. „Законы святы, да судьи супостаты“. „Отъ сумы да отъ тюрьмы никто не отрекайся“.

Тогда еще не вѣдомы были великія слова Царя-Освободителя: „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ“. Мало кто раздѣлялъ и великія мысли Великаго Петра о святости закона, о безкорыстномъ служеніи на пользу народа и государства. И семья, и общество, и вся тогдашняя жизнь воспитывали и утверждали въ людяхъ угодливую приниженность, безропотную покорность произволу и насилію.

Бѣденъ русскій народъ, бѣдна и казна, которая получаетъ свои средства отъ того же народа. А бѣдная казна не можетъ и защитить народъ отъ лютыхъ бѣдъ общественныхъ.

На казенныя деньги содержится правительство, начальники и судьи, содержится армія и флотъ, ведется война, строятся города, крѣпости, каналы, дороги. А денегъ у казны мало, хотя народъ и обложенъ большими, по тогдашнему времени, налогами. У казны тогда не хватало даже средствъ и войско содержать для защиты государства. И вотъ, вмѣсто денежнаго жалованья, московскіе цари жаловали служилыхъ людей за ихъ службу казенными землями вмѣстѣ съ крестьянами въ крѣпостную зависисимость. Вмѣсто того, чтобы на казенныя деньги строить города и крѣпости, проводить пути-дороги, сгоняли крестьянъ-работниковъ на подневольный трудъ. А отъ такихъ порядковъ и казнѣ было неприбыльно, и тягота всенародная и оскудѣніе умножались.

Въ чемъ же главная причина и грубыхъ нравовъ во всемъ народѣ, и всеобщей скудости, безпомощности и безващитности, и всяческаго нестроенія?

Главная причина всяческаго нестроенія заключалась въ темнотѣ всеобщей, во всенародномъ невѣжествѣ.

Школъ тогда почти вовсе не было, учились дома у домо-рощенныхъ грамотеевъ. Царевичу Петру дали для наученія маловѣдущаго приказнаго Зотова, который только и зналъ читать да писать и не могъ научить своего царственнаго ученика и четыремъ правиламъ ариѳметики.

Свѣтскія науки не въ почетѣ тогда были, и Зотовъ послѣ азбуки выучилъ съ Петромъ только Часословъ, Псалтирь да Дѣянія апостоловъ.

Священники были грамотны, но и они знали только богослужебныя книги, да церковный обиходъ, и наученіемъ народа занимались мало. Посошковъ сильно жалуется на невѣжество русскихъ людей въ Законѣ Божіемъ:

„Въ Москвѣ, — говоритъ онъ, — едва сотый человѣкъ знаетъ, что такое православная вѣра христіанская, что Богъ, и въ чемъ состоитъ Его воля? А между поселянами не думаю найти и одного изъ десяти тысячъ человѣкъ.“

И въ простомъ народѣ, и въ высшихъ классахъ общества много жило языческихъ вѣрованій и всякихъ суевѣрій. Вездѣ грезилась людямъ нечистая сила — домовые, лѣшіе, водяные. Вѣрили люди въ колдуновъ и знахарей, въ порчу и наговоры, въ заклинанія и нашептыванія. „Это происходитъ, — говорилъ Посошковъ, — отъ неученія младенческаго, а всему корень то, что священники у насъ неученые“.

Этимъ же Посошковъ объясняетъ и сильное распространеніе у насъ раскола и упорство раскольниковъ. Въ большомъ почетѣ были „старыя“ книги и поученія, а Евангеліе мало кто зналъ, и въ Христово ученіе не вникали. Горячіе споры велись объ обрядахъ, и церковные обряды смѣшивали съ догматами вѣры, не отличали буквы закона отъ его духа и мысли, человѣческой ошибки отъ Божіей правды. Церковные обряды почитались на вѣки нерушимыми. До насъ положено, — лежи оно такъ во вѣки вѣковъ!“ говорили начетчики-расколоучители.

Свѣтскихъ наукъ и всякихъ новшествъ опасались, чтобъ не повредилась черезъ нихъ вѣра православная, чтобъ не было измѣны обычаямъ и „завѣтамъ святоотеческимъ“. Въ одномъ древнерусскомъ поученіи сказано: „Богомерзостенъ

передъ Богомъ всякъ, любяй геометрію." „А се душевніи грѣси: учитися астрономіи и еллинскимъ (греческимъ) книгамъ. Проклинаю прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный; своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести (въ заблужденія) различныя; люби простыню (простоту) паче мудрости; высочайшаго себе не изыскуй и глубочайшаго себе не испытуй".

Въ одной древней школьной прописи сказано:

„Братіе! не высокоумствуйте. Аще кто ти речетъ,—вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ риторскихъ астрономовъ не читахъ; ни съ мудрыми философами не бывахъ; философію ниже очима видѣхъ: учуся книгамъ благодатнаго закона".

Но при общей скудости духовной ко времени Петра мало по малу стало умножаться и число людей просвѣщенныхъ среди духовенства, среди боярства и дворянства, и даже среди людей торговыхъ. Учились у себя дома, ѣздили за наукой и за границу и устраивали свою жизнь по-новому.

Лучшіе люди того времени хорошо понимали, что корень всему злу и всякому нестроенію въ невѣжествѣ всенародномъ—въ неученіи. Отъ духовной скудости и бѣдность народная, и грубость нравовъ, и безпомощность, и беззащитность, и всяческое нестроеніе. Нужны школы, школы и школы, много школъ.

Но нуженъ и вождь-богатырь, чтобы стряхнуть съ цѣлаго народа злое наслѣдство прежнихъ вѣковъ, чтобы вызвать къ жизни прирожденныя народу добрыя силы, воспитать новыхъ работниковъ на пользу общую, двинуть народъ впередъ, возродить его къ лучшей жизни.

Такимъ вождемъ-богатыремъ и явился у насъ императоръ Петръ Великій.

Перемѣны и новшевства въ русской жизни.

Въ своемъ манифестѣ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію (1702 г.) Петръ написалъ:

„Мы побуждены были въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя и къ благу земли нашей служащія пе-

ремѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научиться неизвѣстнымъ имъ понынѣ познаніямъ".

Передъ Полтавскою битвой Петръ объявилъ своимъ войскамъ: „Воины! пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Не думайте, что вы готовитесь за Петра сражаться: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру. А о Петрѣ знайте, что жизнь ему не дорога, только бы Россія жила въ блаженствѣ и славѣ для благополучія вашего".

„Надлежитъ стараться о пользѣ общей внутри и внѣ, отъ чего народъ получитъ облегченіе", сказалъ Петръ на праздникѣ мира.

Благосостояніе Россіи — вотъ цѣль всей жизни Петра цѣль всѣхъ его заботъ и необычайныхъ трудовъ, чтобы всѣмъ, всему народу русскому, лучше и легче жилося.

Въ чемъ же состоитъ благосостояніе народа, и какъ его достигнуть?

Благосостояніе народа — *въ доброй и согласной семейной жизни:* чтобы старшіе и сильные въ семьѣ не тѣснили младшихъ и слабыхъ; чтобы всѣ были взаимно справедливы другъ къ другу — и старшіе къ младшимъ, и младшіе къ старшимъ, чтобы всѣмъ въ семьѣ жилося безъ обиды. „Живи и жить давай другимъ".

Благосостояніе народа — *въ добрыхъ нравахъ и обычаяхъ,* чтобы человѣкъ во всемъ былъ для себя и для другихъ человѣкомъ, а не грубымъ животнымъ, чтобъ уважалъ онъ и любилъ, и въ жизнь проводилъ все разумное, доброе, прекрасное.

Благосостояніе народа — *въ разумномъ и честномъ трудѣ постоянномъ и предпріимчивомъ* — въ земледѣліи, въ промыслахъ, въ торговлѣ: разумный и предпріимчивый трудъ даетъ хорошій прибытокъ, приноситъ народу довольство и казну обогащаетъ.

Благосостояніе народа — *въ общественномъ (въ селеніяхъ и въ городахъ) благоустройствѣ и порядкахъ,* чего каждый человѣкъ не можетъ сдѣлать одинъ и самъ для себя, а только

всѣ вмѣстѣ, сообща, чтобы каждый радѣлъ о пользѣ общественной такъ же, какъ о своей собственной, охотно и честно трудился бы для всего общества. Въ общественномъ благоустройствѣ и порядкахъ заключается для каждаго и свое собственное, личное благо.

Благосостоянiе народа — *въ благоустройствѣ и порядкахъ всенародныхъ, государственныхъ*, нужныхъ и важныхъ для всей страны, чтобы въ государствѣ были просвѣщенные, равно для всѣхъ справедливые, законы, — мудрые, честные и заботливые правители и судьи, которые служили бы добру и правдѣ, а не корысти своей и не выгодамъ своимъ.

Благосостоянiе народа — *въ добромъ сожительствѣ съ сосѣдями*, чтобы сосѣднiе народы не властвовали надъ нами, чтобъ мы жили съ ними общею жизнью на общую для насъ и для нихъ пользу.

А корень благосостоянiя народнаго, и семейнаго, и общественнаго, и государственнаго — *въ добромъ всеобщемъ просвѣщенiи народа*, въ утвержденiи и въ распространенiи наукъ и искусствъ. Просвѣщенiе смягчитъ грубые нравы и обычаи въ людяхъ, усовершенствуетъ и разовьетъ трудъ, — промыслы и торговлю, создастъ мудрые законы, благоустройство и порядки — въ селенiяхъ и въ городахъ, и во всемъ государствѣ, увеличитъ силы народныя, устроитъ согласное сожительство съ другими народами.

А чтобы насадить и укрѣпить въ народѣ просвѣщенiе, необходимо народу учиться у другихъ просвѣщенныхъ народовъ, — изучать науки, перенимать искусства и полезные для всѣхъ порядки семейные, общественные, государственные.

Великiй вождь державный и самъ всю свою жизнь неустанно и учился, и трудился для благосостоянiя народа, — отмѣнялъ въ законахъ и въ жизни то, что отжило свой вѣкъ, вводилъ полезныя новшества, и тѣмъ самымъ повелъ русскiй народъ по пути къ лучшей жизни.

Перемѣны въ семейномъ и домашнемъ быту.

Государь и самъ былъ несчастливъ въ своей семейной жизни, много видѣлъ онъ и въ людяхъ семейнаго горя

оттого, что родительская власть надъ дѣтьми была выше мѣры, и взрослыя дѣти передъ лицомъ родителей оставались безотвѣтными и не смѣли ни въ чемъ распорядиться своей судьбою. Глава дома управлялъ всею семьею не по кроткимъ евангельскимъ заповѣдямъ, а по суровымъ ветхозавѣтнымъ правиламъ.

Такъ, родители *„женили"* сыновей и *„выдавали замужъ"* дочерей, не спрашивая на то ихъ согласія и часто съ принужденіемъ, устраивали браки дѣтей по своимъ собственнымъ вкусамъ, изъ своихъ собственныхъ расчетовъ.

Чтобъ уменьшить это зло, Петръ издалъ законъ, чтобъ за шесть недѣль до свадьбы былъ сговоръ. Въ эти шесть недѣль женихъ и невѣста знакомились другъ съ другомъ, и если они другъ другу не понравятся и не сойдутся межъ собою по характеру и по мыслямъ, тогда и свадьбѣ не бывать. Съ родителей и опекуновъ государь приказалъ брать присягу въ томъ, что они не принуждаютъ дѣтей вступать въ бракъ неволею.

Строго запретилъ государь и страшный варварскій обычай убивать новорожденныхъ младенцевъ-уродовъ.

Не въ обычаѣ были межъ русскими людьми *неровные* браки: спесивый бояринъ ни за что не отдалъ бы свою дочь за *неровню*,—за человѣка простого, хотя бы женихъ былъ и пригожъ, и уменъ, и работящъ. Петръ и самъ женился во второй разъ на простой дѣвушкѣ чужеземной и былъ съ нею счастливъ. Любилъ онъ и другихъ такъ сосватать,—а такому свату какой же отецъ откажетъ?

Женщина—такой же человѣкъ, какъ и мужчина, и нельзя ее держать подъ замкомъ въ неволѣ, какъ это водится у татаръ и турокъ. Жена должна быть во всемъ доброй и разумной помощницей мужу, воспитательницей своихъ дѣтей, а для этого ей нужно и людей видать и жизнь хорошо знать.

Чтобы вывести женщину изъ домашней неволи, чтобы дать возможность и женщинамъ и мужчинамъ весело и пристойно развлечься въ свободное время, государь ввелъ въ обычай общественныя собранія — пирушки *(ассамблеи)*. И

самъ онъ тутъ бывалъ съ своею супругой, собирались сюда съ женами и дочерьми всякихъ чиновъ люди, русскіе и иностранцы. Молодежь устраивала игры и танцы на манеръ чужеземныхъ, а пожилые мужчины курили трубки, пили пиво и вино, бесѣдовали межъ собою.

Для пріятнаго развлеченія государь устраивалъ фейерверки, маскарады и другія веселыя заморскія потѣхи, гдѣ вмѣстѣ съ мужчинами веселились женщины и дѣвушки.

И дома у себя женщина ужъ не сидѣла взаперти, показывалась при гостяхъ, сама ѣздила въ гости, принимала участіе въ мужскихъ бесѣдахъ. Присутствіе женщины сдерживало мужчинъ, смягчало грубые нравы.

И многими другими мѣрами старался государь укротить грубые нравы русскихъ людей того времени. Однимъ изъ величайшихъ пороковъ древней Руси было пьянство въ великихъ размѣрахъ. Пьяные люди вели себя безчинно и часто въ дракѣ убивали другъ друга. За взрослыми приходилось смотрѣть, какъ за малыми дѣтьми. И Петръ старается ограничить продажу вина, запрещаетъ носить остроконечные ножи, „потому что многіе люди въ ссорахъ и дракахъ и въ пьянствѣ такими ножами другъ друга рѣжутъ до смерти“.

Петръ, какъ разумный и добрый воспитатель, старался и во всемъ облагородить русскаго человѣка, возвысить его достоинство въ его же собственныхъ глазахъ. Государь запретилъ подписываться въ просьбахъ уменьшительными и унизительными именами („холопишка твой Ванька“); запретилъ падать передъ царемъ на колѣни („бить челомъ“), снимать шапки передъ дворцомъ. Петръ говорилъ: „Какое же будетъ различіе между Богомъ и царемъ, когда воздается равное обоимъ почтеніе? Менѣе низости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству — вотъ почесть, принадлежащая царю“.

Общественная безопасность и благоустройство.

Отъ грубыхъ нравовъ, отъ оскорбленій и насилій женщину прятали въ терема, запирали подъ замокъ; но какъ и

куда спрятаться слабому и беззащитному отъ воровъ и разбойниковъ? Казнокрадство и взяточничество, воровство и разбой были обычнымъ въ старое время дѣломъ. Отсюда и гнусная пословица въ русскихъ людяхъ пошла: „Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ“.

Нужно было государственной власти обуздать воровъ и разбойниковъ и обезпечить безопасность беззащитныхъ трудолюбцевъ. И вотъ, государь, занятый войною, посылаетъ въ то же время цѣлыя роты солдатъ подъ начальствомъ капитановъ „для сыску разбойниковъ“. Одному изъ этихъ капитановъ удалось въ недолгое время поймать десять знаменитыхъ разбойниковъ. Кто жъ они были? — Помѣщики съ своими людьми! Они нападали на чужія деревни, били людей, грабили и жгли.

Но рота солдатъ — лишь временная охрана и крайняя мѣра; необходимъ постоянный надзоръ за порядкомъ и безопасностью въ городахъ и селеніяхъ, и Петръ учредилъ полицію, какъ водилось это въ странахъ иноземныхъ.

Необходимо и самому обществу заботиться о самозащитѣ. Приказано было, чтобы въ городахъ каждая улица и каждые десять домовъ имѣли бы своего надсмотрщика, по выбору самихъ жителей. А всѣ городскіе жители вмѣстѣ составляли городскую стражу, обязанную охранять порядокъ и спокойствіе обывателей.

Въ провинціяхъ и въ уѣздахъ полиція была во власти губернаторовъ, воеводъ и другихъ начальниковъ.

Но полиція только обуздываетъ и устрашаетъ, а не исправляетъ злодѣя. Чтобъ излѣчить въ корнѣ зло, нужно, чтобъ люди поняли, что воровство и грабежъ — гнусное злодѣйство, и стыдились этого; нужно, кромѣ того, сократить непокрытую бѣдность, научить людей честному и прибыльному ремеслу, отучить отъ лѣни и позорнаго тунеядства. Великій государь позаботился и объ этомъ.

Указалъ государь, какъ оберегать себя и отъ всепожирающаго „Вулкануса“, отъ лютыхъ пожаровъ, которые лѣтомъ приключались въ Москвѣ по шести разъ въ сутки. Приказано дѣлать черепичныя крыши вмѣсто тесовыхъ (же-

лѣза мало, и оно дорого). Выписаны изъ-за границы „заливныя трубы“. Велѣно въ Московскомъ Кремлѣ и Китай-городѣ строить только каменные дома и располагать ихъ по улицамъ и переулкамъ, какъ это водится за границей, а не строить домовъ внутри дворовъ, какъ дѣлаютъ это азіаты.

Для чистоты и порядка приказано мостить улицы камнемъ.

Для охраненія народнаго здравія учреждено было въ Москвѣ восемь аптекъ, при чемъ велѣно истребить всѣ лавки, въ которыхъ продавались всякія непотребныя знахарскія травы.

Не считалось тогда позорнымъ межъ русскими людьми тунеядство и христорадничество безъ всякой нужды. Люди состоятельные, ссылаясь на бѣдность и болѣзни, устраивались въ богадѣльняхъ; нѣкоторые горожане-домовладѣльцы, одѣваясь въ рубища, не стыдились собирать милостыню; а иные, заковавъ себя въ кандалы, будто тюремные сидѣльцы, ходили такъ по улицамъ, протягивая руку за подаяніемъ.

Государь строго преслѣдовалъ нищенство и бродяжничество. Сиротъ и безпомощныхъ стариковъ приказано съ большимъ разборомъ призрѣвать въ пріютахъ, въ богадѣльняхъ и въ монастыряхъ.

Многое сдѣлалъ великій государь для охраны общественной безопасности, порядка и благоустройства, на многое указалъ, какъ надо это дѣлать; но всего важнѣе то, что онъ призвалъ самое общество заботиться о своихъ пользахъ и общими силами бороться со зломъ.

Промышленность и торговля.

Русскаго человѣка болѣе всего поражало въ иностранцахъ богатство и искусство („*досужество*“): откуда это взялось въ нихъ? Богатство отъ труда разумнаго и неусыпнаго, отъ широкой предпріимчивости и изобрѣтательности, отъ промышленныхъ и торговыхъ союзовъ общественныхъ, а искусство — отъ раздѣленія занятій. Первобытный чело-

вѣкъ, все дѣлаетъ самъ, какъ знаетъ и умѣетъ, и дѣлаетъ только для себя. Развитой человѣкъ знаетъ одно свое дѣло и доходитъ въ немъ до совершенства; своимъ знаніемъ и искусствомъ онъ служитъ всѣмъ, и самъ пользуется знаніемъ и искусствомъ другихъ. Такъ и складывается общественная жизнь, гдѣ каждый служитъ всѣмъ, и всѣ служатъ каждому. Всего этого и не было у насъ: богатствъ природныхъ много, а досужества мало, и люди были бѣдны.

„Наше россійское государство,—говорилъ Петръ,—предъ многими иными землями благословенно преизобилуетъ потребными металлами и минералами, которые до нынѣшняго времени безо всякаго прилежанія исканы, потому что наши подданные не разумѣли рудокопнаго дѣла и не хотѣли приложить къ оному иждивенія и трудовъ своихъ“.

Чтобъ заставить беззаботныхъ землевладѣльцевъ приложить къ этому дѣлу и деньги и трудъ, Петръ издалъ указъ, что всякій, у кого есть охота, имѣетъ право искать и обрабатывать всякіе металлы и минералы не только на своихъ, но и на чужихъ земляхъ,—„дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не оставалось“.

Чтобы развить у насъ заводское и фабричное дѣло, Петръ вызывалъ въ Россію иностранныхъ мастеровъ и фабрикантовъ, предписывалъ и своимъ капиталистамъ соединяться въ компаніи для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, предоставлялъ имъ для поощренія всякія льготы, оказывалъ денежную помощь, строилъ на казенный счетъ фабрики и заводы, и потомъ сдавалъ ихъ на льготныхъ условіяхъ способнымъ и знающимъ дѣло людямъ.

Такъ возникли желѣзно-дѣлательные, чугунно-плавильные, мѣдные заводы, суконныя, полотняныя и разныя другія фабрики.

Всякому успѣху Петръ радовался, какъ добрый воспитатель радуется успѣхамъ своихъ учениковъ.

„Сукна у насъ дѣлаютъ,—пишетъ онъ,—и умножается сіе дѣло зѣло изрядно, и плодъ даетъ Богъ изрядный, изъ которыхъ (изъ суконъ) и я сдѣлалъ себѣ кафтанъ къ празднику“.

Чтобъ усовершенствовать производство суконъ, Петръ выписалъ изъ-за границы овчаровъ и суконниковъ. Разосланы были по областямъ правила, какъ содержать овецъ „по шленскому обычаю". Петръ при этомъ объяснилъ и выгоду новаго обычая: помѣщики, которые содержатъ овецъ по „шленскому обычаю", продаютъ шерсть по два рубля съ двумя гривнами за пудъ и дороже; а тѣ, которые содержатъ овецъ по старому обычаю, продаютъ шерсть только по полтинѣ и по двадцати алтынъ пудъ. Указалъ государь, какъ лучше и выгоднѣе дѣлать полотна, чтобъ они не хуже были иноземныхъ. Въ концѣ своего царствованія Петръ, къ радости своей, видѣлъ успѣхъ и въ этомъ производствѣ. Въ Москвѣ была полотняная фабрика Тамеса и компаніи. Всѣ работники на этой фабрикѣ были русскіе; не мало уже было и русскихъ мастеровъ. Тамесъ надѣялся, что скоро на фабрикѣ не будетъ и вовсе иностранцевъ. На фабрикѣ приготовлялись всѣ сорта полотенъ, — отъ грубаго и до самаго тонкаго; вырабатывались прекрасныя скатерти, салфетки, тикъ, канифасы и проч.

До Петра всю писчую бумагу покупали за границей. Петръ завелъ и бумажныя фабрики, и къ концу его царствованія во всѣхъ канцеляріяхъ употреблялась уже „бумага русскаго дѣла".

Мануфактурное дѣло принялось „зѣло хорошо", и между фабрикантами и заводчиками мало уже было иностранцевъ. Москва стала центромъ мануфактурной дѣятельности. Заботился Петръ о развитіи въ Россіи винодѣлія и шелководства, о разведеніи табаку. Строго-настрого приказывалъ беречь лѣса и велѣлъ разыскивать каменный уголь. Выписывалъ изъ-за границы породистый рогатый скотъ, чтобъ развести его въ Россіи. Училъ крестьянъ, какъ легче снимать и убирать хлѣбъ съ поля.

Приказывалъ государь заселять и обрабатывать пустыя земли и вездѣ и во всемъ вести „осторожное домодержавство".

Самъ государь не гнушался никакимъ трудомъ, и былъ вѣчнымъ работникомъ на тронѣ; требовалъ онъ и отъ дру-

гихъ труда неустаннаго, строго преслѣдовалъ тунеядцевъ. Запрещено было нищенство въ Москвѣ. Для бродягъ и праздношатающихся устроенъ былъ работный домъ, въ которомъ заведены были разныя ремесла.

Занятія разными ремеслами, по приказу царя, были введены даже и въ женскихъ монастыряхъ.

Умножились внутри страны фабрики, заводы, расплодились разныя мастерства, неизвѣстныя до этого, — возрасла и внутренняя торговля, стали богатѣть города.

Расширилась и внѣшняя торговля съ пріобрѣтеніемъ морскихъ береговъ. Попрежнему мы продавали за границу только сырье, но зато стали теперь отпускать его гораздо больше и меньше покупать заграничныхъ товаровъ. Устанавливался обмѣнъ товарами, и меньше уходило денегъ нашихъ за границу.

Заграничная торговля перешла понемногу изъ Архангельска въ Петербургъ и въ другіе Прибалтійскіе порты (Кронштадтъ, Выборгъ, Нарву, Ревель, Перновъ, Ригу). Въ послѣдній годъ царствованія Петра изъ разныхъ странъ Европы пришло въ эти города 1.700 купеческихъ кораблей. Первые корабли встрѣчалъ и проводилъ въ устье Невы самъ государь. Принималъ корабельщиковъ, какъ дорогихъ гостей, угощалъ ихъ, щедро награждалъ деньгами.

Чтобъ бездорожье внутри страны не мѣшало торговлѣ, Петръ провелъ множество новыхъ дорогъ, улучшалъ прежнія, заботился, чтобы всѣ дороги содержались въ порядкѣ.

По примѣру Голландіи, Петръ задумалъ покрыть всю обширную Россію сѣтью каналовъ, чтобъ соединить Балтійское и Бѣлое море съ Каспійскимъ, и Волгу—съ Дономъ. Начали съ того, чтобъ соединить Петербургъ съ Астраханью,—Европу съ Азіей. Работы производились и окончены успѣшно подъ руководствомъ знаменитаго Миниха, принятаго на русскую службу. Еще во время работъ Петръ мечталъ, какъ онъ поѣдетъ водою изъ Петербурга безостановочно до самой Москвы и сойдетъ здѣсь на берегъ Яузы, въ Головинскомъ саду.

Развитіе торговли и промышленности въ Россіи было величайшимъ дѣломъ Великаго Петра. Отъ промышленности и торговли богатѣли города, богатѣла вся страна, обогащалась и царская казна. Легче будетъ теперь и крѣпостному народу нести податное тягло: теперь это тягло потянутъ вмѣстѣ съ нимъ промышленники и торговые люди.

Управленіе.

Крѣпостные крестьяне находились въ полной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ и жили въ великой тѣснотѣ. Они и на помѣщиковъ работали, и государственныя подати платили, и всякія натуральныя повинности исправляли. Петръ видѣлъ это застарѣлое зло Русской земли и старался, сколько возможно, ослабить его и подготовить для преемниковъ своихъ возможность раскрѣпостить крестьянъ.

Первымъ средствомъ для этого было развитіе въ странѣ промысловъ и торговли: разбогатѣютъ помѣщики и другія сословія, примутъ на себя государственную тяготу, и легче тогда будетъ крестьянамъ. Разбогатѣетъ казна, станетъ платить деньгами служилымъ людямъ и выкупитъ крестьянъ у помѣщиковъ.

Чтобъ ослабить помѣщичьи поборы съ крестьянъ, Петръ установилъ *единонаслѣдіе*, или недѣлимость недвижимыхъ помѣщичьихъ имѣній, чтобы все имѣнье переходило послѣ смерти помѣщика въ руки одного только наслѣдника, а не всѣхъ дѣтей.

„Раздѣленіемъ недвижимыхъ имѣній, — говорилъ государь,—наносится большой вредъ интересамъ государственнымъ и паденіе самимъ фамиліямъ: если кто имѣлъ тысячу крестьянскихъ дворовъ и пять сыновей, то жилъ въ изобиліи; когда же, по смерти его, дѣти раздѣлились, то имъ досталось только по двѣсти дворовъ; но такъ какъ они не желаютъ жить хуже прежняго, то съ бѣдныхъ крестьянъ будетъ пять столовъ, а не одинъ. Отъ этого раздѣленія казнѣ государственной вредъ, а крестьянамъ разореніе“. Кромѣ того, при единонаслѣдіи, сыновья, не получавшіе недвижимаго имѣнія,

„принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами", или другой какой полезною дѣятельностію.

Издалъ государь указъ и о томъ, чтобы помѣщики не разоряли крестьянъ своихъ, а разорителей велѣно отрѣшать отъ управленія имѣніями и отдавать имѣніе въ управленіе родственниковъ. Жестокихъ помѣщиковъ Петръ строго наказывалъ. Такъ, одинъ помѣщикъ сосланъ былъ на десять лѣтъ въ каторгу за то, что прибилъ человѣка своего, и тотъ отъ побоевъ умеръ.

Помѣщиковъ слабоумныхъ, негодныхъ ни въ науку ни въ службу, которые только мучатъ крестьянъ, велѣно отстранять отъ управленія имѣніями и не позволять имъ жениться.

Запретилъ государь и розничную продажу крестьянъ и дворовыхъ, и дѣтей чтобъ не продавали отдѣльно отъ родителей. „Продажу людей пресѣчь, — говорилъ Петръ, — а если нельзя ужъ совсѣмъ, то продавать цѣлыми семьями, а не порознь, какъ скотъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится".

Запрещено было помѣщикамъ принуждать къ браку своихъ крѣпостныхъ, въ чемъ и велѣно брать съ господъ присягу.

Чтобы освободить село и деревню отъ излишней государственной тяготы, надобно было поднять городъ широкимъ развитіемъ мастерства и торговли; нужно было, кромѣ того, избавить горожанъ отъ притѣсненій воеводъ и приказныхъ, утвердить правый судъ. И государь даетъ торгово-промышленному населенію городовъ выборное самоуправленіе. Торговые люди избираютъ изъ первостатейныхъ гражданъ излюбленныхъ людей *бурмистровъ*, которые и составляютъ *магистратъ*. Въ магистратѣ рѣшаются дѣла не единолично, а сообща, соборно (*коллегіально*). Городскіе магистраты заботятся о благоустройствѣ городовъ и благочиніи въ нихъ и рѣшаютъ не только гражданскія, но и уголовныя дѣла подчиненныхъ имъ городскихъ обывателей.

Магистраты стараются размножать мануфактуры и мастерства, лѣнивыхъ и гулякъ понуждать къ работѣ, заводить первоначальныя школы, старыхъ и дряхлыхъ пристраивать

въ богадѣльни, блюсти за опекою сиротъ, за безопасностію городовъ отъ пожара, защищать гражданъ отъ обидъ постороннихъ людей.

Чтобы собрать все россійское купечество въ одну „храмину", государь учредилъ въ Петербургѣ главный магистратъ, который также имѣлъ коллегіальное устройство. Главный магистратъ завѣдывалъ провинціальными.

Для управленія дѣлами другихъ сословій (кромѣ духовенства) Петръ раздѣлилъ Россію на одиннадцать губерній, которыя подраздѣлялись на *провинціи*, а провинціи на уѣзды. Во главѣ каждой губерніи поставлены губернаторъ, а во главѣ провинціи—воевода. Губернаторъ не былъ единоличнымъ властителемъ губерніи, а только предсѣдателемъ выборныхъ депутатовъ отъ дворянства *(ландратовъ)*. Ландраты избирались дворянствомъ всей губерніи. Безъ согласія ихъ губернаторъ не могъ рѣшить ни одного дѣла.

Такимъ образомъ, и областное управленіе Петръ сдѣлалъ коллегіальнымъ и выборнымъ. Петръ крѣпко вѣрилъ, что „умъ хорошо, а два лучше", что коллегіальное управленіе лучше одиночнаго, и выборные люди лучше знаютъ свои мѣстныя дѣла и больше будутъ заботиться о мѣстныхъ нуждахъ.

Привлекая купечество и дворянство къ управленію дѣлами, Петръ тѣмъ самымъ пріучалъ русскихъ людей интересоваться общественными дѣлами, заботиться о нихъ, служить имъ, какъ своимъ собственнымъ, личнымъ дѣламъ.

И для управленія дѣлами всего государства Петръ учредилъ *коллегіи*, по образцу европейскихъ государствъ. Каждая коллегія вѣдала свое особое дѣло.

Иностранными дѣлами завѣдывала коллегія иностранныхъ дѣлъ, сухопутными войсками—воинская коллегія, флотомъ—адмиралтейская, судебными дѣлами—юстицъ-коллегія, государственными доходами—камеръ-коллегія, государственными расходами—штатсъ-контора и др.

Въ коллегіи всѣ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ. Государь требовалъ, чтобы въ коллегіи записывались всякія дѣла, о которыхъ члены совѣтуются, и чтобы каждый

членъ своею рукою подписывалъ, съ чѣмъ согласенъ онъ или не согласенъ, — „ибо этимъ дурость всякаго будетъ явна“.

Чтобы пріучить новыхъ правителей къ новому дѣлу, Петръ, по обычаю своему, выписывалъ изъ-за границы опытныхъ людей, которымъ коллегіальное дѣло было за обычай, посылалъ и своихъ молодыхъ подьячихъ учиться за границу.

За губернаторами и коллегіями наблюдалъ Правительствующій *Сенатъ*, которому каждый обязанъ былъ послушаніемъ, какъ самому царю. Сенатъ состоялъ изъ девяти членовъ. Всѣ дѣла въ Сенатѣ рѣшались единогласно, и каждый указъ долженъ быть подписанъ всѣми членами собственноручно; несогласный съ другими сенаторъ долженъ изложить причины своего несогласія на письмѣ.

Такимъ образомъ, Сенату, какъ и коллегіямъ и областному и городскому управленію, дано было излюбленное Петромъ коллегіальное устройство.

На обязанности Сената Петръ возложилъ—правый судъ, наказаніе несправедливыхъ судей и ябедниковъ, соблюденіе строгой бережливости въ расходахъ, умноженіе доходовъ, снабженіе войска людьми, усиленіе торговли.

Такимъ образомъ, въ рукахъ Сената сосредоточено было управленіе всѣмъ государствомъ, и власть его была равна царской власти, и онъ замѣнялъ собою лицо государя во время частыхъ отлучекъ Петра.

При Сенатѣ безотлучно находились *коммиссары* отъ каждой губерніи — для пріема и передачи указовъ по губерніямъ, для подачи отвѣтовъ на вопросы по дѣламъ губерніи. Это были живые посредники между губерніями и высшимъ правительствомъ.

Для наблюденія за правильною дѣятельностію самого Сената учреждена была должность *генералъ-прокурора*. Этотъ прокуроръ былъ „государевымъ окомъ“. Безъ его согласія никакое постановленіе Сената не имѣло силы.

Для тайнаго надзора за всѣми дѣлами въ государствѣ избирались *фискалы* изъ людей умныхъ и добрыхъ. Они

обязаны были открывать повсюду злоупотребленія и доносить о томъ Сенату, привлекать виноватыхъ къ суду. Каждая провинція, каждый городъ имѣли своихъ фискаловъ, которые избирались изъ людей разнаго чина и званія, лишь бы они были честные и умные люди.

И высшихъ сановниковъ въ Правительствующій Сенатъ, и губернаторовъ Петръ избиралъ изъ умныхъ и дѣятельныхъ людей, смотря по ихъ способностямъ и заслугамъ, изъ какого бы роду они ни были. Нерѣдко случалось, что и самыя высшія должности въ государствѣ занимали бывшіе крѣпостные люди.

Въ награду за свои труды служащіе государству люди получали изъ казны жалованье, чины, а высшіе сановники и ордена.

Для управленія церковными дѣлами всего государства Петръ учредилъ (вмѣсто патріарха) *Святѣйшій Правительствующій Синодъ*. Синодъ, какъ и Сенатъ, состоялъ изъ нѣсколькихъ членовъ — высшихъ духовныхъ сановниковъ, и былъ учрежденіемъ соборнымъ — коллегіальнымъ.

Въ уставѣ Синода (въ регламентѣ) объяснено, чѣмъ коллегіальное управленіе лучше единоличнаго: „При единоличномъ управленіи часто бываетъ дѣламъ замедленіе и остановка — за случившимися правителю нуждами, за недугомъ и болѣзнію. Но полезнѣе всего то, что въ соборномъ управленіи не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду“.

Церковное правительство, какъ и все государственное управленіе, должно быть покорно власти самодержавнаго государя. „Простой народъ не знаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, и если случится между патріархомъ и царемъ какое-нибудь разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что побораютъ по Самомъ Богѣ“.

На обязанность Синода возложено блюсти во всей чистотѣ церковь Христову, распространять въ народѣ просвѣщеніе, управлять всѣми церковными дѣлами.

„Духовному правительству (сказано въ регламентѣ) подобаетъ искоренять въ народѣ суевѣріе и всякое зло, ко спасенію непотребное, для выгоды своей лицемѣрами вымышленное, простой народъ прельщающее и аки снѣжные заметы правымъ путямъ истины идти возбраняющее“.

Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Правительствующій Синодъ были высшими во всемъ государствѣ соборными (коллегіальными) правительственными учрежденіями. Члены Сената и Синода избирались властію государя.

Во главѣ всего правительства стоялъ самодержавный государь. Самъ неуклонно подчиняясь законамъ, Петръ властно требовалъ того же и отъ всѣхъ правителей. Онъ зорко и неустанно слѣдилъ и за Сенатомъ, и за коллегіями, за губернаторами, щедро награждалъ достойныхъ, строго наказывалъ виновныхъ, всѣми управлялъ и руководилъ. Петръ былъ вездѣ и во всемъ и первымъ работникомъ, и державнымъ вождемъ въ государствѣ.

Войско и флотъ.

Военнаго флота до Петра у насъ вовсе не было, мало было и постояннаго сухопутнаго войска. Главную военную силу нашу составляло *дворянское* войско, которое собиралось на случай войны и распускалось по домамъ, какъ только война окончится.

Дворяне на свой счетъ снаряжали войско и сами ѣхали на войну. За это государство имъ отдавало во владѣніе помѣстья съ прикрѣпленными къ нимъ крестьянами. Такимъ образомъ, вся тягота военнаго бремени падала больше всего на однихъ крестьянъ.

Петру нужно было постоянное большое войско, потому что во все его царствованіе, почти безъ перерыва, продолжалась война; и онъ завелъ постоянную армію и создалъ флотъ.

Для пополненія арміи установлены были *рекрутскіе наборы*. Въ солдаты стали брать не только дворянъ и крѣпостныхъ крестьянъ, но и другого званія людей, а въ томъ

числѣ и безмѣстныхъ дѣтей духовенства. Это было началомъ *всесословной* арміи, какая у насъ теперь. Всего войска въ концѣ царствованія Петра было болѣе 300 тысячъ человѣкъ. Флотъ состоялъ изъ 48 кораблей и 800 галеръ, съ 28 тысячами человѣкъ служащихъ (экипажа).

Содержаніе войска государь принялъ на счетъ казны: офицеры и солдаты получали жалованье. На армію и флотъ расходовалось болѣе двухъ третей всѣхъ государственныхъ доходовъ (шесть съ половиною милліоновъ рублей,—около 58 милліоновъ на наши деньги, что въ пять разъ превосходило сумму, какая тратилась на войско до Петра).

Государственная казна.

Преобразованія въ областномъ и государственномъ управленіи, содержаніе арміи и флота, расходы на войну требовали отъ казны небывалыхъ дотолѣ расходовъ. Несмотря на великую бережливость Петра, который дорожилъ каждой казенной копейкой, денегъ на расходы не хватало, и приходилось отыскивать новые и новые источники доходовъ.

Государь искалъ и возвышалъ людей, способныхъ „учинить казнѣ прибыль". Учреждена была особая должность *прибыльщиковъ*, которые должны были „сидѣть и чинить государю прибыли".

Самымъ дѣятельнымъ и способнымъ прибыльщикомъ былъ Курбатовъ, дворовый человѣкъ боярина Шереметева. По его мысли введена была „орленая" (гербовая) бумага, давшая казнѣ значительный доходъ. За свои заслуги Курбатовъ получилъ потомъ должность вице-губернатора.

Кромѣ многихъ разныхъ податей, крестьяне платили и подворную, съ каждаго двора. Подати эти не платили гулящіе люди и холопы, у которыхъ дворовъ не было. Въ концѣ своего царствованія Петръ вмѣсто подворной подати установилъ *подушную* (подать съ каждой *души*). Произведена была первая народная перепись (*ревизія*) городскимъ и сельскимъ обывателямъ, и въ эту перепись зачислены были и гулящіе люди, и холопы. Отъ подушной подати освобо-

ждались — духовенство, дворяне, иностранцы и отставные солдаты. Подушная подать значительно увеличила доходы государства.

Весь государственный доходъ увеличился при Петрѣ втрое противъ прежняго. — Откуда же взялись такіе большіе прибытки?

Старыя подати были увеличены и еще придуманы новыя подати и пошлины, зачислены были въ податное тягло новые плательщики, а самое главное — увеличились ремесла и промыслы, разрослась торговля. Явились новыя производства, невѣдомыя доселѣ, явились новыя рабочія руки, которыя до этого оставались праздными, а теперь принялись за разработку нетронутыхъ богатствъ страны. Русскій народъ сталъ богаче, стала богаче и казна.

Не даромъ Петръ такъ заботился о распространеніи среди своихъ подданныхъ „нонынѣ имъ неизвѣстныхъ познаній, которыя бы сдѣлали ихъ болѣе искусными во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ“.

Несмотря на огромныя затраты казны, сдѣланныя не только для своего времени, но и на пользу будущихъ поколѣній, заботливый и бережливый государь не оставилъ послѣ себя ни копейки государственнаго долга.

Просвѣщеніе.

Посошковъ говорилъ, что много вреда причиняло крестьянамъ и то, что у нихъ грамотныхъ людей не было. По его мнѣнію, не худо было бы и поневолить крестьянъ, чтобы дѣтей своихъ учили грамотѣ.

Сенатъ раздѣлялъ мысли Посошкова, но принужденъ былъ отказаться неволить грамотой не только крестьянъ, но и горожанъ, потому что дѣти ихъ въ годы ученья начинаютъ заниматься торговлею и отъ приневоливанья къ ученью можетъ быть ущербъ податямъ.

При повальномъ невѣжествѣ народномъ, при полномъ отсутствіи народныхъ школъ, при бѣдности казны, — нельзя было пока и думать о всеобщемъ и принудительномъ обра-

зованіи, когда и высшіе классы были еще малограмотны. На первыхъ шагахъ по пути къ свѣту Петръ озаботился о христіанскомъ просвѣщеніи народа и вмѣнилъ это въ обязанность духовенству.

Но и само духовенство не сильно было въ наукахъ не только свѣтскихъ, но и въ церковныхъ. Петръ еще въ началѣ своего царствованія говорилъ патріарху Адріану:

„Священники ставятся у насъ малограмотные, надобно ихъ прежде учить, а потомъ ставить въ этотъ чинъ. Надобно позаботиться, чтобъ и православные христіане и иновѣрцы познали Бога и законъ Его. Послалъ бы для этого хотя нѣсколько десятковъ человѣкъ въ Кіевъ въ школы. И здѣсь въ Москвѣ есть школа, можно бы и здѣсь объ этомъ порадѣть; но мало учатся, потому что никто не смотритъ за школою, какъ надобно.

„Многіе желаютъ учить дѣтей своихъ свободнымъ наукамъ, и отдаютъ ихъ здѣсь иноземцамъ; другіе въ домахъ своихъ держатъ учителей иностранныхъ, которые на славянскомъ нашемъ языкѣ не умѣютъ правильно говорить, отчего и языку нашему поврежденіе.“

Но царскія слова были сказаны понапрасну: самъ патріархъ Адріанъ не силенъ былъ въ наукахъ и крѣпко держался за старину, опасаясь всякихъ новшествъ.

Чтобы поднять русскія школы и образовать ученыхъ священниковъ, надобны были ученые архіереи. Въ Великой Россіи ихъ взять было неоткуда; надобно было обратиться въ Малороссію, вызвать оттуда ученыхъ монаховъ и поставить ихъ въ архіереи. Петръ такъ и сдѣлалъ: выбраны были Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Филофей Лещинскій, Ѳеофилатъ Лопатинскій, прославившіе себя потомъ просвѣтительною дѣятельностью.

Самъ любя во всемъ простоту, избѣгая пышныхъ почестей, Петръ и епископамъ внушалъ въ уставѣ Синода—„не высоко мыслить о своей чести, чтобы подъ руки епископа, пока здоровъ, не водили и въ землю ему не кланялись“: епископы должны всего больше заботиться не о почестяхъ, а о просвѣщеніи духовенства и народа.

Синоду на первыхъ же порахъ вмѣнено было въ обязанность сочинить три книги для распространенія свѣдѣній по Закону Божію: 1) О догматахъ вѣры, 2) О должностяхъ всякаго человѣка, 3) Собраніе проповѣдей свв. отцовъ. Книги эти должны быть руководствами для самого духовенства.

Каждый епископъ обязанъ былъ завести при архіерейскомъ домѣ школу для приготовленія священниковъ. Священническимъ и дьяконскимъ дѣтямъ велѣно было учиться въ этихъ школахъ, а неученыхъ запрещено было ставить въ священники и велѣно брать такихъ въ солдаты.

Для духовенства образованіе стало обязательнымъ. Тѣмъ, кто опасается вреда отъ просвѣщенія, въ уставѣ Синода было сказано:

„Дурно многіе говорятъ, что наука порождаетъ ереси. Наши русскіе раскольники не отъ грубости ли и невѣжества такъ жестоко бѣснуются? И если посмотрѣть па мимошедшіе вѣка черезъ исторію, какъ черезъ зрительную трубу, то увидимъ все худшее въ темныхъ, а не въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ".

Указомъ Синоду государь опредѣлилъ двѣ цѣли: 1) служить страждущему человѣчеству и 2) приготовлять изъ себя властей церковныхъ.

О раскольникахъ Петръ говорилъ: „Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ". Раскольникамъ позволено было отправлять по своимъ обрядамъ богослуженіе, если только они исполняли всѣ гражданскія свои обязанности и не распространяли своего ученія.

Бороться съ ересями, расколомъ и всякими заблужденіями лучше всего путемъ просвѣщенія. Поэтому духовенству и вмѣнено было въ обязанность путемъ бесѣдъ и проповѣдей учить народъ Христовымъ заповѣдямъ, искоренять разныя темныя суевѣрія.

Петръ сдѣлалъ образованіе обязательнымъ и для дворянства. Но такъ какъ по доброй волѣ мало кто хотѣлъ учиться, то царь неграмотнымъ дворянамъ запретилъ жениться.

Для распространенія общаго для всѣхъ образованія устроены были въ Москвѣ математическія школы и, кромѣ того,—латинскія, нѣмецкія и французскія. Явилась и первая гимназія, устроенная пасторомъ Глюкомъ, въ семьѣ котораго жила Екатерина до замужества.

Во всѣхъ провинціяхъ учреждены первоначальныя („цифирныя“) школы, куда учителями посылали воспитанниковъ математическихъ школъ. Приказано было и магистратамъ заводить по городамъ „малыя школы“.

Государству нужны были просвѣщенные слуги, обладающіе спеціальными знаніями, и для этого Петръ основалъ морскую академію, инженерную школу, артиллерійскую школу, медицинскую, и школу для подьячихъ. Посылали молодыхъ людей и за границу учиться медицинѣ, восточнымъ языкамъ и другимъ наукамъ. Выписывалъ государь и изъ-за границы ученыхъ людей.

Вскорѣ послѣ заведенія школъ государь съ радостію могъ увидѣть, что „многіе всякаго званія люди познали сладость науки и добровольно отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные молодые люди и сами приходятъ съ немалою охотою“.

Для школъ требовались учебныя книги. Одинъ изъ первыхъ русскихъ учителей, Леонтій Магницкій, сочинилъ первую у насъ „Ариѳметику, сирѣчь науку числительную“. Другія нужныя книги Петръ велѣлъ переводить съ иностранныхъ языковъ. Дѣло это было для насъ новое и очень трудное.

Прежде всего явился вопросъ: на какой языкъ переводить книги: на церковнославянскій (книжный) или на разговорный—народный? Для большей доступности научныхъ сочиненій рѣшено было переводить на понятный всѣмъ живой народный языкъ.

Но книжные люди привыкли къ языку книжному, и трудно имъ было писать простымъ языкомъ. Государь самъ усердно занялся этимъ дѣломъ: онъ и указывалъ, какія книги нужно переводить, и училъ, какъ надобно переводить, и самъ исправлялъ переводы.

Государь училъ, что не надобно держаться мертваго перевода слово въ слово, но, выразумѣвши смыслъ, передавать живымъ образомъ этотъ смыслъ, чтобы удобопонятно было для русскаго человѣка. Такъ, онъ писалъ одному изъ переводчиковъ:

„Книгу о фортификаціи, которую вы перевели, мы прочли. Разговоры зѣло хорошо и внятно переведены; но какъ учить фортификаціи дѣлать, то зѣло темно и непонятно переведено. Не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ (т.-е. переводить слово въ слово): но, точію его выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть".

Петръ училъ переводчиковъ не переводить книги во всей полнотѣ, но передѣлывать и сокращать ихъ, отбрасывая ненужное: „Нѣмцы обыкли многими разсказами ненужными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего ради и трактатъ о хлѣбопашествѣ надлежитъ выправить, вычерня ненужное, что для примѣра и посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ лишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и у чтущаго охоту отъемлютъ".

Типографскіе мастера привезли изъ Голландіи (1707 г.), по приказу Петра, азбуку новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ. Азбука эта („гражданская") была гораздо проще и легче прежней церковнославянской: титла, ударенія и придыханія въ ней были отброшены, многія лишнія буквы исключены. Этими литерами и начали печатать свѣтскія книги. И грамота черезъ это давалась легче и стала для всѣхъ доступнѣе.

Первою книгою, напечатанною новыми гражданскими литерами, была „Геометрія, славянски землемѣріе".

Приказалъ государь перевести на русскій языкъ книги по всеобщей исторіи „О Троянской войнѣ" и „О дѣяніяхъ Александра Македонскаго".

Извѣстному въ то время ученому Поликарпову Петръ поручилъ написать краткую русскую исторію. Но такое дѣло оказалось еще труднѣе переводовъ, такъ какъ матеріаловъ для русской исторіи тогда еще никто не собиралъ. Трудомъ

Поликарпова государь остался не доволенъ и рѣшилъ самъ приняться за это дѣло. Онъ приказалъ со всѣхъ монастырей взять въ Москву рукописи (лѣтописи), списать ихъ, а подлинники отдать потомъ въ прежнія мѣста, откуда взяли. И самъ онъ много написалъ о войнѣ со шведами и о разныхъ другихъ дѣлахъ своего царствованія.

Точно также нельзя было заимствовать у иностранцевъ свѣдѣній и о русской географіи. Петръ посылаетъ по Россіи учениковъ петербургскихъ школъ для сочиненія ландкартъ и два раза отправлялъ экспедиціи для рѣшенія вопроса,—сошлась ли Азія съ Америкой?

Петръ началъ и собираніе коллекцій по естественной исторіи, русскихъ древностей и разныхъ рѣдкостей.

Врагъ всякой роскоши, Петръ считалъ однако полезнымъ и необходимымъ утвердить въ Россіи художественную живопись и не жалѣлъ денегъ на покупку произведеній искусства и на вызовъ иностранныхъ художниковъ. Въ Петербургѣ, „для общенародной во всякихъ художествахъ пользы, по обычаю государствъ европейскихъ, учреждена академія для правильнаго обученія иконному, живописному и прочимъ художествамъ“.

Русскимъ людямъ до Петра неоткуда было узнавать, что творится на бѣломъ свѣтѣ,—у насъ въ Россіи и за границей. Выборки изъ газетъ заграничныхъ „куранты“, составлялись только для царя и его приближенныхъ и бережно хранились, какъ государственная тайна. О событіяхъ въ Россіи знали только по разнымъ слухамъ.

Петръ хотѣлъ, чтобы русскіе люди знали, что дѣлается и у насъ въ Россіи, и во всей Европѣ, и съ 1703 года начали издаваться въ Москвѣ „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ“. И въ первомъ же листкѣ „Вѣдомостей“ было прежде всего объявлено, что московскія школы умножаются, сорокъ пять человѣкъ слушаютъ философію, а въ математической школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добре науки пріемлютъ“.

Театръ до Петра служилъ только для потѣхи великаго государя; Петръ открылъ его и для народа. На Красной площади въ Москвѣ построена была деревянная комедійная храмина для всѣхъ, кто пожелаетъ. Набрали подьячихъ и отдали ихъ въ обученіе нѣмцу Кунштy, который обязался учить ихъ всякимъ комедіямъ. Для театральныхъ представленій переводили комедіи съ иностранныхъ языковъ, составляли и свои представленія, сочиненныя по поводу какого-нибудь важнаго событія и торжества (напримѣръ, по случаю взятія Орѣшка).

И школы, и переводы книгъ, и вѣдомости, и театръ, всѣ эти средства для просвѣщенія народа были еще лишь въ зародышѣ; но важно было положить всему начало и указать путь и средство для воспитанія народа въ будущемъ.

За годъ до своей смерти Петръ издалъ указъ объ учрежденіи Академіи:

„Учинить Академію, въ которой бы учились языкамъ, а также и прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ, и переводились бы книги. Для художествъ и наукъ обыкновенно употребляются двоякого рода учрежденія: Университетъ и Академія. Но въ Россіи нельзя слѣдовать тому, что принято въ другихъ государствахъ, надобно смотрѣть на состояніе здѣшняго государства: одну академію нельзя учредить, потому что она не въ состояніи скоро распространять знанія въ народѣ; университеты тоже не для чего заводить, когда нѣтъ еще гимназій и семинарій. Надобно основать такое учрежденіе, которое бы изъ лучшихъ ученыхъ людей состояло. Но эти ученые должны не только сами заниматься науками и двигать ихъ впередъ, но должны также обучать молодыхъ людей наукамъ публично, и потомъ нѣкоторыхъ людей должны при себѣ обучать, чтобы они потомъ могли, въ свою очередь, обучать первымъ основаніямъ всѣхъ наукъ“.

Задуманная Петромъ академія должна была, такимъ образомъ, и впередъ науку двигать, и ученыхъ людей и учителей приготовлять, и малоподготовленныхъ юношей обучать.

Препятствія на пути и вѣра въ лучшее будущее.

Не легко было Петру вводить всѣ эти необычныя для русскихъ новшества; на всякомъ шагу встрѣчалъ онъ непреодолимыя для всякаго другого человѣка препятствія. Посошковъ справедливо о немъ сказалъ: „Великій нашъ монархъ на гору самъ-десятъ тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ: какъ же его дѣло споро будетъ?“

Тянули подъ гору Петровское дѣло многія злыя силы: и жадное своекорыстіе, и великая русская лѣнь, и темное невѣжество, и непривычка къ общественному и самостоятельному дѣлу.

Государь далъ торговымъ людямъ самоуправленіе на пользу общую, а выборные именитые люди оборачивали дѣло въ свою личную пользу: налагали несносные поборы на слабыхъ, отчего тѣ „приходили — въ пущую скудость и безторжицу, и всѣ попрежнему брели розно“.

Губернаторы приводили государя въ печаль великую своею медлительностію. Петръ пишетъ Меншикову: „Одинъ Богъ вѣдаетъ, въ какой печали пребываю, ибо губернаторы зѣло раку послѣдуютъ въ происхожденіи своихъ дѣлъ; буду не словомъ, но руками съ оными поступать“.

И въ коллегіяхъ, и въ Сенатѣ не спорилось дѣло: правители не привыкли къ самостоятельности и на каждомъ шагу спрашивали указки государя. Петръ не могъ равнодушно сносить этой привычки русскихъ людей къ пеленкамъ и помочамъ и требовалъ, чтобы поступали по своему разсужденію и не смѣли бы не имѣть своего сужденія.

Сенаторы собираются въ засѣданіе для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и тратятъ дорогое время въ пустыхъ разговорахъ. Петръ напоминаетъ имъ, что „пропущеніе времени смерти невозвратной подобно“. Государь строго запрещаетъ вести въ Сенатѣ разговоры о постороннихъ дѣлахъ, которыя не касаются службы, а тѣмъ менѣе забавляться бездѣльными шутками. „Сенаторы должны имѣть въ памяти должность свою и царскіе указы, и дѣлъ до завтра не откладывать. Какъ можетъ государство быть упра-

вляемо, когда указы не будутъ дѣйствительны? Презрѣніе указовъ равно измѣнѣ, и еще хуже ея, ибо, заслышавъ объ измѣнѣ, каждый и стережется ея, а этого зла никто вскорѣ не почувствуетъ, и мало-по-малу все разорится. Въ управленіи государствомъ важнѣе всего храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или играть ими какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и теперь есть, и многіе зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды".

Борьба съ такими своекорыстными правителями была самою тяжкою для Петра борьбою, потому что такихъ враговъ правды повсюду было много, даже и между самыми близкими помощниками государя.

Взяточничество и казнокрадство считались тогда дѣломъ обычнымъ, и мало кто понималъ, что это великое и позорное преступленіе.

Изстари привыкли всѣ смотрѣть на государственную службу — какъ *на кормленіе*, на подчиненныхъ — какъ на людей, которые должны кормить своихъ начальниковъ, на казну — какъ на деньги безъ хозяина, которыми можетъ пользоваться всякій, кому онѣ попадутъ въ руки. Государь твердилъ постоянно, что надо стараться не о своей личной, а объ общей пользѣ, чтобы народъ получилъ облегченіе; но словъ этихъ не понимали, и каждый думалъ больше о своей корысти.

Петръ призвалъ народъ къ тяжкому труду, ко всѣмъ лишеніямъ на пользу государственную; самъ онъ берегъ каждую казенную копейку и всю семью свою пріучилъ къ самой простой и скромной жизни, и вотъ онъ слышитъ со всѣхъ сторонъ общія жалобы; что собираемыя съ народа деньги идутъ не на общее государственное дѣло, а расходятся по частнымъ карманамъ, что народъ не знаетъ и не находитъ для себя защиты и суда скораго и праваго.

Гремятъ грозные царскіе указы, что государю извѣстно „умноженіе великихъ неправдъ и грабительствъ государственной казны, отчего многіе всякихъ чиновъ люди, особенно

крестьяне, приходятъ въ разореніе и бѣдность". Указы грозятъ смертною казнію плутамъ, которые стараются только о томъ, какъ бы подводить мины подъ всякое доброе дѣло и несытость свою наполнять.

Для открытія всякой неправды государь и учредилъ выборныя должности — оберъ-фискала при Сенатѣ и фискаловъ по провинціямъ и при каждомъ государственномъ учрежденіи, чтобы они тайно надсматривали и провѣдывали про неправый судъ, про сборы денегъ въ казну, и узнавши про неправое дѣло, звали бы виноватаго въ Сенатъ, какое бы важное мѣсто преступникъ ни занималъ, будь то хоть и сенаторъ.

Фискалы начинаютъ дѣйствовать, подаютъ въ Сенатъ свои доношенія, не щадя и самихъ сенаторовъ; а сенаторы встрѣчаютъ фискаловъ бранью, обзываютъ ихъ антихристами и плутами, на доношенія ихъ не обращаютъ никакого вниманія.

Фискалы обращаются тогда къ царю. Вскрываются злоупотребленія и самихъ сенаторовъ. Открыты злоупотребленія Сибирскаго губернатора, князя Гагарина, и онъ былъ казненъ. Открыты злоупотребленія и по всѣмъ другимъ окраинамъ и внутри государства.

Уличенъ въ злоупотребленіяхъ всесильный Меншиковъ, и не разъ подвергался и выговорамъ, и наказаніямъ отъ государя; грозила ему даже и смертная казнь.

Вице-канцлеръ и сенаторъ Шафировъ былъ осужденъ на смерть, снятъ съ плахи и сосланъ въ ссылку за то, что въ Сенатѣ позволилъ себѣ неприличные поступки, брань съ товарищими и оберъ-прокуроромъ, нарушеніе указовъ, стараніе, чтобы брату его выдано было лишнее жалованье.

Знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ обвиненъ былъ въ злоупотребленіяхъ и умеръ подъ судомъ.

Знаменитый оберъ-фискалъ Нестеровъ, открывшій множество чужихъ злоупотребленій, самъ попался въ такихъ же преступленіяхъ и былъ казненъ смертію.

Какъ распространено было тогда взяточничество и казнокрадство показываетъ слѣдующій разсказъ.

Слушая въ Сенатѣ многія дѣла о взяточничествѣ и казнокрадствѣ, Петръ какъ-то сильно разгнѣвался и сказалъ генералъ-прокурору Ягужинскому:

— Напиши указъ, что если кто и настолько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ.

— Государь! — отвѣчалъ Ягужинскій, — неужели вы хотите остаться императоромъ безъ служителей? Мы всѣ воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой.

Таковы были тогда нравы нашего общества, таковы были нравственныя понятія. И сразу перемѣниться эти нравы не могли. Нужно было, чтобы переродилося все общество, чтобы всѣ и знали и понимали, что дурно, позорно и преступно, чтобы, кромѣ указовъ и законовъ государевыхъ, и само общество осуждало беззаконіе и беззаконника.

Тяжелыя минуты переживалъ государь, видя, что и самые близкіе къ нему, довѣренные, любимые люди не понимаютъ его мыслей, не слушаютъ его, не раздѣляютъ съ нимъ заботъ о пользѣ общей, всенародной. Но въ отчаяніе онъ не приходитъ, и въ дѣло свое вѣритъ, и въ народъ русскій вѣритъ.

Такъ точно не приходитъ въ отчаяніе воспитатель, когда видитъ, что ребенокъ не твердо еще стоитъ на ногахъ и часто падаетъ, и много дѣлаетъ во всемъ ошибокъ: нуженъ старательный за нимъ уходъ, неослабное наблюденіе, мудрое воспитаніе, и ребенокъ выраститъ, станетъ крѣпко на свои ноги и разовьется, и твердо пойдетъ по намѣченному правому пути.

Въ этой вѣрѣ въ свое дѣло и въ свой народъ укрѣплялъ государя тотъ живой, отзывчивый и сильный откликъ, который онъ слышалъ отовсюду. Не все были люди, которые „раку подобились“ въ новомъ дѣлѣ и тянули назадъ и подъ гору,—подрастали и молодые орлята, которые рвались впередъ по новому пути, указанному державнымъ вождемъ. И великое дѣло обновленія Россіи, хоть и не быстро, но налаживалось и шло впередъ.

11. Птенцы гнѣзда Петрова.

Петръ хорошо зналъ, что нужно для пользы Россіи; онъ умѣлъ выбирать и достойныхъ людей въ помощники себѣ, умѣлъ научить ихъ своему дѣлу и руководить ими, трудясь вмѣстѣ съ ними. Геній Петра отразился и на его сотрудникахъ, духовныхъ и свѣтскихъ, и осіялъ всѣхъ ихъ свою безсмертною славою.

Въ 1700 году умеръ престарѣлый патріархъ Адріанъ, и Петръ отложилъ избраніе преемника ему. Рязанскій митрополитъ *Стефанъ Яворскій* назначенъ „блюстителемъ патріаршаго престола", и ему временно поручено управленіе патріаршими дѣлами. Въ слѣдъ за этимъ и начались, по мысли Петра, преобразованія въ дѣлахъ монастырей и духовенства, и Стефанъ Яворскій явился добрымъ помощникомъ государя.

Монастыри владѣли большими вотчинами съ крѣпостными крестьянами. Государь учредилъ Монастырскій Приказъ для управленія церковными имуществами, а во главѣ приказа поставилъ свѣтское лицо — боярина Мусина-Пушкина.

Приказъ собиралъ доходы съ монастырскихъ имѣній, выдавалъ монахамъ на содержаніе потребное количество денегъ и хлѣба, а все остальное шло на пропитаніе нищихъ, на богадѣльни, на помощь бѣднымъ монастырямъ. На монастырскія же деньги былъ построенъ въ Москвѣ госпиталь для лѣченія больныхъ, который служилъ и медицинскою школою. На тѣ же деньги заводили школы для духовенства, печатали книги.

Изданы были строгія правила о монастырской жизни, о сборахъ подаяній на монастыри, о переходѣ монаховъ изъ монастыря въ монастырь.

Изданы указы объ устройствѣ школъ для духовенства, о запрещеніи ставить въ священники и діаконы неученыхъ.

Какъ церковныя, такъ и свѣтскія новшества Петра возбуждали и въ духовенствѣ и въ народѣ большое недовольство. Раскольники видѣли въ этихъ новшествахъ признаки пришествія антихриста. Иные изувѣры самого Петра назы-

вали антихристомъ. Чтобъ просвѣтить темное невѣжество и предостеречь легковѣрныхъ, Стефанъ Яворскій написалъ книгу — „Знаменія пришествія антихриста“, въ которой и обличилъ невѣжественныхъ мракобѣсовъ.

Стефанъ Яворскій написалъ еще и другую книгу — „Камень вѣры“, гдѣ боролся съ протестантскимъ ученіемъ, начавшимъ было у насъ распространяться.

Яворскій былъ не только ученый и писатель, но и талантливый проповѣдникъ. Онъ былъ и первымъ президентомъ (предсѣдательствующимъ) въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Знаменитымъ церковнымъ проповѣдникомъ при Петрѣ былъ и *Ѳеофанъ Прокоповичъ*. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ не только училъ истинамъ христіанской вѣры, но и защищалъ всѣ преобразованія Петра, прославлялъ государя за всѣ его труды и дѣла. Ѳеофанъ Прокоповичъ составилъ и регламентъ (уставъ) Святѣйшаго Синода.

Великія услуги оказалъ церкви и просвѣщенію *Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій.*

„Что человѣка вразумляетъ, какъ не ученіе?“ — говорилъ онъ. А въ своей епархіи онъ на первыхъ шагахъ не нашелъ среди духовенства ни учености, ни соблюденія правилъ церковныхъ.

Священническіе сыновья приходили къ нему ставиться на отцовскія мѣста. Митрополитъ спрашивалъ ихъ, — давно ли они причащались? И получалъ отвѣтъ, что и не помнятъ, когда причащались.

Димитрій митрополитъ завелъ школу при своемъ домѣ, и ему самому пришлось въ ней исполнять должность учителя: негдѣ было взять хорошихъ учителей.

Отъ всеобщей темноты расколъ и всякія лжеученія распространялись въ народѣ безпрепятственно.— „Съ трудомъ можно было найти истиннаго сына Церкви,—говорилъ св. Димитрій, — почти въ каждомъ городѣ изобрѣтается особая вѣра; простые мужики и бабы толкуютъ по-своему о догматахъ и учатъ вѣрѣ“.

Не ограничиваясь церковными проповѣдями, св. Димитрій въ обличеніе раскола составляетъ книгу—„Розыскъ о расколь-

ничьей вѣрѣ“. Въ этой книгѣ описаны въ первый разъ наши раскольническія секты.

Не однихъ раскольниковъ, но и „церковниковъ“ нужно было вразумлять и въ вѣрѣ, и относительно Петровскихъ новшествъ. Многіе считали брадобритіе за великій грѣхъ и, обривши свои бороды по царскому указу, отчаивались въ своемъ спасеніи, полагая, что они потеряли образъ и подобіе Божіе, и спрашивали митрополита, какъ имъ теперь войти безъ бороды въ царство небесное? — Въ отвѣтъ на это св. Димитрій написалъ разсужденіе — „Объ образѣ и подобіи Божіемъ“. — Образъ Божій не въ тѣлѣ, а въ душѣ, которая можетъ уподобиться Богу христіанскимъ просвѣщеніемъ и добрыми дѣлами.

Св. Димитрій прославился еще и составленіемъ — „Четьи-Миней“, или собранія житій святыхъ.

Онъ такъ любилъ книжные труды свои, что завѣщалъ постлать свой гробъ черновыми бумагими своихъ сочиненій.

За всѣ свои труды и за праведную жизнь Димитрій митрополитъ Ростовскій причисленъ православною Церковію къ лику святыхъ.

Причисленъ къ лику святыхъ за праведную жизнь и Митрофанъ, епископъ Воронежскій. Онъ прославился и великимъ радѣніемъ своимъ о благѣ Россіи, обновляемой преобразованіями Петра.

Св. Митрофанъ прославлялъ Петра за его намѣреніе построить флотъ и убѣждалъ народъ всѣми силами помогать царю въ этомъ великомъ дѣлѣ. Онъ отдалъ Петру на войну съ турками послѣднія шесть тысячъ рублей, оставшіяся въ архіерейской казнѣ, и потомъ постоянно отсылалъ государю накоплявшіяся у него деньги, надписывая на конвертѣ — „на раненыхъ“.

Между свѣтскими сотрудниками Петра первое мѣсто занималъ свѣтлѣйшій князь *Александръ Даниловичъ Меншиковъ*. Происходя изъ низкаго и безвѣстнаго роду, онъ талантами и трудами своими поднялся выше всѣхъ во всемъ государствѣ и довѣріемъ къ нему государя сталъ „полудержавнымъ властелиномъ“.

Одаренный необыкновенными способностями, Меншиковъ былъ неутомимъ въ трудѣ, находчивъ, исполнителенъ и всею душою былъ преданъ преобразованіямъ Петра, самъ всѣмъ обязанный этимъ преобразованіямъ. Начавъ служить Петру въ „потѣшныхъ", Меншиковъ рука объ руку съ Петромъ выучился и корабельному дѣлу, и воинскому искусству—сухопутному и морскому, и управленію государственными дѣлами, и сношеніямъ съ иностранцами. Кромѣ дѣловой стороны, Меншиковъ близокъ къ Петру и по дѣламъ семейнымъ,—былъ его повѣреннымъ во всемъ, другомъ сердечнымъ, товарищемъ вѣрнымъ, братомъ любимымъ.

Но такая необыкновенная судьба отуманила голову этого баловня счастья, разнуздала его низкія страсти, и Меншиковъ самъ себѣ готовилъ гибель. Первый богачъ въ государствѣ, онъ не зналъ предѣловъ своей жадности, — бралъ взятки, отнималъ чужое, обкрадывалъ казну. Не знало границъ и его честолюбіе: онъ зазнался, возносился надъ всѣми, унижалъ и оскорблялъ каждаго своимъ высомѣріемъ.

Петръ подъ конецъ охладѣлъ къ своему любимцу, и только помня его старыя заслуги, спасалъ передъ закономъ отъ ссылки, отъ казни. Чего не допустилъ Петръ, то случилось при его преемникахъ: лишенный всего, — и власти, и чиновъ, и богатства, — Меншиковъ окончилъ жизнь изгнанникомъ на крайнемъ сѣверѣ въ Сибири.

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, — военачальникъ и фельдмаршалъ, прославилъ себя громкими побѣдами во время войны со Шведами.

Шереметевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ бояръ, которыхъ еще до Петра влекло къ западу и европейскому просвѣщенію. Сорока пяти лѣтъ отъ роду онъ отправился въ чужіе края изучать воинское искусство и возвратился оттуда съ богатыми познаніями и въ нѣмецкомъ платьѣ, — къ великому удовольствію государя.

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ былъ человѣкъ не только просвѣщенный, но и великой душевной доброты и благородства.

Представителями другого знаменитаго въ нашей исторіи древняго рода были братья Голицыны.

Сенаторъ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ былъ человѣкъ съ твердымъ и жестокимъ характеромъ, зараженный старинными аристократическими предразсудками. Онъ открыто высказывалъ свое неудовольствіе на то, что государь дружитъ съ иностранцами и приближаетъ къ себѣ людей низкородныхъ. Но въ то же время Димитрій Голицынъ былъ человѣкъ большого ума и тѣмъ былъ полезенъ государю.

Князь Яковъ Долгоруковъ.

Братъ князя Димитрія — *Михаилъ Михайловичъ Голицынъ* отличался самымъ привлекательнымъ характеромъ среди вельможъ Петровыхъ.

Князь Михаилъ Голицынъ держался старыхъ обычаевъ. Разсказываютъ, что онъ, — фельдмаршалъ и отецъ многочисленнаго семейства, — не смѣлъ садиться въ присутствіи своего старшаго брата. Какъ и старшій братъ, Михаилъ Голицынъ не жаловалъ иностранцевъ. Но, несмотря на это, даже иностранцы съ восторгомъ говорили объ его умѣ,

любезномъ обхожденіи со всѣми, объ его храбрости и великодушіи.

Послѣ счастливаго сраженія подъ Лѣснымъ, Петръ, щедро наградивши Михаила Голицына, спросилъ его, какой милости онъ еще желаетъ?—„Государь,—отвѣчалъ Голицынъ,—прости князя Репнина! — А Репнинъ былъ его врагъ.

Князь Яковъ Өедоровичъ Долгоруковъ знаменитъ мужествомъ гражданскимъ. Во имя народнаго блага и справедливости онъ не разъ противился и самому государю, останавливалъ его поспѣшныя рѣшенія, не страшась его гнѣва. Великій государь умѣлъ цѣнить въ благородномъ подданомъ эти высокія достоинства, сознавался въ своихъ ошибкахъ, забывая о собственномъ самолюбіи.

Генералъ-адмиралъ Өедоръ Алексѣевичъ Головинъ, первый кавалеръ ордена Андрея Первозваннаго, превосходилъ всѣхъ своею бывалостію и своею разностороннею опытностію. Онъ заключилъ договоръ съ китайцами, велъ переговоры въ Голландіи о союзѣ противъ турокъ, завѣдовалъ иностранными дѣлами и считался въ глазахъ иностранцевъ первымъ министромъ.

Стремясь къ раздѣленію занятій между своими министрами, чтобы каждый изъ нихъ занимался однимъ своимъ дѣломъ и хорошо зналъ его, Петръ послѣ смерти Головина назначилъ Генералъ-адмираломъ *графа Өедора Матвѣевича Апраксина*, а иностранныя дѣла поручилъ *Гавріилу Ивановичу Головкину*, въ званіи великаго канцлера.

Вице-канцлеромъ былъ *баронъ Шафировъ*, происходившій изъ низкаго рода. Онъ оказалъ государю большія услуги въ Турціи, особенно послѣ неудачнаго Прутскаго похода. Не удержался онъ, какъ и Меншиковъ, на высотѣ, навлекъ на себя гнѣвъ государя, лишился всего и былъ отправленъ въ ссылку.

Подобно Меньшикову и Шафирову, быстро возвысился изъ низкаго рода и даровитый *Ягужинскій*. Онъ являлся при разныхъ дворахъ Европы съ важными порученіями и былъ потомъ первымъ генералъ-прокуроромъ въ Сенатѣ.

Двое князей Долгорукихъ—Григорій и Василій Матвѣевичи князь Куракинъ и *Петръ Андреевичъ Толстой* усердно помогали Петру въ дипломатической борьбѣ съ Европою отъ Лондона до Константинополя. Толстой когда-то участвовалъ въ замыслахъ царевны Софьи, но Петръ простилъ его и приблизилъ къ себѣ за его обширный умъ.

Въ финансовомъ управленіи прославился *Курбатовъ*, человѣкъ низкаго происхожденія.

Баронъ Остерманъ.

Изъ иностранцевевъ были отличены Петромъ и призваны къ дѣлу *Остерманъ*, *Брюсъ* и *Минихъ*.

Баронъ Остерманъ—человѣкъ съ блестящими способностями, первокласный дипломатъ своего времени, оказавшій много услугъ своему новому отечеству. Ему обязана Россія выгодными условіями мира со шведами.

Но Остерманъ оставался дипломатомъ и въ своей личной жизни и проявлялъ нерѣдко двоедушіе, притворство и не-

разборчивость въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, что особенно обнаружилось при преемникахъ Петра.

Графъ Брюсъ, менѣе даровитый, чѣмъ Остерманъ, былъ человѣкъ высокой нравственности. Онъ начальствовалъ надъ артиллеріей и принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ.

Брюсъ считался ученѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи, а простые люди называли его *чернокнижникомъ*.

Минихъ вступилъ въ русскую службу незадолго до смерти Петра. Государь поручилъ ему работы по устройству Ладожскаго канала. За годъ до смерти больной государь сказалъ про Миниха: „Труды моего Миниха сдѣлали меня здоровымъ“.

Сохранилось много интересныхъ разсказовъ о томъ, какъ Петръ выбиралъ и приближалъ къ себѣ способныхъ людей.

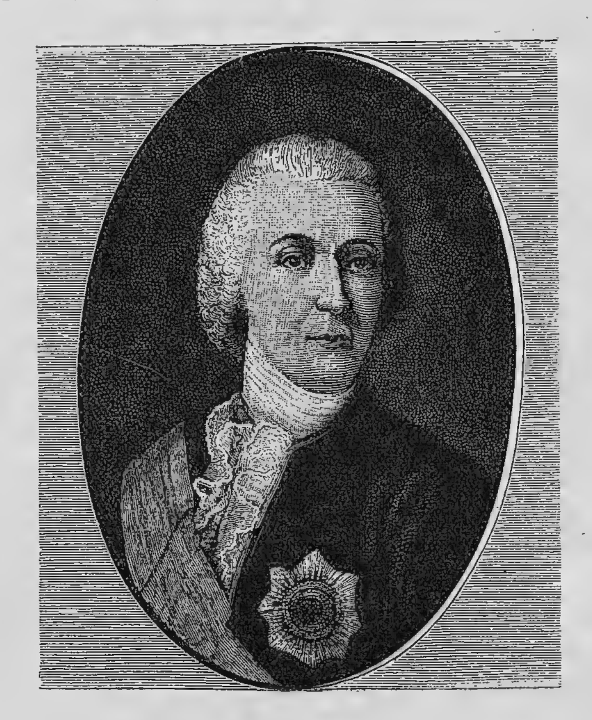
Однажды на кораблѣ, гдѣ находился государь, произошла драка между царскимъ денщикомъ и молодымъ нѣмцемъ, который состоялъ младшимъ секретаремъ при вице-адмиралѣ. Обиженный нѣмецъ идетъ прямо къ царю съ жалобою на его денщика и требуетъ удовлетворенія.—„Пьяное дѣло!“—сказалъ государь, и никакого удовлетворенія нѣмцу не далъ. Но наружность нѣмца остановила вниманіе Петра. Онъ, по обычаю своему, приподнялъ у него волосы со лба, пристально посмотрѣлъ въ глаза и—взялъ его къ себѣ для иностранной переписки. Нѣмецъ этотъ былъ Остерманъ,—знаменитый потомъ дипломатъ.

А вотъ разсказъ объ извѣстномъ по своимъ трудамъ Неплюевѣ.

Молодые дворяне, посланные учиться за границу, сейчасъ же по возвращеніи своемъ въ Россію являлись къ Петру на экзаменъ. Бывало, зимою, въ шесть часовъ утра, въ своемъ кабинетѣ, со свѣчою въ рукахъ, Петръ уже ползаетъ по разостланнымъ на полу чертежамъ, спрашиваетъ и разспрашиваетъ молодыхъ людей,—кого хвалитъ, а кого и бранитъ.

Одинъ изъ такихъ, Неплюевъ,—полюбился государю и былъ опредѣленъ въ смотрители надъ постройкою судовъ. Петръ

каждый день бывалъ на постройкѣ, приглядывалъ за молодымъ Неплюевымъ и рѣшилъ про себя, что изъ малаго выйдетъ толкъ. Начальники учатъ Неплюева, какъ служить и чѣмъ угодить государю.—„Будь исправенъ,—говорятъ они ему,—буть проворенъ и всегда говори царю одну правду: сохрани тебя Боже солгать, хоть бы что и худо было: онъ больше разсердится, если солжешь".

Ив. Ив. Неплюевъ.

Однажды Неплюевъ пришелъ на свою работу, а государь уже тутъ. Неплюевъ сильно перепугался, и первою его мыслію было бѣжать и сказаться больнымъ; но потомъ онъ вспомнилъ добрые совѣты и прямо пошелъ на глаза государя.

А я уже здѣсь, мой другъ!—сказалъ ему Петръ.

— Виноватъ, государь,—отвѣтилъ Неплюевъ,—вчера я былъ въ гостяхъ, долго засидѣлся, оттого и опоздалъ.

— Спасибо, что говоришь правду,—сказалъ Петръ.—Богъ проститъ! Кто бабушкѣ не внукъ!

Прошло довольно времени. Государь вполнѣ оцѣнилъ способности и труды Неплюева.

Однажды у государя былъ обѣдъ для всей знати и для офицеровъ гвардейскихъ и морскихъ, въ числѣ которыхъ приглашенъ былъ и Неплюевъ. Отобѣдавъ съ товарищами раньше, Неплюевъ всталъ изъ-за стола, перешелъ на ту сторону, гдѣ сидѣлъ еще за столомъ государь, и всталъ у него за стуломъ.

Государь въ это время велъ тайный разговоръ съ Головкинымъ и Өедоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ:

— Надобенъ мнѣ человѣкъ, который бы зналъ итальянскій языкъ, для посылки въ Константинополь резидентомъ *).

Головкинъ отвѣчалъ, что такого человѣка не знаетъ.

— А я знаю,—сказалъ Апраксинъ,—очень дѣльный человѣкъ, да бѣда, что очень бѣденъ.

— Бѣдность не бѣда, — отвѣчалъ государь, — этому горю можно скоро помочь. Да кто онъ такой?

— Да вотъ онъ за тобой стоитъ, — сказалъ Апраксинъ.

— За мной стоятъ много, — говоритъ Петръ.

— Да твой хваленый, что у галернаго строенія, — объяснилъ Апраксинъ.

Петръ оборотился, взглянулъ на Неплюева и сказалъ:

— Это правда, Өедоръ Матвѣичъ, что онъ хорошъ, да мнѣ бы хотѣлось его у себя имѣть. Но потомъ, подумавши, государь приказалъ назначить Неплюева резидентомъ въ Константиполь.

И Петръ не ошибся: вѣрой и правдой усердно служилъ Неплюевъ и Петру, и его преемникамъ.

Такъ кто же были ближайшіе сотрудники великаго государя,—эти „птенцы гнѣзда Петрова“, его товарищи въ трудахъ державства и войны?

Видимъ мы среди нихъ и русскихъ людей, и иностранцевъ,—но русскихъ несравненно больше.

*) Резидентъ—очень важная должность при иностранномъ дворѣ.

Почему же Петръ отдавалъ предпочтеніе русскимъ?

Петръ нуждался въ учителяхъ, вездѣ отыскивалъ ихъ,— сначала въ Нѣмецкой слободѣ, потомъ за границей,— призывалъ нужныхъ людей въ Россію, давалъ имъ видныя должности,—чтобы русскіе у нихъ учились. Онъ весь свой вѣкъ и самъ учился, и своихъ близкихъ и всѣхъ подданыхъ своихъ училъ, и даже войну со Шведами считалъ школой, а шведовъ своими учителями. Но учителя-иностранцы нужны были государю лишь на время ученья. Русскіе должны, обучившись, обходиться безъ указки, сами дѣлать свое дѣло: не вѣкъ же на помочахъ ходить и отъ чужихъ людей зависѣть! Потому-то Петръ и назначалъ на всѣ важныя должности своихъ, русскихъ, какъ только являлась къ тому возможность. Пусть будутъ и ошибки на первое время: не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Онъ и самъ до всего дошелъ ученьемъ и собственнымъ долгимъ опытомъ.

Между русскими людьми, въ числѣ ближайшихъ помощниковъ Петра, мы видимъ и родовитыхъ бояръ, и людей низкородныхъ. Почему это?

Петръ цѣнилъ въ человѣкѣ умъ и охоту къ работѣ, а изъ какого рода происходилъ человѣкъ, для него все равно было: польза для дѣла выходитъ не отъ родовитости, а отъ способностей и усердія. Способныхъ и дѣльныхъ людей великій государь и привлекалъ на службу государству, приближалъ къ себѣ, возвышалъ по заслугамъ до самыхъ первыхъ должностей, награждалъ и чинами, и орденами, и богатствомъ, и властью. И чины онъ установилъ для того, чтобы награждать и возвышать достойныхъ работниковъ за службу, а чиновникомъ могъ сдѣлаться всякій образованный, способный и работящій человѣкъ. Потому-то у Петра и были такіе хорошіе помощники.

Петръ со своими сотрудниками составлялъ какъ бы одну рабочую семью, въ которой онъ былъ и главою, и товарищемъ во всѣхъ трудахъ. Въ этой рабочей семьѣ были и старые опытные работники, мастера своего дѣла, и молодые подростки, орлята, „птенцы гнѣзда Петрова“. Эти подростки учились, росли и крѣпли подъ опытнымъ руководствомъ.

Въ свое время и они станутъ настоящими мастерами и, свято храня завѣты своего великаго учителя, передадутъ начатое имъ дѣло въ руки Екатерины Великой, достойной преемницы геніальнаго Петра.

12. Отецъ и государь.

„Птенцы гнѣзда Петрова, его товарищи, сыны“ — были самыми близкими людьми государю: съ ними онъ дѣлилъ во всю свою жизнь и тяжелые труды, и минутные веселые отдыхи; съ ними вмѣстѣ радостно торжествовалъ успѣхи, печалился неудачами, журилъ за промахи и ошибки, строго наказывалъ за проступки, щедро награждалъ за усердіе и труды. Всѣ въ этой семьѣ, въ мѣру своихъ силъ, старались дружно служить одному общему дѣлу — обновленію Россіи, на великую пользу всего русскаго народа. Такъ жилъ государь въ своей рабочей семьѣ, а въ тѣсномъ кругу родной семьи своей онъ мало зналъ радостей, не нашелъ себѣ полнаго счастья.

Въ раннемъ дѣтствѣ онъ лишился отца и не узналъ его родительскихъ заботъ и попеченій. При царѣ-братѣ жилъ съ матерью въ изгнаніи. Печальная вдова-царица только тужила о своей горькой долѣ, страшась всечасно за участь сына. Что сынъ любитъ, того мать боялась; чего онъ хотѣлъ, того она не понимала, и влеченій его не раздѣляла.

Въ ранней юности на его глазахъ совершается кровавая расправа съ родными и близкими ему людьми, а потомъ — лютая вражда съ сестрою, жестокая борьба съ нею изъ-за власти, и онъ—юноша—становится грознымъ надъ сестрой судьею.

Женился Петръ рано, и не по собственному своему выбору, не по влеченію сердца, а по указу матери. Жена пришлась не по мужу и скоро стала ему постылой.

По обычаю стараго времени, Петръ заключилъ жену въ монастырь, когда она ужъ была матерью его сына, и женился потомъ во второй разъ.

Только въ этомъ второмъ бракѣ Петръ и нашелъ свою долю семейнаго счастья: Екатерина Алексѣевна умѣла во

всемъ угодить государю-мужу, устроить домашнюю жизнь по его вкусу, знала, какъ успокоить его пылкій гнѣвъ, поберечь его покой и здоровье. И государь крѣпко привязался къ новой своей семьѣ,—къ женѣ и дѣтямъ, и подъ конецъ своей жизни короновалъ Екатерину, какъ Россійскую императрицу.

Не трудно было государю удалить отъ себя первую жену и въ монахини постричь противъ ея воли; но не одна она была, а оставила по себѣ наслѣдника-сына: онъ-то и принесъ отцу-государю великія скорби.

До девяти лѣтъ отъ рожденія царевичъ Алексѣй оставался при матери. Отецъ былъ въ дому рѣдкимъ гостемъ. Мать не могла скрыть отъ ребенка своей горести, что государь ее всегда покидаетъ, что онъ ее не любитъ и обижаетъ,—не любитъ, значитъ, и своего сына.

Не могла покинутая царица скрыть отъ царевича и своей нелюбви „къ нѣмцамъ", съ которыми Петръ проводитъ все время: они, значитъ, и разлучаютъ ее съ мужемъ, думала она.

Вокругъ царицы — ея родные. Они не одобряютъ новшествъ государя, не одобряетъ ихъ и сама царица,—и про все про это слушаетъ маленькій царевичъ.

Такъ въ младенчествѣ своемъ царевичъ Алексѣй и не могъ не только полюбить отца, но и привыкнуть къ нему; не научился онъ и уважать дѣла отцовскія.

Царевичъ Алексѣй самъ потомъ въ зрѣломъ возрастѣ говорилъ про себя: „причина моего непослушанія отцовской волѣ въ томъ, что съ младенчества моего жилъ съ мамкою и съ дѣвками сѣнными, гдѣ ничему иному не обучился, кромѣ избныхъ забавъ, и больше научился ханжить, хотя и вѣдалъ, что непослушаніе отцу — грѣхъ и стыдъ".

Итакъ, окружающіе ребенка въ его раннемъ дѣтствѣ на словахъ внушали ребенку, что надо слушаться отца и почитать его, а на дѣлѣ сами того же отца не любили, за глаза осуждали и бранили, а въ глазахъ раболѣпствовали предъ нимъ, и черезъ это самое пріучали и ребенка къ ханжеству - притворству и скрытному непослушанію. Ребенокъ

незамѣтно пріучался глядѣть на родителя-государя глазами матери своей и всѣхъ окружающихъ.

Шести лѣтъ царевича Алексѣя посадили за азбуку. Для начала взятъ былъ русскій учитель, а потомъ иностранецъ. Для воспитанія царевича приставлены къ нему „кавалеры" изъ знатныхъ русскихъ особъ. Царица-мать къ тому времени удалена была въ монастырь, и всякое сношеніе съ нею сына-ребенка было строго-настрого заказано.

Петръ всю свою жизнь тужилъ о томъ, что не получилъ въ дѣтствѣ и юности правильнаго образованія, почему и хотѣлъ непремѣнно дать такое сыну, чтобы приготовить изъ него достойнаго преемника себѣ. Онъ намѣренъ былъ отправить царевича учиться за границу, но Сѣверная война помѣшала.

Составленъ былъ планъ занятій дома. Прежде всего царевичъ долженъ былъ обучиться французскому языку, какъ самому легкому и употребительному изъ иностранныхъ. Французскій языкъ откроетъ царевичу двери къ познанію разныхъ наукъ. Когда царевичъ станетъ понимать французскія книги, тогда начать преподаваніе исторіи и географіи, а потомъ математики и другихъ необходимыхъ для наслѣдника престола наукъ.

Книжное ученіе царевича шло довольно успѣшно. Къ четырнадцати годамъ Алексѣй прочелъ шесть разъ Библію,— пять разъ по-славянски и одинъ разъ по-нѣмецки,— прочиталъ творенія отцовъ Церкви и всѣ другія духовныя и свѣтскія книги, какія переведены были на славянскій языкъ, прошелъ и нѣкоторыя науки, по-нѣмецки и по-французски говорилъ и писалъ хорошо. Учитель отзывался, что царевичъ разуменъ выше возраста своего, нравомъ тихъ, кротокъ, благочестивъ.

Однимъ книжнымъ ученіемъ сына государь не желалъ ограничиться: царевичъ долженъ былъ проходить на дѣлѣ военную школу, пріучиться переносить труды походной жизни. Петръ вызываетъ царевича въ походъ, въ которомъ тотъ участвуетъ въ званіи солдата бомбардирской роты. Черезъ годъ царевичъ былъ въ Нарвѣ—при взятіи крѣпости.

Государь-отецъ рѣшилъ, чтобы его сынъ и наслѣдникъ прошелъ трудовую военную школу съ самыхъ нижнихъ чиновъ, какъ и самъ онъ ее проходилъ.—„Самое лучшее, что я могъ сдѣлать для государства,—говорилъ Петръ, — это—воспитать наслѣдника“.

Такъ царевичъ началъ свою службу государству. Онъ ужъ не маленькій, ему четырнадцать лѣтъ, онъ долженъ понимать свои обязанности, долженъ знать желанія своего отца и государя. Послѣ взятія Нарвы Петръ начерталъ для сына опредѣленную программу всей его будущей дѣятельности.

„Мы благодаримъ Бога за побѣду. Побѣда отъ Него. Но мы, съ своей стороны, должны употреблять всѣ силы для ихъ полученія. Я взялъ тебя въ походъ показать тебѣ, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Я сегодня или завтра могу умереть; но знай, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру. Ты долженъ любить все, что служитъ ко благу и чести отечества, долженъ любить вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они чужіе или свои, и не щадить трудовъ для общаго блага. Если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ, и ты не захочешь дѣлать того, чего я желаю, то я не признаю тебя своимъ сыномъ: я буду молить Бога, чтобы Онъ наказалъ тебя въ этой и въ будущей жизни“.

Царевичъ, цѣлуя руку отца, клялся, что будетъ подражать ему.

Грозныя требованія государя-отца совершенно ясны: наслѣдникъ-сынъ долженъ быть во всемъ продолжателемъ отцовскаго дѣла, въ противномъ случаѣ государь отречется отъ недостойнаго сына. Воля Петра непреклонна, и онъ никогда ея и впредь не измѣнитъ.

Сынъ поклялся, что будетъ во всемъ подражать отцу; но найдетъ ли онъ въ себѣ способности и силы, чтобы исполнить на дѣлѣ свою клятву? По грознымъ словамъ отца видно, что онъ провѣдалъ про сына что-то не доброе, и государь-отецъ былъ правъ.

Царевичъ обнаружилъ въ себѣ охоту къ пріобрѣтенію знаній, если только это давалось безъ большого труда. Онъ

былъ уменъ и любознателенъ, какъ и дѣдъ его Алексѣй Михайловичъ или дядя—Ѳедоръ Алексѣевичъ, но, подобно имъ, тяжелъ на подъемъ и неспособенъ къ напряженной дѣятельности. Въ немъ не было и одной искры того огня, который горѣлъ неукротимымъ пламенемъ въ его отцѣ. Царевичъ по природѣ своей былъ лѣнивъ тѣломъ и духомъ, избѣгалъ всякаго физическаго труда и совсѣмъ не способенъ былъ къ великимъ подвигамъ.

Въ зародышѣ пока все это было въ четырнадцатилѣтнемъ царевичѣ, но зародышъ можетъ развиться и окрѣпнуть при благопріятныхъ условіяхъ. Къ несчастію для царевича, такъ это и случилось.

Петръ въ постоянныхъ походахъ и разъѣздахъ. Царевичъ не любитъ разъѣздовъ, походовъ и моря, онъ домосѣдъ и безвыѣздно живетъ въ старой Москвѣ. А здѣсь нѣтъ той неустанной трудовой дѣятельности, какая кипнемъ кипитъ вблизи царя. Въ Москву доходятъ лишь издалека отдаленныя молніи. Въ Москвѣ управляютъ старые бояре, которымъ царь шлетъ изъ отдаленныхъ мѣстъ строгіе приказы къ усиленной самостоятельной дѣятельности. А степенные бояре спѣшить не привыкли, и постоянные труды безъ передышки имъ за великую тяжесть. Они ждутъ и не дождутся, когда же конецъ всѣмъ тяготамъ будетъ. И вотъ, всѣ жаждущіе отдыха, съ надеждой смотрятъ на наслѣдника: онъ не въ отца, при немъ жизнь опять потечетъ покойно.

И самъ царевичъ не чувствуетъ въ себѣ никакой склонности подражать отцу въ его неустанныхъ трудахъ, — противъ этого возстаетъ вся его природа. Новшества для Россіи нужны,—онъ это разумѣетъ,—но зачѣмъ такъ спѣшить неустанно? Все сдѣлается само собою, потихоньку да полегоньку.

Но отецъ настойчивъ и грозенъ, онъ требуетъ отъ сына, чтобы тотъ переломилъ свою природу. И долгъ велитъ сыну повиноваться отцовской волѣ.

„Повиноваться надобно, когда отецъ требуетъ хорошаго, — говорятъ вокругъ, — а въ дурномъ какъ повиноваться?“

И царевичу становится легче: за одно съ нимъ москов-

скіе бояре, за одно съ нимъ и отягченный разными поборами народъ. Царевичъ, значитъ, за одно со всѣми.

Царевичъ все дальше и дальше отходитъ отъ государя-отца въ своихъ мысляхъ и чувствахъ: они совсѣмъ разные люди; у царевича нѣтъ и родственныхъ чувствъ къ отцу, у него враждебныя къ нему чувства. Въ головѣ его вдругъ зараждается мысль, что лучше было бы для него и для всѣхъ, если бы отецъ поскорѣе умеръ.

Но такая грѣшная мысль устрашаетъ царевича, и онъ кается въ ней своему духовнику. А духовникъ отвѣчаетъ: „Богъ проститъ: мы и всѣ того желаемъ, потому что въ народѣ тягости много".—Духовникъ напоминаетъ царевичу о матери, которая безъ вины страдаетъ; говоритъ, что народъ его, царевича, любитъ и называетъ надеждою россійскою.

И царевичъ совсѣмъ успокоился и еще больше укрѣпился въ мысляхъ своихъ, и еще дальше отошелъ отъ отца; и совѣсть ужъ больше не тревожитъ, одинъ только страхъ въ душѣ остался.

Весело живетъ царевичъ въ Москвѣ со „своей компаніей", привыкаетъ пировать „по-русски", какъ онъ самъ выражался, хоть и сильно вредятъ эти пиры его здоровью, и безъ того не очень крѣпкому отъ природы.

А „компанія" царевича разрастается. Примыкаютъ къ ней „недовольные"; заискиваютъ передъ царевичемъ и равнодушные къ новшествамъ люди: рано или поздно отецъ умретъ, и вся власть перейдетъ къ сыну,—такъ лучше теперь же угодить ему, заискать милости передъ нимъ.

Слышитъ и знаетъ государь, что не любитъ царевичъ трудиться, и сильно гнѣвается на него. Но не знаетъ еще Петръ, что вокругъ царевича выростаетъ враждебная ему, государю, партія недовольныхъ людей. Отецъ увѣренъ, что сынъ перемѣнится, и даетъ ему разныя дѣловыя порученія. Государь, наконецъ, поручаетъ царевичу важное дѣло: назначаетъ его правителемъ Москвы. Заботится государь и объ образованіи сына, велитъ ему учиться исторіи и географіи, твердить нѣмецкія и французскія склоненія, усиленно заниматься математикой и фортификаціей.

А царевичъ и правленіемъ занимается лишь для виду, будто чужимъ ему дѣломъ, и въ наукахъ успѣваетъ мало.

Строгъ государь къ правителямъ, смотритъ зорко за всѣми и шлетъ къ сыну грозное письмо, за то, что онъ, оставивъ дѣло, ходитъ за бездѣльемъ. И рѣшаетъ Петръ отправить царевича за границу.—„Зоонъ (сынъ),—пишетъ государь,—объявляемъ вамъ ѣхать въ Дрезденъ и приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно: языкамъ, нѣмецкому и французскому, а также геометріи и фортификаціи и дѣламъ политическимъ. А когда науки окончишь,—отпиши къ намъ. За симъ управи Богъ путь вамъ.“

Царевичу ужъ восемнадцать лѣтъ, и государь велитъ ему по окончаніи ученья найти себѣ по сердцу невѣсту — изъ принцессъ иностранныхъ.

Царевичъ хотѣлъ жениться на русской, но воля отца была непреклонна, и царевичъ женился (1711 г.) на принцессѣ Софьѣ отъ которой потомъ у него родился сынъ Петръ.

И послѣ женитьбы отецъ настойчиво требуетъ отъ сына, чтобы онъ продолжалъ свое образованіе, а вмѣстѣ съ этимъ заставляетъ его заниматься военными дѣлами, продовольствовать войско, участвовать въ походахъ.

Слѣдующій случай всего лучше показываетъ, какъ царевичъ исполнялъ приказы отца.

Когда (1703 г.) царевичъ возвратился изъ-за границы, отецъ встрѣтилъ его ласково и сталъ спрашивать, не забылъ ли онъ того, чему учился?

— Не забылъ,—отвѣтилъ отцу царевичъ.

Петръ желаетъ испытать сына и велитъ ему принести и показать чертежи, какіе тотъ сдѣлалъ за границей.

Страхъ напалъ на царевича: „Что, если отецъ заставитъ при себѣ чертить, а я не умѣю! Что тутъ дѣлать? Остается одно средство, обмануть отца!“

Царевичъ взялъ въ лѣвую руку пистолетъ и выстрѣлилъ по правой ладони, чтобъ пробить ее пулею. Но пуля миновала ладонь и только сильно опалила руку порохомъ.

Точно также лишь для одной видимости исполнялъ царевичъ и всѣ другіе приказы отца: совсѣмъ не любилъ онъ никакихъ серьезныхъ занятій, избѣгалъ встрѣчи съ отцомъ, жилъ праздно, проводилъ время въ пустыхъ разговорахъ и бражничаньи съ близкими людьми, во всемъ ему потакавшими.

Петръ сначала сердился, бранилъ сына, даже билъ его, но потомъ охладѣлъ къ нему и говорить съ нимъ пересталъ.

Ожесточается отецъ противъ сына, ожесточается все больше и больше и сынъ противъ отца, котораго онъ и прежде никогда не любилъ и почиталъ всегда своимъ „тираномъ".

Только тогда и дышитъ царевичъ свободно, когда отца не видитъ, за глазами отъ него живетъ. Когда его звали къ отцу или къ Меншикову обѣдать, или на любимый отцовскій праздникъ—на спускъ корабля, тогда онъ говорилъ: „Лучше бъ я на каторгѣ былъ или въ лихорадкѣ лежалъ, чѣмъ тамъ быть".

Объ этомъ времени своей жизни самъ царевичъ такъ потомъ разсказалъ:

„Отецъ мой велѣлъ мнѣ учиться нѣмецкому и другимъ наукамъ и дѣламъ, которыя пристойны царскому сыну, что мнѣ было зѣло противно, и дѣлалъ я то съ великою лѣностію, только чтобы время въ томъ проходило, и охоты къ этому не имѣлъ. А люди, какіе ко мнѣ приставлены, видя мою склонность, чтобъ проводить время въ праздныхъ бесѣдахъ и подпивать, въ томъ мнѣ не токмо не претили, но и сами то же охотно дѣлали, и они меня отъ отца больше отводили. И по-малу не токмо дѣла воинскія и прочія дѣла моего отца, но и самая его особа зѣло мнѣ омерзѣла, и я всегда желалъ быть отъ него въ отлученіи. А когда было мнѣ приказано въ Москвѣ государственное управленіе, тогда я, получа свою волю, и въ большія непотребныя забавы впалъ. А потомъ отецъ мой послалъ меня въ чужіе краи; но и тамо я обычая своего не перемѣнилъ. И хотя пребываніе въ чужихъ краяхъ учинило мнѣ нѣкоторую пользу, однакоже непотребствъ моихъ искоренить не могло".

Но что же однако думаетъ царевичъ о будущемъ? На что онъ надѣется?

Царевичу будущее улыбается. Отецъ хоть и не старъ, но часто и сильно прихварываетъ и долго не проживетъ, а съ нимъ умрутъ и всѣ его дѣла. Въ подпитіи царевичъ проговаривался: „Умретъ отецъ, и близкіе къ нему люди будутъ сидѣть на кольяхъ“... „Я плюю на всѣхъ,—была бы мнѣ здорова чернь“. Царевичъ хорошо зналъ, что не одна чернь за него, но и многіе знатные люди, духовные и свѣтскіе, которымъ люба покойная жизнь по старымъ завѣтамъ.

Въ ужасъ пришелъ отецъ-государь, когда увидѣлъ, что сынъ не помощникъ, а супротивникъ ему и ненавистникъ всѣхъ его дѣлъ, тяжкимъ трудомъ всей жизни совершенныхъ на благо Россіи. Видятъ и знаютъ это и близкіе къ царю люди, и всѣ другіе твердятъ объ этомъ.

„Умретъ государь, и возвратится Россія къ старинѣ святой,—къ тихой и безмятежной жизни“,—съ радостью говорятъ одни.

„Умретъ великій государь, и всѣ новшества погибнутъ съ нимъ, и возвратится Россія къ прежнему варварству,“—со страхомъ думаютъ другіе.

И не только думаютъ, но и говорятъ ужъ объ этомъ въ глаза царю, и безъ того удрученному лютою скорбію.

Какъ-то у государя былъ веселый пиръ. Вдругъ въ самомъ разгарѣ веселья подвыпившій офицеръ-морякъ горько расплакался.

— Про что ты? — спрашиваетъ его государь.

— Вотъ теперь всѣмъ намъ хорошо при тебѣ, и меня недостойнаго возвеличилъ ты своею милостію; а какъ умрешь ты, такъ при сынѣ все пойдетъ прахомъ, и худо всѣмъ намъ будетъ.

Пріумолкъ шумный пиръ, будто передъ грозою. Всѣ со страхомъ на царя смотрятъ.

— Дуракъ! — сказалъ государь, хлопнувъ офицера по головѣ, — объ этомъ при людяхъ не говорятъ!

Хотя и не говорятъ объ этомъ при царѣ и при людяхъ, однако же всѣ это думаютъ и всѣ въ томъ увѣрены: умретъ государь, умретъ вмѣстѣ съ нимъ и его великое дѣло.

Но государь еще живъ, и онъ можетъ, онъ долженъ принять всевозможныя мѣры для спасенія совершеннаго имъ дѣла. Отецъ не совсѣмъ еще отчаялся въ своемъ сынѣ, онъ все еще надѣется на его исправленіе: нужно ему хорошенько пригрозить,—постращать лишеніемъ наслѣдства. И государь обстоятельно и грозно пишетъ объ этомъ сыну (1715 г.).

Петръ напоминаетъ царевичу, какія великія пріобрѣтенія сдѣлала Россія тяжкими трудами его, государя, и прочихъ истинныхъ и ревностныхъ сыновъ россійскихъ.

„Егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотряя, обозрюся на линію наслѣдства, тогда почти равная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя, наслѣдника моего, весьма непотребнаго въ правленіи дѣлъ государственныхъ. Паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже и слышать хощешь, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли“.

„Я не научаю, чтобъ охочъ былъ воевать безъ законныя причины, но любить сіе дѣло нужно и всею возможностію пещись о немъ.“

Государь объясняетъ сыну, какъ важно военное дѣло для пользы государства, какъ гибли другія державы отъ пренебреженія къ этому дѣлу, какъ необходимо правителю самому все знать и умѣть, а не полагаться на своихъ помощниковъ.

„Если самъ дѣла не знаешь, то какъ повелѣвать другими можешь, и какъ доброму доброе воздавать и нерадиваго наказывать, не зная силы въ ихъ дѣлѣ? Принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть“.

„Слабостію ли здоровья отговариваться, что воинскихъ трудовъ понести не можешь? Но и сіе не резонъ: ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая болѣзнь отлучить не можетъ“. И Петръ ставитъ въ примѣръ другихъ государей, которые сами на войну не ходили, но охоту имѣли и всякое государственное дѣло знали, и тѣмъ великую пользу принесли своему народу.

„Сіе все представя, къ тебѣ обращаюсь. Я человѣкъ и смерти подлежу, кому же оставлю свое насажденіе, приносящее уже нѣкоторые плоды? Тому, кто уподобился лѣни-

вому рабу евангельскому, который закопалъ свой талантъ въ землю, т.-е. бросилъ все, что Богъ ему далъ".

„Еще же вспомяну, какого ты злого и упрямаго нрава исполненъ! Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не только бранилъ, но и бивалъ, къ тому же сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою! Но ничто сіе не въ пользу, но все даромъ, и ты ничего дѣлать не хочешь, только бы дома жить и веселиться, а все другое противно идетъ, что всего лучше и дороже, а отъ сего неминуемо бѣда придетъ не только тебѣ, но и всему государству".

„Все сіе съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сіе послѣднее завѣщаніе тебѣ написать и еще мало подождать, что ты нелицемѣрно обратишься".

„Ежели же нѣтъ, то извѣстенъ будь, что я тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный: ибо за мое отечество и народъ жизни своей не жалѣлъ и не жалѣю, такъ какъ же могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный!"

Но напрасно ждалъ государь-отецъ раскаянія и исправленія отъ своего непотребнаго сына. Покойная жизнь для него всего дороже, а тамъ еще что будетъ. Посовѣтовался онъ съ друзьями своими, и тѣ говорятъ то же самое: „Воленъ Богъ да государство, — лишь бы покой былъ. Давай писемъ хоть тысячу, еще когда-то что будетъ: это не запись съ неустойкою". Итакъ, отъ наслѣдства на словахъ можно пока и отказаться ради своего покоя, а когда умретъ отецъ, тогда наслѣдство и само въ руки придетъ...

И царевичъ написалъ отцу, что отказывается навсегда отъ наслѣдія Россійскаго престола.

Письмо царевича сильно огорчило и прогнѣвало отца: онъ не переставалъ надѣяться, что угроза приведетъ упрямаго къ мирному завершенію дѣла.

Огорченіе и гнѣвъ государя были такъ сильны, что съ нимъ сдѣлался болѣзненный припадокъ, и онъ слегъ въ постель. Болѣзнь была такъ опасна, что министры и сена-

торы ночевали въ царскихъ покояхъ. Петра пріобщили св. таинъ, и онъ сталъ поправляться.

Оправившись отъ болѣзни, государь проникъ въ мысли сына, что можно теперь отказаться, а потомъ назадъ взять свое слово, и рѣшилъ испытать послѣднее средство—лишить царевича всякой на это надежды.

Опять государь-отецъ пишетъ сыну и напоминаетъ ему, что онъ не помогаетъ отцу въ несносныхъ печаляхъ и трудахъ. „Ты ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для народа моего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и, конечно, по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь“.

„Того ради такъ остаться, какъ желаешь быть,—ни рыбою ни мясомъ, невозможно. Отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ. Безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ. А буде того не учинишь, то я съ тобой какъ съ злодѣемъ поступлю“.

Опять царевичъ совѣтуется съ друзьями своими, а тѣ ему: „Вѣдь клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ,—можно его и снять. Когда иной дороги нѣтъ, иди въ монастырь, только скажи отцу духовному, что постригаешься не за вину какую, а по принужденію отца“.

И на другой же день царевичъ коротко отвѣчаетъ отцу: „Желаю монашескаго чина и прошу о томъ милостиваго позволенія“.

Не помогла и послѣдняя угроза: сынъ торжествовалъ надъ отцомъ.

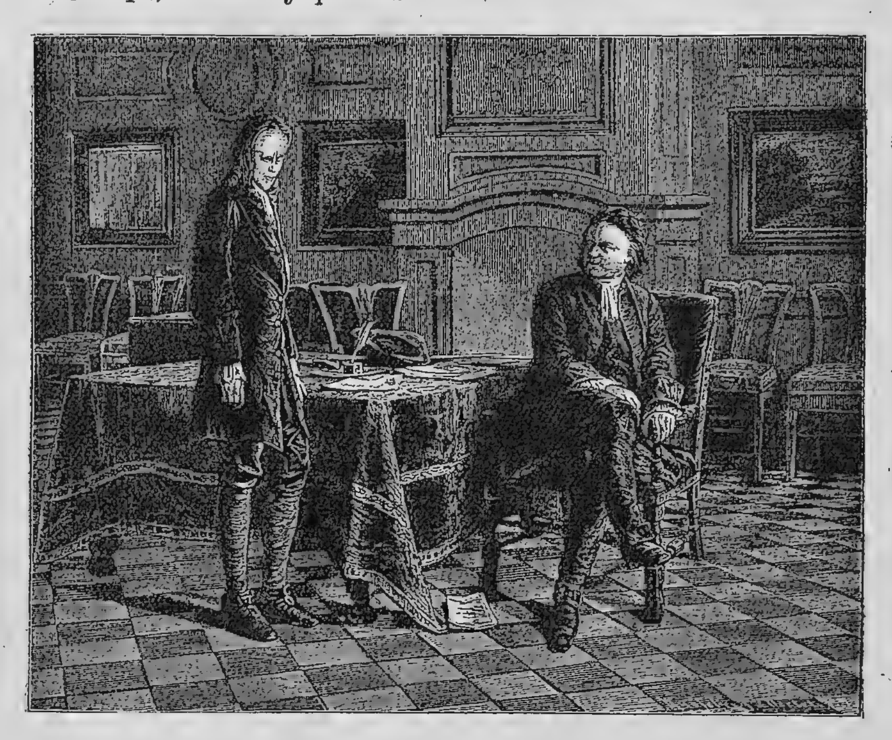
Государь въ это время собирался надолго за границу лѣчиться. Передъ отъѣздомъ пришелъ къ сыну проститься и спрашиваетъ вновь о дѣлѣ. Царевичъ отвѣчалъ, что не можетъ быть наслѣдникомъ по слабости здоровья и желаетъ въ монастырь поступить.

„Одумайся, не спѣши, — говоритъ ему отецъ, — напиши мнѣ потомъ свое рѣшеніе“.

Отецъ уѣхалъ. Дѣло на время отложено. Друзья совѣтуютъ царевичу пользоваться отъѣздомъ государя и бѣжать за границу. Но какъ это сдѣлать?

Царевичъ пишетъ отцу, чтобъ далъ позволенье ѣхать за границу лѣчиться. Отецъ отвѣчаетъ, что если царевичъ перемѣнилъ свое рѣшеніе въ монастырь идти, то можетъ теперь же къ нему пріѣхать для лѣченья.

Быстро собрался царевичъ и уѣхалъ изъ Россіи, но не къ отцу, а въ Вѣну, подъ покровительство германскаго императора, и тамъ укрылся.

Петръ I и царевичъ Алексѣй.

Новый ударъ для отца: сынъ опозорилъ его передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Царевича разыскали. И вновь отецъ старается пристыдить сына за то, что онъ такую обиду и досаду отцу своему и стыдъ отечеству учинилъ, уговариваетъ покориться отцовской волѣ, обѣщаетъ ему и прощеніе, и любовь свою.

Съ тягостными и мучительными мыслями возвращается государь изъ-за границы. Дѣла съ сыномъ откладывать больше

нельзя. На раскаяніе и покорность отцовской волѣ надежды мало. Придется угрозу исполнить.

Но не можетъ того быть, чтобы царевичъ все такъ дѣлалъ, ни на кого не надѣясь; не можетъ того быть, чтобъ у него не было совѣтниковъ и приспѣшниковъ. Необходимо разслѣдовать все это дѣло.

Возвратился и царевичъ. Начался грозный розыскъ. Вскрывается обширное дѣло. Мысли царевича раздѣляютъ и ему помогаютъ многіе люди—духовные и свѣтскіе. Вскрывается вновь старина, забытая было Петромъ, какъ это было при царевнѣ Софьѣ съ ея приспѣшниками-стрѣльцами. Царевичъ самъ признается, что готовъ былъ прибѣгнуть къ помощи черни и иностранныхъ государей, чтобы взять власть въ свои руки, не дожидаясь отцовской смерти...

Опалы, пытки, казни омрачаютъ и послѣдніе дни Петра, какъ было это и въ годы юности...

Но государь не хочетъ самъ произнести приговора надъ сыномъ и отдаетъ все дѣло на судъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ.

Духовные напоминаютъ царю о милости. Свѣтскіе осудили царевича за измѣну государю и отечеству. Приговоръ ихъ былъ безпощаденъ...

Судьба пощадила Петра и избавила его отъ казни родного сына: царевичъ умеръ въ заключеніи.

Никто не знаетъ о послѣднихъ минутахъ жизни царевича, но жестокія страданія отца-государя не остались въ тайнѣ.

„Страдаю, — говорилъ Петръ, — а все за отечество, желая ему пользы. Враги дѣлаютъ мнѣ пакости демонскія... Труденъ разборъ невинности моея тому, кому это дѣло неизвѣстно. Одинъ Богъ видитъ правду“.

Видитъ эту правду теперь и благодарный отцу отечества народъ. Тяжкое дѣло долженъ былъ взвѣсить и рѣшить государь въ послѣдніе годы своей жизни: на одну чашку вѣсовъ положена была судьба родного сына, а на другую— судьба всѣхъ преобразованій, судьба будущаго обновленной Россіи. И польза отечества перевѣсила въ разумѣ и въ чувствахъ государя судьбу царевича-сына.

Въ 1721 году Петръ издалъ указъ, въ которомъ было сказано, что государь россійскій имѣетъ право назначить своимъ наслѣдникомъ, кого ему угодно. Но самому Петру не пришлось этимъ правомъ воспользоваться по случаю тяжкой предсмертной болѣзни.

13. Смерть.

Петръ доживалъ пятьдесятъ третій годъ своей жизни. Небольшіе это еще годы, но государь уже давно называлъ себя старикомъ. И немудрено, что такъ рано онъ состарѣлся Кровавыя событія дѣтства, юности и послѣднихъ лѣтъ жизни неукротимыя вспышки гнѣва, тяжкія горести и душевныя потрясенія, необычайный трудъ безъ отдыха во всю жизнь,— все это пошатнуло могучую натуру императора. И самъ онъ себя никогда и ни въ чемъ не берегъ и не жалѣлъ, не берегли его и другіе. Бурнымъ, неугасимымъ пламенемъ всю свою жизнь пылалъ великій государь и сгорѣлъ преждевременно. Дни его уже были сочтены.

Лѣтомъ 1727 года императоръ сильно занемогъ, но въ половинѣ сентября началъ было поправляться,—гулялъ въ саду, плавалъ по Невѣ.

Въ концѣ сентября у него сдѣлался сильный припадокъ который смертельно мучилъ его. Страдалъ онъ и отъ болѣзни своей, мучился и отъ мысли, что немощи тѣла одолѣваютъ его могучую душу, препятствуютъ трудамъ. И раздражался, и гнѣвался государь на врачей, что не могутъ они справиться съ его болѣзнью. Какъ только стало ему немного получше, онъ тотчасъ принялся за дѣло и въ послѣднихъ числахъ сентября присутствовалъ при спускѣ корабля.

Врачи уговаривали государя поберечь себя хоть немного, но бездѣйствіе для Петра было мучительнѣе самой болѣзни, и онъ въ началѣ октября покидаетъ Петербургъ. Поѣхалъ осматривать Ладожскій каналъ, а оттуда отправился на олонецкіе желѣзные заводы. Здѣсь государь берется, какъ и въ молодые годы, за молотъ и выковываетъ полосу желѣза въ

три пуда вѣсомъ. Отсюда ѣдетъ еще въ Старую Руссу осматривать солеварни.

Петръ I на Лахтѣ.

Въ первыхъ числахъ ноября ѣдетъ Петръ по Невѣ. Погода ненастная, бурная; холодъ на водѣ пронизываетъ до костей. У мѣстечка Лахты видитъ Петръ, что ботъ съ солдатами сѣлъ на мель. Солдатамъ грозитъ опасность. Посы-

лаетъ государь своихъ на помощь, но и они съ бѣдой справиться не могутъ. Не утерпѣлъ государь, самъ кинулся въ ледяную воду; стащили ботъ съ мели, спасли погибавшихъ.

Сильно простудился государь. Вернулась къ нему и тяжкая болѣзнь, возобновились припадки. Не можетъ госу-

Екатерина I.

дарь заниматься дѣлами, хоть и выходитъ черезъ силу изъ дому, чтобы только показаться.

Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ усиливается болѣзнь. Государь уже не встаетъ съ постели. Жестокія страданія невыносимы. Дворецъ оглашается страшными криками, стонами Петра. Врачи безсильны. Одна надежда— на Божію помощь. Приказываетъ государь поставить походную церковь рядомъ со своею спальней, исповѣдался и

причастился; совершено и соборованіе (конецъ января 1725 г.). Силы съ каждымъ часомъ покидаютъ умирающаго.

Объявлены народу разныя милости, прощеніе многимъ преступникамъ и провинившимся.

Государыня Екатерина Алексѣевна не отходитъ отъ постели. Сенаторы и министры во дворцѣ днюютъ и ночуютъ. У всѣхъ на сердцѣ одно жгучее горе, у всѣхъ въ умѣ одна неотвязная, страшная мысль, — кого оставитъ государь наслѣдникомъ по себѣ? 27 января государь потребовалъ бумаги и началъ было писать, но перо выпало изъ рукъ. Только и можно было разобрать два слова: *отдайте все*...

Государь зоветъ къ себѣ дочь Анну Петровну, чтобъ писала подъ его диктовку. Царевна подошла, но умирающій не могъ ужъ промолвить ни единаго слова...

28 января 1725 г. Петра Великаго не стало.

Сенатъ объявилъ самодержавною императрицею государыню Екатерину Алексѣевну, такъ какъ она коронована была самимъ государемъ за девять мѣсяцевъ до его смерти. Войско, народъ, всѣ сословія и чины немедленно присягнули императрицѣ.

14. Безсмертіе.

Умеръ геніальный государь, но не умеръ его геній, и остались навѣки живы его великія дѣла, и безсмертно будетъ имя его въ памяти русскаго народа и на страницахъ исторіи всего міра. Теперь это признали уже всѣ народы, знали это и современники Петра, участники и свидѣтели его великихъ дѣлъ.

На погребеніи Петра Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ свою знаменитую рѣчь. Она начиналась такими словами:

„Что се есть? До чего мы дожили, россіяне! Что видимъ? что дѣлаемъ? — Петра Великаго погребаемъ!“

Рыданія и вопли огласили храмъ послѣ этихъ первыхъ словъ проповѣдника, и онъ долго не могъ промолвить дальше ни единаго слова. Рыдалъ онъ самъ, рыдала и вся многолюдствомъ переполненная церковь. Коротка была про-

повѣдь, но продолжалась она около часа, потому что прерывалась громкимъ плачемъ чуть не на каждомъ словѣ.

Описавъ великія дѣянія Петра, проповѣдникъ сказалъ въ утѣшеніе слушателямъ правдивыя и мудрыя слова:

„Но не будемъ, россіяне, чрезмѣрно изнемогать отъ печали и жалости, потому что не совсѣмъ оставилъ насъ сей Великій монархъ и отецъ нашъ.

„Оставилъ онъ насъ, но не нищими и убогими: при насъ осталось безмѣрное богатство силы и славы его, которое великими дѣлами его означилось.

„Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова она и впредь будетъ. Сдѣлалъ добрымъ любимою, — любима и будетъ. Сдѣлалъ врагамъ страшною, — страшна и будетъ. Сдѣлалъ на весь міръ славною, — славною и быть не перестанетъ. Оставилъ онъ намъ духовныя, гражданскія и воинскія исправленія.

„Итакъ, оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего,—духъ свой оставилъ намъ“.

Одинъ иностранный министръ, находившійся въ эти печальные дни въ Петербургѣ, писалъ своему государю:

„Скорбь о смерти царя всеобщая. О немъ, мертвомъ, такъ же жалѣютъ, какъ боялись и уважали его живого. Мудрости его правленія и постояннымъ заботамъ о просвѣщеніи народа обязана Россія полною своею безопасностію, которою теперь пользуются здѣсь“.

Близкій къ Петру Неплюевъ пишетъ:

„Въ февралѣ мѣсяцѣ (1725 г.) получилъ я плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, императоръ Петръ I, отошелъ отъ сего свѣта. Ту бумагу я омочилъ слезами, и, ей-ей, не лгу, — былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ.

„Сей монархъ отечество наше сравнялъ съ прочими государствами, научилъ насъ узнавать, что и мы люди. Однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, — все получило начало отъ великаго государя, и что бы впредь ни дѣлалось,— изъ этого же источника черпать будутъ.

„Да вчинитъ Господь съ праведными душу его, много трудившуюся о пользѣ общей“.

Другой приближенный къ Петру человѣкъ (Нартовъ) говоритъ:

„Если бы когда-нибудь случилось философу разобрать архивъ тайныхъ дѣлъ Петра,—то вострепеталъ бы отъ ужаса, узнавъ, что содѣловалось противъ сего монарха.

„Мы, бывшіе сего великаго государя слуги, вздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша иногда упреки ему за жестокосердіе, котораго въ немъ не было. Когда бы многіе знали, что претерпѣвалъ государь, и какими онъ былъ уязвляемъ горестями, то ужаснулись бы, какъ много снисходилъ онъ слабостямъ человѣческимъ и прощалъ преступленія, не заслуживающія милосердія.

„Хотя нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы, имѣвшіе счастіе находиться при семъ монархѣ, умремъ вѣрными ему, и горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ съсобою.

„Мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ потому, что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него“.

Межъ иностранцами ходила и ходитъ молва, что Великій государь оставилъ въ руководство своимъ преемникамъ собственноручно написанное имъ завѣщаніе по дѣламъ международнымъ. Такого рукописнаго завѣщанія на самомъ дѣлѣ не было.

Но трудами всей своей жизни онъ научилъ правителей неустанно пещись о пользѣ родного народа—о благополучіи внѣшнемъ, о благоустройствѣ внутренней жизни, о заботливомъ управленіи, о правомъ судѣ, о добромъ всеобщемъ просвѣщеніи, объ увеличеніи богатствъ въ народѣ.

Трудолюбецъ вѣнценосный завѣщалъ и всѣмъ намъ неустанно, до конца дней, трудиться на пользу всеобщую и неуклонно идти по указанному имъ пути впередъ и впередъ, чтобы намъ, русскимъ, не только сравняться съ другими просвѣщенными народами, но и превзойти ихъ въ мирномъ благосостояніи — духовномъ и матеріальномъ.

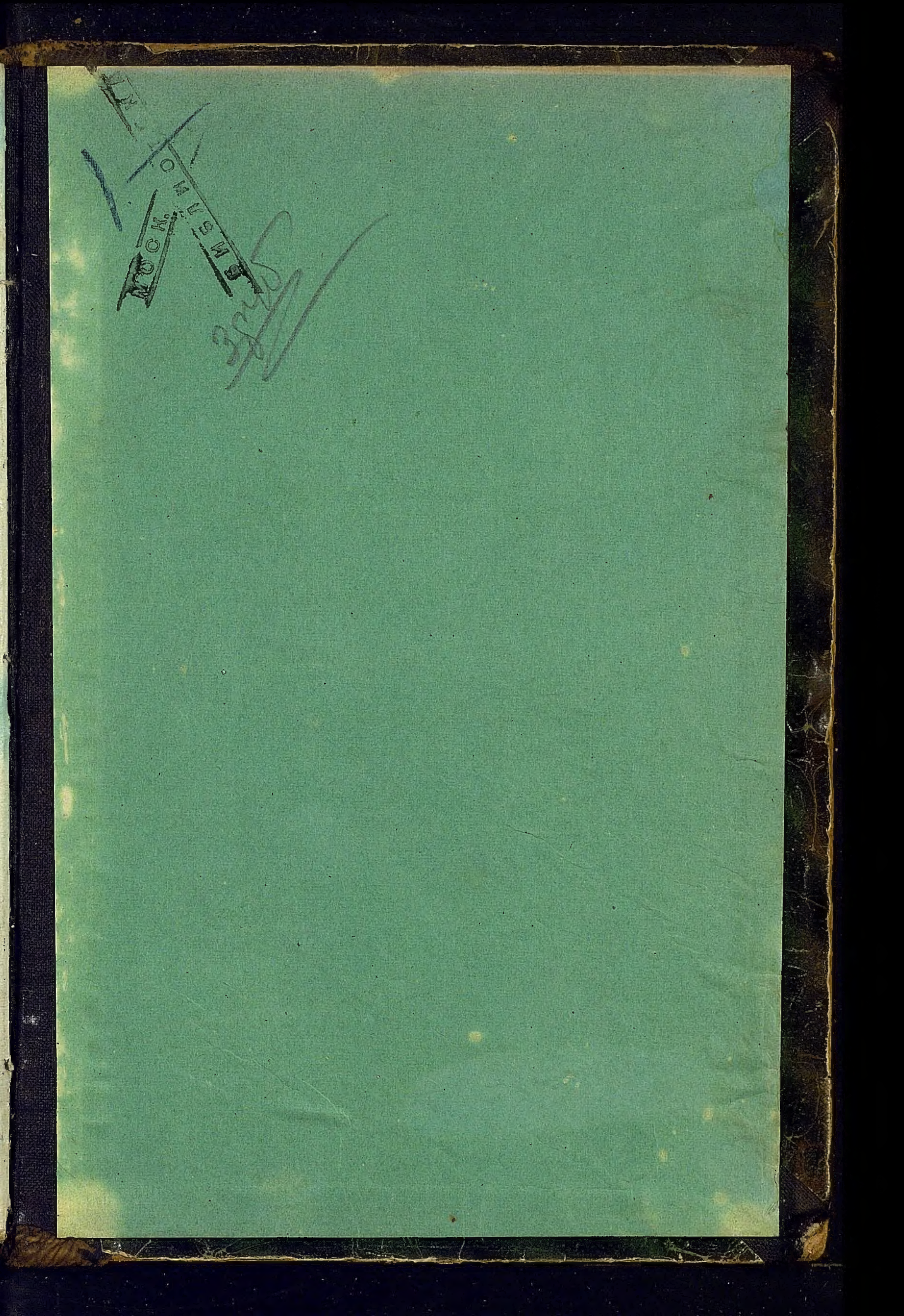
Закончимъ нашъ очеркъ прекраснымъ стихотвореніемъ Пушкина, который, припоминая всѣ великія дѣла Петра, твердо вѣрилъ, какъ и всѣ, мы вѣримъ въ свѣтлое будущее Россіи:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни.
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни;
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

МОСК.

